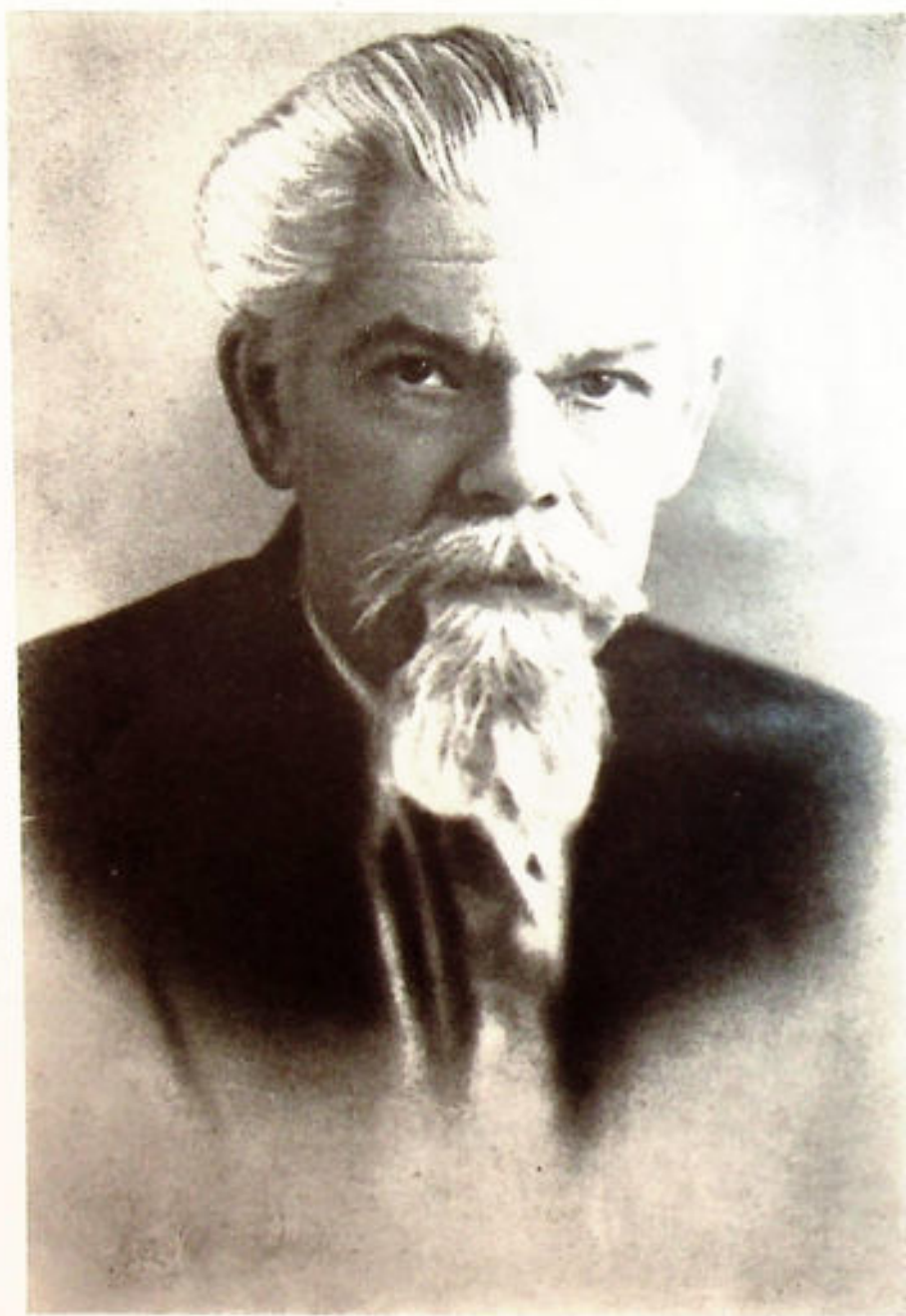

С. И. Ожегов

ЛЕКСИКОЛОГИЯ
•
ЛЕКСИКОГРАФИЯ
•
КУЛЬТУРА РЕЧИ

С.И. Ожегов

ЛЕКСИКОЛОГИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ КУЛЬТУРА РЕЧИ

Д о п у щ е н о
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов филологических факультетов
педагогических институтов

QDU QIROATXONASI

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1974

- Ожегов С. И.
045 Лексикология. Лексикография. Культура речи.
Учеб. пособие для вузов. М., «Высшая школа», 1974.

352 с. с порт.

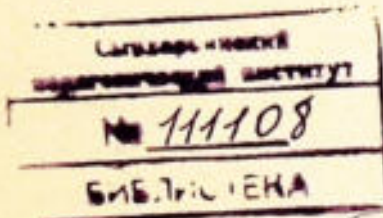
В учебном пособии представлены важнейшие работы крупного ученого С. И. Ожегова, опубликованные в свое время в различных периодических изданиях и малодоступные в настоящее время для студентов в их работе при изучении программного материала курса современного языка и стилистики.

Пособие состоит из статей, посвященных активным процессам и новым явлениям современного языка, содержащих материалы по культуре речи, по лексикологии и фразеологии, по развитию словарного состава русского языка в советское время. Снабжено вступительной статьей Л. И. Скворцова.

0 0712—530 164—74
001(01)—74

4

Вступительная статья и комментарии
кандидата филологических наук Л. И. Скворцова

30.08.76

Сергей Иванович Ожегов

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ. КУЛЬТУРА РЕЧИ.

Редактор Т. А. Кондратьева. Художественный редактор Э. А. Марков
Технический редактор Н. А. Витюкова. Корректор Т. А. Гринькова

А-05005. Сдано в набор 24/VII-73 г. Подп. к печати 3/I-74 г. Формат 84×108^{1/2}.
Бумага типографская № 2. Объем 11 печ. л. Усл. п. л. 18,48. Уч.-изд. л. 20,05

Изд. № РЛ-143. Тираж 90 000 экз. Цена 93 коп.

План выпуска литературы издательства «Высшая школа» (вузы и техникумы)
на 1974 г. Позиция № 164

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26. Заказ № 943

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящее издание вошли важнейшие работы выдающегося лексикографа, автора однотомного «Словаря русского языка» профессора С. И. Ожегова, посвященные вопросам лексикологии, лексикографии и культуры русской речи.

Многие из этих работ, опубликованных в разные годы в специальных и подчас малодоступных для современного читателя изданиях, стали настоящей библиографической редкостью.

Большинство статей написано на основе спецкурсов по истории русского литературного языка и русской лексикологии и лексикографии, которые автор читал в течение многих лет в ряде высших учебных заведений.

Сохраняя свою научную ценность и актуальность в наши дни, статьи, подобранные по тематическим разделам, могут служить учебным пособием для студентов и аспирантов, а также быть использованы преподавателями вузов по курсам лексикологии и лексикографии, культуре устной и письменной речи, по проблемам развития русского литературного языка и его норм в Советскую эпоху. В качестве приложения дается статья «Об одной форме должествования в русском языке», в которой освещены вопросы морфологии и которая поэтому в выделенные разделы пособия помещена быть не может. Статья дает важные сведения по истории русского языка.

В процессе подготовки рукописи к печати тексты отдельных публикуемых статей и заметок подверглись незначительным сокращениям, специально оговоренным в комментариях, и минимальной стилистической правке.

Многие ссылки автора на источники (особенно — на произведения русской художественной литературы) для удобства пользования сделаны по более поздним изданиям.

Постатейные комментарии к тексту книги преследуют двоякую цель: во-первых, дать необходимые пояснения к статьям в тех случаях, когда содержащиеся в них сведения могут быть не вполне понятны читателю, и, во-вторых, привести библиографические данные о появившейся в последние годы важнейшей новой научной литературе по затрагиваемой в пособии проблематике.

Комментарии в тексте отмечаются цифрой. Подстрочные ссылки, принадлежащие автору — знаком *.

Приложенный к книге именной указатель отражает широкий круг научных лингвистических источников, на которые опирался в своей работе автор.

Подготовка книги к изданию, вступительная статья и комментарии — кандидата филологических наук Л. И. Скворцова.

С. И. ОЖЕГОВ
(1900—1964)

Имя профессора С. И. Ожегова широко известно далеко за пределами специальной филологии. Созданный им однотомный «Словарь русского языка» — самый популярный из имеющихся толковых словарей современного русского языка, а работы С. И. Ожегова по лексикологии и культуре русской речи известны как в нашей стране, так и за границей многим и многим читателям.

Научное наследие С. И. Ожегова базируется на фундаменте теоретических и конкретно-исторических исследований, на глубоком знании родной русской речи и на богатой природной лингвистической интуиции.

Внедрение научных лингвистических знаний в массы С. И. Ожегов считал одной из насущных задач языковедов. «Две взаимно связанные задачи стоят перед языковедами, — писал он в статье «Вопросы культуры речи» (1953), — создание пособий, доступных широким слоям трудящихся, и одновременная теоретическая разработка языковедческих проблем, непосредственно относящихся к вопросам языковой нормализации и, тем самым, к вопросам повышения культуры речи».

Для осуществления этих задач многое сделано самим ученым. Неустанно и терпеливо, письменно и устно разъяснял С. И. Ожегов вред как пуристического стремления законсервировать язык в некоторых застывших формах, так и «денормализации» языка, ложно понятой народности и литературности.

Сергей Иванович Ожегов родился 10(22) сентября 1900 г. в фабричном поселке Каменном быв. Тверской губернии в семье инженера-технолога. В 1918 г. он окончил гимназию и поступил в Петроградский университет. В дни гражданской войны, когда на красный Питер шел генерал Юденич, С. И. Ожегов вступает в ряды Красной Армии и участвует в боях на Северо-Западном, Северном и Южном фронтах. На военной службе С. И. Оже-

гов находился до 1922 г., занимая различные командные должности в стрелковых частях (вплоть до командира полка), а в 1922 г. его переводят на штабную работу. В том же 1922 г. он возвращается в Петроградский университет. В 1926 г. заканчивает факультет языкознания и материальной культуры.

Начиная с 1926 г., когда по представлению Б. М. Ляпунова, В. В. Виноградова и Л. В. Щербы он становится аспирантом Института истории литературы и языков Запада и Востока при Ленинградском университете, С. И. Ожегов отдает все силы любимой науке.

Большое значение имели для С. И. Ожегова лингвистические идеи его учителя и научного руководителя акад. В. В. Виноградова. Влияние этих идей и самой личности В. В. Виноградова он, по его собственным словам, испытывал в течение всей жизни.

С. И. Ожегов многие годы преподавал в высших учебных заведениях страны: в университетах (Московском и Ленинградском), педагогических институтах, в военной академии, на общеобразовательных и искусствоведческих курсах... С 1939 г. С. И. Ожегов — научный сотрудник Института языка и письменности АН СССР (позже — Института языкознания и Института русского языка АН СССР). С октября 1952 г. и до конца своей жизни он заведует в Институте русского языка АН СССР организованным по его инициативе и при его непосредственном участии сектором современного литературного языка и культуры речи (теперь — сектор культуры русской речи). В это же время С. И. Ожегов продолжает читать лекции по истории русского литературного языка для студентов университета и пединститута (и составляет программу по этому курсу), читает спецкурсы, руководит работой аспирантов и дипломников, выступает с лекциями и докладами на семинарах преподавателей русского языка зарубежных стран.

С. И. Ожегов никогда не был кабинетным ученым; всем, кто его знал, он известен как энтузиаст-общественник, талантливый организатор. С. И. Ожегов принимал живое участие в организации работы многочисленных научных конференций, комиссий и советов, редакционных коллегий, секций и бюро; он был инициатором и главным редактором серийного издания «Вопросы культуры речи» (с 1955 по 1964 г. вышло 5 выпусков, а всего их было выпущено 8). Его имя часто встречалось на

страницах массовой печати — в газетах и журналах. Он постоянно консультировал работников культуры, журналистов и писателей. В возникающих спорах и дискуссиях о языке или по частным вопросам словоупотребления, произношения или написания мнение С. И. Ожегова всегда было одним из самых авторитетных.

— С. И. Ожегов был сторонником планомерной, настойчивой и длительной работы в области культуры русской речи. Эти взгляды он неустанно прививал своим ученикам и сотрудникам.

* * *

К числу важнейших проблем, занимавших С. И. Ожегова, принадлежат вопросы исторических границ современного литературного языка, внутренней природы книжно-литературной и разговорной речи и принципов выделения стилистических систем.

С. И. Ожегов считал, что в истории русского литературного языка со времени Пушкина до наших дней намечается несколько этапов и что в настоящее время мы являемся свидетелями нового этапа, сопровождаемого глубоким процессом становления новых норм на основе сочетания всех прогрессивных тенденций развития литературного языка с истоками народной речи.

Характеризуя влияние современного московского произношения на произносительные нормы литературной речи, С. И. Ожегов отмечал, что это влияние обусловлено в первую очередь центральной культурно-политической ролью столицы в жизни страны, ролью, которая прежде принадлежала Петербургу и менее ощущалась ввиду неразвитости средств массовой коммуникации в России первых десятилетий XX века по сравнению с нашими днями.

Изучая и оценивая структуру национального русского языка нового времени, С. И. Ожегов говорил о формировании обиходно-разговорной речи — важной разновидности непринужденного устного общения.

«Нет противоречия, — писал он в статье «О развитии русского языка в советскую эпоху» («Учительская газета», 7 февраля 1951 г.), — между обиходной устной речью широких масс города и литературными нормами общенародного языка».

В обиходной устной речи, по мысли С. И. Ожегова, заложена способность почти безграничного внутреннего

роста в зависимости от живых потребностей речевого общения. Однако далеко не все, что возникает в обиходной устной речи, соответствует литературным нормам языка.

К развитию этих принципиальных положений С. И. Ожегов неоднократно обращался в своих работах.

В статье «Работы по культуре речи» (1949) он решительно выступил против предложенного Е. С. Истриной в ее брошюре «Нормы русского литературного языка и культуры речи» (1948) противопоставления книжно-литературного языка разговорному языку. Это — не различие языков, а многообразие типов речи и стилей в пределах единого литературного языка, многообразие, принявшее новые формы в условиях нового общества.

«Современный национальный язык, — говорил С. И. Ожегов, — имеет две формы общения: литературно-нормированную и обиходную, литературно-ненормированную, но также входящую в состав национального общения. Лексика обиходной речи не может быть исключена нами из сферы национального общения, так как она является постоянным источником пополнения речи нормализованной.

В дореволюционное время у нас такой единой формы обиходного общения не было, потому что литературный язык резко противопоставлялся народным диалектам и разрозненным, узким сферам речи: мещанская речь имела свои особенности, это же относится к речи представителей отдельных профессий, жаргонной речи и т. п. В наше время в городах, при отсутствии социальных перегородок, которые существовали в прежнее время, образуются новые формы обиходной речи.

Лексика обиходной речи складывается из самых разнообразных источников. Это и диалектная лексика, прошедшая через фильтр городского употребления, это и лексика старого городского населения, прошедшая через фильтр современных потребностей общения, это, наконец, вновь образуемые в среде широкого городского населения новые слова.

При этом обиходная лексика широко используется в художественной литературе в качестве стилистической характеристики, для типизации речи героя, для того, чтобы изобразить персонажа, который происходит из такой-то местности; т. е. лексика обиходной речи

используется для стилистической окраски художественной речи, а в самой обиходной речи эта лексика употребляется без всякой стилистической окраски и лишь иногда в качестве экспрессивного средства...» (Из стенограммы лекции «Новое в лексике русского языка за советский период», прочитанной на международном семинаре преподавателей русского языка зарубежных стран летом 1958 г.).

Образцы глубоких социолингвистических исследований дал С. И. Ожегов в ряде статей 50-х гг.: «Основные черты развития русского языка в советскую эпоху» (1951), «Из истории слов социалистического общества» (1952), «Развитие русского языка в советскую эпоху» (1952), «Русский язык и советская культура» (1957) и др. Своего рода итогом этой работы явилось выдвижение С. И. Ожеговым научной проблемы «Русский язык и советское общество», разработка которой началась в Институте русского языка АН СССР под его руководством, а закончена была большим коллективом ученых уже спустя несколько лет после его смерти.

В проспекте «Русский язык и советское общество» (Алма-Ата, 1962) С. И. Ожегову принадлежит раздел «Лексика», содержащий целый ряд новаторских мыслей в области изучения лексического строя современного русского языка и процессов, происходящих в нем.

Здесь С. И. Ожегов предложил уточненную периодизацию развития русского языка в советскую эпоху, еще раз обосновал и развил понятие «обиходно-разговорная речь», как одной из влиятельных форм современного национального языка, проанализировал и описал ее состав и структуру.

* * *

В широком кругу лингвистических интересов С. И. Ожегова лексикография занимает едва ли не центральное место. Академик Л. В. Щерба в «Опыте общей теории лексикографии» особо подчеркнул качества исследователя-лексикографа: «<...> Но вообще словарная работа, как основанная исключительно на семантике, требует особо тонкого восприятия языка, требует <...> совершенно особого дарования, которое по какой-то линии <...> родственно писательскому дарованию <...>».

Таким «особо тонким восприятием языка» в полной мере обладал Ожегов-лексикограф.

С. И. Ожегов был прирожденным лексикографом, имевшим особый вкус к этой трудоемкой и кропотливой работе. Он тонко чувствовал структуру слова, знал множество бытовых, исторических, областных и сугубо специальных реалий, стоящих за словами русского языка.

С 1927 по 1940 г. С. И. Ожегов участвовал в составлении «Толкового словаря русского языка» — первого словаря советской эпохи, вышедшего под редакцией проф. Д. Н. Ушакова. Вместе с В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром, Б. А. Лариным, Б. В. Томашевским и Д. Н. Ушаковым Сергей Иванович Ожегов стоял у истоков русской советской лексикографии. Он был одним из основных составителей этого труда и всегда с гордостью вспоминал о своем участии в работе над ним.

В подготовке этого словаря сформировались взгляды С. И. Ожегова на проблемы лексикографии и культуры русской речи.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией члена-корреспондента АН СССР проф. Д. Н. Ушакова явился первым воплощением ленинской идеи о создании словаря «настоящего русского языка» для пользования (и учения) всех, словаря «слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького» *.

В словаре Ушакова (как его обычно кратко называют) нашли свое дальнейшее развитие традиции дореволюционной русской академической лексикографии по созданию нормативных толковых словарей. Действительно, «Толковый словарь русского языка» преследовал строго нормативные задачи: «(...) служить некоторым пособием 1) к правильному употреблению слов, 2) к правильному образованию форм слов и 3) к правильному произношению. Первой задаче служат стилистические пометы (...). Второй задаче служат указания форм в самих словарных статьях (...) и грамматические объяснения. Третьей — перечень главнейших правил произношения... и расстановка в словах ударений» (из вступительной статьи «Как пользоваться словарем»).

Осуществить эти задачи по отношению к русскому литературному языку 30-х гг. XX в. было особенно

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 51, с. 122.

трудно. В словарном составе литературного языка в послереволюционную эпоху произошли значительные количественные (пополнение словника) и качественные (смысловые) изменения. Нормы устной и письменной речи испытывали колебания, и это требовало от авторов словаря большого такта и тонкого языкового чутья. Со всеми этими трудностями составители словаря справились блестяще.

Выход в свет четырехтомного «Толкового словаря русского языка» явился событием большого научного, общественного и культурного значения. Это был первый лексикографический опыт, отразивший в достаточно полной мере лексику и фразеологию русского языка советской эпохи. Словарь под редакцией проф. Д. Н. Ушакова оказал большое влияние на всю русскую лексикографию последующих десятилетий, на становление молодой лексикографии в национальных республиках.

Вместе с тем к 1947—1948 гг., хотя этот словарь и был переиздан фотоофсетным способом, без изменений, стало ясно, что в качестве нормативного пособия он кое в чем устарел (это относится и к стилистическим квалификациям, и к толкованиям, к орфоэпическим и орфографическим рекомендациям и др.). Кроме того, в нем не было новых слов, выражений и значений, появившихся в русском языке в 40-х — 50-х гг.

Объективные изменения в языке и его нормах требовали создания новых словарей, в том числе кратких, однотомных.

Работа над словарем-однотомником началась еще в 1939—1940 гг. Тогда был утвержден план издания, подготовленный Сергеем Ивановичем Ожеговым и образована редакция во главе с Д. Н. Ушаковым. В 1942 г., после смерти Д. Н. Ушакова, редакцию возглавил академик С. П. Обнорский. Основную авторскую работу в словаре провел Сергей Иванович Ожегов; в составлении 1-го издания принимал участие проф. Г. О. Винокур. Словарь, составленный С. И. Ожеговым, явился первым опытом советской лексикографии по созданию однотомного словаря; он оказал большое влияние на словари разных типов у нас в стране и за рубежом.

Однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова выдержал в СССР семь прижизненных многомиллионных по тиражам изданий. Посмертно вышли 8-е стереотипное и 9-е, переработанное и дополненное изда-

ние (1972). Словарь был издан и в ряде зарубежных стран.

«Словарь русского языка» первоначально был задуман составителем как краткая переработка Ушаковского словаря. Однако уже первое издание (вышло в 1949 г. под редакцией акад. С. П. Обнорского) не было простым сокращением словаря Ушакова. Наблюдения С. И. Ожегова над развитием современного русского языка позволили ему уточнить определения значений слов, их стилистические характеристики, решить сложные вопросы отбора лексики для краткого словаря.

Взгляд на русский язык советской эпохи как на новый этап в развитии литературного языка (по сравнению с языком XIX — начала XX в.) помог С. И. Ожегову в последующих изданиях сделать более строгой нормативную сторону словаря, усовершенствовать его как универсальное пособие по повышению культуры речи.

Ведь, по меткому слову акад. Л. В. Щербы, «хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю» («Опыт общей теории лексикографии»).

От издания к изданию С. И. Ожегов перерабатывал словарь, стремясь как можно лучше отразить в его рамках современное литературное словоупотребление. Уточнялась подача материала, — толкования слов, система стилистических помет; улучшалась структура словарных статей, обновлялся и пополнялся словник. 1-е и 7-е (последнее прижизненное) издания словаря — это, в сущности, совершенно разные книги. За этой переменной стоят не только новые достижения лексикографической науки и теории языкознания, но и неустанный, поистине титанический труд автора-составителя.

Словарь С. И. Ожегова — наиболее популярный из всех имеющихся у нас толковых словарей. И объясняется это, конечно, не одним только удобством пользования или общедоступностью. Особенность этой книги состоит в том, что в определенных отношениях другие словари не могут заменить ее полностью. Ожеговский словарь — наиболее достоверный и наиболее современный из всех существующих. Он фиксирует новейшую лексику, типичное живое словоупотребление, типичную сочетаемость слов, богатство живой и образной фразеологии. Словарь содержит в себе грамматические пометы, стилистические

и иные характеристики, многих из которых нет в других словарях. Во всем этом — залог того, что книга С. И. Ожегова долго еще будет служить нашей науке и культуре.

Интересным, но так и не увидевшим свет начинанием, в котором С. И. Ожегов принял деятельное участие, был подготовленный в 1948 г. «Словарь к пьесам А. Н. Островского», задуманный и выполненный как справочник для актеров, режиссеров, переводчиков. Словарь этот — не полный, а дифференцированный: он охватывает только ту лексику, которая необходима для понимания языка пьес и его стилистического своеобразия. Составной частью входит в него театроведческий и историко-бытовой комментарий к соответствующим терминам, собственным именам и названиям.

Историко-бытовая часть в словаре была выполнена писателем Н. С. Ашукиным, историко-театроведческая — известным деятелем театра В. А. Филипповым (под его же общей редакцией предполагалось издать книгу в ВТО); филологическая часть словаря и собственно лексикографическая обработка принадлежала С. И. Ожегову.

Общее представление о составе словаря, о его историко-филологической, культурной и сценической ценности дают выдержки из авторского «Предисловия»:

«В него вошел прежде всего тот материал, который, как показывает опыт, нуждается в том или ином реальном — историко-бытовом и историческо-театральном — комментировании (...)

Кроме того в словарь включен материал, нуждающийся в том или ином филологическом комментарии. Сюда относятся прежде всего старинные областные или вышедшие из употребления в современном литературном языке слова и выражения, малопонятные или непонятные современному читателю. Значительный слой лексики и фразеологии, помещенный в словаре, принадлежит так называемому просторечию, т. е. обиходной речи большей части тогдашнего городского населения — полукультурному купечеству, мещанству, мелкому чиновничеству и соприкасающимся с ними социальным слоям (...)

В словаре даны не только собственно непонятные слова и выражения, но и такие, которые характерны для стиля драматургии Островского (...), а также такие, которые

отличны от современного литературного языка по употреблению, ударению, произношению и т. п. и потому особенно нуждаются в комментариях во избежание искажения художественных замыслов Островского».

В словарной работе в полной мере проявилась социальная направленность научной деятельности С. И. Ожегова. «Русская лексикография, — писал он в статье «О трех типах толковых словарей...» (1952), — является важнейшим источником распространения и укрепления норм русской литературной речи и повышения культуры вообще».

Теоретические принципы советской лексикографии нашли отражение в таких статьях С. И. Ожегова, как «Советские словари» (1946), «О трех типах толковых словарей современного русского языка» (1952), «Вопросы лексикологии и лексикографии» (1953), «Сокровищница русского слова» (1952), «О структуре фразеологии» (1957), «О крылатых словах» (1957) и др. В этих статьях С. И. Ожегов дает характеристику толковым словарям разных типов и назначений, выходящим в дореволюционное и советское время, и составляет прогноз русской лексикографической традиции на ближайшие годы, подчеркивая ее преемственность с лексикографией предшествующих эпох.

«Создание нормативного словаря, — писал он в статье «О трех типах толковых словарей современного русского языка», — дело лингвистически ответственное; принципы его построения несовместимы с принципами генетических изучений. Недаром А. А. Шахматов-историк нормализацию языка не считал делом науки. Но ведь лингвисту не только ведомы пути развития языка, он сам — носитель языка коллектива. Поэтому он не только регистрирует и объясняет факты языка, но, как проникательный участник языкового творчества коллектива, сам становится законодателем норм. Поэтому так важно лингвисту, создателю нормативного словаря, проникнуть в языковой дух эпохи».

Внедрение лингвистических знаний в массы, широкую лингвистическую пропаганду С. И. Ожегов всегда считал важнейшей стороной деятельности по подъему культуры народа.

С. И. Ожегов активно участвовал в создании некоторых специальных словарей. Так, вместе с Р. И. Аване-

совым он редактировал словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» (1-е издание — 1955 г., 2-е — 1959 г.), был одним из редакторов академического «Орфографического словаря русского языка» (совместно с С. Г. Бархударовым и А. Б. Шапиро), членом редколлегии 17-томного «Словаря современного русского литературного языка», изданного АН СССР и удостоенного Ленинской премии в 1970 г. Он принимал участие в составлении и редактировании академического незавершенного «Словаря русского языка» (1896—1937).

Под руководством и редакцией С. И. Ожегова был создан также словарь-справочник «Правильность русской речи» (1-е издание — 1962 г., 2-е — 1965 г.). В предисловии к этой книге С. И. Ожегов изложил научные основы для рекомендаций и оценок современной языковой политики, разработал типологию речевых лексических ошибок, дал общую характеристику структуры современного русского национального языка. Это — третье важное направление лингвистических исканий и достижений С. И. Ожегова, тесно связанное с лексикологией и лексикографией и получающее в его работах глубокий общественный смысл.

Трудно охарактеризовать и даже охватить все сферы деятельности С. И. Ожегова, связанные с проблемами культуры русской речи. Сделанное им в этой области отнюдь не ограничивается только написанным и сказанным — в многочисленных газетных и журнальных статьях, в устных выступлениях, в докладах и беседах по радио.

К широкой аудитории обращены были статьи С. И. Ожегова по актуальным вопросам языка — «О культуре речи» («Литературная газета», 10 февраля 1953 г.), «О развитии русского языка в советскую эпоху» («Учительская газета», 7 февраля 1951 г.), «Сокровищница русского слова (о словаре В. И. Даля)» («Бакинский рабочий», 4 октября 1952 г.), «Маленькие заметки на большую тему (Русский язык и советская культура)» («Культура и жизнь», 1957, № 2) и др.

Под руководством С. И. Ожегова в начале 50-х гг. в Институте русского языка (тогда Институте языкозна-

ния АН СССР) был создан сектор культуры речи, продуманы основные направления его теоретической и практической работы.

С. И. Ожегов задумал и осуществил выпуск серийного издания сборников «Вопросы культуры речи», тематика которых тесно связана с современными потребностями широких общественных кругов. В 1-м выпуске серии (1955 г.) он выступил с программной статьей «Очередные вопросы культуры речи», где дал определение языковой нормы и наметил главные направления теоретических разработок, многие из которых к настоящему времени осуществлены.

В «кратких заметках» сборников С. И. Ожегов (родоначальник этого жанра) на большом историческом и современном материале решал важные и принципиальные конкретные вопросы в области исторической лексикологии, развития и нормализации русского литературного языка.

Непериодическая серия сборников «Вопросы культуры речи» получила высокую оценку научной общественности и широких кругов читателей, она и теперь еще продолжает играть значительную роль в повышении культуры русской письменной и устной речи.

Толковые словари русского литературного языка, исследования по исторической и современной лексикологии, культура речи и специальная лексикография — таков естественный и органичный для исследователя круг научных интересов профессора С. И. Ожегова — прирожденного словарника, талантливого лексиколога и стилиста.

«Социалистические условия национального развития, — писал С. И. Ожегов в статье «Советские словари» (1946), — выдвинули новые требования в области языковой культуры у всех народов Советского Союза. В процессе этого развития складывались или обновлялись литературные языки, и потому создание их словарей становилось естественной необходимостью для нормализации языка».

Ученый считал необходимым создание научно-теоретической базы для рекомендательной деятельности в области культуры речи. Он задумывался над тем, что языковая норма есть обнаружение закономерностей развития языка, что она — явление исторически развивающееся, что отклонения от нормы в речи различны по

своей природе (внешние и обусловленные внутренними закономерностями языкового развития). Вот определение нормы, предложенное С. И. Ожеговым в ряде работ 50-х годов и окончательно сформулированное в статье «Очередные вопросы культуры речи» (1955):

«Языковая норма есть исторически обусловленный факт, проявление исторических закономерностей развития языка и типических для каждой эпохи тенденций развития, поддержанное и одобряемое обществом в его языковой практике. Отсюда следует, что норма — это совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов».

К этому общему определению С. И. Ожегов добавляет необходимое и до сих пор сохраняющее свою актуальность требование: дальнейшая разработка понятия нормы должна идти по линии детализации применительно к различным сторонам (уровням) языка.

Интересные и важные исторические, стилистические, типологические обоснования нормы (на ее орфоэпическом «уровне») сделаны С. И. Ожеговым на материале книги Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» (изд. 1-е, М., 1950), в рецензии, опубликованной в 1951 г.

С. И. Ожегов выдвигает здесь принципиально важное положение о том, что исторически обусловленное наличие колебаний и сосуществование вариантов произношения не связано, как определенная закономерность, со стилистическим значением вариантов (произношение *ин* вместо *чи* или *с'а* вместо *са* в возвратных формах глагола, мягкость *г*, *к*, *х* в прилагательных мужского рода — для каждого человека есть дело привычки или воспитания; и в публичном выступлении и в бытовой речи нет противопоставленных друг другу «вариантов произношения»). В литературном языке, по мнению С. И. Ожегова, нет стилистической произносительной системы как автономного явления. Только отдельные произносительные явления можно считать специфически связанными с определенными стилями литературной

речи. Эти явления восходят к особенностям диалектного или старых дворянского и мещанского произношений.

Высокая культура речи, по глубокому убеждению С. И. Ожегова, является одним из важнейших условий повышения культуры народа. Эту мысль он неоднократно подчеркивал и развивал в своих статьях и выступлениях. Он сожалел об отсутствии достаточно широкой научно-теоретической базы нормализаторской деятельности и прилагал много усилий для ее создания.

* * *

Вряд ли мог бы развиваться в С. И. Ожегове такой оригинальный талант лексиколога, лексикографа и специалиста по культуре речи, если бы он не был глубоким знатоком отечественной лексикографической традиции и тонким исследователем истории русского литературного языка.

Как историк русского литературного языка С. И. Ожегов занимался вопросами исторической грамматики, орфоэпии, лексикологии, изучением языка русских писателей.

Большой интерес представляет его статья «Об одной форме долженствования в русском языке», посвященная истории и стилистической квалификации конструкций типа *быть перестать, быть ему век служить, быть убиту* и т. п.

Изучение языка во всех его живых социальных связях было главным направлением научного творчества С. И. Ожегова. Живая разговорная русская речь во всех ее проявлениях в современности и в историческом развитии языка — основной объект его исследований. Не случаен поэтому и выбор исследуемых им старых авторов: Плавильщиков, Островский, Крылов и др.

И может быть, одна из самых замечательных его работ этого рода — статья «О языке купеческой комедии П. А. Плавильщикова» (1951). Речь в ней идет непосредственно о словарном и грамматическом своеобразии купеческой речи XVIII в., но выводы носят широкий лингвосоциологический характер.

В этой статье С. И. Ожегов указал на близость идейных позиций Крылова и Плавильщикова, в частности, в вопросах национального развития русской культуры.

ГДУ ЦИРОАТХОН

№ 111108
БИБЛИОТЕКА

По существу, С. И. Ожегов заново открыл для современного читателя одно из славных имен — имя Плавильщикова — деятеля русской культуры, ревностного сторонника ее самостоятельного, самобытного национального развития.

Личность С. И. Ожегова неповторима и незабываема для всех, кто его близко знал.

Представитель старой русской интеллигенции, он по сути своего характера, образу мыслей, поведению был человеком очень современным, обладающим чувством научного и гражданского долга.

Показательна его активная организационная деятельность в годы Великой Отечественной войны. Оставаясь в Москве, он исполняет обязанности заместителя директора Института языка и письменности АН СССР, организует научные заседания языковедов различных специальностей, заботится о сохранении здания Института при вражеских бомбежках, и вся эта большая организаторская работа сочетается с глубокими научными исследованиями в области языкознания.

Одна из характерных черт С. И. Ожегова-исследователя — трудолюбие и скрупулезная тщательность в собирании и обработке научных фактов. Поражает обилие собранного им фактического языкового материала. В архиве ученого остались многочисленные картотеки, выписки, заготовки статей, черновики. С. И. Ожегов постоянно и охотно делился со своими слушателями собственноручными записями звучащей русской речи, тонкими и меткими наблюдениями. До последнего дня жизни он был полон горячих юношеских исканий и замыслов.

«(...) Он всегда чувствовал перспективы движения науки и ее общественное значение. Его искания всегда были направлены к постановке и решению наиболее актуальных проблем современности». Эти слова, сказанные С. И. Ожевым о Б. А. Ларине, которого он считал одним из своих первых учителей, по праву могут быть отнесены и к нему самому. Обладая широким творческим кругозором, он умел не только решать очередные научные проблемы, но и намечать перспективы науки и ставить новые задачи.

История литературного языка, лексикология и лексикография, теоретические и практические проблемы культуры речи — вот те области лингвистического знания, в которых С. И. Ожегов работал и взаимосвязь которых в культурной жизни народа он доказывал своими замечательными исследованиями *.

Л. И. Скворцов

* Список основных печатных работ С. И. Ожегова опубликован в сб.: Вопросы культуры речи, вып. 7. М., 1966.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

«Важно понять, — говорил Ленин в марте 1917 г., — что в революционные времена объективная ситуация меняется так же быстро и круто, как быстро вообще течет жизнь» *.

Действительно, общественная жизнь в революционные времена, в эпохи общественных переломов и социальных сдвигов всегда характеризуется напряженным и ускоренным развитием. Эти эпохи, являясь вехами в истории народа, образуют и своеобразные вехи в истории языка. Сфера действия языка почти безгранична, и понятно поэтому бурное развитие языка в периоды интенсивного развития общественной жизни.

Вся история русского языка, если правильно познаны факты языка и факты истории народа, является ярким этому свидетельством. Так, у истоков формирования русской нации, на заре капиталистических отношений в России, в период укрепления «государства помещиков и торговцев» при Петре I, общенародный русский язык претерпел такие изменения, которые проводят заметные черты между новым периодом его истории и прошлым. Эти изменения состояли: а) в необычайно усилившемся, по сравнению с предшествующим периодом, освобождении языка от всего пережиточного, устаревшего; б) в новом использовании многих старых элементов языка; в) в интенсивном вовлечении в общенародный язык, в связи с потребностями развития общественной жизни, новой лексики, в том числе и иноязычной.

Однако эта заметная грань вовсе не привела к разрыву между новым и прошлым состоянием языка, в петровское и допетровское время. Структура языка, которая складывалась и развивалась в продолжение веков, а

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 31, с. 45.

именно его грамматический строй и основной словарный фонд сохранились во всех своих основных чертах и определили собой дальнейшее развитие языка и самобытность накапливаемых элементов нового качества. Представления о ломке русского языка петровского времени, не соответствующие действительности, часто муссируются преувеличенными представлениями о роли иноязычного воздействия, главным образом в области лексических заимствований. Однако последующая история русского языка показывает, что подавляющее число лексических заимствований было своеобразным явлением жаргонной речи верхушечных слоев общества. Ведь даже памятник той эпохи — латино-немецко-русский словарь 1731 г., в русской своей части, показывает богатейшие средства русского национального языка для передачи многообразных понятий.

Не менее знаменательный путь прошел русский язык в период закрепления капиталистических отношений и роста революционно-демократического движения. Совершенствуются и закрепляются, как общенациональные, многие разговорные разновидности грамматических норм. Развитие техники, расцвет науки, обострение социальных противоречий вызвали невиданный, по сравнению с недавним прошлым, рост словарного состава и, что особенно существенно для той эпохи, новую дифференциацию стилей. Так, в творениях революционных демократов Белинского и Чернышевского, зарождается тот стиль научной и публицистической прозы, на почве которого впоследствии выросла большевистская публицистическая речь. Однако и в эту эпоху преемство в развитии языка сохранялось — структура языка, его основной словарный фонд и грамматический строй, развиваясь и совершенствуясь, сохранялись неизбежно.

Понятно, конечно, что наша, советская эпоха в отношении темпов развития языка занимает исключительное положение. Величайшая в мире социалистическая революция, в короткий срок опрокинувшая старый базис с его надстройкой, поставила перед народом сложнейшие задачи окончательного преодоления всех пережитков старого общества и не менее сложные задачи построения нового, социалистического общества. Эти задачи определили и темпы общественной жизни, необычайно быстрые, энергичные, напряженные, которые в свою очередь определили темпы развития языка.

Современники уже в первые годы революции были поражены бурным ростом языка — и в устной речи, и в художественной литературе, и в речи ораторов, и в публицистической прозе. Неудержимо пополнялся словарный состав. Возникали целые серии новых слов, образуемых по нормам русского словообразования. Появился новый грамматический класс слов — сложносокращенные слова. Многие иноязычные слова были извлечены из пассивного запаса русского языка и стали употребляться в новом значении. (...) В художественной литературе расцветает индивидуальное словотворчество, появляются необычно новые для общего языка слова, хотя и создаваемые по его грамматическим моделям и часто на материале или по аналогии с народными словами. Эти слова, обычно эмоционально-энергические по своей стилистической окраске, должны были по замыслу авторов служить наиболее выразительной характеристикой новой действительности и новых людей. Эти же замыслы, представляющие собой настоящий натурализм, приводили иногда к насыщению и авторской речи, и речи действующих лиц вульгаризмами и прочими лексическими элементами, часто характеризовавшими не передовые, прогрессивные элементы общенародного языка рабочих и крестьян, а элементы отсталых слоев населения, пережиточно сохранившиеся от времен царизма.

Современники, пораженные грандиозными масштабами языковых новшеств, не могли не откликнуться на это важное явление в общественной жизни. Мы были свидетелями первых попыток анализа новых языковых явлений и оживленной полемики вокруг вопросов языкового развития, развернувшейся в брошюрах, в журналах, газетах. Теперь для нас все эти попытки анализа и разыскания сохранили лишь значение зарегистрированных фактов языка и отношения к ним современников. Научные исследования той поры, не имея твердой методологической базы, не принесли больших, плодотворных результатов. Особенное внимание привлекали тогда наиболее заметные стороны языка: исследовались сложносокращенные слова, иноязычные заимствования, нарушения норм литературной речи, вульгаризмы и жаргонная лексика — все то, что могло обосновывать просачивающуюся рапповско-упростительскую характеристику языка, якобы переживающего революционный перелом. Отчасти эти представления восходили и к положению

П. Лафарга о «внезапной языковой революции, происшедшей в период 1789—1794 гг.» во французском языке. Изменения в языке приравнивались к революционным изменениям надстройки, базиса. Однако подобные рассуждения о сдвигах в языке некоторое время имели характер эмпирических обобщений без твердой, не прояснившейся методологической базы.

Советское общество, Советское государство прошли большой путь развития, и все особенности этого развития накладывали свой отпечаток и на пути развития русского языка, на разные стороны его.

Для историка языка чрезвычайно важно глубоко взглянуть во все своеобразие общественной жизни, с одной стороны, периода от Великой Октябрьской социалистической революции до ликвидации эксплуататорских классов, с другой — периода от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции, в который, от 1924 до 1936 гг., произошли крупнейшие изменения в области экономики, и социалистическая форма производства стала безраздельно господствующей не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, что в конечном счете привело к полному изменению классовой структуры нашего общества. Языковые особенности, сложившиеся в течение этих двух периодов развития советского общества, послужили базой для дальнейшего развития языка в следующий период, период перехода советского общества к строительству коммунизма.

На базе материальной культуры общества складывается и формируется духовная культура народа в широком смысле, его мировоззрение, его идеология. Для истории языка, для открытия закономерностей его развития чрезвычайно важно поэтому установление вех в развитии и формировании передовых культурных сил народа, его интеллигенции. Ведь и развитие материальной культуры тесно с этим связано.

Ведущая организующая сила Великой Октябрьской социалистической революции — авангард рабочего класса Коммунистическая партия — выдвинула, как неотложную и первостепенную, задачу создания своих, пролетарских кадров, повышения культурного уровня народа.

Широкое вовлечение рабочих и крестьян в советский государственный аппарат, в хозяйственное строительство, в партийную и профсоюзную работу формировало первые кадры народной интеллигенции, в величайшем порыве повышавшей свой образовательный уровень в гуще политической жизни. Это был слой новых культурных людей, вышедших из народа и живших интересами народа. Наша художественная литература запечатлела образы этих людей, а изучение биографий наших знатных людей, наших ученых и военачальников, партийных деятелей и руководителей промышленности составило бы документальную историю создания первых кадров народной интеллигенции в героические годы гражданской войны. Ныне в наших рядах растет уже новое поколение интеллигенции. Рука об руку с новой народной интеллигенцией действовала наиболее демократическая, трудовая часть старой интеллигенции, та часть, которая с первых дней революции присоединилась к народу и пошла за Советской властью.

Переход к мирному строительству, обеспечивший мощное развитие хозяйства и построение социалистической экономики, перевел в новую фазу процесс создания народной интеллигенции. Если в первые годы революции подавляющее большинство учащихся в вузах составляли выходцы из старой интеллигенции, то в последующие годы, во второй период, благодаря последовательно проводимому курсу партии и правительства на всемерное развитие рабочего образования, состав учащихся в вузах, число которых росло ежегодно, коренным образом изменился. Рабочие и крестьяне составляли основную массу учащихся. Создавалась новая, советская интеллигенция, тесно связанная с народом.

Монолитность нашей интеллигенции, социальная и идеологическая, нашла отражение и в языке. Уже давно в нашей речи при характеристике советской интеллигенции мы не пользуемся противопоставлением «старая интеллигенция» — «новая интеллигенция». Она теперь едина. А полное утверждение социализма в нашей стране привело к изменению и самого понятия интеллигенции. Коммунистическое воспитание трудящихся, воспитание всех советских рабочих, крестьян и интеллигенции на великих идеях коммунизма, введение всеобщего начального, а затем и всеобщего семилетнего¹ обучения, широкое развитие технического образования, исключи-

тельная роль книги, печати, искусства в повышении культурно-политического уровня трудящихся, участие масс трудящихся во всех видах государственной и общественной жизни — все это привело к величайшей, небывалой еще в истории культурной революции.

Политика партии твердо направляет экономическое и культурное развитие советского общества. Идет, все ускоряясь, процесс стирания классовых различий между рабочими и крестьянами вследствие сближения уровня технического и культурного развития между городом и деревней, процесс стирания граней между умственным и физическим трудом.

Весь ход развития советского общества постепенно подготовил рождение новых закономерностей развития общенародного языка.

С каждым новым этапом в развитии советского общества нарастал процесс постепенного сглаживания и стирания отличий между общенациональным языком в его литературной форме и территориальными диалектами.

Ликвидация местной изолированности, переход к единой экономической базе, идеологическое единство советского общества и формирование народной интеллигенции привели к тому, что ни диалектные элементы в общенациональном языке, ни элементы общенационального языка в диалектах не являются экзотикой, как это было в условиях досоциалистического развития.

Процесс сглаживания различий очень сложный. Прежде всего он выражается в постепенном отмирании всего старого, особенно обнаружившемся со времени утверждения социализма в нашей стране. Исчезает старая производственная, очень дифференцированная по говорам, крестьянская терминология в связи с коренным изменением техники и форм колхозного производства и последовательно заменяется единой для всего языка новой производственной терминологией. Наряду с этим отмирает местная, обычно тоже очень дифференцированная по говорам лексика, связанная со старыми формами культуры и быта, и заменяется или пополняется общенародной² лексикой социалистической культуры, социалистических общественно-политических отношений и социалистического быта. Сюда же примыкает и процесс исчезновения в территориальных диалектах той синонимической лексики, которая отличает диалект

от общенародного языка, например, вытеснение южно-диалектного *скородить* принятым в общенародном языке *бороновать* или северно-диалектного *орать* общенародным *пахать*. Так, словарный состав территориальных диалектов постепенно идет к слиянию со словарным составом общенационального языка. Одновременно происходит нивелировка тех произносительных или грамматических элементов, которые или противоречат общенародному языку, или не имеют почвы для проникновения в него. Сошлюсь на решительный процесс освобождения от цоканья или яканья при более устойчивом сохранении оканья. Роль школы, радио и печати в этом процессе нивелировки — огромна.

Общенародный язык в его литературной форме, несмотря на его словарное богатство и грамматическую нормированность, продолжает впитывать в себя новые соки из диалектной речи. Но методы освоения диалектизмов изменились. Социалистическое сельское хозяйство с его новыми формами производства и дифференциацией труда и иные отрасли хозяйственной деятельности нуждались в разветвленной терминологии. Источником для создания новых, общенародных терминов часто являлась обиходная лексика местных диалектов. Обогащение терминологии идет или путем усвоения готовых слов, например: *огрех* — место на пашне, оставшееся по оплошности не запаханым или не засеянным (теперь появилось и переносное значение — оплошность, недоделка), *путина*, или путем создания производных слов на основе диалектных, например: *пропашные культуры* (из областных слов *пропашка*, *пропашек*), *теребильщик* (от областного глагола *теребить лен*). С другой стороны, народные говоры продолжали служить богатейшим источником для создания выразительных лексических средств литературного языка, языка художественной литературы. Под прямым воздействием творчества М. Горького и борьбы против погони за внешней эффектностью диалектизмов сложился метод реалистического внедрения лексико-фразеологических элементов народных говоров в ткань художественной речи. Этот метод характерен, например, для таких наших поэтов, как А. Твардовский, М. Исаковский. Взаимодействие общенародного языка с диалектами распространяется и на другие стороны языка, грамматическую, произносительную. Однако здесь общенародный язык необычайно стоек

против всего того местного, что может противоречить сложившейся структуре общенародного языка. Только те элементы грамматического строя и произношения, которые могут иметь прогрессивную, унифицирующую роль, проникают в общенародный язык. Сравним, например, решительное стремление ограничить произношение заимствованных слов в иноязычной манере и переход к произношению их на русский лад (*ренегат*, а не *рэнэгат*, *канкретно*, а не *конкретно*), унификация по ударению форм прошедшего времени глаголов типа *рвать* — *рваться*, расширение сферы применения формы им. падежа мн. числа существительных мужского рода с ударным *а* и т. п.

Изменилась и сама форма взаимодействия общенародного языка и диалектов. Теперь мы не можем говорить о влиянии территориальных диалектов на общенародный язык. Современные носители общенародного языка, представители народной интеллигенции, усвоившие литературные нормы общенародного языка, — часто сами вчерашние носители территориальных диалектов. Просеивая свои речевые навыки сквозь сито литературных норм, они постепенно, незаметно привносят в общенародный язык животворные струи народной речи. Именно к нашему времени наиболее применима характеристика М. Горького: литературный язык — есть народный язык, обработанный мастерами.

Изменились закономерности и в области связей общенародного языка с другими его ответвлениями — социально-классовыми жаргонами, с профессиональной речью. Ныне уничтожена почва для существования, зарождения и развития социально-классовых жаргонов. Уничтожены эксплуататорские классы, нет в нашем обществе классового антагонизма, порождавшего узкие, замкнутые, сословные, классовые интересы, противопоставленные другим классовым интересам и обществу в целом. Уничтожено всякое неравенство в общественной жизни, в общественных отношениях. Отпала надобность использования языка в своих, классово-замкнутых интересах. Остатки жаргонов, отдельные слова и выражения иногда используются общенародным языком для придания речи различных эмоционально-стилистических оттенков — проники, пренебрежения и т. д. Исчезли слова и выражения мещанско-купеческого городского жаргона, обычно связанные со своеобразной трансформацией

явлений литературной речи. Широкий общественный протест против вульгаризации речи, ярко обнаружившийся к началу 30-х гг., содействовал изгнанию из речевого обихода остатков из жаргонов деклассированных элементов капиталистического города.

Но общенародный язык уже к началу второго периода обнаружил тенденцию к использованию для своих нужд отдельных элементов профессионального речевого обихода трудовых профессий прошлого, с преобразованием их. Возьмем, например, глагол *обслуживать* в современном общем значении, развившемся из существовавшего в речи официантов глагола *служить кому — обслуживать кого*, обозначавшего подачу кушаний посетителям. Имя существительное *напарник*, возникшее из профессионального выражения *на пару работать* — вдвоем по очереди выполнять одну работу.

В связи с развитием новых форм производства, с широкой дифференциацией трудовых процессов нарождается разветвленная профессиональная терминология. Но она принципиально отличается от всех форм профессиональной речи эпохи капитализма. Там она — достояние социально-замкнутой группы, у нас — это узкая сфера специализированного употребления, которая в любой момент, когда потребуют этого интересы общественной жизни, может расшириться в общенародную. По своей значимости для общенародного языка и по характеру состав слов этого рода очень многообразен. Здесь и новые производные слова (*высотник, скоростник, распиловка*) и старые слова с обобщенным значением (*гулять* в значении «быть свободным в свой выходной день», *отгул* — отдых от работы в возмещение излишнее переработанного времени). Ныне профессиональная речь — один из каналов регулярного, последовательного обогащения словарного состава общенародного языка.

Далее. В условиях капиталистического города обиходная речь городских трудовых, демократических масс обладала рядом специфических особенностей. К общенародной ее основе широко примешивался диалектный элемент, который во многих случаях входил в соприкосновение с элементами мещанско-купеческой жаргонной речи. Кроме того, приток нового населения в города был локализован, что создавало существенные диалектные различия в городской речи. Ныне, в условиях культурной революции и социалистических форм производства,

нет уже противоречия между обиходной устной речью широких масс города и литературными нормами общенародного языка. Другими словами, при благоприятных условиях особенности обиходной устной речи могут легко входить в состав литературных норм общенародного языка или могут быть использованы в нем как стилистические средства (например, в художественной литературе, в ораторской речи). Особенности обиходной устной речи, современного просторечия, различны по происхождению, но все они объединены как слой, сосуществующий с литературными нормами общенародного языка. В них заложена способность почти безграничного внутреннего роста, расширения в зависимости от потребностей речевого общения.

Эти особенности заключают в себе главным образом определенный отбор средств общенародного выражения. Так, к их числу относится широкое использование в потоке речи, шире чем в литературных нормах языка, средств уменьшительного словообразования, как формы экспрессии всякого рода: презрения, иронии, вежливости, ласкательности. Использование мало употребляемых в литературной норме форм глагольного словообразования (например, типа *хватануть*). Гораздо более широкое, чем в литературной норме, именное словообразование, заменяющее целые сочетания (например, *самописка* — самопишущая ручка, *зачетка* — зачетная книжка, *зажигалка* — зажигательная бомба, *гражданка* — гражданская служба, жизнь, в отличие от военной). Слова этого рода при благоприятных условиях прочно входят в состав литературной нормы (например, *зенитка* — зенитное орудие). Для обиходной устной речи характерно расширительное употребление, иногда с семантическим преобразованием, слов из литературной речи, своеобразные речевые формы бытового общения (как *жизнь?*, *привет*, *счастливо*), а также лексика непринужденной, грубоватой, дружеской или пренебрежительной характеристики действий, явлений.

Величие творческих усилий советского народа, строящего под руководством нашей Коммунистической партии коммунизм, историческая победа, одержанная советским народом в Великой Отечественной войне, борьба против агрессоров и поджигателей войны, борьба за мир во всем мире, которую возглавил советский народ, —

все это не могло не наложить отпечатка на наш язык.

За последнее десятилетие отчетливее, чем за все предыдущие периоды, нарождается новая закономерность в использовании современным общенародным языком, и главным образом в стилях публицистической, ораторской и художественной речи, языкового наследия прошлого. Старые слова и выражения вовлекаются в живую ткань современного языка для придания речи особой выразительности, подчеркивающей важность, значение, величие описываемых явлений или стоящих перед народом задач. Старые слова и выражения применяются и для характеристики отрицательных явлений — для выражения презрения к врагу. Но старые слова и выражения неравноценны по своему составу. Одни из них принадлежат к старым слоям основного словарного фонда или словарного состава, представляя собою старые, вышедшие из употребления названия действительности (ср. *полон, полонянка, битва, витязь, на страже*). Их обновляют лишь новые сочетания, в которые они входят (например: *в немецком полоне, на страже законности, советские витязи, Сталинградская битва*). Другие, порожденные в условиях старых надстроек и включавшие чуждые социалистической эпохе смысловые оттенки, подвергались смысловой переработке, наполнялись новым конкретным содержанием (*держава, на алтарь отечества, грядущий, воинство, бессмертие, бессмертный, неугасимый, нерушимый, гаситель, глашатай*).

Использование собственно старых слов и выражений повлекло за собой создание целых серий новых сочетаний со старыми словами, значительно обогативших выразительные средства общенародного, общелитературного языка (*священная обязанность, трудовой подвиг, нерушимая дружба народов, бессмертная слава*).

Наряду с этим же условия нашей общественной жизни позволили возродить целый ряд тех старых терминов, которые были нейтральны по смысловым оттенкам по отношению к создавшей их надстройке и которые по своей терминологической четкости (одно слово, а не сочетание) удобно было использовать в условиях социалистической государственности (*директор, советник, министр, адвокат, солдат*, обозначения различных военных званий и т. п.).

Новые закономерности развития общенародного

языка, выявляющиеся в расширении функций литературной нормы общенародного языка, в изменении характера его связей с территориальными диалектами, профессиональной речью, устной обиходной речью и в новом подходе к использованию наследия речевого прошлого, обусловили известные изменения в стилистической системе русского языка. Наметились не столько новые стилистические группировки, сколько новое распределение лексических средств внутри этих группировок. Так, значительно расширился состав общей лексики, употребление которой в любых разновидностях речи не придает ей специфического стилистического оттенка. В общенародный обиход влились массы слов и выражений, почитавшихся специфической принадлежностью книжно-интеллигентского словоупотребления, а многие из них отошли в пассивный запас, в разряд устарелых. Многие термины узкого, специального употребления по условиям нашей общественной жизни тоже влились в общенародный фонд, а многие вновь образуемые сразу становятся его достоянием. Многие слова, носившие отпечаток просторечия или почитавшиеся местными, областными, дополнили состав стилистически нейтральной лексики. Развился, пополнился из разных источников и обогатился состав лексики, организующей речь стилистически высокого, торжественного характера. Изменился состав просторечно-разговорной лексики, часть которой вошла в нейтральный стилистический фонд. Значительно обогатился фонд лексики эмоциональной оценки за счет использования народных средств словообразования и семантического переосмысления тех пластов лексики, которые относятся к характеристике отрицательных явлений буржуазного прошлого, к характеристике классово-враждебных явлений и т. п. Изучение развития стилистических закономерностей русского языка в советскую эпоху является очередной задачей языкознания.

Из отдельных сторон языка самые заметные, самые яркие изменения, обогатившие общенародный русский язык советской эпохи, произошли в лексике.

Однако совокупность изменений, происшедших в русском языке в советскую эпоху, не привела ни к какой ломке языка. Изменения обновили его, обогатили его средства выражения. Он поднялся на новую ступень в своем развитии. Пополнение словаря, переосмысление

ряда слов и выражений, выпадение из словаря устаревших слов привело, как к следствию, и к новой «расстановке сил», к новому применению и использованию самих словесных средств. Изменилась употребительность многих слов не только из словарного состава, но отчасти и из основного словарного фонда. Такие слова, например, как *соха*, *царь*, *бес* (хорошо и теперь всем понятные, так как они некогда принадлежали к основному словарному фонду) вышли из активного запаса языка. С другой стороны, такие слова, как *партия*, *коммунизм*, вошли прочно в основной словарный фонд и в актив языка. Перераспределение слов в отношении активного и пассивного запаса коснулось значительных слоев словарного состава в особенности. Изменение соотношений между активным и пассивным запасом слов и выражений в языке есть важный фактор развития языка. Появление новых фразовых комбинаций, новых сочетаний старых слов (ср. например: *красный командир*), отражающее новые потребности и новые оттенки мысли, есть также важный фактор развития языка.

Развитие словарного состава имеет свои различия в различные периоды развития советского общества.

Понятно, что первые годы революции, годы борьбы со свергнутыми классами и укрепления советского строя характеризуются массовым устранением, переходом в пассивный запас лексики, связанной со старым государственным строем и буржуазным бытом. Уходит со сцены старая государственная, административная, судебная, церковная, финансовая и т. д. терминология в связи с уничтожением старых учреждений, должностей, чинов, титулов (ср., например: *губернатор*, *департамент*, *гимназия*, *городовой*, *экзекутор*, *столоначальник*, *подать*, *акциз*, *мещанин*, *гласный*, *богодельня*, *приют*). Уходит и многообразная лексика, связанная с общественными и бытовыми отношениями капиталистического общества (ср., например: *прошение*, *проситель*, *обыватель*, *господин*, *барин*, *гувернер*, *инородец*, *прислуга*, *провинция*, *харчевня*, *лакей*). Выходят из употребления слова, специфические для буржуазно-дворянского жаргона (ср., например: *мезальянс*, *светский*, *галантный*, *благовоспитанный*) или для специфически интеллигентного обихода (ср., например, формулы вежливости: *не откажите*, *благоговорите сообщить*, *милости прошу*). Многие из слов этих разрядов употребляются по отношению к капитали-

стическому миру, а многие тогда же или позднее получали новую эмоциональную окраску и переосмыслились, приобретая иронические, пренебрежительные, осудительные смысловые оттенки (ср., например: *лакей, холл*). Такое переосмысление уходит своими корнями еще в дореволюционную народную традицию.

В этот период борьбы со свергнутыми классами и интервентами укрепляется в распространительном употреблении военная лексика (например: *штурм, форпост, кампания, авангард, смотр, равнение на что-нибудь, открыть огонь, крепить оборону, курс на что-нибудь*).

Одновременно в широкое употребление входили вновь образуемые новые слова, отражавшие новые государственные, социальные, бытовые, идеологические отношения. Дифференциация процессов труда, усложнение специальностей в различных технических процессах, новые взаимоотношения людей в обществе — все это с ростом советского общества на каждом этапе его развития получало отражение в изменении лексики. Классификация новых слов, последовательно возникавших в разные периоды развития советского общества, заслуживает специального изложения. Однако количество собственно новых слов, неологизмов по отношению ко всему составу русского словаря не так велико. Так, по приблизительному подсчету на 90 тысяч слов в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, который правильно отражая действительность, не является исчерпывающим по полноте подбора новых слов, приходится немногим более тысячи вновь образованных слов.

Среди новых слов появляется своеобразный класс — сложносокращенные слова разных типов. Формирование этого грамматического класса было подготовлено еще до революции. Сокращение различных сложных названий практиковалось в партийной среде (ср. *ЦК* — Центральный Комитет, *ЦО* — центральный орган и т. п.). Во время первой мировой войны в военный обиход вошли первоначально телеграфные и телефонограммные сокращения, как, например, *комроты*, — командир роты, *комбат* — командир батальона, *начдив* — начальник дивизии и т. п. После революции сокращения стали обычными уже не только в военном, но и в гражданском обиходе — в названиях учреждений, должностей, предметов и т. п. Особенное их распространение падает на

первые годы революции. Злоупотребление ими вызвало в начале 30-х гг. отпор со стороны общественности, и сейчас удельный вес их в языке значительно сократился. Характерно, что названия крупных государственных учреждений, возникавших с середины 30-х гг., сокращениям не подвергаются. Вообще же в бытовой речи сокращения названий учреждений широко распространены из-за удобства краткости, но они имеют чисто местное значение, и часто люди, не знакомые с данным учреждением, могут не понимать, какое название сокращено. В общем языке остались главным образом сокращения не названий учреждений, а названий лиц, понятий, предметов, и преимущественно не буквенные, а поморфемные сокращения. Некоторые из них прочно вошли не только в словарный состав, как, например, *физкультурный*, *вузовец*, но и в основной словарный фонд, как, например, *колхоз*, *совхоз*. Причина их устойчивости в том, что или 1) сокращения перестали совпадать по значению с словосочетанием, из которого они произошли, или 2) не имеют соответствующих по значению не сокращенных эквивалентов, или 3) это слова, производные от сокращенных. Многие сокращения настолько укрепились в быту, что почти вытеснили из употребления те сочетания, из которых они образованы и с которыми совпадают по значению, например, *агитпункт*, *автотранспорт* и т. п. Многие первые элементы сокращений настолько прочно вошли в словарный состав общего языка, что создали своеобразный слой лексико-морфологических элементов, утративших морфологические связи с своим источником, и служащих для образования целых серий по виду сложносокращенных слов, но в действительности не имеющих за собой реально сокращаемых сочетаний. Сюда относятся такие лексико-морфемы, как *кино*, *авто*, *лесо* и многое другое.

Рядом со сложносокращенными словами широкое распространение получили сложносоединенные слова, главным образом прилагательные. Они образуют очень тесное сочетание, почти лексему, отражающую особый оттенок мысли, например: *организационно-массовый*, *планово-предупредительный ремонт*, *научно-исследовательский*, *идейно-воспитательный*, *партийно-просветительный*, *инженерно-технический* и т. п. Этот лексический пласт, отражающий сложность и разветвленность нашей

общественной жизни, представляет собою существенный вклад в словарный состав нашей эпохи.

Изменения значений старых слов особенно обогатили русский язык советской эпохи. Новые значения особенно рельефно подчеркивают своеобразие семантического развития нашего времени. Наполнилась новым, марксистско-ленинским содержанием вся общественно-политическая терминология (ср., например: *партия, коммунизм, нация, демократия, пролетариат и рабочий класс, патриотизм, труд, соревнование, надстройка, базис, космополитизм, оппортунизм, либерализм, объективизм*). Впервые новое смысловое содержание общественно-политическая терминология получила в трудах В. И. Ленина. Целые серии слов изменили свои значения в процессе их метафорического употребления, применения к новым объектам, распространительного или ограничительного употребления и т. д. (ср., например: *знатный, потомственный, увязать, включиться, сократить, сигнализировать, показатели, охватить, сознательный, осознать, слет, общественник, трасса*). Многие из слов с новой семантикой при изменении общественных условий уже перешли в разряд устарелых (ср., например: *спайка, прослойка*).

Почти незаметным для наблюдателя путем происходит постепенное вытеснение по тем или иным обстоятельствам устаревающих слов и выражений новыми или наличными в языке дублетами (ср., например: *читка, вместо чтение, учеба, вместо ученье, пошив, вместо шитье, зачитать, вместо прочесть, снять с работы, вместо уволить, учтите, вместо примите во внимание*). Это движение слов по их употребляемости, передвижка в пассивном и активном запасае, как правило, не регистрируется словарями, хотя эта передвижка и является существенным нервом развития языка.

Развитие производства, техники значительно расширило возможность сочетаемости слов (*наземные войска, слепой полет, воздушная пехота, воздушный стрелок, подземная трасса, подземный вестибюль*). В этой области заложены самые широкие возможности обогащения словарного состава.

Необычайное развитие получили новые устойчивые сочетания, отражающие новые оттенки мысли, новые отношения действительности (*проверка исполнения, дело чести, чувство нового, поджигатели войны, темпы роста*).

резервы производства, новатор производства, мастер чего-нибудь, например, мастер меткого выстрела, производственный ритм, узловые вопросы, торговая сеть, полевой стан, не сдавать темпов, успокаиваться на достигнутом, делиться опытом, подхватить инициативу).

В этой статье сделана попытка обобщить некоторые явления в истории русской лексики послереволюционного периода. Предстоит еще большая работа по выявлению всех общих закономерностей развития русского языка в советскую эпоху, по выявлению закономерностей изменений в словарном составе в различные периоды развития советского общества.

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

История словарного состава, пожалуй, один из наименее разработанных разделов русского языкознания. История произношения или история морфологического развития представляют более широкое поле для выводов о закономерностях развития языка, так как явления в этих областях легче обнаруживались в массовых, типовых процессах. Иное дело лексика. Слово, входя в общую систему закономерностей развития лексики, вместе с тем очень индивидуально, как бы неповторимо отражает своеобразие породивших его общественных отношений. Чем дальше в глубину истории, тем труднее исследователю познать индивидуальный семантический облик слова. Слово часто предстает вне своего конкретного исторического контекста. Часто неясными представляются конкретная общественная обстановка, породившая слово, конкретные условия его употребления в разных слоях общества, хронологические границы его активного и пассивного существования у представителей разных общественных классов и их социальные оценки слова. История лексики требует углубленного анализа общественно-исторической обстановки, отражающейся на всех сторонах жизни народа, на его идеологических представлениях, на его психическом облике, на оценке им общественных явлений.

Эпохи общественных переломов, социальных сдвигов всегда характерны напряженным и ускоренным развитием общественной жизни. «Важно понять, — пишет В. И. Ленин, — что в революционные времена объектив-

ная ситуация меняется так же быстро и круто, как быстро вообще течет жизнь» *. Революционные эпохи, являясь веками в истории народа, образуют вехи и в истории словарного состава. Эпоха Великой Октябрьской социалистической революции имеет исключительное историческое и методологическое значение для языковеда. Внутренняя динамика развития языка, и в том числе словарного состава, раскрывается перед нами с необычайной полнотой. Здесь мы не только наблюдатели, исследователи фактов, как это бывает при исследовании прошлого, здесь мы и непосредственные участники общественной жизни и непосредственные носители исследуемого языка. Слово предстает нам во всем его общественном контексте, во всей силе его живого употребления, всеми нитями связанного с отражением движущегося потока общественной жизни.

Возникновение и развитие прилагательного *советский* как термина новой, социалистической государственности обусловлено всем ходом общественной жизни в период Февральской революции 1917 года, в период подготовки Великого Октября и в социалистическую эпоху после Великого Октября.

Являясь таким новым пополнением, наше прилагательное *советский* не стоит ни в какой преемственной семантической связи с существовавшим и до революции словом *советский*. История относительного прилагательного *советский* до революции длительна, но общественно ограничена. Раньше и наряду с ним выступало прилагательное *советный*. «Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный» ** дает сочетание *советный дом* с определением: «палата, куда собирается совет», и с приведением цитаты из библии. Как относительное же прилагательное в значении «определенный для совещаний или совета», свойственным старому церковному языку, приводит его академический «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. *** В. И. Даль, приведя ту же цитату, что и академический словарь — «*советную палату сотвориша себе*», — толкует значение слова *советный* через *советский* ****, т. е. тоже

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 31, с. 45.

** См. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, т. 2, с. 327.

*** См. Словарь церковно-славянского и русского языка, с. 173.

**** Даль В. И. Толковый словарь. Изд. 3, т. 4, с. 352.

понимает его как относительное прилагательное. Однако как относительное прилагательное слово *советный* не было использовано русским национальным языком. Когда в русской государственной и общественной практике стали возникать учреждения или органы учреждений, носившие название *совет* (не ранее, по-видимому, начала XVIII в.), возникает относительное прилагательное *советский*, нормально образованное по типу относительных прилагательных, т. е. с суффиксом *-ск-*. Его помещает академический «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г.: **Советский**: 1) Относящийся к совету. *Советское решение*. 2) Служащий в совете. *Советские члены*. Употребление слова уточняет В. И. Даль: **Советский**, к совету, как учреждению, относящийся. *Советские члены*. И. А. Бодуэн де Куртенэ, редактировавший третье издание словаря В. И. Даля, добавляет новый пример: *советские дела*, опираясь, по-видимому, на практику словоупотребления в университетских советах*. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, опираясь не на письменные, к сожалению, источники, а на показания живых еще во время составления словаря, памятливых к слову свидетелей дореволюционного его употребления, тоже указал на старое значение этого прилагательного, как относительного к слову *совет*, существовавшему в таких сочетаниях, как *педагогический совет*, *административный совет банка*, *университетский совет* и т. п. Итак, это слово до революции не входило в активный запас национальной лексики, не было активным достоянием русского языка, а носило отпечаток профессионального употребления, отражающего некоторые частные, ограниченные стороны жизни. Является ли вся вековая история этого слова начальным этапом в развитии нашего термина? Круг явлений, обозначаемых этим словом, был слишком узок и замкнут, для того, чтобы выйти на широкую арену общенародного употребления. Тихий путь его развития на перифериях литературного языка оборвался вместе с падением всей системы учреждений царской России и исчезновением того буржуазно-чиновничьего социального слоя, которому единственно и свойственно было употребление этого слова. На дальнейшую эволюцию, развитие в нем новых значений оно было неспособно.

* Даль В. И. Толковый словарь. Изд. 3, т. 4, с. 352.

Возникновение слова *советский* в период Февральской революции было рождением нового слова, новым пополнением словарного состава языка. В недрах рабочего класса, определившего победу Февральской революции и создавшего на всей территории России свои классовые органы — Советы рабочих и солдатских депутатов, — родилось это слово, сразу проникшее в общее употребление. Сознанию творцов нового слова предстояло только новое идеологическое содержание, быстро наполнившее пролетарской классовой сутью слово *совет* в названии органа классовой организации рабочего класса. Новое слово, относительное прилагательное *советский* возникло самостоятельно, независимо от прежнего наличия этого слова, по словообразовательным нормам относительных прилагательных в русском языке. Старое прилагательное, омоним, вошло в число выпавших из словаря устаревших слов.

Новому же прилагательному принадлежало большое будущее. Этапы его становления и развития значений отражают в себе все этапы развития революции и становления социалистического общества и государственности. В первоначальном значении прилагательного *советский* отразилось, как в фокусе, то соотношение классовых сил и тот характер развития революции, которые сложились после февраля 1917 г. «В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, — пишет В. И. Ленин, — что она создала *двоевластие*». И далее: «В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством *буржуазии*, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство*: Советы рабочих и солдатских депутатов» *. В. И. Ленин подчеркивает, что «двоевластие выражает лишь *переходный* момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, *но не дошла еще до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства*» **. Вместе с тем становилось ясным, что двоевластие, сложившееся после Февральской революции, не может уже держаться долго. Ход событий требовал, чтобы власть была сосредоточена где-нибудь в одном месте: либо в руках

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 31, с. 145.

** Там же, с. 155.

Временного правительства, либо в руках Советов*. На апрельской конференции партии большевиков В. И. Ленин выдвинул лозунг «Вся власть Советам!». Большевики развертывают терпеливую и упорную борьбу за разъяснение массам задач революции, за завоевание Советов, где большинство принадлежало тогда мелкобуржуазным соглашательским партиям меньшевиков и эсеров. В процессе нарастания революционных событий в стране, в ходе углубления революции и усиления сопротивления эксплуататорских буржуазных классов в центре всей политической жизни становится вопрос о власти, о ликвидации двоевластия, о переходе государственной власти в руки Советов — органа рабочего класса. Именно в этот период двоевластия и возникает прилагательное *советский*. Семантически оно формируется как прилагательное, характеризующее деятельность и значение Советов этого периода в противопоставлении буржуазному Временному правительству, как прилагательное, противопоставляющееся относительному прилагательному к сочетанию «Временное правительство» — «правительственный». Ясно и классовое содержание нового термина. Советы — форма организации рабочего класса, но в рабочих массах еще не изжиты мелкобуржуазные иллюзии, и руководство в Советах захвачено представителями соглашательских мелкобуржуазных партий — меньшевиками и эсерами.

Анализируя положение в стране до 4 июля 1917 г., В. И. Ленин придает именно это классовое содержание термину *советский*. «Советы, по своему классовому составу, были органами движения рабочих и крестьян, готовой формой их диктатуры. Будь у них полнота власти, главный недостаток мелкобуржуазных слоев, главный грех их, доверчивость к капиталистам, изжил бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий. Смена классов и партий, имеющих власть, могла бы внутри Советов, на почве их единовластия и всевластия, идти мирно; связь всех советских партий с массами могла бы оставаться прочной и неослабленной. Нельзя ни на минуту упускать из виду, что только эта теснейшая и свободно растущая вширь и вглубь связь советских партий с массами могла бы помочь мир-

* См. об этом в кн.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1960, с. 202.

но изжить иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с буржуазией» *. В статье «Один из коренных вопросов революции» 27 (14) сентября 1917 г. В. И. Ленин пишет: «Но лозунг: «власть Советам» очень часто, если не в большинстве случаев, понимается совершенно неправильно в смысле: «министерство из партий советского большинства» **.

Итак, употребление прилагательного *советский* ограничивается рядом словосочетаний типа «*советские вож-ди*», «*советские партии*», «*советское большинство*», «*со-ветская деятельность*» и т. п.; в этих сочетаниях вскрывается и семантическое содержание прилагательного, непосредственно вытекающее из того содержания исходного существительного, которое сложилось в нем, как отражение реальной политической действительности периода двоевластия и периода подготовки Октября. Реальные условия ограничили и круг словосочетаний.

Как в недрах старого общества рождается новое, так в словоупотреблении первого этапа революции появляются ростки будущего. Еще не выходя из норм словоупотребления этого периода, анализируя соотношение классовых сил, В. И. Ленин в статье от 1—3 сентября 1917 г. впервые применяет выражение *советское правительство*. «На словах «все» признают теперь эту свободу (агитации. — С. О.) за большевиками. На деле она невозможна при буржуазном правительстве или при правительстве с участием буржуазии, при правительстве ином кроме советского» ***. Тогда же, в статье от 27 (14) сентября 1917 г., В. И. Ленин впервые применяет выражение *советская власть*. «Только Советская власть могла бы быть устойчивой, только ее нельзя было бы свергнуть даже в самые бурные моменты самой бурной революции, только такая власть могла бы обеспечить постоянное, широкое развитие революции, мирную борьбу партий внутри Советов» ****.

Здесь старое словоупотребление находится на пути перерастания к новому! «Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился, — пишет В. И. Ленин. — Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 34, с. 11—12.

** Там же, с. 202.

*** Там же, с. 136.

**** Там же, с. 201.

партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы. Надо смотреть не назад, а вперед. Надо оперировать не со старыми, а с новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями»*. После июльских дней, когда период двоевластия кончился, разворачивается борьба партии большевиков за Советы, готовится решительная атака на оплот буржуазии — Временное правительство. Речь идет о вооруженном восстании рабочего класса, о новой революции. «Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но не теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так»**. Уже 1 октября 1917 г. В. И. Ленин, в обстановке ожесточенной борьбы с лагерем всей контрреволюции и открыто примкнувшими к ней соглашательскими партиями, в обстановке готовящегося вооруженного восстания организованного в Советы рабочего класса, вкладывает новое, классово-пролетарское значение в термин *советский*. «Ни одного дня, ни одного лишнего часа не потерпят правительства Керенского рабочие и солдаты, знающие, что Советское правительство даст немедленное предложение справедливого мира всем воюющим...»***. Так с нарастанием революционной ситуации и приближением Великого Октября наполняется новым содержанием термин *советский*. Вот почему, когда в знаменитом воззвании «К гражданам России!», написанном 25 октября 1917 г. В. И. Лениным, народ прочитал: «Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обещено»****, — термин *советский* быстро и прочно вошел в основной фонд национального русского языка, а затем и в языки других народов нашей многонациональной страны. В. И. Ленин, творец социалистического государства, закрепил ясный и четкий термин для него, термин, отражающий последовательно-революционную, классовую организацию государственности эпохи диктатуры

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 34, с. 17.

** Там же, с. 16.

*** Там же, с. 326.

**** Там же, т. 35, с. 1.

пролетариата. С дней Великого Октября новое значение термина обнаруживается в образовании словосочетаний, в которых прилагательное *советский* перестает быть только относительным к слову *совет*. *Советский служащий, советский работник* — не только работник Совета депутатов, но и работник любого органа и организации, созданных Советской властью. Такие разнообразные сочетания, как, например: *советская республика, советская школа, советские города, советский суд, советская земля, советские командиры* и многие другие, возникшие очень рано, являются уже прилагательными к исходному сочетанию *Советская власть*. Оно становится качественно-относительным, входя в синонимический ряд с такими прилагательными, характеризующими новый государственный строй, как *рабоче-крестьянский* (ср. *рабоче-крестьянское правительство*), *народный* (ср. *народный суд, народный комиссар*), *красный* (ср. *красные командиры*). В новом значении термина во всех сочетаниях с ним резко выдвигается противопоставление понятиям буржуазного, контрреволюционного. По этой именно линии противопоставления возникает и прилагательное *анти-советский* в значении «контрреволюционный». Таким образом, организация государства Советов во главе с большевистской партией и новые общественные отношения изменили семантическое содержание термина *советский*, сделав его основным термином новой, социалистической государственности и новых общественных отношений.

С течением времени, по мере все углубляющегося социалистического и коммунистического преобразования нашей страны, употребление термина *советский* распространяется далеко за пределы сферы организации государственности, организации власти, борьбы с интервенцией и внутренней контрреволюцией. Отражая процесс неуклонного внутреннего развития страны, термин *советский* раздвигает границы своего употребления, входит в новые синонимические и антонимические ряды, наполняется новым содержанием.

Так, с дифференциацией нашей общественной деятельности термин *советский* начинает употребляться в одном синонимическом ряду с прилагательными *государственный, правительственный* при обозначении деятельности в Советах, как органах управления, в правительственных учреждениях в отличие от деятельности в организациях партийных, профсоюзных, комсомольских,

хозяйственных. Это значение вскрывается в таких, например, сочетаниях, как *советские работники* в сопоставлении с партийными, профсоюзными, хозяйственными работниками.

Терминология, возникавшая в восстановительный период и затем в период индустриализации, показывает дальнейшее расширение содержания термина *советский*. Он входит в новые ряды противопоставлений, формирующих это содержание. В сочетаниях того времени, обозначающих многообразную промышленную *советскую продукцию, советские методы* производства и хозяйства, подчеркивается противопоставление дореволюционному, с одной стороны, и иностранному — с другой стороны. Подобные сочетания, возникавшие в период нэпа, отражали противопоставление побеждающего социалистического сектора хозяйства быстро вытесняемому частнокапиталистическому. Таким образом, в ряду этой хозяйственной терминологии в широком смысле слова складывалось новое содержание термина *советский*, вводившее его в синонимический ряд с термином *социалистический*. С победой социалистического строя, когда исчезла база для противопоставления и частнокапиталистическому и дореволюционному, когда социалистический тип хозяйства стал единственным в стране, постепенно сокращаются ряды сочетаний, вызванных этим противопоставлением. Так, сочетание *советская торговля*, очень активное в период нэпа и построения фундамента социализма, в наше время, при обозначении соответствующих отношений внутри СССР, так как вся торговля стала советской, заменяется конкретными наименованиями разных видов торговли: государственная, кооперативная и т. п. Лишь в противопоставлении иностранному, зарубежному, а также при характеристике отношений Советского Союза с зарубежными странами сохраняется терминология со словом *советский* в наименованиях продукции и хозяйственной деятельности Советского Союза. Для внутрисоюзных отношений, при отсутствии необходимости противопоставлять в наше время, распространяется термин *отечественный*: *отечественная продукция, отечественное производство* и т. п. Итак, с построением социализма термин *советский* в сфере общественно-экономических отношений приобрел глубокое общественно-политическое содержание, выступая как синоним социалистического. Ср. такие сочета-

ния, как *советское хозяйство* — *социалистическое хозяйство*, *советская экономика* — *социалистическая экономика*, и мн. др.

Одновременно и в сфере идеологической термин *советский* в эпоху социализма наполняется новым содержанием. Он выражает здесь не только отнесенность, принадлежность к Советскому Союзу, но и подчеркивает идейное содержание определяемого им понятия. В таких сочетаниях, как *советская идеология*, *советская наука*, *советское искусство*, *советская культура*, *советская мораль* и т. п., термин *советский* вступает по своему содержанию в синонимический ряд с терминами *социалистический*, *марксистско-ленинский*, подчеркивая новую классовую методологическую сущность характеризуемого понятия. Это содержание термина *советский* ясно выступает и в таких сочетаниях, как, например, *вполне советский человек*, *советские настроения* и т. п., возникших еще в период острой борьбы с отживающими классами. Прилагательное *советский* в этой сфере употребления выступает уже как прилагательное качественное, отражающее идеологическое содержание социалистической эпохи. В этом направлении происходит и дальнейшее развитие употребления термина *советский*. В условиях создания национальной по форме и социалистической по содержанию культуры всех народов нашей страны рядом с термином *советские народы*, во множественном числе, т. е. народы Советской страны, возник термин *советский народ* (в единственном числе), в котором на первый план выступает не национально-этническое содержание, а то содержание, которое характеризует содружество народов нашей страны, идейно-политическое единство социалистических наций. В этих же условиях укрепления идейно-политического единства народов нашей страны окончательно упрочился и термин *советская литература*, полностью вытеснив все прежние наименования, как, например, «крестьянская литература», «пролетарская литература», «попутническая литература» и т. п. *.

В развитии значений термина *советский* отражена история нового, социалистического общества. Здесь намечены лишь основные вехи и пути семантико-грамма-

* Ср.: Берков П. Н. О многонациональном характере советской литературы. — «Ученые записки ЛГУ». Серия филологических наук, 1949, вып. 16, с. 4.

тического развития слова. Очередная наша задача состоит в том, чтобы, опираясь на изучение развития советского общества на всех его этапах, создать историю развития словарного состава русского языка в советскую эпоху.

ЛЕКСИКА

Содержание. § А1—А2. «Системность» лексики. Соотнесенность «лексических полей». Реальные отношения внеязыковой действительности и лексическая система. — § А3—А5. Лексика, связанная с познанием физической и психической деятельности живых существ, и ее подгруппы. Лексика, связанная с развитием производительных сил общества. Лексика, связанная с производственными отношениями людей в обществе. — § А6. Характер воздействия социальных факторов на основные группы лексики. — § А7. Влияние продуктивности словообразовательных моделей на пополнение словесных рядов. — § А8. Механизм развития значений. — § А9. Лексико-стилистические средства языка. Изменения стилистической структуры лексики нашего времени. — § В10—В11. Этапы развития лексики русского литературного языка нашей эпохи. — § В12. Активизация процессов терминологизации в языке нашей эпохи. § В13—В14. Лексика и фразеология обиходной речи. — § В15. Пути изменения словоупотребления в литературном языке. — § В16. Лексические заимствования в составе лексики современного русского языка.

А1. Когда говорят о развитии современной русской лексики, то дело обычно сводится к описанию того, какими словами, пополняется словарный состав языка, какими метафорическими и иными средствами он обогащается, какие слова заменяются другими, какие слова исчезают из употребления и переходят в так называемый пассивный запас языка, каковы пути появления и исчезновения отдельных слов. И подобное описание часто называется описанием развития «лексической системы» языка, чем внушается мысль, что простым описанием фактов вскрываются внутренние закономерности движения лексики. На деле термин «лексическая система» (по образцу термина «фонологическая система») пока не имеет лингвистического содержания. Если словарный состав есть система, то каковы определяющие элементы этой системы, как они во взаимосвязи и взаимодействии обуславливают развитие этой системы — некоего единого целого на лексическом уровне языка? Этот вопрос требует еще теоретического решения.

Лингвистическая интуиция, выдвинув постулат языковой «системности» как основы для проникновения в тай-

ны закономерностей развития единиц языка, справедливо постулирует организованность языка и на лексическом уровне (Л. В. Щерба, 1940). Допущение это, предохраняя от чистого эмпиризма, позволит, с той или иной степенью исторической достоверности, осмыслить лексические процессы нашего времени. В области исторической лексикологии уже входит в практику «исследование целых групп, систем, рядов, категорий слов и законов их семантических изменений» (В. В. Виноградов, 1953).

Вероятно, такое исследование возможно и в области современной лексикологии. Система есть механизм, все части которого действуют согласованно, во взаимной связи, функции одних элементов зависят от функций других элементов. Вряд ли возможно сейчас представить в целом лексический состав языка как некую систему во всей сложности многообразных связей. Следует изучить «узлы» механизма, лексические группы, их поведение в языке. Может быть, тогда из хаоса лексического движения можно будет извлечь пласты, серии подсистем, в которых объединены элементы с однородными особенностями, и объяснить их внутреннее движение и связи с другими пластами, подсистемами. Тогда и движение лексики нашего времени предстанет в стройном виде и направит изыскания по правильному пути.

Жизнь лексики сложна и многообразна и по сравнению с другими ярусами языка ярко двупланна. С одной стороны, ее основное назначение как первоэлемента общения — отражение действительности, т. е. всего многообразного мира и отношений, в которых живет общество. С другой стороны, в достаточно развитом языке способы отражения действительности предрешены наличием и возможностями средств — лексико-семантических, стилистических, синонимических, словообразовательных и т. д. — и их внутренними отношениями. Лексическое значение слова — основное средство отражения действительности. Но от того, какое это значение — номинативное, производно-номинативное, фразеологически связанное, синтаксически ограниченное или конструктивно обусловленное (В. В. Виноградов, 1953) — зависит способ отражения действительности. Реализация лексических значений (в том числе и новых лексических значений) протекает связано с характером словообразовательных возможностей, с состоянием синтаксических отношений, с возможностями стилистического употребления слова и

составом синонимических рядов, с социальной оценкой слова.

Сложность лексики как специфического яруса языковой системы не дает возможности однопланово, одноплоскостно классифицировать весь лексический состав современного национального русского языка. Задача была бы выполнена, если бы можно было определить движение лексики разных групп, подсистем, не всегда помещающихся в одной плоскости, но совмещающихся в едином потоке развития, если бы можно было внутри групп, подсистем обнаружить действие то внешних факторов в развитии, то внешних и внутренних во взаимодействии. Элементы одной такой группировки не могут не пересекаться с элементами другой группировки, потому что любой такой элемент многолик в своем отношении к внешним и внутренним факторам развития.

А2. Номинативные и производно-номинативные значения слов непосредственно направлены на отражение действительности. Исторически в сферу номинативных могут свободно вовлекаться и другие типы значений, в том числе и метафоры. В каком отношении между собой находятся слова, обладающие такими типами значений? «Предположим, что мы со всей объективностью определили систему слов, обозначающих понятие «мысль» в данном языке. Связана ли эта группа слов, это «языковое поле» в своем развитии со словами, обозначающими в том же языке одежду или обувь? Думается, что никакой связи между этими лексическими группами нет, а следовательно, нет и никакой «системности». В словарном составе языка, как в сокровищнице слов, обозначающих многообразие предметов реальной действительности, системная связь между отдельными его частями очень незначительна и определяется в основном реальными отношениями этой внеязыковой действительности» (В. М. Жирмунский, 1958). Да, внеязыковая действительность не может служить основанием для классификации лексики как языковой системы в общем лингвистическом смысле. Однако классификация лексики по отношению к отражению действительности может служить важным подспорьем определения потенций развития лексики. «Системность» лексики в этом плане может вскрыться только при рассмотрении ее как совокупности средств отражения действительности. С точки зрения динамики общественного развития вырисовыва-

ются три лексических группы с последовательным возрастанием роли неноминативных значений.

А3. Лексика, связанная с познанием природы в широком смысле, в том числе с познанием физической и психической деятельности живых существ. Она наиболее стабильна, как стабильны явления органического и неорганического мира, и связана преимущественно с использованием номинативных значений.

Число смысловых подгрупп может быть столь же велико, как и число групп явлений реальной действительности. Темпы и пути развития отдельных смысловых подгрупп очень различны. Так, подгруппы, связанные с образованием явлений растительного мира, животного мира, неорганической природы и т. п., пополняются только или в связи с открытием новых объектов природы, или в процессе вовлечения в национальный языковой обиход названий местных или иноязычных, что бывает связано с развитием хозяйственной жизни народа. Некоторые смысловые подгруппы, связанные с обозначением физической и психической деятельности, могут интенсивно пополняться за счет расширения синонимических рядов стилистически не нейтральной лексикой. Так, подгруппа глаголов движения может пополняться такими, как просторечный *топать* в значении «идти». Такие подгруппы явно связаны с развитием серии синонимических подсистем.

Особое место занимают подгруппы терминов естественных наук. Человеческий гений в последние десятилетия открыл новые, ранее не входившие в орбиту научного знания явления природы и нашел способы создавать новые комбинации природных явлений и т. д. Создавались новые названия или происходило переосмысление старых в недрах наук, отдельных терминологических систем. С 30-х гг. со все возрастающими темпами развиваются науки — физика, химия, энергетика, математика, биология и т. д. Достижения этих наук входят в жизнь. Терминология наук, связанная с отражением действительности, с развитием общей культуры, выходит именно с 30-х гг. далеко за пределы словоупотребления специалистов. Языковой базой этой лексики являются заимствования, словообразования разных типов (вплоть до аббревиатур) и реже метафорические преобразования и местные слова.

Задача исследования состоит в том, чтобы определить пути и причины, повлиявшие на пополнение (или редуцирование) лексики национального языка, связанной с познанием природы в широком смысле. Социальное воздействие на развитие этой лексики носит глубоко опосредствованный характер.

А4. Лексика, связанная с развитием производительных сил общества. Ее развитие непосредственно связано с развитием технико-экономической структуры общества, с называнием орудий и средств производства и со всеми теми явлениями, предметами и процессами, которые сопряжены с созданием материальных ценностей. Сохранение, угасание и появление названий в этой сфере лексики непосредственно зависит от темпов развития технико-экономической структуры. Если в конце 20-х гг. — в 30-е гг. мы имеем дело со сравнительно немногочисленными изменениями в этом разделе лексики, то в эпоху социалистического переустройства общества, особенно в послевоенный период с его поступательным развитием техники, происходят значительные изменения, отразившиеся не только на профессионально-технической лексике, но и на лексическом составе общего национального языка. Языковой базой этих изменений были не только заимствования (*трактор* с его неоднозначной калькой *тягач*, *комбайн*, *лайнер*, *кемпинг*), но и диалектные слова (*проран*, *огрех*), заимствования из родственно-славянских языков (*косовица*), а особенно использование старых или создание новых слов (*спутник*, *прилуниться*, *спартакиада*, *этажность*).

Задача исследования состоит в том, чтобы определить пути и причины, повлиявшие на пополнение или редуцирование лексики национального языка, связанной с развитием производительных сил общества. Социальное воздействие на развитие и на темпы развития этой лексики более непосредственно — через развитие технико-экономической структуры общества.

А5. Лексика, связанная с производственными отношениями людей в обществе и со всякими, в конечном счете вытекающими из них проявлениями деятельности во всех сферах общественной жизни, в том числе идеологическими, эстетическими, морально-общественными. Этот разряд лексики наиболее подвижен, интенсивен в своем развитии и наиболее свя-

зан с социальными изменениями. Здесь больше, чем где-нибудь, сказывается воздействие социальной оценки лексических явлений. Языковая база изменений многообразна (см. следующие разделы).

Задача исследования состоит в том, чтобы определить пути и причины развития этого рода лексики. Тем более, что они связаны не только с непосредственным отражением действительности, но и с опосредствованным ее отражением неминативными средствами языка.

Аб. Классификация лексики по ее отношению к обозначению явлений действительности с большой долей вероятности обнаруживает, что элемент системности не чужд лексике. Все три основные группы достаточно заметно различаются по способу и характеру воздействия на них внешних факторов. В первой группе влияние социального фактора чрезвычайно опосредствованное; напротив, в третьей группе влияние социального фактора обнаруживается совершенно явственно. Следовательно, лексика третьей группы наиболее ярко обнаруживает механизм развития языка в обществе.

Реальная жизнь слова прослеживается только в содействии с ему подобными в каком-нибудь смысловом отношении. Установление рядов внутри групп, исследование внутренних отношений в ряду, объединение рядов по типу, по сходству процессов внутри них — вот один из путей определения закономерности лексического развития. Эти ряды или, условно говоря, «семантические поля», перекрещиваются с другими, внутриязыковыми подсистемами (см. дальше), вступают в многообразные связи с ними и часто, между прочим, сопряжены с синонимическими рядами. Приведем примеры.

Ряд со значением «лицо, едущее на чем-нибудь»: *пассажир, седок, ездок*. Слова прямого номинативного значения, нет ни одного нового слова, но движение в ряду произошло. Слово *пассажир* появилось еще в XIX в. в связи с появлением железных дорог. *Ездок* и особенно *седок* были до революции активными словами. С изменением видов транспорта, с появлением автомобиля, самолета и т. д., они были вытеснены из употребления. Ряд разрушен благодаря изменению реалий.

Ряд со значением «лицо мужского пола, не достигшее еще возраста зрелого мужчины»: *юноша, молодой человек, юнец, парень, хлопец, мн. ребята*. В этом ряду

происходит борьба. До революции слова были социально противопоставлены: первые три слова употреблялись, когда речь шла о молодежи привилегированных классов, остальные три — когда речь шла о крестьянской, рабочей молодежи. Старые социальные грани давно стерлись, и употребление этих слов теперь не связано с классовой принадлежностью. Но старое употребление оставило след на стилистической характеристике слов этого ряда и на речевом функционировании их. В обычной речи *парень, хлопец, ребята* — слова нейтрального номинативного значения, а *юноша* и др. чужды обычному словоупотреблению. В нормированной речи *юноша, молодой человек, юнец* (с оттенком иронической экспрессии) являются основными для выражения соответствующего понятия, а *парень, хлопец, ребята* содержат в себе оттенок разговорности, просторечности. Но в последнее время, с изменением возраста литературно говорящих людей, *парень* и *ребята* явно тянутся в литературную норму, а *юноша* и *молодой человек* начинают приобретать оттенок книжности, официальности. Этот ряд — типичный образец семантико-стилистических смещений в лексике, вызванных изменениями в социальной структуре советского общества.

Идущая по рельсам машина с паровым двигателем имела два названия: русское *паровоз* и заимствованное (более книжное) *локомотив*. Аналогичные пары нередки в русском языке (ср. *самолет* — *аэроплан*). С развитием техники, когда стали применять различные виды энергии, эта пара разрушилась. По готовой словообразовательной модели возникли *тепловоз, электровоз, турбовоз*, можно допустить появление *атомовоза, гелиовоза* и т. д. — сколько видов энергии будет использовано, столько будет словообразовательно однотипных названий. Случай идеальный для терминологического ряда. *Локомотиву* не осталось места в этом словообразовательно однотипном терминологическом ряду. Но обилие рельсовых машин, использующих разные виды энергии, требовало родового, общего для всех их названия. *Локомотив* занял это место. Все изменения вызваны внешним фактором, но они могли легко осуществиться благодаря прозрачности словообразовательных возможностей.

А7. Языковые средства, предрешающие способы выражения действительности, образуют своего рода лек-

сические подсистемы, внутренние закономерности которых влияют, как мы видели, на жизнь «семантических полей».

Словообразовательная подсистема является существенным источником наполнения «семантических полей». Чем продуктивнее словообразовательные модели и чем более специализированы их функции, тем регулярнее пополняют они словесные ряды. По-разному оформленные отглагольные существительные типа *подкармливание, подкормка, подкорм; отсасывание, отсоска, отсос* маркированы по своему употреблению в разных стилях и сферах речи. Первые модели связаны с книжной, научной речью, вторые и третьи с технической профессиональной речью. Маркированы они часто по возможностям сочетания: *прием* учащихся, больных, но *приемка* имущества. Слова *принимание* в языке нет, но по продуктивной модели оно всегда может появиться в речи. Врач, принимающий младенца, если ему понадобится назвать самый акт, может сказать, по-видимому, только «в самый момент *принимания*», но никак не *приема, приемки*. В четырехчленном ряду — *распиливание, распилка, распиловка, распил* — сходно оформленные *распилка, распиловка* конкурируют как лексемы, и одно из них по употребительности может отступать. Словообразовательная подсистема в лексике — неисчерпаемый запас «готовых изделий» и «полуфабрикатов».

А8. В развитии лексики важную роль играет механизм развития значений. Известно, что многие словообразовательные разряды слов обладают совершенно регулярными способами развития значений. Отглагольные существительные, кроме названия самого действия, могут развивать и значения орудия действия (*отвертка*), результата действия (*посадки, прицеп, протрава*), места действия (работать в *прокатке*). Однако возможностями развития подобных значений обладают глаголы не всех смысловых типов. Можно только сказать, что профессионально-техническая сфера употребления слов особенно склонна порождать такие семантические новообразования.

Хорошо известны метафорические, метонимические и прочие семантические преобразования в лексике. Однако ни типы семантических преобразований, ни типы слов, которые подвергаются таким преобразованиям, ни внешние факторы, которые содействуют таким

преобразованиям, ни причины изменений смыслового содержания слова на русском материале не изучены. Между тем, такие вопросы, как пополнение или ограничение синонимических рядов, изменение состава «семантических полей» требуют классификации типов семантических преобразований для обнаружения особенностей развития лексики нашего времени.

А9. Своего рода лексической подсистемой являются лексико-стилистические средства языка. Для каждой эпохи они являются исторически отстоявшимися средствами отражений действительности. Стилистически маркированная лексика, как и другие средства языка (особенно синтаксические), является базой организации жанрово-стилистических разновидностей литературной речи.

Лексико-стилистическая подсистема — наиболее сложная сфера языка. Тройственное противопоставление «высокого», «не высокого» и «нейтрального» не исчерпывает этой сложности. «Высокое» и «не высокое» содержат в себе многообразные стилистические градации, а «нейтральное» крайне неоднородно. «Нейтральное» и «высокое», «нейтральное» и «не высокое» имеют зыбкие и подвижные границы. Обобщающих исследований стилистического состава русской лексики нет или они основываются на данных словарей (О. С. Ахманова, 1957). Данные словарей недостаточны и противоречивы.

Впервые стилистическая классификация лексики литературного русского языка была представлена в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Все последующие нормативные словари — четырехтомный Академии наук СССР и однотомный С. И. Ожегова — в основном следуют принципам словаря Ушакова, внося лишь частные поправки к отдельным словам. Сам словарь Ушакова во многом непоследователен и противоречив в стилистической оценке слов. Можно заметить, что чем ближе к концу алфавита, тем реже встречаются пометы «книжное», «фамильярное», а пометы «газетное», «публицистическое» почти исчезают. Исторически это объясняется просто. Принципы стилистической оценки лексики и стилистическая номенклатура вырабатывались на десятом году революции, в переломный момент развития русского литературного языка, когда еще неясны были тенденции его развития, а стилистические оценки давались, главным образом, с позиций

представлений о стилистическом составе дореволюционной литературно-интеллигентской речи. К концу 30-х гг., когда яснее обнаружались новые отношения в языке, стилистические оценки становятся иными.

Стилистическая структура лексики нашего времени претерпела большие изменения. Нейтральный слой значительно расширился. Изменили свой состав и «окрашенные» слои. Но можно ли подходить к стилистическим классификациям со старыми мерками, если претерпели изменения сами формы существования современного национального языка? Определение нейтрального и «окрашенных» слоев должно ли опираться только на синонимические противопоставления? (Л. В. Щерба, 1939). Покрывает ли понятие «просторечие» как стилистическая категория литературной речи специфические особенности обиходной речи? Каковы границы нейтрального слоя и каковы критерии включения в него терминологической лексики, относимой обычно к книжно окрашенной лексике? Эти вопросы должны быть учтены при анализе конкретных изменений в лексико-стилистической подсистеме современного языка.

Б10. Бурное развитие лексики после революции тесно связано с коренными изменениями в общественной и государственной жизни страны, с социальной и культурной революцией. Темпы развития советского общества непосредственно отражаются на темпах развития лексики. Однако многие новые явления, в которых обнаруживаются живые тенденции современности, не родились вдруг, в наше время. Они порождены предшествующим ходом развития языка. Зародыши новых явлений возникли задолго до наших дней, но так как по характеру своему эти явления чрезвычайно близки к явлениям нашей современности, они часто воспринимаются как новые, только что появившиеся, и неоправданно выстраиваются в один хронологический ряд с действительно новыми явлениями, словами и значениями, порожденными общественной практикой нашего времени. В отношении некоторых явлений, некоторых разрядов слов это создает минимую картину разрыва между лексикой дореволюционной и послереволюционной эпохи.

Происходит это потому, что словарный состав русского языка второй половины, а особенно конца XIX и начала XX в. почти не изучен. О развитии лексики этого

времени имеются только самые общие представления. Между тем, знание путей развития лексики этого времени имеет исключительное значение для понимания развития словарного состава языка в советскую эпоху. Ведь то время было периодом развития демократического движения, периодом роста рабочего движения, периодом первой революции и распространения марксистской идеологии в рабочем классе. С другой стороны, это был период количественного роста рабочего класса, пополнявшегося представителями разнодиалектического крестьянства, роста городского, «непривилегированного» населения.

В речи демократической и социал-демократической интеллигенции, в речи передовой части рабочего класса, в демократической и рабочей печати, в марксистской литературе возникали слова и черты словоупотребления, отражавшие идеологию и потребности передовой части общества. Используется терминология французской революции XVIII в. и Парижской коммуны, появляются новые заимствования и кальки, применимые в условиях русской жизни (А. М. Селищев, 1928). Создаются терминологические особенности, характерные для практики и теории революционной борьбы, партийной жизни, получившие широкое распространение после революции. С одной стороны, это заимствованные слова типа *национализация, дискуссия, демонстрация* («шествие»), *пленум, мандат, директивы, декрет, аграрный, авангард рабочего класса, гегемон революции, элементы* («слон общества»), *петиция* (А. М. Селищев, 1928), *современный режим* («общественный строй»), *эксплуатация* (в общественно-политическом смысле). С другой стороны, это русские слова, новообразованные или семантически преобразованные, типа *массовка, царизм* (с отрицательным оттенком; ср. у Стояна безоценочно: *царизм* — монархизм в России), *партийное строительство, самокритика, хвостизм, беспартийный, кружок* («группа людей»), *стачечник, попутчик, наказ, уклонение* (в политическом смысле), откуда современное *уклон*. Создаются серии слов с новыми значениями, вызванные новыми потребностями: *сознательный и организованный рабочий, осознать значение событий, работник* (в значении «сотрудник»), *заезжатель — заезжательство* (А. М. Селищев, 1928). От предреволюционного времени в памяти некоторых людей еще сохранился эмоциональ-

ный ореол слова *учеба*, которое трактовалось как «затупляющее ученье».

Практика аббревиатур была широко распространена в партийной среде, и воздействовала в этом отношении на послереволюционную речь, хотя сам репертуар аббревиатур типа *эсдэ* (откуда *эсдек*), *эсер*, *кадэ* (откуда *кадет*) и т. п. был незначителен.

На послереволюционное распространение аббревиатур и сложносокращенных слов типа *комбат*, *начдив*, *комполка*, *штабарм*, *земгусар* и т. п. оказала огромное влияние практика употребления их в годы первой мировой войны не только в приказах, но и в устной речи миллионов военнослужащих. Известны были и усечения: *экс* из *экспроприация* (ср. современное *спец*), а в разговорной фамильярной речи *трам* из *трамвай*.

Совершенно не исследована массовая городская речь конца XIX — начала XX в. Между тем, многие лексические элементы, как стилистически сниженные, вошедшие в общую речь после революции и используемые в художественной литературе с различными стилистическими оттенками, возникли в среде «непривилегированного» городского населения. Многие лексические элементы старого городского просторечия были семантически преобразованы или стилистически нейтрализованы, и в этом виде вошли в общую речь, в речь современной интеллигенции. Разграничение в этой сфере лексики старого и нового позволит правильно оценить лексические процессы, глубоко связанные с изменениями в социальной структуре общества. Особенно важны в этом смысле процессы стилистической нейтрализации.

Неизученность старого городского просторечия и «сниженной» лексики вообще приводит иногда к полному искажению исторической перспективы. К «словам языка деревни, фабрики, низших городских слоев, относят такие, как *выжига*, *склока*, *лодырничать*, *питерский*, *зряшный*, *ляпнуть* (перен.), *подстегнуть* (перен.), *просадить* (перен.), *объегорить*, *жульничать*, *растранжирить*, *зря*, *пешедралом*» (А. М. Селищев, 1928), хотя многие из них не только в предреволюционное время, но даже еще в XIX в. были в употреблении интеллигенции, т. е. в стилистически окрашенном составе лексики литературного языка.

Трудности изучения лексики дореволюционного просторечия, дореволюционных жаргонов велики, но не не-

преодолимы. Словари в этом отношении дают мало материала. Выпуски «Словаря русского языка» Академии наук не были завершены, подавляющее количество иллюстраций в них относится к XIX в., новая, предреволюционная, тем более демократическая, литература почти не использована. По словарю Ушакова можно получить лишь косвенные данные, анализируя стилистические пометы. Только иногда в нем встречаются ценные, реальные комментарии. О слове *неполадка* сказано: новое, из языка шахтеров Донбасса.

Приведем некоторые примеры преобразования лексики торгово-ремесленного жаргона предреволюционного времени. В современной обиходной речи известен глагол *оторвать* в значении «удачно и выгодно купить, приобрести», обычно с ироническим оттенком. Это не метафора нашего времени. В торгово-ремесленном жаргоне глагол этот употреблялся в значении «нажить столько-то», о чем свидетельствуют выражения: *оторвать тринку* (3 рубля), *оторвать колесо* (1 руб.), *оторвать царя с ярыжником* (1 р. 50 коп.). Вообще глагол *рвать* в этой среде употреблялся в числе прочих обобщенно-экспрессивных слов со значением «приобретения, захвата для себя чего-нибудь». На этой почве возникали серии производных слов, например, *рвачка*, *рванция* — о хорошей торговле, когда покупатели быстро раскупают товар, рвут его. В этой же среде возникло слово *рвач* в значении «любитель легкой наживы, тот, кто наживается от повышения цен». (Ср. во времена нэпа: *рваческие цены*). Широко известным это слово стало после нэпа и употреблялось с оттенком осуждения в значении «человек, стремящийся только к извлечению личных выгод из своей работы, к большой зарплате». Известное выражение 30-х гг. *буржуазное обрастание* несомненно восходит к ассоциациям, связанным с употреблением глагола *обрастать* в значении «обогащаться, разживаться товаром». Наше *разбазарить* восходит к жаргонному в значении «распродать». *Развернуть торговлю* значило «подготовить торговое место, разложить товары».

ВII. Развитие лексики национально-литературного языка прошло через несколько этапов.

Для первых лет революции и 20-х гг. характерны изгнание и естественное отпадение лексики, связанной со свергнутым общественным строем и чуждым народу буржуазно-дворянским бытом; появление новой термино-

логии для обозначения новых форм государственности, общественного строя, быта; наплыв сложносокращенных слов и лексики городского просторечия, жаргонов, проникнувших не только в устную речь, но и в художественную литературу.

В 30-е гг., когда уже сложилась новая советская интеллигенция, происходит известная стабилизация лексических норм. Ограничивается употребление сложносокращенных слов. Ведется борьба против так называемой вульгаризации и загромождения литературного языка лексикой просторечия и жаргонов, что привело к известной стилистической сглаженности языка художественной литературы и публицистики; происходят постепенные изменения в словоупотреблении, внешним фактором чего были изменения в социальном составе основных носителей литературного языка; происходит бурный рост новой лексики, связанной с развитием социалистического строительства и новых общественных отношений.

В 40—50-е гг. в литературный язык широко вливается новая лексика, связанная с развитием естественных наук, техники и с новым этапом социалистического строительства; многие элементы лексического просторечия усваиваются литературным языком; возрождаются в разных функциях лексические элементы, которые в первые годы ушли в пассивный запас языка; усиливается, особенно в послевоенное время, жаргонное словоупотребление среди молодежи; ведется борьба за чистоту языка, главным образом против речевых штампов и жаргонного словоупотребления.

Понятно, что периодизация развития лексики, чтобы быть объективной, должна опираться на массовый материал, показывающий время появления или отмирания слов и выражений или целых разрядов слов. Если речь идет об обозначении реалий, то время их появления можно установить точно, так как лексика является зеркалом развития общественной жизни. Так, например, термин *дом отдыха* появился с момента организации таких учреждений в соответствии с декретом, изданным в 1921 г. Указом Верховного Совета СССР учреждено было воинское звание *генерал* (7. V. 1940 г.), образованы *министерства* и установлена должность *министра* (15. III. 1946 г.). Изучение развития общественной жизни, техники, экономики подскажет точное или относительно точное появление, например, слов *субботник* (10. V.

1919 г.), *пятилетка* (март — апрель 1929 г.), *ударник* (1929 г.), *стахановец* (август 1935 г.), *целинник* (1954—1955 гг.), *колхоз* и производные от него (конец 20-х годов), *радио* (середина 20-х гг.). Знание хронологии основных терминов позволит установить, с известной степенью достоверности, время появления целых разделов лексики, связанных с возникновением новых явлений действительности (ср. *радиовещание*, *радиолокатор* и многие им подобные; название профессий в колхозах). Изменение техники производства приводит и к ликвидации многих реалий, а затем к отмиранию названий их (орудий труда, профессий, производственных процессов и т. п.). Труднее установить хронологию лексики бытовой, экспрессивной, нетерминологической. Только привлечение косвенных данных — показаний художественной литературы, публицистики, исторических соображений о ходе развития социального состава носителей литературного языка — может оказать известную помощь.

Б12. Номинация новых явлений — типичный внутренний процесс языка, хотя и тесно связанный с действием внешних факторов. Чем интенсивнее общественная жизнь, чем быстрее развивается экономика, промышленность, техника, наука, тем интенсивнее процессы номинации. Русский язык нашей эпохи в этом отношении не представляет исключения — ему так же, как русскому языку XIX — начала XX в., как и вообще любому другому языку, свойственны эти процессы. Однако в этом есть и существенные отличия, количественные и качественные. Советский Союз за короткое время сделал огромный скачок в экономическом развитии. Отражая это бурное развитие, терминологическая лексика за короткий срок пополнилась многими тысячами новых слов и образовала мощный слой в ткани русского языка, так как значительное количество этих слов вышло далеко за пределы словоупотребления специалистов и вошло в общий язык. Развитие терминологических систем, источники их пополнения и социальные причины массового вовлечения многих терминов в общий язык — все эти вопросы нуждаются в конкретных исследованиях.

На фоне активных процессов номинации развивается широкая терминологизация речи. Эта тенденция выражается в многообразных формах, получая опору в условиях нашей общественной жизни. Плановое хозяйство и хозяйственный учет, связанный с фиксацией каждой

отдельной операции, далеко идущее разветвление наук, производств, дифференциация труда и трудовых процессов, необходимость соблюдения определенного порядка в общественной деятельности вызывали потребности точной квалификации и удобной для общения номинации отдельного акта, деятеля, явления, операции.

Несомненно, что практика аббревиатур содействовала росту этой тенденции. Замена длинного словосочетания в названиях учреждений (*ВЦИК* вместо *Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет*, *ВОКС* вместо *Всесоюзное общество по культурным связям с заграницей*) представляла значительные удобства в общении. Первые годы революции были временем неограниченного распространения аббревиатур. Постепенно их употребление в общем языке, с середины 30-х гг., ограничивалось и в конце концов свелось к аббревиатурам общеизвестных учреждений. Но в местном и особенно в ведомственном употреблении они по-прежнему являются главным способом называния учреждений. В армии аббревиатурами пользуются не только при названии учреждений, но и для обозначения устойчивых словосочетаний терминологического характера: *из* — неприкосновенный запас, *кл* — командный пункт*.

Ярко проявляется эта тенденция и в развитии сложносокращенных слов — существительных и прилагательных. Стяжение словосочетания в слово оказалось очень удобным способом терминологизации, широко распространившимся во всех сферах деятельности — научной, промышленной, сельскохозяйственной, спортивной. Словообразовательные типы многообразны, но прочнее всего, как самая продуктивная, закрепилась модель: усеченное прилагательное + несокращенное существительное. Достоянием общего языка являются не названия учреждений, а названия предметов, понятий, лиц. Причины устойчивости различны. Некоторые сокращения перестали совпадать по значению со словосочетаниями, из которых произошли. Другие настолько закрепились в общественной практике как удобные термины (*агитпункт*, *жилплощадь*), что не вызывают никаких ассоциаций со словосочетаниями, из которых произошли. Иные только по виду сложносокращенные слова, а на деле они

* Такие аббревиатуры охотно используются с шутливым оттенком в обиходной речи: *из* (о продуктах, которые не нужно сразу расходовать), *чл* — чрезвычайное происшествие и т. п.

обычно могут не иметь за собой реально сокращаемых сочетаний. Это образования с лексико-морфемами типа авто-, радио-, электро-, лесо-, хлебо- (автоинспекция, хлебозаготовки, электрополотер).

В потоке сложносокращенных слов, отражающем общие тенденции терминологизации речи, особое место занимают прилагательные. Их словообразовательная структура многотипна, а различные виды агглютинативного сцепления основ могут служить для обозначения в одном слове сложного представления (*лесозащитный* — «относящийся к посадке леса для защиты сельскохозяйственных культур», *лесохимический* — «относящийся к химической переработке древесины», *винтомоторный* — «основанный на действии двигателя-мотора с воздушным винтом-пропеллером», *безналичный* — «производимый без расчета наличными деньгами»). По функции сюда примыкают прилагательные (сложносоединенные слова), образующие тесное сочетание — лексему, отражающее особый оттенок мысли (*планово-предупредительный ремонт, растворо-бетонный узел, строительно-монтажный, политико-просветительный*), прилагательные из определения + определяемого (*долгоиграющая пластинка, дорогостоящий ремонт*). Темп терминологизации по сравнению с дореволюционным временем необычайно возрос. Если раньше в специальной литературе довольствовались описательными выражениями (например, «песчаные почвы с примесью глины»), то в наше время создается терминологизированное обозначение (*песчано-глинистые почвы*). Этот терминологизационный процесс нуждается в дальнейшем исследовании.

В широкий терминологизационный поток включаются слова с родовым значением. Когда говорят об уборке хлебов, жатве колосовых, косье травы и т. п., то предпочитают обозначать их словом *косовица*. Вместо описательных оборотов, перечисления видов какого-нибудь явления применяются обобщающие названия (*оснащение, оборудование, питание, транспорт*). Это явление свойственно не только официальной речи, но широко проникло и в разговорную речь. Не только *общественное питание, трехразовое питание*, но и (в разговорной речи) *в дороге с питанием было трудно*. Не только в официальных контекстах типа *работа городского транспорта в праздничные дни*, но и в обыденной речи: *Видал его. Когда еще на грузовом транспорте работал* (К. Федин).

Обобщенные названия групп профессий стали применяться еще в дореволюционной России в связи с развитием профсоюзного движения (*металлисты, печатники*), а в наше время потребность в таких названиях увеличилась. Дифференциация и разделение труда вызвали появление большого числа новых профессий и, следовательно, появление новых названий или использование старых слов в терминологическом значении. Отсюда понятна потребность создания обобщающих названий для родственных профессий (*текстильщики, обувщики, пиццевики, речники*). Особенно нагляден этот процесс в сельскохозяйственном производстве, где в советскую эпоху, при общественной форме хозяйства, возникла значительная дифференциация труда (*полевод, кукурузовод, доярка и дояр, свиновод*). А для работников на машинах (*тракторист, комбайнер* и др.) появилось уже обобщенное название (*механизатор*).

Способы обозначения действительности, перечисленные выше, не альтернативны в том смысле, что в языке не существует других способов обозначения, противопоставленных данным. Они стилистически нейтральны в том смысле, что их употребление зависит только от содержания речи.

Более глубокие, внутриязыковые процессы терминологизации речи связаны с употреблением отглагольных существительных — названий действия-акта, действия-операции, состояния-результата действия. К ним примыкают некоторые отвлеченные существительные (например, существительные на *-ость* от страдательных причастий). Они очень удобны, так как действия-акты (подобно существительным конкретного значения) могут подвергаться счету и иметь качественную характеристику. Потребность применять в речи терминологизированные отглагольные существительные привела к некоторым синтаксическим смещениям. Значительно повысился удельный вес описательных оборотов по сравнению с противопоставленными им глагольными конструкциями (*устраивать скандал* вместо *скандалить*, *производить поливку* вместо *поливать*, *совершать нападения* вместо *нападать*, *делать поворот* вместо *поворачивать*). Получил подкрепление аналитизм в росте предложных конструкций разного рода (*энтузиаст по выращиванию свеклы, магазин по продаже семян*), особенно в распространенных предложениях.

В терминированной речи (например, научной), конструкции с отглагольными существительными вполне оправданы (Г. О. Винокур, 1928). В наше время терминологизация получила широкое развитие во всех сферах речи: в научно-технической, профессиональной, публицистической (*самолет пошел на снижение, сад вступает в плодоношение, в трубопроводе произошел засор, машина пошла на разворот, сделать две ездки, весенний высев бобовых, выемка писем производится пять раз, штрафной удар проводит Иванов, хочу начать лекцию с показа диаграмм, начался выброс нефти*).

Терминологизация, затронув специальные сферы речи, широко распространилась и в речи быденной, разговорной. Так, официальное слово *посадка* вместо соответствующего ему глагола стало общепринятым (*где тут посадка?, почему нет посадки?*). Возникает стилистически ущербное употребление описательных оборотов: *у нас произошла беседа с женой* («Известия», 1961, № 136); *ты выйдешь, когда автобус сделает поворот* (запись живой речи).

Б13. Лексика обиходной речи. «Когда мы будем располагать большим соответствующим материалом, то вторым языковым рядом городских арг может быть и окажется некий «низкий» общий разговорный язык — «городское просторечие» (Б. А. Ларин, 1928). В эти прогнозы 20-х гг. жизнь внесла существенные поправки. Социальная структура нашего общества такова, что нет почвы для развития социальных арг как замкнутых средств общения, нет поэтому и почвы для становления «низкого» разговорного языка как системы, противопоставленной литературному языку. В наше время обиходная речь — это ненормированная форма национального общения. Ненормированная и нормированная (литературная) формы, при отсутствии социально нерушимых классовых перегородок, взаимно проницаемы. Включение в норму ненормированных явлений — дело времени, необходимого на преобразование стилистических традиций литературной речи.

Лексические признаки обиходной речи начинают отставаться и становиться общими к 40—50-м гг. В первые годы революции вышла из своих социальных берегов речь городских «низов», но она не была единой ни по происхождению, ни по сферам бытования и отражала всю сложность дробной социальной дифференциации.

Диалектные навыки причудливо смешивались с жаргонным словоупотреблением, со словоупотреблением дореволюционного мещанства, с приемами речи торговцев и городских ремесленников. Эта сложная картина нашла отражение в художественной литературе тех лет, и поэтому художественная литература может служить источником изучения характера городской речи. Культурная революция, внедрение норм литературного языка привели к тому, что новые поколения интеллигенции освобождались от тех элементов словоупотребления, которые были периферийны для общего языка, и сохраняли все то, что стало общим для городской речи, что не противоречило духу национального языка, хотя и не входило в литературную норму, не было результатом имманентного развития литературной речи.

Лексика и фразеологизмы обиходной речи известны говорящим и понятны им. Но в литературно нормированной речи они используются как стилистическое средство, в художественной литературе — для характеристики персонажей, в фельетонах, в публицистической речи. В устной литературно нормированной речи они применяются тоже, но обычно несут ту или иную стилистическую нагрузку, оттенок иронии и т. п. В словари такая лексика часто не включается, а то, что включается, снабжается пометами «просторечное», «разговорное», «грубое». В естественном разговоре ненормированного типа обиходная лексика не несет никакой стилистической нагрузки, не считая того, что многие лексемы или обороты могут служить формой выражения той или иной экспрессии. Применение обиходной лексики без стилистической нагрузки в авторской речи художественных произведений свидетельствует о широкой экспансии ее.

Лексика и фразеологизмы обиходной речи с точки зрения носителей литературно нормированной речи очень многообразны; они могут обладать и не обладать социально-языковой окрашенностью, могут служить средством стилистической окраски в литературно нормированной речи и могут легко входить в нормированную речь как средство естественной коммуникации в естественном общении представителей современного общества, владеющих национальными, не диалектными языковыми средствами. По происхождению эта лексика и фразеологизмы восходят или к народно-диалектной речи, иногда закрепленной в фольклоре, или к старому

городскому словоупотреблению, или к новгородской речи, имманентно развивающейся на путях контактов с литературно нормированной речью. Многие лексические элементы обиходной речи восходят к профессиональной речи, к «очищенной» жаргонной. То, что многие лексические элементы современной обиходной речи можно встретить у писателей XIX — начала XX в. без всякой, казалось бы, стилистической окраски, свидетельствует о сдвиге литературной нормы.

Предстоит еще анализ на материале живой речи (а не только на материале художественной литературы и т. п.) социально-речевых источников обиходной лексики, сферы ее употребления, речевых и бытовых ситуаций, в которых она употребляется, условий и закономерностей вовлечения ее в литературную норму или затухания. Социально-лингвистическая оценка слова в прошлом и настоящем, сознательное нормирование, социальная необходимость слова — все это определяет судьбу слова, значения, оборота в обиходной и литературной речи. Вот некоторые характерные явления.

Типично употребление прямых синонимов, противопоставленных литературной лексике. *Получка* — «зарплата» (старое рабочее словоупотребление). *Роспись* — «расписка». Обычно говорят «тут его росписи нет» (*роспись* из «расписаться в чем-нибудь» по образцу *подпись*). *Подружка* — «приятельница», «хорошая знакомая» (в литературном только уменьшительное или о «девочках»; из диалектов). *Дружок* — «приятель» (в литературном уменьшительно-ласкательное; современное обиходное из диалектов: употребляется нейтрально или отрицательно). *Годок* — «одногодок» (из диалектов). *Сестренка, братишка* — «сестра», «брат» (не только о маленьких, но и о старших). *Зануда* — «нудный» человек (из украинского). *Именинник* — «тот, у кого день рождения, новорожденный» (забвение литературного значения). *Жинка* — «жена» (из украинского). *Батя* — «отец» (из диалектов). *Парни, ребята и девчата* — о молодых людях. *Поставить* — «назначить» на какую-нибудь должность, работу (из старого рабочего употребления, восходящего, возможно, к военному *поставить на пост*). *Простыть* — «простудиться» (из диалектов). *Пошить* — «сшить» (из профессиональной речи). *Брать* — «покупать» (*почем ситец брала*, ср. старое *забирать товар, заборная книжка*). *Гулять* — «быть в отпуске» (из диа-

лектного употребления). *Справлять свадьбу, справить костюм* (из диалектного употребления, вошедшего в фольклор). *Ему сравнялось 20 лет* — «исполнилось». *Выправить* — «получить» (*выправить документы*). *Случаем* — «случайно» (*вы случаем не на вокзал идете?*). *Днями* — «на днях». *Вроде* — «как будто», «кажется». *Вперед* — «раньше» (*вперед узнай, а потом говори*). Знаменитое *обратно* — «опять». *Аж* — «даже» (*аж взопре*; из диалектов).

В обиходной речи словообразовательные возможности реализуются свободнее, чем в речи нормированной. Возможно, что здесь сказывается живучая стихия диалектной речи. Это — почва для существования и пополнения синонимических рядов.

Сейчас широко употребляется наречие *запросто* в значении «просто», «легко» (*он его запросто обыграет*). Оно возникло на фоне известных *зазря, задаром, за- всегда* и не является семантическим преобразованием литературного *запросто* «без соблюдения формальностей, требуемых обычаем» (*прийти в гости запросто*).

Показательно для обиходной речи употребление некоторых типов префиксированных глаголов, не отличающихся по значению от глаголов нормированной речи. Выделяется тип глаголов, в которых присоединяемая к совершенному виду приставка не меняет значения. Ср. старые образования *заявиться* — «явиться, появиться», *заполучить* — «получить, приобрести» и новое *заснять* — «снять, сфотографировать» (из профессиональной речи). Сходное с этим — префиксальное образование совершенного вида от глагола, которому в литературной речи не свойственно такое образование: *займешь, поимешь*.

Характерно сосуществование в обиходной и нормированной речи разноприставочных однокоренных глаголов с одним значением. *Сравняться* — «поравняться» (*Он отводит взгляд, когда женщина вот-вот должна сравняться с ним*). Ср. еще *спробовать* — «попробовать», *сготовить* — «приготовить» (о еде). Противопоставление бывает прямолинейным тогда, когда в обиходной речи употребляются готовые слова, например, из диалектов. Более сложными отношениями отличается употребление, возникшее внутри обиходной речи и на почве контактов с нормированной речью. В нормированной речи различаются *прикурить* — «зажечь папиросу от уже закуреной, сблизив их», и *закурить* — «зажечь папиросу любым

способом, но только не от другой папиросы». При полном сходстве реального содержания в обиходной речи *прикурить* употребляется в значении «закурить». Слово *перекур* — «короткий перерыв в общей работе для курения», возникло, как это ясно из значения, в рабочей среде, отсюда и значение глагола *перекурить* — «покурить во время перерыва». При полном сходстве реального содержания в обиходной речи *перекурить* употребляется в значении литературного *покурить*. Глаголы *признать* и *узнать*, близкие по реальному содержанию, в литературной речи различаются только возможностями управления (*признать в проезжем старого друга; узнать старого друга*). В обиходной речи различия утратились и *признать* употребляется как синоним *узнать* (*она признала лестницу, по которой спустилась накануне; ты разве не признал меня?*).

В обиходной речи словообразовательными средствами выражаются те формы экспрессии, которые в нормализованной, литературной речи могут быть выражены и словообразовательно, и синтаксически, и средствами словосочетаний. Так, глагольная приставка *под-* в обиходной речи служит не столько для обозначения ослабленности действия, проявления его не в полную меру, немножко (как говорится в словарных определениях), сколько для выражения разного рода экспрессий (вежливости, иронии, стремления не обидеть и вместе с тем выразить нужную мысль и т. п.). Если *подсократить* может быть понято и как прямое «немного сократить», то в *поднажиться* на первый план выступает экспрессивный оттенок, ср. *завмаг решил поднажиться и завмысл цену* (из фельетона). Вряд ли он решил «немного нажиться». Стирание семантических различий может привести к безэкспрессивному употреблению синонимов: на этом комбайне лучше *подзаработать* (-заработать) можно. Нейтрализация не только семантического, но и экспрессивного значения особенно показательна в префиксальных образованиях с приставкой *при-*: *недавно я приболел* (поболел); *призабыл* (-позабыл), что на предыдущем кадре уже было снято, он начал то же самое (комментатор телевидения); поезд сильно *примедлил* (-замедлил) ход; ср. *примаяться* (-умаяться), *припоздать* (-опоздать) и т. п. В меньшей степени нейтрализации подвергаются полуэкспрессивные образования с *недо-*: *недопонять, недовыполнить* и т. п.

Характерная черта обиходной речи — уменьшительные образования, служащие только формой выражения разного рода экспрессии (вежливости, дружеской фамильярности, иронии, извинения и т. п.). *Билетики предъявите, граждане! Вот обзаведусь моторочкой и летом — куда угодно. Жизнь? Работка ничего, не пыльная. Так что вот такая у нас обстановочка. С характеристикой неувязочка получилась.* Той же цели служат наречия (*коротенько, культурненько, ясненько, осторожненько*).

Семантическое развитие лексики обиходной речи обладает своеобразными чертами. С этой точки зрения представляет интерес круг лексики, у которой развиваются переносные значения. Преимущественно это лексика диалектного, профессионального употребления. В глаголе *погореть* новое значение «потерпеть неудачу в чем-нибудь» возникло из диалектного *погореть* в значении «лишиться крова и имущества вследствие пожара» (ср. литературное *погорелец*, применявшееся прежде, главным образом, по отношению к крестьянам). Новое значение глагола *пропесочить*: «разбирая чьи-нибудь недостатки, разругать, сделать выговор» возникло из профессионального *пропесочить* — «протереть с песком до лоска; продрать с песком». У глагола *проработать* переносное значение с шутливым оттенком — «подвергнуть кого-нибудь всесторонней критике» — возникло от нового в 20—30-е гг. значения «всесторонне изучить», «детально обработать» (*проработать главу, проработать план занятия*). *Запороть* — «испортить неумелой, небрежной работой» — возникло из портновского «разрезать ткань во время распарывания».

Часто новые значения переносного типа закрепляются тогда, когда образ конкретного действия накладывает свой отпечаток на новое значение: *топать* — «идти».

Б14. Процесс возникновения нового смыслового оттенка может быть связан с употреблением слова вне свойственного ему словосочетания. В этих случаях значение словосочетания включается в смысловое содержание одного слова. Конечно, это не всегда ведет к вычленению нового, самостоятельного значения, а характеризует только типичный способ употребления. Из *переживать* что-нибудь, каким-нибудь образом (*тяжело переживал горе* и т. п.) не без влияния существительного *переживание* возникло значение «волноваться, страдать из-за чего-нибудь» без управляемых слов. употребле-

ние глагола *подсказать* без управляемых слов привело к оформлению значения «посоветовать»: *поговори с ним, он хорошо подскажет*. Из словосочетаний *нарушать правила, постановления* и т. п. возникло употребление глагола вне связанных словосочетаний (*гражданин, вы нарушаете*) и существительного: *оштрафовать нарушителя. Он в отпуске? — Нет, уже вышел* (т. е. вышел на работу). Из различных словосочетаний возникает употребление, еще далекое от того, чтобы стать полноценным значением слова: *строго предупредить кого-нибудь* (т. е. сделать предупреждение), *руководство его поправило* (т. е. помогло исправить ошибки в работе).

Параллельно идет процесс создания новых оттенков значения при появлении новых форм сочетаемости, в частности при появлении управления у глаголов, не имевших его, или нового управления: *агитировать за что* (было *агитировать за кого*), *агитировать кого* (уговаривать), *командовать над кем, стимулировать на что* и т. д.

Мало изучены особенности словоупотребления обиходной речи. Происходят лексические замены по смежности обозначаемых реалий: вместо *спать* принято говорить *отдыхать* (*я лег отдохнуть после 12 ночи*); вместо *потолстеть, пополнеть* принято говорить *поправиться* (*после курорта на два кило поправился*). Распространено эвфемистическое словоупотребление (говорят *встречаться, дружить* о незарегистрированном и необъявленном браке). Литературная лексика, стилистически окрашенная в нормированной речи как сугубо книжная, канцелярская и т. п. употребляется как нейтральная (*иду с супругой в театр; он больше не проживает у отца*).

Лексические формулы бытового общения, лексика реплик в диалогической речи многообразны по своему происхождению (часто диалектному, иногда жаргонному). Приветствия при встрече и прощании: *как жизнь, здорово! салют! бывай, до скорого*, более старое *пока*. Утверждение и выражение согласия: *ага, точно, добро или добре*. Реплики несогласия, отрицания: *подумаешь! (Ты так простудишься! — Подумаешь!)*, *прямо (Ты ведь ничего не знаешь об этом — Прямо! Я все знаю)*, удивления, например, *надо же (Ивана в больницу положили. — Надо же, а я ничего и не знала)*.

Б15. Изменение словоупотребления в общем, литературном языке идет по двум основным путям.

Первый путь — в лексике непосредственно отражаются изменения, происшедшие в действительности. В первые же годы революции выходит из активного употребления лексика, связанная с обозначением явлений старого государственного и общественного строя, разрушенного Великой Октябрьской социалистической революцией: названия учреждений, должностей, лиц, обозначения действий, связанных с особенностями государственной жизни старого режима и быта высших классов общества. Создаются целые серии новых названий — обозначений новых учреждений, новых обязанностей, новых форм общественной жизни (*субботник, смычка, спайка*) и т. п. Видоизменяются или заменяются названия — обозначения государственных функций, сходных по форме, но изменивших свое реальное содержание. Так, например, *присутственный день* — название, связанное с работой служащих в дореволюционных канцеляриях, заменяется единым обозначением рабочего времени — *рабочий день*. Многие слова, отражающие явления старого строя и быта, сохраняются, но в новом, переносном значении с оттенком неодобрения или в ироническом употреблении: *чиновник* — «бездушный работник, формалист», *бюрократ* — то же, но с большим бранным оттенком, *богадельня* — «место, где без особой затраты труда можно получать хорошее вознаграждение», *казенный* — «бездушно-формальный», *вельможа* — «работник-самодур», — *вояж, спич, особа, стезя* — с оттенком иронического отношения к изображаемому.

История развития метафорических значений тесно связана с отражением явлений действительности. Идея борьбы с отживающим старым, с пережитками, с врагами революции, борьбы за построение нового быта содействовали широкому развитию метафоризации военной терминологической лексики, использованию лексики высокого стиля, особенно во время Великой Отечественной войны и после нее. Изменения в лексике, непосредственно отражающие изменения в действительности, процессы появления новых слов в связи с развитием экономики, техники, новых форм быта привлекали основное внимание исследователей (А. Мазон, 1920; А. М. Селищев, 1928 и др.).

Второй путь изменений в словоупотреблении более сложный. Нет непосредственных связей с изменениями в реальной действительности. Более того, изменяется

словоупотребление без всяких явных изменений в самой действительности. Дело в постепенном и последовательном изменении социальной структуры общества, в изменении социального состава носителей литературного языка. Выветривались унаследованные традиции употребления, создавались новые, на основе социальных оценок старого употребления. Происходили как бы незаметные сдвиги, не объяснимые с точки зрения необходимости новой номинации. Тут мы встречаемся с реализацией многообразных лингвистических вкусов, с проникновением в обиходную речь слов делового, газетного или профессионального употребления.

Действительно, чем объяснить социально, что стали говорить *зачитать резолюцию* вместо *огласить*; *продукты* вместо *провизия*; *ткани* вместо *мануфактура*; *скидка* на что-нибудь вместо *послабление*; *лимитировать* вместо *ограничивать*; *договориться* вместо *условиться* о чем-нибудь; *включиться* во что-нибудь вместо *принять участие* в чем-нибудь; *учесть* вместо *иметь в виду*; *принять* вместо *обнаружить*, *вскрыть* что-нибудь; *отчитаться* вместо *сделать отчет* по поводу чего-нибудь. Иногда в этом запечатлена социальная оценка действий, явлений, но очень неотчетливо: *призывник* вместо *новобранец*; *заявление* вместо *прошение*; *быть на работе* вместо *на службе*; *снять, сократить* вместо *уволить*; *аванс* (по отношению к частным делам) вместо *здаток*; *внебрачный* вместо *незаконный*.

Исследование этих явлений вместе с изучением типов переносных значений составляет одну из существенных сторон изучения изменений словоупотребления советской эпохи.

Б16. Общее развитие лексики литературной и обиходной речи как форм русского национального языка советской эпохи тесно связано с судьбой диалектизмов и арготизмов. Значительна была и роль заимствований из родственных славянских языков (в первую очередь, конечно, украинского и белорусского). Богатый фактический материал, свидетельствующий об этом влиянии, еще недостаточно изучен и не обобщен.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ НА -АЖ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Среди многочисленных западноевропейских заимствований петровской эпохи появляются и существительные

мужского рода с окончанием -аж, шедшие из французского и отчасти из английского, немецкого и голландского языков, т. е. суффикс -аж усвоен в ряде западноевропейских языков, которые поэтому и были не только передатчиками французского материала. В русский же язык петровской эпохи, как и много позже, они приходили как грамматически изолированные, морфологически простые, непронизводимые слова. Н. А. Смирнов* приводит 17 слов, извлеченных из разных документов начала XVIII в. Нет сомнения, что список этот не отличается исчерпывающей полнотой. Ясно также, что приведенные Н. А. Смирновым слова не равноценны по степени их усвоения русским языком и по употребительности. Однако список характерен для дальнейшей истории слов этой категории. С одной стороны это группа терминов для обозначения предметов или явлений, новых для русской действительности петровского времени. И именно этот разряд терминов оказался наиболее мотивированным как заимствования и в последующее время. С другой стороны, это в известной степени семантические эквиваленты к русским словам, возникавшие в переводах ли или в живой речи в общей атмосфере европеизации быта и вкусов.

К терминам, с петровского времени прочно вошедшим в официальный обиход, закрепленным в Морском, Торговом и других уставах и широко известным и в литературном языке до наших дней, относятся: *абордаж* (новый для русских прием в тактике морского боя), *такелаж* (в отличие от термина «спаси», обозначающего и родовое и видовое понятие), *фураж* (отсутствовавшее в языке родовое понятие для конского корма), *плюмаж* (новый в быту предмет). Из них к числу активных терминов наших дней принадлежат *такелаж*, но преимущественно в профессиональном употреблении, и *фураж*, породившее группу производных слов (*фуражир*, *фуражировка*, *фуражировать*, *фуражный*) и вошедшее в широкое народное употребление, а в наше время ставшее не только термином армии, но и сельскохозяйственного и торгового обихода. Слово *багаж* вошло для обозначения совокупности обозного имущества. Это «телеги и все, что с собою можно на дорогу взять», по определению

* Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СПб., 1910.

Петра в рукописном лексиконе Академии Наук*. Отражая сложившееся в XVIII в. употребление, «Новый сло-вотолкователь» Н. Яновского (СПб., 1803) указывает, что слово *багаж* применяется в армии для обозначения служительских походных пожитков и воинского обоза разного назначения (*тяжелый багаж, легкий багаж*). «Общий церковно-славяно-русский словарь» П. Соколова (СПб., 1834) говорит, что по-французски *багаж* значит собственно пожитки, но у нас «так называются казенные и частным людям, как то офицерам и солдатам принадлежащие вещи». Академический словарь 1847 г., определяя *багаж* как «походные и дорожные вещи», указывает на выход этого слова в общее употребление. Однако, по-видимому, оно туда проникает с трудом. Получил письмо от Шушери́на, который уведомлял меня, ...что он уже отправил весь свой багаж и Степана к Какуеву, — пишет С. Т. Аксаков в 50-х гг. в статье «Я. Е. Шушери́н и современные ему театральные знаменитости», подчеркивая слово *багаж* и тем указывая на его необычность. Оба значения — походные и дорожные вообще вещи — показываются многими словарями иностранных слов от 60-х до 90-х гг. XIX в. **, «Словарь русского языка» Академии наук под ред. Я. Грота (т. I, 1895), давая ед. число в нашем уже значении, выделяет мн. число *багажи*, как военный термин в значении «все казенное и частное имущество воинских чинов, возимое за отрядом войска» ***. Как видно, *багаж* с трудом вытесняет в общем употреблении своих конкурентов *кладь* и *поклажа*. По-видимому, только к концу XIX в. с развитием железнодорожного пассажирского сообщения через железнодорожную терминологию он входит в общий обиход. Ср. у Д. Н. Мамина-Сибиряка в рассказе «Господин Скороходов» (1893): *До вокзалу в колясочке доедем, а там колясочку в багаж, сами в вагон. Уже в словаре иностранных слов А. Н. Чудинова (1908) багаж определяется, как пассажирские вещи и указывается, что воинская поклажа так называется только в западно-европейских армиях. Действительно такой термин в русской армии предреволюционной поры уже неизвестен. Любопытно, что свидетельства старого спора тер-*

* Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху, с. 52.

** Например, Михельсона, Бурдона и др.

*** Поправки к т. I, с. 3.

минов сохранились в железнодорожных названиях: на ленинградских вокзалах есть «камеры хранения ручного багажа», а на московских — «ручной клади». Слово *экипаж* для петровской эпохи зарегистрировано только в значении повозки*, а как морской термин не отмечено. Однако, в существовании его в эпоху создания основной морской терминологии не приходится сомневаться. Оно отмечается в словарях XVIII в.**. «Новый словотолкователь» Н. Яновского (ч. III, СПб., 1806) указывает на обилие значений слова, вряд ли прочно отстоявшихся: 1) коляска с упряжью, 2) военный обоз, 3) артиллерия со своим обозом, 4) пассажиры или люди на корабле, 5) корабельные припасы. В словаре П. Соколова (СПб., 1834) их уже меньше и они определеннее: 1) коляска с лошадьми, 2) военный обоз, 3) люди на корабле. В Академическом словаре 1847 г. к этим значениям прибавлено еще новое: морская береговая часть. В позднейших словарях иностранных слов постепенно исчезает значение военного обоза и к концу XIX в. *экипаж* сохраняет три значения: 1) легкая коляска, 2) корабельная команда и 3) более узкое, профессиональное, войсковая часть морской пехоты. За последние 40 лет в связи с развитием техники слово *экипаж*, применяемое для обозначения не только команды корабля, но и команды самолета, дирижабля, танка и т. п., вошло в широкое народное употребление.

Термины, заимствование которых было недостаточно мотивировано, и не прижились в языке. Таковы зарегистрированные Н. А. Смирновым: *лекаж* (с англ., в значении «течь в корабле»), отмеченное для XIX в. Морским словарем В. В. Вахтина и как старинное упомянутое в Морском словаре К. И. Самойлова (М. — Л., 1939); или собственное имя *Эрмитаж* — «сорт белого вина». Позднее оно вошло в русский язык тоже как собственное имя, но с другим значением. Слово *пассаж*, встретившееся в переводе Архитектуры воинской Штурма (1709) в значении «переход, проход»***, не вошло в традицию. Позднее, в течение XVIII в. оно обнаруживается в разных сферах употребления, как это можно видеть в «Новом

* Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху, с. 345.

** Например, Нордстет И. Российский с немецкими и французскими переводами словарь. СПб., 1780.

*** Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху, с. 221.

словотолкователе» Н. Яновского (ч. III, 1806). Кроме музыкального значения, сохранившегося до наших дней, встречаются и такие: место сочинения, на которое ссылаются, и манежный аллюр лошади. К половине XIX в. отстает значение — крытая торговая галерея*, а в течение XIX и XX вв. то прибавляются, то утрачиваются, то дифференцируются вслед за изменениями техники и быта различные значения, остающиеся в пределах узкого профессионального употребления.

И, наконец, последний из терминов, отмеченных Н. А. Смирновым — *вояж*. В сочетании *дальний вояж* он закреплен Морским уставом для обозначения кругосветного плавания и употребляется в Морском словаре К. И. Самойлова (М. — Л., 1939) как старинный термин. В этом значении он существовал, по-видимому, еще в первой половине XIX в. Ср. у К. М. Станюковича в морских рассказах: *Грозный адмирал сердито крикнул и начал: — В двадцать третьем году я был послан в дальний вояж на шлюпе «Отважном» как один из лучших капитанов**.*

В отличие от терминов вторая группа существительных на -аж у Н. А. Смирнова менее обширна, хотя число их могло бы быть и значительно больше, так как они типический продукт лингвистических вкусов петровского времени и XVIII в. вообще. Стремление к точности передачи европейских понятий при переводе или к полной идентичности в обозначении европейских явлений быта вело к широкому и порой не оправданному включению в свою речь иностранных слов, иногда не своим значением, обычно вполне сходным с соответствующим русским, а только своим эмоциональным колоритом создававших понимание и ощущение и своих явлений европеизированными. На фоне распространения среди дворянства XVIII в. двуязычия и тяготения к языковым штампам французского светского обращения слова этого рода были не словами, включенными в язык как заимствования, усвоенные прочно, а макаронизмами, ограниченными в своем репертуаре только потребностями вкуса

* См., напр. Дубровский Н. Толковый словарь иностранных слов. М., 1866.

** Также у И. А. Гончарова «Фрегат Паллада», I, гл. 2; у него же, гл. I, *вояж* и в нетерминологическом употреблении: *Мысль схать, как хмель туманила мне голову, и я беспечно и шутиливо отвечал на все предостережения, пока еще событие было далеко. Я все мечтал — и давно мечтал об этом вояже.*

и моды. «Не только разговорный, но и литературный язык был более похож на французский, чем на русский», — говорит Н. Дубровский о неукротимом потоке иностранных слов во времена Екатерины II, Павла и Александра I в очерке об иностранных словах в русском языке*. Отношение к подобным словам как к макаронизмам свойственно лексикографической практике XVIII и начала XIX в. Эти словари, как правило, включают только лексику терминологического характера. Так «Российский Целлариус или этимологический Росс. лексикон» Ф. Гелтергофа (М., 1771) в разделе «Прибавление чужестранных в рос. язык принятых слов» из числа существительных на -аж включает только одно — *фураж*. Поэтому и не встречаются в этих словарях зарегистрированные Н. А. Смирновым слова: *марьяж* (через тот *марьяж... всех других затеснят*, Арх. кн. Куракина), *менаж* (*надлежит иметь менаж или смотрение*, Полн. собр. зак.), *омбраж* (*омбражи и несогласия между северными союзниками*, Журн. Петра В.), *увраж* (*начинаю сей увраж... в пользу моего отечества*, из писем кн. Куракина)**). Из них только *авантаж* (как и *дезавантаж*) и *кураж* имели иную судьбу. *Авантаж* приобретает терминологический характер. Если на это глухо указывается, например, в словаре И. Нордстета (ч. I СПб., 1780), то «Новый словотолкователь» Н. Яновского (ч. I, СПб., 1803) прямо толкует *авантаж* как термин: «выгода, преимущественно прибыль, польза в торговле или в производстве какого дела или в побеждении соперника», вскользь отмечая и наличие «аллегорического смысла — о телесных человека качествах»***. *Кураж* усваивается прочно в употреблении уже в петровское время. Ср. у Ф. Прокоповича *кураж* в разговорной форме: *Без доброго бо куражу, без сердца уповательного советы не помнятся*****. Прочная разговорная традиция XVIII в. подтверждается фразеологией, приводимой в «Новом словотолкователе» Н. Яновского (ч. II, 1804):

* Дубровский Н. Толковый словарь иностранных слов. М., 1866, с. 7.

** Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху, с. 190, 193, 210, 298.

*** Ср.: *Авантажей своих не знаешь* (Сумароков. «Тресотиниус», явл. II); *Одержал над неприятелем некоторой авантаж* («Моск. Ведомости», № 40, 1759).

**** См.: Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху, с. 170.

кураж, кураж, друзья! — не теряйте духа (в виде увещания); *потерять весь кураж* — быть в унынии, отчаянии; *быть в кураже* — быть веселым, немного хмельным. Отсюда уже *быть под куражом* — под хмельком*. Понятно, что общие словари языка — П. Соколова (1834) и Академический 1847 г. не помещали этого слова: оно из дворянского просторечия переходило в мещанское, обрастало народнорусским эмоциональным ореолом, выходило из одного синонимического ряда — смелость, храбрость, расположение духа к чему-н. смелому (Н. Яновский) — в другой, начиная обозначать ухарство, удалство, сопровождаемое опьянением, а также само состояние опьянения. Оно вошло в широкий народный оборот, обросло производными (*куражиться*). Словари иностранных слов, начиная с 60-х гг., регулярно помещают его, обычно игнорируя его новые оттенки**. У Н. В. Гоголя оно еще, по-видимому, следует разговорно-дворянскому словоупотреблению: *Ноздрев, захлебнув куражу в двух чашках чаю..., врал немилосердно* («Мертвые души», I, 8). Старая фразеология и у П. Д. Боборыкина: *Куражу не терять, — ответил за всех хозяин* (Вас. Теркин, II, 37). Естественно, что новое словоупотребление отмечается у Н. А. Некрасова***.

Только немногие, по-видимому, более частые в употреблении макаронизмы XVIII — начала XIX в. прижились подобно *куражу* в языке, найдя себе то или иное стилистическое оправдание или опустившись в сферу просторечия. Недаром Н. М. Карамзин во 2 изд. «Писем русского путешественника» заменяет *вояж* равноценным русским *путешествие*****. Лишь впоследствии, и до наших дней, его употребление оправдано шутливо-ироническим ореолом. Ср. в макаронических стихах И. П. Мятлева: *Она в вояже пряжей занималась даже* («Сентенции г-жи Курдюковой»). Или у К. Прутова: *В горах Гишпании тяжелый экипаж, с кондуктором, отправился в вояж* («Кондуктор и тарантул»). Кроме этого слова, начиная с 60-х гг., словари иностранных слов с разной степенью полноты регулярно помещают *аван-*

* Михельсон М. И. Русская мысль и речь, т. 1, с. 492.

** Их указывает Толковый словарь русского языка. М., 1935—1940.

*** Примеры см. ниже.

**** Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2. М., 1938, с. 159.

таж, ажиотаж (в переносном значении), *антураж* (но у А. Н. Чудинова, как термин, и в латинице — *entourage*), *марьяж, пассаж, увраж*. За исключением совсем вышедшего из употребления слова *увраж** — все они отмечены и современным «Толковым словарем русского языка» (М., 1935—1940) с соответствующей стилистической характеристикой. Ныне устарелое *марьяж* (брак, супружество, а также в XVIII в. карточная игра) не позднее чем с половины XIX в. вместе с производными *марьяжный, марьяжиться* переходит в сферу мещанского просторечия. Ср. у И. А. Гончарова в «Обломове»: *Гадают на червоного короля, да на трефовую даму, предсказывая марьяж*. Прочие сохранились как знакомые архаизмы в обиходе интеллигентской речи для создания колорита старинной манерности или шутливой иронии. Ср. например: *Марья Николаевна в тот день принарядилась очень к своему авантажу, как говаривали наши бабушки* (Тургенев, «Вешние воды»). *Тиф — не тиф, а не в авантаже обретается* (Л. Толстой, «Анна Каренина», VI, 22). *Вся родня в авантаже, ... прабабушки даже* (Д. Бедный, «Дух Сен-Луи»). *Одно странное ... предприятие, или, как говорится в провинции, пассаж* (Гоголь, «Мертвые души», I, 1). *Тут произошёл не совсем приятный, как говорится, пассаж* (Тургенев, «Степной король Лир»). Этим репертуаром и ограничивается макароническое наследие XVIII — начала XIX в. Разговорное влияние французского языка резко сократилось, и с тех пор этот разряд существительных на *-аж*, за исключением случайных редких слов, отмечаемых иногда словарями иностранных слов или появлявшихся иногда у писателей со старой традицией пользования французской речью, не пополнялся. Заимствования существительных на *-аж* шли по основному пути — терминологическому.

Существенным источником для определения времени проникновения иностранных слов в русский язык являются словари. Но их хронологические показания все относительны, связаны с практикой самой лексикографической работы и методом собирания слов. Часто слово,

* Только терминологизация сохраняет его в употреблении, ср., напр., Добряков А. И. Сборник задач по курсу начертательной геометрии. М. — Л., 1941: «Задания по построению теней с использованием классических увражей» (с. 5). Также и в музыкальной терминологии.

обращающееся в периферических стилях литературного языка или относящееся к названиям предметов и явлений, мало актуальных для общественной жизни эпохи, регистрируется с большим опозданием. Это же относится и к узкой профессиональной терминологии. С другой стороны, подобная терминология, случайно попавшая в поле зрения составителя, включается в словари. Так, в «Новом словотолкователе» Н. Яновского (ч. II, 1804) помещено слово *кренаж* (с английского, морской термин: *валка судну, т. е. наклонение корабля на сторону*), которое впоследствии встречается только в специальных морских словарях (Вахтин, Самойлов). Своеобразный в этом отношении характер приобретают словари иностранных слов с половины XIX в. Историческая перспектива нарушается большим количеством единично зарегистрированных, преходящих и случайных для русского употребления терминов, которые упорно помещаются в течение десятков лет в повторных изданиях, где поэтому общее число заимствованных слов иногда далеко уходит за сто тысяч. Недаром уже в 1866 г. Н. Дубровский в предисловии к своему «Толковому словарю иностранных слов» пишет, что составители вроде Михельсона (1865) некритически помещают в словарь все из иностранного, что попадает под руку, независимо от степени усвоения русским языком. Действительно, если в пятом издании (М., 1874) словарь Михельсона содержит 30000 слов, то уже 8-е издание Бурдона и Михельсона (М., 1885) заключает 115000 слов. Таков и словарь Чудинова, выдержавший ряд повторных изданий и почти механически присоединивший к словарям предшественников новые тысячи заимствованных терминов. В этом потоке и существительные на *-аж*: *амбаллаж* (упаковочная тара), *гарбелаж* (пошлина с кораблей, идущих из Франции на Восток), *арримаж* (способ укладки груза на корабле), *дубляж* (вторая обшивка корабля), *киллаж* (пошлина с корабля), *кулаж* (утечка из бочки), *машикотаж* (украшение в пенин), *тренаж* (езда в саниях), *минаж* (подать с хлеба во Франции), *кольпортаж* (торговля в разнос во Франции), *кливаж* (трещина на драгоценном камне), портово-коммерческое *дебаклаж*, *дебаллаж*, *дебордаж*, *дезамбаллаж*, *делестаж* и многие подобные, дожившие иногда до словарей наших дней. Все это узкая профессиональная терминология, коммерческая, кулинарная и прочая номенклатура, либо ино-

странные термины, попадавшие в специальные книги, пособия и справочники. Не вошедшие в общий оборот, мало известные и как специальные термины, или быстро оттесненные в ходе технического прогресса, они стояли вне общего хода развития существительных на -аж в русском языке.

Накопление терминов на -аж после петровского времени в общем литературном языке шло сравнительно медленно. «Новый словотолкователь» Н. Яновского (СПб., 1803—1806) сверх списка Н. А. Смирнова представлен словами: *арбитраж*, *бандаж* (твердый бинт, повязка), *куртаж*, *пейзаж*, *трельяж* (решетчатая работа, решетник в саду; впоследствии появились и новые значения), *этаж*. Номинативно необходимые в разных сферах общественной жизни, они вошли в оборот общего языка, а *бандаж* и *этаж* стали словами широкого бытового употребления: Н. Яновский уже приводит фразеологию *дом о трех этажах*, вызванную условиями городской жизни. К 30-м гг. XIX века оно уже вполне освоено городским мещанским просторечием. Ср. у Гоголя: *А приданое: каменный дом в Московской части, о двух елтажах* («Женитьба», д. 1, явл. 8).

Общие словари русского языка очень скупо отражают рост терминов на -аж. Словарь П. Соколова (1834) исключает даже устоявшуюся лексику — *пейзаж*, *арбитраж*, *куртаж*, в том числе разговорную: *авантаж*, *кураж*, *пассаж*, *марьяж*. Эти разговорные слова игнорируются и Академическим Словарем 1847 г. Но он несмотря на отрицательную позицию в отношении иностранных слов, принужден, правда, не без опоздания, добавить к существовавшему в словарях репертуару слов новые, вошедшие в оборот: *каботаж* (ближнее, прибрежное, речное судоходство в отличие от дальнего плаванья), вскоре обрастающее производными (*каботажный*, *каботажник*). *Ажиотаж* — спекулятивное повышение ценных бумаг, термин, первоначально применявшийся для обозначения практики западноевропейской биржевой игры*, впоследствии, в общем языке, получивший метафорическое употребление. *Стеллажи* — подставки, подмости, полки, термин строительного и военного дела, впоследствии широко распространенный в разных про-

* Ср. у Белинского В. Г.: *г. Тверь выгодно играл бы на бирже в ажиотаж*.

фессиональных терминологиях, напр., в библиотечной. *Мираж* (оптическое явление в южных странах), в литературном языке известное и в метафорическом применении (нечто призрачное, обманчивое). 1-е издание Даля (1863—64), тоже известного своим отрицательным отношением к введению иностранных слов в русский язык, только на четыре слова увеличивает существовавший до него в словарях репертуар слов, *корсаж*, *политипаж*, *тираж* и *блиндаж*. И по-видимому, с большим опозданием. Так *политипаж* уже в 1843 г. в стих. «Говоруи» Н. А. Некрасова: *Тьма книг с политипажамии в столице развелась*. *Блиндаж* появляется в дни севастопольской обороны в связи с потребностями военно-инженерной техники в долговременных укреплениях. Л. Толстой в очерке «Севастополь в декабре 1854 г.», подробно описывая оборонительные устройства Севастополя, называет сооружения, в которых живут и укрываются от обстрела передовые войска, землянками. Но уже в следующем очерке, «Севастополь в мае 1855 г.», землянки в описаниях отсутствуют и соответствующие сооружения носят название *блиндажа*: *Капитан уже шесть месяцев командовал этой одной из самых опасных батарей и даже, когда не было блиндажей, не выходя, с начала осады, жил на бастионе* (гл. IX). Понятно, что в дни севастопольской обороны слово *блиндаж* проникло в общее употребление. Но затем, в словарях иностранных слов и в общих словарях, например в Академическом словаре русского языка под ред. Я. К. Грота, оно фигурирует только как фортификационный термин узкого профессионального употребления. В широкое литературное и народное употребление оно входит значительно позже, в годы первой мировой войны, в эпоху революции и затем Великой Отечественной войны, когда жизнью войны были охвачены народные массы.

К слову *тираж* у Даля нейтральное толкование: *розыгрыш, вынутые жребия*. Все последующие словари иностранных слов, до 90-х гг., указывают, что оно употреблялось применительно к розыгрышу лотерей. Но они не указывают, что это слово применялось для называния финансовой операции погашения («тираж погашения») облигаций займов, вкладных и других ценных бумаг, что создало известное фразеологическое сочетание в литературном языке *выйти в тираж*. Ср. у Д. Н. Маммина-Сибиряка в рассказе «Папа» (1893): *старушка сообщила*

еще целый ряд вышедших в тираж имен; или у Н. С. Лескова в рассказе «Загон» (1893): *Меррекюльские генералы, которые еще не вышли в тираж, находятся большей частью в составе каких-нибудь сильно действующих центральных учреждений* (гл. 6). В начале XX в. словарями иностранных слов отмечаются уже и *тираж погашения* и *тираж выигрышей*. Но в широкий народный оборот слово это, освобождаясь от дополнения, входит только в революционную эпоху, когда государственные выигрышные займы получили широкое распространение. Кроме того в эту же эпоху у полиграфических работников и в среде интеллигенции становится широко известным это слово в значении издательского термина (количество экземпляров издания).

В словарях иностранных слов с 60-х гг. появляется слово *дренаж*, сначала в значении техническом — способ осушения болот* — затем, позднее, в значении хирургическом. В начале 70-х гг. — *бельэтаж*, *пилотаж* (в значении: вколачивание свай) и *персонаж* — знатное лицо**; такое значение («личность, лицо») сохраняется и в прибавлениях И. А. Бодуэна де Куртенэ к 3-му изд. словаря Даля (1912), хотя уже не позднее конца 70-х гг. известно театральное значение — действующее лицо пьесы***, — сохранившееся, как единственное, до наших дней. *Шантаж*, отмеченное словарями в конце века, известно в 70-х гг. Ср. у Достоевского в «Подростке» (1875): *Ламберт ... мог бы быть причислен к тем мерзким шайкам мелких пройдох, которые сообщаются взаимно ради того, что называют шантажем*. К концу XIX в. и в начале XX количество вновь появившихся существительных на -аж возрастает. Не считая случайных слов, попадавших в словари, отметим *верниссаж* (просмотр выставки картин в день открытия), *грильяж* (сорт конфет), *вираж***** и *фиксаж* (химические растворы, применяемые в фотографии), *каптаж* (оборудование минерального источника), *пастилаж* (род скульптуры из

* Например, Дубровский Н. Толковый словарь иностранных слов.

** Михельсон М. И. 30 000 иностранных слов. М., 1874.

*** Бурдон и Михельсон. Полный словарь иностранных слов. СПб. — М., 1885.

**** Авиационный термин *вираж* — особого рода поворот — стал широко распространен в революционную эпоху и особенно в период Отечественной войны.

глины), *пикетаж* (выделка ткани пике) * — слова ограниченного употребления. К этому же времени относятся и слова, позднее вошедшие в широкий литературный и народный оборот: *гараж*, ставшее особенно известным в период перед первой мировой войной, когда в Петербурге и Москве развилось автомобильное движение; *картонаж*; *стаж*, первоначально обозначавшее испытательный срок, в течение которого работают лица, желающие посвятить себя какой-нибудь специальности (преимущественно адвокатской); другое значение — срок, продолжительность службы — развилось значительно позднее, а от первого значения образовалась целая серия производных: *стажер*, *стажировать*, *стажировка*; *саботаж*, появившееся в связи с ростом забастовочного движения в начале века; *трикотаж* — первоначально в значении действия, а позднее в значении вязаного изделия, очевидно с возникновением фабричного производства этого рода, ср. ручное — всегда вязанье для обоих значений; *массаж*, очевидно с возникновением массирования, как физического метода лечения **. В предреволюционную пору появляется еще ряд различных терминов: *муляж* (отливка изделий из гипса, воска и т. п., а также сами такие изделия), *витраж* (расцветка на стеклах, а также окно, витрина с такими стеклами), *плантаж* (с.-х. термин), *фюзеляж* (корпус самолета), *эстампаж* (собрание эстампов), *репортаж* и некоторые другие профессиональные термины; к этому же времени придется отнести и широко теперь распространенные *вольтаж*, *тоннаж* (Бодуэн де Куртене при переиздании словаря Даля не включает еще этих слов).

Как мы видим, уже перед Великой Октябрьской социалистической революцией в составе литературного языка, а также в широком народном обиходе, с одной стороны, и в профессиональной языковой сфере, с другой стороны, обращалось значительное количество совершенно усвоенных существительных на *-аж*. Одиночные, морфологически неразложимые прежде слова, они теперь уже тяготели, своей компактной численностью,

* *Пикетаж* — термин геодезии, появился, по-видимому, значительно позднее.

** Ср.: у Д. Н. Мамиина-Сибиряка в рассказе «Без особенных прав» (1895): *Аграфена Степановна постигла тайны модного массажа и растирала левую баронскую ногу, ставшую пошаливать* (гл. 2).

к объединению в грамматическую группу. Основание для объединения подсказывалось уже языками, из которых шло заимствование: это были, с суффиксами *-аж*, отыменные или отглагольные образования, формирующие существительные с предметным значением, со значением состояния или действия. На русской почве грамматическая опора создавалась в процессе установления лексико-морфологических связей между одновременно заимствованными словами. Так, включались в сферу глагольных образований конкурирующие пары: *массирование — массаж; саботирование — саботаж; пикетирование, пикетировка — пикетаж; дренажирование — дренаж; шпионить, шпионство — шпионаж; репортерство — репортаж; вираж и фиксаж* (как результаты действия — химич. состав) — *вирирование и фиксирование* (химич. термины). Существительные на *-аж*, вытесняя конкурентов, постепенно приобретали облик морфологически сложных производных слов, с выделением основы и суффикса уже на русской почве, и формировали, вместе с заимствованными неразложимыми словами типа *абордаж, шантаж, муляж, тираж*, а также *арбитраж*, устойчивый класс существительных со значением действия. Рядом с ним, ассоциируясь с номинативными основами, формировался класс существительных со значением предметности (название предметов, явлений, состояний) — *картонаж* (ср. *картон, картонный*), *персонаж* (ср. *персона, персональный* и под.), *витраж* (ср. *витрина*), *корсаж* (ср. *корсет*), *эстампаж* (ср. *эстамп*), *тоннаж* (ср. *тонна*), *вольтаж* (ср. *вольт, вольтов*). Но основную массу слов этого класса составляют разнообразно заимствованные слова, хотя основы их в соответственных языках могут принадлежать не только к именным, но и к глагольным. Могли быть заимствованы те значения, которые в соответственном языке в результате семантических сдвигов порвали глагольные связи. Так, слово *блиндаж* пришло только в предметном значении (ср. франц. *blinde — blindage*), хотя на почве французского языка оно имеет и значение действия (ср. франц. *blinder — blindage*). Предметность значения, полученная в акте заимствования, устойчиво сохраняется даже при наличии на русской почве глагольных этимологических связей (ср. *блиндировать, блиндированный*). Таким образом акт заимствования слова с определенной лексико-семантической характеристикой, независимо от

содержания основы, лексически и грамматически нейтральной на русской почве, уже определял его принадлежность к классу предметов, принадлежность, укрепленную в дальнейшем выделяемостью суффикса на фоне других слов, понимаемых уже производными в русском языке. Образуется и семантическая дифференциация внутри класса существительных со значением предметности. Это названия предметов: *корсаж, багаж, фураж, витраж, гараж, плюмаж, бандаж, блиндаж, пейзаж* и т. п., затем названия предметов, совмещающие значение собирательности, напр., *трикотаж, эстампаж, такелаж, картонаж* и др., или существительные с отвлеченным значением, явления или состояния, например, *кураж, мираж, стаж* и др. Особое место среди именных образований занимают два существительных — *тоннаж* и *вольтаж*, — со значением количества, объема чего-нибудь, выраженных в каких-нибудь мерах. Так на заимствованном языковом материале складывалась грамматически новая группа существительных в русском языке.

Завершение этого процесса и формирование устойчивой грамматической группы существительных на *-аж* происходит уже в советское время. Грамматически это выражается тем, что *-аж* становится производительным суффиксом в русской грамматической системе*, а основы новых слов включены в русские морфологические связи. Вновь появившиеся в наше время слова настолько морфологически связаны с русской почвой, что о них трудно говорить как о заимствованиях. Если исключить слова, имеющие чисто русскую основу, например, *листаж*, то все остальные имеют только те основы, которые прочно находятся в обращении в русском языке, и поэтому известные и в западноевропейских языках слова *метраж, километраж, монтаж, репортаж* и под. могли быть легко образованы самостоятельно на русской почве наряду с такими словами как *инструктаж, тренаж* (тренировка), *типаж* и др. Определились и производительные семантические классы. В классе существительных предметного значения оказались малопроизводительными группы названий предметов, явлений, и едва ли не единственным относящимся сюда новым словом является *типаж*. Это понятно: эти группы наименее выражены грамматически. Распространение получила четко выра-

* См.: Виноградов В. В. Современный русский язык. М., 1938, т. 2, с. 52.

женная грамматическая группа со значением количества, объема чего-нибудь, выраженных в каких-нибудь мерах, например, *листаж*, *литраж*, *метраж*, *километраж*. Производительность этой группы отражается широкой возможностью шутливо-иронических образований, вроде *деньгаж*, *рубляж*, *строкаж**. Еще более активным оказался класс существительных со значением действия. Кроме авиационного термина *барраж*, ставшего известным в общем языке во время Отечественной войны, все эти существительные имеют русские морфологические связи. Большинство из них, появляясь или возникая в той или иной профессиональной среде как термины, вытесняют общезыковые модели: *бракераж* (ср. браковка), *инструктаж* (ср. инструктирование), *монтаж* (ср. монтировка, монтирование), *патронаж* (ср. патронирование и более старое патронация), *пилотаж* (ср. пилотирование), *резерваж* (ср. резервирование, резервация), *тренаж* (ср. тренировка). Иные, как *литмонтаж*, *хронометраж*, *этикетаж*, возникают впервые для обозначения соответствующих названий действия или его результата. Искусственные шутливо-иронические образования и здесь, естественно, имеют широкие возможности: *зондаж*, *подхалимаж*, *халтураж*, *холуяж*, *фигураж***, *жонгляж*. В наши дни профессионально-техническая терминология легко проникает в состав литературного языка, а многое из нее, относящееся к массовым профессиям, широко проникает в народный обиход. Такова судьба многих терминов на *-аж*, возникших в советскую эпоху, когда и многие старшие слова на *-аж* стали достоянием значительно более широкого употребления.

Подобно массе других заимствованных слов в русском языке и существительные на *-аж* входили в число слов с неподвижным ударением, сохраняя его при всех падежных изменениях ед. и мн. числа на суффиксальном *а*. Однако с течением времени, в процессе накопления, лексического, а затем и грамматического освоения их в русском языке акцентологический облик этих слов не остался неизменным. Я. Грот, замечая, что иностранное слово становится подвижным по ударению, когда «народ совершенно свыкся с ним, вовсе забыл его

* Пример из книги акад. В. В. Виноградова. Современный русский язык, т. 2, с. 52.

** Примеры из книги В. В. Виноградова. Современный русский язык, т. 2.

происхождение», пишет: «Последнее замечание приводит нас к вопросу: не зависит ли степень гибкости слова от степени его употребительности и народности? Хотя положительный ответ на это и заключал бы в себе вывод слишком общий, однако ж в нем есть некоторая доля истины. Наблюдения над словами всех разрядов показывают нам, что чем более в них жизненности, чем более они усвоены народом, тем легче они подвергаются переходу ударения, если только такому переходу не противятся другие, более сильные и постоянные законы языка»*. Связь лексического освоения слова, широты его употребления с акцентологическими изменениями несомненна. Процесс же лексического освоения слова непосредственно связан с тем, в каких социальных слоях народа, периферийных для литературного языка, слово находит распространение, как в этих слоях ощущается заимствованность слова, в какое грамматическое окружение, способствующее изменениям, оно попадает, насколько те или иные социальные слои в тот или иной исторический момент влиятельны для литературного языка, насколько сам литературный язык стоек или подвержен воздействиям. Чем шире социально круг употребления слова, тем быстрее и прочнее наступают изменения. Чем дольше оно было в сфере собственно литературного употребления людей, владеющих традицией произношения иностранных слов, тем вернее оно сохраняет свой прежний облик. И наоборот, чем короче традиция, тем скорее народно-разговорная стихия произношения влияет на собственно литературное. В круг изменений сначала вовлекаются отдельные слова на -аж. Но изменения литературным языком признаются с трудом, и, в сущности, весь XIX в. отмечает эти изменения как спорадические, неустойчивые, и новую подвижность ударения факультативной. Слово *этаж* в просторечной форме «елтаж» в гоголевской «Женитьбе» несомненно уже обладало подвижным ударением. Но словарь П. Сокколова (1834) для литературного языка дает его со старым ударением. Академический словарь 1847 г. указывает уже на подвижность ударения. Однако колебание в ударении сохраняется, и долго. Я. Грот (1858) говорит, что это слово произносится то *эта́жа*, то *эта́ж***.

* Грот Я. К. Труды. Под редакцией К. Я. Грота, т. 2. СПб., 1899, с. 328.

** Там же, с. 334.

Даль приводит в словаре пример колеблющегося ударения: «дом в два *эта́жа*». Ср. у А. К. Толстого: ... *на Гороховой. В третьем эта́же. Пойдемте, вы будете в аванта́же*. Или у Н. А. Некрасова: *Где-то в верхнем эта́же раздался выстрел — кто-то покончил с собой*. И. А. Бодуэн де Куртенэ в 1912 г. при переиздании словаря Даля не дает дополнений для ударения этого слова. Однако уже в предреволюционное время несомненной нормой литературного произношения было окончательное ударение: «Толковый словарь русского языка» (1935—1940) ударение *эта́жа* считает устарелым. Так же обстоит дело со словом *кураж*. А. Е. Измайлов давал, по-видимому, норму произношения 20-х гг. XIX в.: *И все лишился куражу, что не на чем возить хлеб в город на продажу*. Но уже А. Востоков (Русская грамматика. СПб., 1831, стр. 382) отмечает ударение *куража́*. Так же в стих. «Вино» Некрасова (1848): в *кураже...* *позабыл я в тот день об ноже*. Даль в словаре (50—60-е гг.) и М. И. Михельсон («Рус. мысль и речь», т. 1, стр. 492. — 90-е гг.) дают в примерах орфографию *куражом*, свидетельствующую о подвижном ударении. «Толковый словарь русского языка» (1935—1940) дает только *кура́жа*, хотя, как мы видим, согласные указания с середины прошлого века свидетельствуют о распространении окончательного ударения*. Ударение *фуража́* свидетельствуется еще А. Востоковым (Рус. гр., СПб., 1831, стр. 382), но Академический словарь 1847 г. дает *фура́жа*. Бодуэн в переиздании Даля (1912) показывает только одно ударение — *фуража́*. *Багаж* меняет ударение позднее. Ср. у А. А. Фета в стих. «Студенты»: *Все те же рельсы, и машина та же, и мчит тебя, как чемодан в багаже*. Я. Грот (Словарь рус. яз. Ак. Наук, т. I, 1895) и Бодуэн (1912) дают *бага́жа* и *багажа́*. Но надо считать, что окончательное ударение в дореволюционную пору уже твердо установилось в литературном языке. К числу слов, еще в дореволюционную пору изменивших ударение на окончательное, можно отнести слова *бандаж* («Толк. словарь рус. яз.» дает два ударения), *гараж* (в «Толк. сл.» указано, что совершенно искусственно, только неподвижное ударение; также искусственно оно

* В ударении многих слов на -аж «Толковый словарь русского языка» отражает в сущности нормы произношения книжно-образованных людей конца XIX — начала XX вв.

в стихах поздних, например, у Пастернака. Стих. в одном томе, 1933, стр. 388); в годы первой мировой войны изменило ударение слово *блиндаж*. Ср. Н. Тихонов в стихах 1916—17 гг.: *Лежу на дряхлом блиндаже; Вот в стройность мыслей безобразно ворвались строфы Беранже*. Во время Великой Отечественной войны это слово в многочисленных стихах известно именно с этим ударением.

Все эти слова, став достоянием профессий или просторечия возвращались в литературный язык уже преобразованные народным употреблением. Источник колебаний ударения — в медленном, с отступлением, воздействии на литературную речь. Широкая волна изменений приходит уже в революционную эпоху. Эти слова включаются, как мы видели, в грамматическую систему литературного языка и периферийных его кругов как производные существительные с суффиксом *-аж*, реально или потенциально выделяемым. Тем самым выстраиваются они в одну линию с существительными, также разных семантических классов, но подвижного ударения, типа *галдёж*, *-ежá*, *падёж*, *-ежá* и далее с прочими существительными муж. рода с ударением на суффиксе в им. падеже ед. числа и с окончательным ударением в косвенных падежах обоих чисел, типа *летун*, *-унá*, *колун*, *-унá*, *кругляш*, *-яшá*, *торгаш*, *-ашá*, *голыш*, *-ышá*, *ловкач*, *-ачá*, *храбрец*, *-еца́*, *грузовик*, *-ика́*, *пятак*, *-ака́*, *сырёц*, *-рца́*, *молодняк*, *-яка́* и т. п. Ассоциация происходит на широкой социально-языковой почве. Профессионально-языковое употребление и старых слов теперь шире и ближе к литературному языку. Сам литературный язык теперь расширил свою социальную базу в ходе образования новых слоев интеллигенции. В литературную норму вовлекаются все новые слова на *-аж*, с подвижным ударением, старые и вновь возникшие: *тира́ж*, *-ажá* (Бодуэн *-ажá*, «Толк. сл.» — *-ажá*), *стелла́ж*, *-ажá* («Толк. сл.» *-ажá*), *монта́ж*, *-ажá* («Толк. сл.» *-ажá*), *метра́ж*, *-ажá* («Толк. сл.» *-ажá*), *листа́ж*, *-ажá* («Толк. сл.» *-ажá*), *литра́ж*, *-ажá*, *вitráж*, *-ажá*, *шанта́ж*, *-ажá* (Бодуэн *-ажá*, «Толк. сл.» *-ажá*, и *ажá* как просторечие); на этом фоне представляется не выпадающим из литературной нормы произношение *миража́*, например у Н. Тихонова в стих. «Люди Ширама» (1930): *Ожерелья из трупов, дворцы миража — Это ты наплодила нам басен, Каби-*

нетная выдумка, дохлая ржа. Большое количество слов широкого профессионального обращения еще находится на периферии литературного языка, отчетливо показывая акцентологические тенденции существительных на -аж. Таковы, напр., род. и другие косвенные падежи*: *вольтажа́, дренажа́, самолет в барража́, бракеража́, ин-структажа́, для арбитража́, такелажá, плантажа́, тон-нажа́, пикетажа́, хронометража́, литмонтажа́, километ-ража́, пилотажа́, тренажа́, типажи́, экипажи́ готовы к выполнению боевого задания, бой на выража́х. Естествен-но, что такое произнесение проникает и в поэзию. У А. Твардовского: *Над лесом машины дают выражи... Возьми его! Вот он, держи! У И. Сельвинского: Уходит, уходит. Уйдет... Прямо в небо! Без выражей.**

С другой стороны, сохраняют прежнее постоянное ударение слова с устойчивой традицией литературного, и отчасти узко книжного произношения, такие, как *шпиона́ж, персонáж, пасса́ж, масса́ж, картонáж, ажио-та́ж, корса́ж, репортáж, саботáж, пейза́ж, кабота́ж, фю-зеля́ж, трикота́ж*; слова узкого распространения, такие, как *патрона́ж, эстампа́ж, этикета́ж*; слова устарелые, такие, как *аборда́ж, плюма́ж, марья́ж, трелья́ж*. Цели-ком относятся к этой группе, хоть и вновь возникшие, но не находящие почвы для реального употребления и косвенных падежах серии шутивно-пролических слов типа *строка́ж, подхалима́ж* и под. Для всех случаев эволюции ударения момент большей или меньшей лег-кости этимологизации не имеет, по-видимому, существенного значения. Процесс нормализации подвижного ударения у существительных на -аж еще не закончен, но тенденции его очевидны.

Так, от единичных лексических заимствований на-чала XVIII в. шел в течение XVIII и XIX вв. процесс по-степенного количественного накопления лексики на -аж и ее освоения литературным русским языком, завершив-шийся уже в XX в., в советскую эпоху, объединением ее в грамматическую по словообразованию категорию, с выявленным на русской почве суффиксом, с отстоявшейся семантикой, и включением этой категории в русскую, по подвижности ударения, акцентологическую систему.

* Записаны в течение последних 10 лет из выступлений по радио интеллигентов разных профессий, из живой речи, от дикторов радио и т. п.

О ЯЗЫКЕ КУПЕЧЕСКОЙ КОМЕДИИ П. А. ПЛАВИЛЬЩИКОВА

1

В XVIII в. были разрешены основные противоречия развития литературного языка того времени. Этот век — важнейший этап в истории развития единого национально-литературного языка. Книжно-литературный язык предшествующей феодальной поры потерял почву для существования в новых исторических условиях. Он растворился в новых речевых письменных и отчасти в устных жанрах, а затем употребление его в соответствии с интересами развития национального языка было регламентировано Ломоносовым в его учении о трех штилях. Московский деловой письменный язык феодальной поры, всегда развивавшийся на народно-разговорной основе, в процессе выхода на широкую общественно-литературную арену освободился от специфических черт административной, приказной речи и в сочетании с прогрессивными элементами старого книжно-литературного языка стал основой для развития норм литературной речи. Разрушение и переработка традиций совершалась в гуще живых процессов развития языка, протекавших в эпоху перехода от феодальных отношений к капиталистическим. Старая, феодальная устойчивость общественных групп была нарушена, но еще не разрушена. Происходила борьба и вместе с тем приспособление к новым условиям, вращение в них. Новая, капиталистическая устойчивость общественных групп еще только создавалась, сохраняя вместе с тем те или иные отпечатки феодального развития. Живые языковые процессы отличались поэтому большой сложностью. Грамматический строй и основной словарный фонд, являющиеся продуктом целого ряда эпох, совершенствуясь, сохранили свою устойчивость и были общи всем слоям народа, общества. Но словарный состав, более подвижный и более подверженный изменениям в зависимости от изменений общественной жизни, пополнялся и изменялся. В разных общественных, классовых группах словарный состав пополнялся и изменялся неравномерно, в зависимости от роли этих групп в общественно-производственной, политической жизни. Многие общие языковые черты, отражавшие старый быт и представления, отми-

рали в одних социальных группах и сохранялись в других. Новые языковые явления в разных социальных группах создавались с различной интенсивностью и были различного характера в зависимости от общественно-производственных потребностей этих групп.

С другой стороны, и многие элементы словарного состава общенародного языка использовались неравномерно в различных социальных группах. Так образуется путь для возникновения на почве общенародного языка особых речевых разновидностей, перерастающих, особенно в верхушечных слоях имущих классов, в свои, классовые жаргоны.

Исследование социальных речевых разновидностей составляет одно из условий для правильного понимания путей развития общенационального литературного языка. «Без историко-диалектологических изысканий нельзя вполне выяснить ни вопроса о народных основах русского литературного языка, ни вопроса о формировании и истории разных его стилей, связанных с живыми народными говорами, ни многочисленных и разнообразных частных проблем исторической фонетики, исторической грамматики и исторической лексикологии русского литературного языка»*.

Для понимания особенностей речи нарождавшегося купеческого класса существенное значение имеет раскрытие социального состава его по происхождению, установление социального его генезиса. От этого, в основном, зависит правильное решение вопроса о языковых традициях, лежащих в основе купеческой речи XVIII в., и об основных тенденциях ее дальнейшего развития.

Советские историки в ряде общих трудов и частных монографий воссоздали картину бурного роста русской промышленности, тесно связанной с оборонными и другими общегосударственными мероприятиями Петра, ее мануфактурный характер, тесно сочетавшийся с широко разветвленным ремеслом, ее организационные и хозяйственные успехи, выдвинувшие ее в ряде отраслей, например, металлургической, на передовое место в европейском производстве, и, наконец, ее хищнический характер в организации труда, тяжелым бременем легший

* Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка. — «Известия АН СССР», Отд. лит. и языка, 1946, т. 5, вып. 3, с. 224.

на плечи как крепостных крестьян, так и свободных рабочих людей. Повышается общественный удельный вес купечества как класса в составе крепостнической монархии. Усиливается процесс внутреннего расслоения купечества. Феодалное дворянство — еще высший командующий класс, и в его ряды тянутся и одворяняются богатейшие купеческие фамилии вроде Строгановых, Демидовых и т. п. Но типичным все же остается внутренний массовый рост класса купцов-капиталистов. Интересующие нас данные о социальной истории русского буржуазного класса извлекаются, главным образом, из исторического анализа мануфактурного производства и его организационной стороны. Разрушая буржуазные теории об искусственном насаждении промышленности петровского времени, советские историки показали ту национальную почву, на которой складывались как рабочие кадры русской промышленности, так и буржуазные, эксплуататорские слои. Это было городское ремесленно-торговое население, прежние посадские люди Московского государства. В петровское время это население характеризуется бурным ростом. Обостряется процесс его расслоения. Основные кадры буржуазии выросли из торгово-ремесленного населения городов. Именно на эту социальную почву формирования буржуазии указывает В. И. Ленин, исследуя развитие металлургического дела в России из ремесла в мануфактуру: «Здесь, следовательно, мы видим непосредственное преемство и связь между старыми цеховыми мастерами и принципами позднейшей капиталистической мануфактуры»*. И далее: «Может быть, одним из наиболее рельефных проявлений тесной и непосредственной связи между последовательными формами промышленности служит тот факт, что целый ряд крупных и крупнейших фабрикантов сами были мелкими из мелких промышленников и прошли через все ступени от «народного производства» до «капитализма»**. Резервом для пополнения класса буржуазии становится непосредственно и крестьянство. Зажиточный крестьянин — торговый посредник — купец — капиталист-промышленник — таков типичный не только для петровского, но и для позднейшего времени путь пополнения буржуазии. Образ крестья-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 3, с. 424.

** Там же, с. 542.

янина купца Бровкина из романа А. Н. Толстого «Петр Первый» — типичнейшая фигура петровского времени.

Новые пополнения не изменяли в общем социального облика основного костяка буржуазии. Ведь они шли из слоев зажиточного крестьянства, близкого в русских исторических условиях по быту к посадским людям Московской Руси. Только в процессе дальнейшего преобразования уже складывавшейся буржуазии и роста ее в класс создается противопоставление ее и с социально-бытовой стороны крестьянству, что в петровское время получило и юридическое оформление в виде гильдейских и цеховых организаций. «Из крепостных средневековья, — говорит К. Маркс, — вышло свободное население первых городов; из этого сословия горожан развились первые элементы буржуазии»*. От экономической, а затем только социально-бытовой общности посадских людей с крестьянством — дальнейшее углубление противоположностей между этим новым классом и крестьянством. Однако, и адстрочные черты близости сохраняются в течение еще очень долгого времени в силу ряда экономических и политических причин.

Действительно, традиции быта русского городского ремесленно-торгового населения уходят в глубокую старину. Еще в древних русских городах ремесленники и купцы, несмотря на тесную связь города с земледелием и социальную неразобщенность горожанина и крестьянина, имели зачатки своих организаций и были существенным звеном в феодальной государственности**. В Московской Руси, и особенно с XV в., посадские люди становятся уже типичным средневековым сословием горожан со сложившимися общественно-экономическими обязанностями, с сохранением, в то же время, теснейших общественно-экономических и бытовых связей с крестьянством и с поддержанием, в силу своей общественной роли, не менее тесных связей с господствующими слоями города: княжеской и царской администрацией всех рангов и духовенством***. Способы производства у посадского населения создавались веками, застывая в своих консервативных формах. «Законом докапита-

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 4, с. 425.

** См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946, с. 127—163.

*** См.: Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. 1, 1947; т. 2, 1948.

листических способов производства,—указывает В. И. Ленин, — является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем техническом основании: таково барщинное хозяйство помещиков, натуральное хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников. (...) При старых способах производства хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине, не выходя из пределов помещичьей вотчины, крестьянской деревни или небольшого окрестного рынка для сельских ремесленников и мелких промышленников (так называемых кустарей)*. Эти способы производства создавали устойчивый, застывший уклад жизни. «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще**». Нарождающийся русский купеческий класс, плоть от плоти русского средневекового сословия горожан — посадских людей — унаследовал и сохранил традиционный уклад средневекового горожанина.

В области быта и домашнего обихода этот класс прямым образом не был затронут и петровскими нововведениями: купечество, как крестьянство, сохранило неизменные бороды, традиционную одежду и житейский распорядок. Сохранение традиционных внешних форм жизни сочеталось с сохранением устойчивых традиционных форм общественного сознания. Новые общественные отношения воспринимались сквозь призму устоявшихся привычек и представлений, тем более что новые государственные институты и учреждения еще долго, вместе со старыми людьми сохраняли традиции московских приказов. Идеологические воззрения питались совокупностью представлений, заложенных долговременным воздействием церкви, освятившей своим влиянием и предразсудки суеверия. Традиции старины, традиции патриархального быта вместе с нарождающимися элементами новых, капиталистических отношений определяли весь

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 3, с. 57.

** Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 13, с. 6—7.

психический облик нарождающегося купеческого класса. Ведь только тогда, когда буржуазия достигает господства, она разрушает «все феодальные, патриархальные, идиллические отношения»*. Именно тогда, говорит К. Маркс, «все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает...»**

Понятно, что пока эти застывшие отношения не разрушены, сохраняется и противопоставление купеческого класса дворянству. Ведь буржуазия, как указывает К. Маркс, «в период мануфактуры, — противовес дворянству в сословной или в абсолютной монархии и главная основа крупных монархий вообще»***. Действительно, в XVIII в. уже сложилось и классовое во всех своих социально-бытовых проявлениях противопоставление дворянства купечеству, крестьянству, разночинной массе города. Это противопоставление создает те сословные перегородки, которые препятствуют речевому обмену, бывшему до известной степени свободным в пределах разговорных разновидностей речи в феодальном обществе. Массовая речь купечества, как и социально связанного с ним слоя городского мещанства и ремесленников, отличается устойчивостью своих традиционных черт и неподатливостью к принятию элементов литературного языка.

Художественная литература, а также и публицистика XVIII в. широко отражали язык своей современности с его уходящими и живыми традициями, отражали все живые процессы, протекавшие в общенародном языке и во всех его ответвлениях. Для изучения социальных разновидностей речи художественная литература доставляет обильный, но не равноценный по достоверности материал. Так, в дворянской литературе XVIII в. или в произведениях недворян, вошедших в орбиту дворянской культуры, можно собирать только куски и фрагменты купеческой речи, да и при этом часто в кривом зеркале речи комических купеческих персонажей. Для воссоздания типических особенностей купеческой речи

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 4, с. 426.

** Там же, с. 427.

*** Там же, с. 426.

XVIII в. необходимо значительное расширение круга привлекаемых материалов с охватом литературы посадского населения Московской Руси, текстов народных комедий XVIII в. и других достоверных по классовой принадлежности материалов с учетом возможных чуждых наслоений, возникающих в процессе письменной реализации. Комедия П. А. Плавильщикова, типичного разночинца XVIII в., и является таким достоверным источником, подтвержденным фактами театральной и личной биографии Плавильщикова, его драматургической деятельностью и теоретическими взглядами.

II

Плавильщиков «был удивительный чудаки, человек умный, ученый, писатель, кончил курс в Московском университете; и начнет, бывало, говорить о театральном искусстве, так рот разинешь. Читал мастерски; я лучше его чтеца не знаю, по всему следовало бы ему быть знаменитым артистом, но он не был им», — так записал С. Т. Аксаков в своих «Семейных и литературных воспоминаниях» рассказ известного драматического актера А. Е. Шушерина*. Человек другой, не профессиональной среды, С. П. Жихарев совершенно сходится с А. Е. Шушериним в характеристике Плавильщикова: «Плавильщиков был человек чрезвычайно умный, серьезный, начитанный, основательно знал русский язык, литературу и говорил мастерски»**. Действительно, даже для энциклопедического XVIII в., давшего многочисленные примеры многосторонней образованности и деятельности, Плавильщиков был замечательной фигурой.

Петр Алексеевич Плавильщиков родился в 1760 г. в Москве, в семье купца. Семья Плавильщикова принадлежала к старым московским купеческим фамилиям, к тем, чьи представители в московской торгово-промышленной жизни встречались еще со времен Петра. В течение всей своей жизни П. А. Плавильщиков сохранял широкие связи с купечеством и как представитель коренной московской фамилии и как популярный актер русского национального театра. И интересы купечества,

* Аксаков С. Т. Собр. соч. в 4-х т., т. 2. М., 1955, с. 372.

** Жихарев С. П. «Воспоминания старого театрала» в «Записках современника». М. — Л., 1934, т. 2, с. 334.

несмотря на отрыв от своего сословия, остались близки Плавильщикову на всю жизнь.

В 1768 г. Плавильщиков поступил в Московскую университетскую гимназию. В 1776—1779 гг. он студент Московского университета. Почти 11 лет пробыл он в стенах Московского университета. Большое влияние на формирование его взглядов оказал профессор логики и метафизики Д. С. Аничков, друг его отца, в течение многих лет руководивший его чтением и занятиями. Особенное значение для будущей его разносторонней деятельности имели занятия у профессора А. А. Барсова. Направление этих занятий характеризуется учебными планами. В 1776/77 учебном году, А. А. Барсов «правила риторические предложит и в упражнениях риторических руководствовать будет, следуя Бреславским основаниям красноречия, поелику через недавнишее издание в университетской типографии оной книги довольно число находится, примечая всегда то, что из оных правил к российскому языку служить может...» В 1777/78 учебном году уже «правила риторики предложит, следуя Эрнестиевым начаткам риторическим...» Одновременно Барсов занимался филологическим толкованием Цицерона, Теренция, Плавта, Виргилия, Горация; главное же место в этих филологических штудиях занимали творения Ломоносова и современных писателей. Лекции сопровождались практическими занятиями: «почасту задавать будет слушателям своим упражнения в переводах и сочинениях, как прозою, так и стихами, на обоих языках, т. е. на российском и латинском»*. Занятия Барсова с постановкой вопросов риторики (стилистики) на классических образцах и лучших произведениях современности затрагивали волнующие вопросы современной литературы, развития русского языка. Недаром лекции Барсова находили широкий отклик в студенческой среде. «С товарищами, — пишет современник, — часто судил Плавильщиков по правилам критики о достоинстве сочинений и переводов, часто входил с ними в словопрения»**. Оды и речи Ломоносова были отправными точками критических размыш-

* Сухомлинов М. И. История Российской Академии, т. 4, 1878, с. 487.

** Победоносцев П. Воспоминание о П. А. Плавильщикове. — «Труды об-ва любителей росс. словесности», 1818, ч. 2, с. 91.

лений*. Тогда же вырабатываются и реалистические литературные взгляды Плавильщикова. Он критически относился к переводным романам, «где читаешь выдуманные приключения, несбыточные мечты, удачи и неудачи, трудности и возможности, охи да вздохи, где ах! и увы! стоят бессменно на карауле»**.

Интерес к филологической науке во время пребывания Плавильщикова в университете отразился и на его жизненном пути. Уже будучи актером, в Петербурге, он отдается научно-педагогической деятельности. Он преподает по оригинальному, им самим выработанному методу русскую историю с древнейших времен (см. его статью «Нечто о врожденном свойстве душ российских»), в Академии художеств преподает «все части русской словесности, по собственному своему начертанию», в Горном корпусе — риторiku «собственного своего сочинения»***. Судя по его склонности к критической оценке науки в плане русских национальных интересов, как увидим впоследствии, и эти труды представляли плод самостоятельного изложения. Как показывают воспоминания С. Н. Глинки, учившегося тогда в Горном корпусе, преподавание Плавильщикова было направлено на осмысление современных литературных проблем. «Кроме од Ломоносова, — вспоминает С. Н. Глинка, — Плавильщиков читал нам и рассуждение свое о тогдашней словесности, помещенное в *Зрителе Крылова*»****. Позднее он был пионером преподавания декламации на научных основах в Московском университетском благородном пансионе.

И в главном деле своей жизни — театральной деятельности — Плавильщиков занимал выдающееся место. Однако, как говорил Шушерин, он не создал своей школы, на всем протяжении своей артистической деятельности не нашел своего пути. «Перенимать у него методу игры, или, яснее сказать, исполнение ролей на сцене, — говорил тот же Шушерин, — не годилось, а советы его были мне всегда полезны»*****. Как актер им-

* Победоносцев П. Воспоминание о П. А. Плавильщикове. — «Труды общества любителей русс. словесности», 1818, ч. 2, с. 94—95.

** Там же, с. 98.

*** Плавильщиков П. А. Соч., ч. 1, «Сведения о сочинителе», 1816.

**** Из записок С. Н. Глинки. — «Русский вестник», 1866, февраль, с. 672.

***** Аксаков С. Т. Собр. соч. в 4-х т., т. 2, с. 373.

ператорской сцены с ее трагедийным репертуаром на первом плане, Плавильщиков блестяще усвоил театральную манеру классического театра того времени, уже освященную дворянским театральным вкусом — напыщенную, но сдержанную в проявлении чувств декламацию, и безукоризненное чтение стихов. Этих качеств актеру было вполне достаточно, чтобы иметь успех у дворянской публики. С. П. Жихарев приводит слова Плавильщикова о такой игре. Характеризуя манеру актера Кондакова, Плавильщиков говорит: «он из семинаристов и по-настоящему плохой актер; но публика его терпит и слушает охотно, потому что он читает внятно, слова ни жет как жемчуг, ни одного не проронит»*. «Еще, по-видимому, тогда, когда он был участником представлений студенческого университетского театра, менее связанного с правилами официальных театров, у него зародились представления о русской реалистической манере театральной игры»**. Верный интересам своей социальной среды, он ориентируется на недворянского зрителя. «Пусть любопытный пройдет мимо театра во время французского представления, увидит площадь, заставленную шестернями; во время русского же — где увидит шестерню. Одни пешеходы по большей части любят видеть свое; но сто пеших рукоплескателей противу двух цуговых не устоят»***. Действительно, игра Плавильщикова, по-разному и противоречиво оцениваемая с точки зрения дворянского зрителя, в других кругах встречала единодушную оценку. «Вообще должно сказать, что Плавильщиков имел свой и довольно большой круг почитателей, — говорит Шушерин****. Этот новый, демократический зритель, «пеший рукоплескатель» ценил реалистическое начало игры Плавильщикова, отход его от заученных поз и обычной театральной декламации. В воспоминаниях современников остались свидетельства только об игре его в трагедиях, ибо именно трагедия была ведущим жанром и только игрою в трагедии определялись оценка игры и имя артиста. О том, что Плавильщиков с успехом выступал и в комедиях,

* Жихарев С. П. Записки современника. т. 1, 1934, с. 176.

** Ср.: Вирен В. Н. Студенческий театр при Московском университете. — «Вестник Моск. университета», серия общ. наук, вып. 3. М., 1949, № 7, с. 71—81.

*** Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 36.

**** Аксаков С. Т. Собр. соч. в 4-х т., т. 2, с. 372.

сохранились лишь общие указания. От манерного чтения он перешел к реалистическому произнесению роли. «От важного тона, пылких страстей и тонких умствований умел он переходить в чувства обыкновенных людей, умел говорить языком простодушия», — говорит современник*. При изображении бурных страстей Плавильщиков, по неодобрительному отзыву Шушерина, впадал в крик и утрировку, что было тоже одной из форм перехода к реалистической манере и отказа от напыщенной декламации. Шушерин, до известной степени более связанный с трагедией, не хотел видеть в этой «гибкости голоса, всегда применявшейся к страсти и к обстоятельствам» (Победоносцев, там же) реалистических устремлений Плавильщикова.

Рассказывая о своеобразной игре Плавильщикова в «Эдипе», внимательный театральный наблюдатель и ценитель новых театральных течений С. П. Жихарев приходит к выводу, что Плавильщиков «восхитил всех простотою и величественною игрою своею; да и мог ли играть иначе единственный в то время защитник простоты и естественности на театральной сцене?»** Стремление представить на сцене живого человека настолько противоречило нормам трагедийной игры, что вызвало со стороны Шушерина обвинение Плавильщикова в неистовстве за то, что Плавильщиков в роли «Эдипа в Афинах» ползал на четвереньках по сцене, отыскивая Антигону***. Излишества реалистичности, которые усматривал в игре Плавильщикова Шушерин, приводили его к крайне отрицательным оценкам Плавильщикова. «Возьмет целой актавой выше, хватит себя кулаком в грудь, заорет, закусит удила и валяет так до конца пьесы»****. Шушерин обвинял Плавильщикова в недостатке артистического такта, в наигранной искусственности при недостатке подлинного артистического «огня». Однако это не так. Стремление изобразить живого человека, найти метод реалистического воплощения образа вытекало и из теоретических положений Плавильщикова о теат-

* Победоносцев П. Воспоминание о П. А. Плавильщикове, 1818, ч. 2, с. 104.

** Жихарев С. П. Собр. соч., т. 2, с. 338—339.

*** См.: Аксаков С. Т. Собр. соч. в 4-х т., т. 2, с. 372. Впрочем, видя в этом крайний реализм, защитники Плавильщикова (С. П. Жихарев) отрицали вовсе возможность такого факта.

**** Там же, с. 375.

ральной игре. «Есть ли должно выбирать искусство без стройности или стройность без искусства, я буду на стороне первого, и всяк со мною согласится предпочесть живого человека прекрасной кукле» *. Только в следующем поколении, когда реализм в театре приобретал ощутимые формы, но когда еще живы были воспоминания о недавнем прошлом, игра Плавильщикова получила более объективную оценку в сложившейся исторической перспективе. «Хотя в прежнее время, — пишет историк театра, — господствовал строгий классицизм на сцене, и дикция в трагедиях и драмах была манерная и протяжная; но были актеры и актрисы, которые исполняли свои роли очень естественно, например, Плавильщиков, Шущерин, Померанцев, Сандуновы, Каратыгина. Все они отличались произношением естественным, чистым и правильным, и при всем торжестве тогдашнего классического направления игра их дружилась с натурою (как объяснялись тогда журналисты в своих театральных критиках), почему их постоянно уважали сами классики, требовавшие ученой декламации» **.

При господствующем внимании к трагедийному театру, при господствующем мнении о том, что только в трагедии серьезно раскрывается истинное актерское дарование, при господстве дворянства, как выразителя театральных вкусов, Плавильщиков-актер неуклонно развивал и совершенствовал традиционную манеру, не ломая ее, но усложняя в направлении тогдашних демократических представлений о реализме. Для нового содержания игры, которое диктовалось его классовым чутьем, он не мог найти в условиях современного ему театра реалистической формы воплощения образа. Плавильщиков-актер не нашел правильного выхода из ставших перед ним противоречий. Гораздо удачнее и плодотворнее были опыты Плавильщикова-теоретика и Плавильщикова-драматурга.

Биограф Плавильщикова А. Н. Сиротинин расценил его деятельность как явление неожиданное на фоне тогдашней общественной жизни. «Не примыкая ни к каким особенным литературным кружкам, — пишет биограф, — он как-то вдруг выступил в качестве публициста, критика и сатирика, в начале 90-х гг., и, высказав к этому

* Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 65.

** Арапов Н. Летопись русского театра. СПб., 1861, с. 123.

времени уже окончательно сложившиеся воззрения и идеалы свои, как писателя и гражданина, так же скоро и внезапно замолк»*. Однако и внезапное выступление Плавильщикова, и внезапное его молчание были совершенно органичны и в его биографии, и в общественной жизни того времени. Ведь именно середина 80-х — начало 90-х гг. XVIII в., т. е. время, совпадающее со вторым периодом артистической деятельности Плавильщикова в Петербурге, составляет новый, демократический этап в развитии русской общественной жизни, который оказал значительное влияние на последующее развитие радикально-демократических и революционных идей. 1790 год, год выхода «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, был вершиной этого периода. Плавильщиков в эти годы, по-видимому, на почве общих театрально-драматургических и социальных интересов завязывает дружеские отношения с И. А. Крыловым и его друзьями, отношения, которые к 1792 г. закрепляются деловой связью — открытием общей типографии и изданием журнала. Несомненно творческое общение Плавильщикова и Крылова в эти годы. Только близкое знакомство с условиями сцены и актерской игры позволило Крылову создать исключительные по своей сценичности комедии и непревзойденные по драматичности диалога басни. Несомненно и их идеологическое сближение — в журнальной деятельности Крылова и в публицистических выступлениях Плавильщикова, а также в его комедии из крестьянской жизни «Бобыль» (1792) ясно выступает общность их антидворянских, антикрепостнических взглядов, патриотическое отношение к самобытности русской культуры и русского языка, общность их демократического понимания просветительной роли литературы и искусства. Как и Крылов, Плавильщиков далек от революционных идей. Передовой человек своего времени и своего класса, Плавильщиков остался настоящим представителем своего класса, искавшего преодоления противоречий в соглашении с дворянством и царизмом, а не в революционных действиях. Однако страстная, революционная проповедь Радищева и суровое подавление правительством всех отдельных проявлений революционного протеста со стороны представителей передового дворянства, из которых некоторые

* Сиротинин А. Н. П. А. Плавильщиков, актер и писатель прошлого века. — «Исторический вестник», т. 45, 1891, с. 430.

были близки Крылову и Плавильщикову, отразились на взглядах Крылова и Плавильщикова. Проблема самобытности русской культуры и роли народа в самобытном ее развитии именно Плавильщиковым была поставлена широко, отчетливо и радикально*.

Две основные статьи Плавильщикова «Нечто о врожденном свойстве душ российских» и «Театр», помещенные в «Зрителе» Крылова, — развернутая программа демократического просветительства, острием своим направленная против дворянского лагеря культуры. Теоретические взгляды Плавильщикова, отразившиеся в его драматургическом творчестве, были значительным шагом в развитии демократической линии русской культуры, формулировавшим общенациональные интересы с идеологических позиций молодого еще буржуазного класса. Понятно поэтому, что находившаяся в руках дворянства журнальная литература, критика и публицистика не откликнулись всерьез на выступление Плавильщикова. Плавильщиков — актер, Плавильщиков — автор трагедий и менее — комедий в журналах того времени заслонил собой Плавильщикова — идеолога русской народности и нового искусства. Замалчивание Плавильщикова-теоретика современниками-дворянами привело к тому, что работы Плавильщикова в последующем развитии демократической мысли не вошли в ее традицию. Когда же, на новом этапе, буржуазия отвоёвывала культурные позиции у дворянства и когда демократические идеи получили новое содержание, а некоторые вопросы в области национального искусства, впервые поставленные Плавильщиковым, были разработаны более глубоко и радикально, деятельность Плавильщикова была уже пройденным этапом.

Проблема самобытности и определения путей развития русской культуры, занимавшая умы дворянства во второй половине XVIII в., и раскалывавшая его на «европейцев» и консерваторов, охранителей старых устоев, разрешается Плавильщиковым с классовых позиций молодой буржуазии. Для него нет неразрешимого противоречия между культурой Запада, кторую увлекалась часть дворянства с эпохи Петра, и национальной

* Интересные и убедительные выводы и соображения о связи Плавильщикова и Крылова, о связях Крылова и Радищева имеются в исследовании Н. Л. Степанова: Н. А. Крылов, жизнь и творчество. М., 1949.

русской культурой. Плавильщиков, горячий патриот и защитник самобытности русской культуры, подошел к решению этой проблемы исторически. С точки зрения передового представителя молодого класса, вряд ли нужно было держаться патриархального только потому, что оно патриархально. Вряд ли нужно держаться иноземного только потому, что оно иноземное, как это было принято у «европеизующего» дворянства. Только то необходимо, что отвечает интересам развития. «Я не отрицаю, — пишет Плавильщиков, — чтоб нужно было занять чего у иностранцев; но что и как занимать? В том вся важность. Петр Великий занял у иностранцев строй воинский, но собрал его со свойством воинов своих... Петр Великий занял строение кораблей, но учредил флот по своему благорассмотрению и от того превзошел всех своих учителей» *. «Обвиняют Ломоносова, что он подражал иногда Гинтеру, но Ломоносовы оды таковы, что Гинтер кажется подражателем Ломоносову» **. Можно заимствовать материальные ценности, но перерабатывать их в соответствии с духом и интересами русской культуры. Можно заимствовать только то, что нужно для развития своей культуры, то, что не во вред ей. Так, принимая итальянскую нотную систему, вовсе не следует перенимать итальянскую музыку, которая не может служить обогащению русской культуры. Он резко разграничивает творческое *понимание*, проникающее «мыслями во внутренность дела», и слепое *перенимание*, рабское подражание, засоряющее мысли и принижающее русскую культуру. Такая точка зрения на заимствования позволяет Плавильщикову высказать мысли, предвосхитившие дальнейшее развитие русской культуры. Так, принимая оперу, перешедшую к нам от итальянцев, как уже наличный факт русской культуры, он категорически возражает против структуры итальянской оперы. «Как уверяют итальянцы, — пишет он, — в опере нет нужды ни в здравом смысле, ни в завязке, ни в порядочном расположении, а вся сила замыкается в одной музыке». Между тем, говорит он, «опера или поющее зрелище, мне кажется, подлежит тем же правилам [что и драма, комедия] и по содержанию может быть или плачевное или забавное... Здравый рассудок никогда не поработится музыке, русские зрители в опере хотят

* Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 15—16.

** Там же, с. 18.

видеть драму правильную и привлекательную»*. И действительно, русская национальная опера, уже много позднее, в творчестве Глинки, Даргомыжского, а затем и «могучей кучки» пошла именно по этому пути.

Но Плавильщиков — решительный противник того иностранного влияния, которое ведет к идеологическому перерождению, к забвению родной культуры, к слепому преклонению перед иностранным. Он подробно анализирует пути и способы разлагающего влияния иностранцев, приводящего к созданию антипатриотической, космополитической идеологии, к пренебрежению к своему народу, и со всей силой обрушивается на дворянство, так как именно оно, а не представители других социальных классов поддаются этому влиянию и культивируют его. «Весьма много похищает чести у русских дарований, — заключает Плавильщиков, — язва модного воспитания, она заразила большую часть людей, в которых науки и искусства должны обретать своих покровителей, и до того довела некоторых именем знатности облеченных, что они об русском и слышать не хотят»**.

Самобытность россиян и опору для самостоятельного развития русской культуры он находит не в дворянстве, а в народе, причем — и это характерно для Плавильщикова — народ выступает у него не в виде нерасчлененной массы. Он рассуждает о крестьянстве и его национально-русских особенностях в области культуры, искусства и национального характера, а особенно останавливается на творческих достижениях и национально-русских особенностях среднего, недворянского городского слоя и, в частности, купеческого класса. Из всех его рассуждений совершенно очевидно, что именно в этих слоях он хочет видеть направляющую национальную силу. Среди многих панегирических оценок русской самобытности, иногда доходящих до признания национальной исключительности, у Плавильщикова и здесь выступает трезвый историзм, диктуемый интересами нового класса. Черты патриархальной народной самобытности не являются для него, как для многих представителей дворянства, предметом любования. Они — живой элемент культуры и могут быть по-новому использованы в условиях создания новой культуры на народной почве. Так, осуждая монополию итальянской музыки у дворян,

* Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 85.

** Там же, с. 21.

он пишет: «Значит ли это перебить хлеб у Италии, когда я воображаю, что естели обработать коренные русские напевы, то выйдет приятная и усладительная музыка?»*.

В свете всех этих положений Плавильщикова имеют значительный интерес для понимания его творчества представления его о развитии языка, о свойствах русского языка. И в понимании языковых явлений отчетливо намечается историческая точка зрения. Плавильщикову ясна связь между судьбой языка и судьбой говорящих на нем. «Язык и свойство народа столь тесно между собою соединены, что с переменою одного сопряжена перемена и другого. Не стало латинского языка в Италии, не стало и римлян — или, не стало римлян, погиб язык латинский»**. Усвоение этих взглядов, в своей общей форме не представляющих оригинальности, и применение их к конкретным явлениям языка — характерная черта в понимании Плавильщиковым живой языковой современности как отражения социальной действительности. Ведь понятие развития присуще именно классу, завоевывающему свои позиции. Именно с этой, целенаправленной для него, точки зрения понимал Плавильщиков чистоту и правильность литературного языка, в противоположность охранительным взглядам таких консервативных представителей дворянства, как Шишков, историко-этимологические штудии которого были направлены к тому, чтобы замкнуть литературный язык в неизменных категориях прошлого, оторванных от исторического развития народа.

В оценке русского языка и его богатства Плавильщиков развивает ломоносовские взгляды, хорошо изученные им еще в университетские годы под руководством почитателя Ломоносова — Барсова. Защитник русской самобытности и противник дворянского низкопоклонства, он богатство русского языка вскрывает в плане сравнений с языком французским. Здесь он обращается не только к материалу народного языка, но и к «наречиям» других состояний. Он видит превосходство русского языка прежде всего в звуковом отношении. «Глухие выговоры да и в нос более бы заставить должны брезговать сим языком [французским], нежели пленяться им. Российский же напротив того всякое понятие называет

* Плавильщиков П. А., Соч., ч. 4, с. 107.

** Там же, с. 41—42.

своим именем: произношение его ясно, плавно, гордо и нежно; сопряжение его свободно и музыка в выговоре приятна»^{*}.

В русском языке Плавильщиков находит необычайно широкие возможности выразительного и точного отражения действительности. «Все то, что человеческое воображение представить себе может, мы ясно выражаем; самотончайшие тени мыслей имеют у нас особливые и свойственные названия; на все есть особливые слова и особый слог, приличный содержанию»^{**}. Его понимание слова как сгустка «самотончайших теней мысли», как законченного выражения отношений социальной среды и психического облика говорящих, обнаруживается на анализе им слова «радушные», анализе, который характеризует бытование этого слова в родственной Плавильщикову среде. «Сие название изображает особливую заботливость и усердие; оно выражает ясно, с каким удовольствием принимает хозяин к себе гостей; сие усердие и заботливость в угощении простирается до того, что он отдает преимущество гостям, во всем забывает совершенно о себе и в том одном находит удовольствие, чтоб гости его были совершенно удовлетворены, и когда всем пресыщены, радусные хозяина всегда беспокоятся, не упущено ли что-нибудь, могущее принести всегда более удовольствия гостям»^{***}. Каждое слово для него поэтому индивидуально и с неповторимой точностью выражает весь комплекс представлений. В его представлении «русский язык безмерно богат, так, что едва слов десять найти можно, которые могли бы означать более, нежели одно понятие»^{****}. Поэтому превосходство русского языка над французским, излишне омонимичным, по его мнению, он видит в том, что русский язык имеет многочисленные ряды близких по значению, синонимобразных, но разных слов с тончайшими оттенками значений. Русский язык, говорит он, «выражает ясно понятия российские. Виноват ли язык наш в том, что он различает *пользу, выгоду, корысть, привлекательность* и *рост*, а французский все сие называет *интересом*? Виноват ли российский язык, когда он неудобен быть языком переводным, каковым модный

* Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 40.

** Там же.

*** Там же, с. 10.

**** Там же, с. 34.

свет сделать его хочет, и каковым он во веки не будет?»*. В самом русском языке он видит средства для того, чтобы заменить принесенную дворянами иностранщину. «Если же вы не находите многих точных слов, — писал Плавильщиков своему критику, — в том не моя вина. Когда обнародываются указы, а вы не знаете, как назвать публику; ... имеете дары или дарования, а спрашиваете, что такое талант; имеете ум, а ищете, что значит *génie*; исповедуете христианскую веру, а спрашиваете, что такое религия»**. И в писательстве, и в жизни Плавильщиков был непреклонен в своей позиции. «У нас еще в свежей памяти, — пишет современник, — сколько он радовался распространению отечественного слова, и сколько огорчался, слыша в разговорах и находя в сочинениях выражения и обороты, из иностранных языков почерпнутые. Зная богатство нашего языка, никогда не позволял он себе прибегать к скудости слов чужеземных и досадовал, даже изменялся в лице, когда принужден был слышать такие отступления от чистоты слога. «Не стыдно ли нам, — говаривал он, — обходить чистый источник, и притом свой, наследственный, а чужие блестящие песчинки почитать золотом? Все чужое перенимать, значит своего не понимать. Вникнем только в свое собственное и найдем, чем пленяться, найдем даже и то, чем удивить самых чужестранцев»***.

Многообразие словесных средств выражения позволяет сделать речь точной, предельно ясно отражающей предмет речи. Критикой перефразистической и «европейски» изысканной дворянской речи звучат его слова о том, что «мало трогают россиян многоглаголовые тонкости. Россияне требуют не слов, но дела: они хотят, чтоб мало сказано было, но чтобы много замыкалось; любят замысловатое, но не терпят переслащенного; любят порядок, но не терпят широкого педантизма»****.

За точными и выразительными средствами, которые могут обогатить литературную речь, он рекомендует обратиться к языку народа. «Многие петербургские жители в прогулках своих по набережной ежедневно летом видеть могут, когда сии простодушные поселяне обедают

* Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 41.

** Там же, с. 109.

*** Пободоносцев П. Воспоминание о П. А. Плавильщикове, с. 133.

**** Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 47.

или ужинают на барках... Как бы я желал, чтобы мой критик послушал их разговоров: он бы нашел в сих разговорах столько остроты в своем роде, которая бы его удивила, а что более, сия острота всегда наполнена здравым смыслом; я много раз восхищался сим приятным зрелищем и с удовольствием слушал, как они старались один другого сказать острее, и часто слышал насмешки, когда кто-нибудь из них думая замысловато да молвит невпопад. Теперь я спрошу, кто образовал сию в них способность? Не спорю, что их шутки грубы и замысловатость проста... Дело вкуса обработать и украсить сию природу, но отнюдь не выходить из ее круга» *.

Таким образом, и в области языка Плавильщиков последователен: надо оставаться на почве народного языка, не выходить из его круга, но поднимать народный язык на новую ступень в соответствии с новыми культурными потребностями.

III

Роль Плавильщикова в истории русского реалистического театра, его литературные связи, влияние его взглядов и драматургической практики на последующее развитие реалистической драматургии освещены очень мало. Между тем исследователь литературного языка не может обойти литературные позиции писателя. Советские литературоведы начинают восполнять этот пробел **, Плавильщиков выступает как подлинный новатор в поисках новых форм отражения действительности. Его писательская деятельность похожа на неустанный экспериментаторство. Среди стихотворных опытов находятся оды, небольшие лирические поэмы, басни, шарады, шутливая поэма из купеческого быта в духе иронической поэзии. Из его журнальных статей и отрывков интерес представляют статьи в эпистолярной форме. И в драматургии он отдал дань всем жанрам. В двух трагедиях («Рюрик» и «Тахмасс-Кулыхан») он целиком почти стоит на почве классицизма, а третья,

* Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 72.

** Ср., например, небольшие разделы, посвященные Плавильщикову, в кн.: Благой Д. Д. История русской литературы XVIII в. М., 1945, с. 338—340; в томе 4 «Истории русской литературы», М. — Л., 1947, с. 501—506; статью Т. Карской. К вопросу о традициях русского театра. — «Звезда». Л., 1943, № 4 и нек. др.

«Ермак», представляет собою полную ломку его устоев. Она написана прозой, без сохранения трех единств, с ясно выраженным стремлением к историческому и бытовому правдоподобию, но с сохранением сглаженного книжного языка и других приемов высокой трагедии. Традиционны по языку и по сюжетам его драмы «Граф Вальтрон или Воинская подчиненность», «Ленса или Дикие в Америке», а также комедии «Дружество», «Братья Своелавовы или Неудача лучше удачи». Они — не что иное, как дань традиционному ходовому репертуару дворянского театра. Значительным его произведением, пользовавшимся успехом на сцене вплоть до 50-х гг. XIX в., была комедия «Бобыль» (1-е издание 1792 г., 2-е 1815 г.) из крестьянской жизни*. По сюжету она продолжает традиции комической оперы XVIII в., но представляет значительный шаг вперед по реалистичности крестьянской речи и действующих лиц. Венцом новаторской деятельности Плавильщикова является «Сиделец» (1807), комедия из купеческой жизни в четырех действиях. Ей предшествовали популярные в свое время по своей литературной злободневности комедии-шутки в одном действии «Мельник и сбитенщик соперники» (1793) и «Сговор Кутейкина» (1799). Однако и по языку и по разработке сюжета они не могут быть поставлены в один ряд с «Сидельцем».

Современники прежде всего отмечали реалистичность комедий. Так, П. Победоносцев, отдавая должное трагедиям Плавильщикова, пишет: «В комедиях автор наш был гораздо счастливее. Все они близки к народным нравам и отличаются выражениями, приличными предметам и содержанию; узлы в них довольно остроумно связаны, а развязки удачны. Действующие лица изображены так сходно с природою, что зрители тотчас узнают их. Хотя он выводил на сцену людей по большей части из последнего состояния, таких, от коих, по замечаниям критики, нечему научиться, и коих простонародные слова изображают только грубые понятия, однакож комедии его не теряют через то цены своей», и существенно то, что в них «нет приторной чувствительности, коею бли-

* «Комедия «Бобыль» почитается лучшею. Смешные явления, острые, хотя и простонародные шутки ее всегда занимали и будут занимать всякого рода зрителей. Она и до сих пор составляет приятное для русских зрелище» (Победоносцев П. Воспоминание о Плавильщикове, с. 125).

стали томные Зигварды, отчаянные Вертеры и новые Стерны»*. П. Победоносцев, несмотря на полное признание достоинств комедий Плавильщикова, с оглядкой хвалит их. Превосходя реалистичностью «простонародные» комедии своего времени, они тем более противостоят требованиям дворянского вкуса. Значение Плавильщикова, как борца за демократическую комедию, за возведение народного языка на степень литературного, за демократическое просветительство раскрывается глубже на фоне борьбы дворянства за ограждение своей речи от «простонародных» влияний, за создание дворянской комедии, соответствующей целям дворянского просветительства. Характерно в этом отношении выступление «Вестника Европы» с программой дворянской драматургии.

«Я не могу понять, — пишет автор статьи, — отчего наши комические авторы привязались к провинциям; они по большей части пишут в столицах; нет никакого сомнения, чтоб самолюбие их не предпочло одобрения нескольких знатоков ненадежной похвале толпы зрителей; но можно ли угодить знатокам представлением какого-нибудь Фоки, [в комедии «Так и должно»] комнатного шута деревенского дворянина, воеводской канцелярии или провинциального петуха в смешном наряде? Правило комика есть забавлять и приносить пользу: какое же удовольствие найдет благовоспитанная девица, слушая ссору однодворца с его женою, брань дурака с дурую, которых каждое слово несносно для нежного слуха? Исправится ли молодой ветреник, полагающий всю свою славу в мотовстве, злоречии и уловлении невинности, или коварный хитрец, если автор подаст им совершенное понятие о пирушках [комедия «Судейские именины»] секретарей и посадских? Какая вообще нужда знатнейшей части публики: боярыне, боярину, первостатейному откупщику или заводчику — какая польза им знать, что происходит в трактирах, на сельских ярманках и в хижине однодворцев, которые известны только их старостам и управителям. У них свои обыкновения, свои предрассудки и свои пороки; они хотят смеяться на счет себе подобных. Умей автор бережливым образом показывать каждому собственный его портрет в его

* Победоносцев П. Воспоминание о Плавильщикове. — «Новый пантеон отечественной и иностранной словесности», 1819, ч. 4, с. 195—196.

соседе; умей говорить сердцу — и тогда он может надеяться приносить одним невинную забаву, а другим пользу» *.

Но Плавильщиков-драматург не был новатором, не проверяющим устои. Дворянская культура тянет его к себе выработанными эстетическими положениями, взглядами на назначение театра, привлекающими своей стройностью. Он часто не выходит из круга традиций, но преобразовывает их в соответствии со своими целями. Теоретически он более радикален, чем на практике. Отвергая теорию трех единств и пренебрегая ею в «Ермаке», он строит комедию «Сиделец», радикально новую вещь, не в противоречии с этой теорией, так как здесь она не мешает его реалистическому заданию. Он усваивает идею просветительных задач театра, идущую от Сумарокова («смешить без разума дар подлая души»), через Лукина и журнальную литературу, делает ее руководящим положением драматургической эстетики, подчиняя в пьесе этому положению все — от построения сюжета до языка действующих лиц. Идеино-воспитательные задачи театра, как школы демократической культуры, у Плавильщикова впервые получили широкое и детальное обоснование. Его резкая критика пьес-переводов, пьес-переделок, «склоненных на русские нравы», пьес-подражаний продиктована не тем, как это принято считать, что русский театр должен был в своем естественном развитии перейти из стадии обучения у Западной Европы в стадию самостоятельного развития. Ведь и много позже, в первой половине XIX в., русский репертуар трудами дворянских и примыкающих к ним драматургов был наполнен переделками романтических мелодрам и водевилей. Дело в том, что переделки XVIII в., классово родственные дворянскому зрителю, не могли выполнять идейно-воспитательных задач демократического просветительства. Ведь пьесы эти, далекие и чуждые по быту и психологии героев, или, при «склонении» на русские нравы, антиреалистические, для демократического зрителя могли быть только предметом развлечения, и воспитательная роль сводилась на нет. Поэтому и проблема реализма русского национального самобытного театра вытекала из идей демократического

* В. В. О русских комедиях. — «Вестник Европы», 1802, ч. 2, № 7, с. 232—233.

просветительства: театр, для того чтобы воспитывать зрителя, должен быть ему духовно близок, т. е. должен отражать окружающую его действительность. «Всякое состояние тогда только восхищается собою в комедии, когда оно понимает, что это действие его собственное, но так украшено и такой имеет прелестный вид, которым бы представляемое состояние с удовольствием само себя украсить захотело или бы по крайней мере увидело того возможность» *.

Реализм русского национального театра прежде всего заключается в русском сюжете. Для трагедии и драмы «отечественность должна быть первым предметом» ** — темы русской истории и, главным образом, народные герои, такие, например, как Ермак, Минин. Для комедии раскрываются широкие возможности изображения современной русской жизни. «Сколь много происшествий различных ежечасно обращается в наших глазах, столь много является и содержаний для комедий и сколь ни многообразны сии содержания; но они так часты, что сочинителю потребно великое искусство и труд возбудить внимание к тому, что всегда обращается перед нами и обыкновенностью своею никакого в нас особенного впечатления не производит; а при всем том произвести такой смех, за который бы разумный зритель не упрекал себя после, есть дело великого ума» ***.

Реализм в понимании Плавильщикова не совпадает с простым копированием действительности, с натуралистическим описанием. Природа — люди и жизнь — должна быть представлена во всем ее правдоподобии, но художественно переработана. «Все театры ищут как в сочинении, так и в представлении естественности; но также первый предмет театров есть представлять природу во всем ее украшении, какое только искусство вообразить и произвести может. Кажется, нет нужды приводить на то доказательств, когда всяк знает, что зрелище есть приятное и нравоучительное подобие истинных происшествий; нужно только всякому взглянуть на себя и вообразить, для чего он одевается, чешет волосы, и для чего наблюдает в том обычай» ****.

* Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 73.

** Там же, с. 29.

*** Там же, с. 67—68.

**** Там же, с. 42.

Развивая свои мысли о различии реалистического правдоподобия и простого копирования действительности, Плавильщиков ставит вопрос о необходимости типичности в изображении действительности. «На позорнице всякое состояние и всякое свойство является выше себя, не выходя однако ж из своего круга, дабы весь нравственный смысл извлекать из него было можно, что по первому взгляду само себе противуречит; но есть ли подробнее рассмотреть, то сие легко и удобно. Представим себе состояние слуги: отними у него все те дела, кои унижают слуг и вмести все то, что слуги делают хорошего; таковой слуга будет достоин почтения от всех господ, и следовательно его состояние возвысится, но в своем круге» *.

Идя по пути реалистического изображения, Плавильщиков освободил комедию от всего того, что могло сдерживать развитие действия. В комедиях у него исчезли традиционные персонажи и традиционные функции автора по объяснению происходящих на сцене явлений. Динамизм действия непосредственно входил в число требований реалистичности. Слова и дела персонажа становятся у него основой развития действия. Отсюда понятно, какое значение придавал Плавильщиков отделке словесной стороны пьесы. Словесная сторона должна была стать жизненно-правдивым элементом реалистической пьесы, отражать особенности языка и духа персонажа. И здесь, пожалуй, с особенной силой проявилось понимание Плавильщиковым реализма.

Для него народный язык персонажей его комедий не является целью создания комических эффектов. Речь персонажей — отражение их характера, мыслей. Поэтому он совершенно отказался от натуралистического воспроизведения речевых особенностей крестьян. Плавильщиков отказался от изображения фонетических диалектизмов, от ходовых областных слов и выражений, резко противопоставляемых литературному языку и создающих лишь внешний комический эффект **. Плавильщиков радикально изменил метод изображения народной речи в комедии. В дворянских комедиях и коми-

* Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 46.

** См. об образовании в комедиях XVIII в. трафаретов крестьянской речи в статье П. Н. Беркова. О языке русской комедии XVIII в. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1949, т. 8, вып. 1, с. 43.

ческих операх XVIII в., а также в пьесах авторов, следовавших в области языка в той или иной степени нормам дворянской эстетики, народный язык служил только для обнаружения социальной принадлежности персонажа. Элементы народного языка были своего рода сигналами в общем строе языка народного персонажа, сглаженном по нормам литературной речи. Так, например, обстоит дело с речью народных и купеческих персонажей у признанного основоположника бытовой русской комедии В. И. Лукина: в чисто литературный лексико-синтаксический строй включены социально характеризующие языковые элементы. Этот метод представлялся Плавильщикову антиреалистическим. Это могло сместить, но не могло вызывать требуемого Плавильщиковым отклика у демократического зрителя. Плавильщиков же, сам владевший нормами разговорной городской речи, в своих купеческих комедиях стремился отразить самый строй этой речи, возведя его на новую ступень, освободив его с помощью нормативных средств литературного языка от всего того, что ему представлялось грубым, примитивным, противоречащим воспитательным целям комедии. Именно это он подчеркивает и в своих теоретических высказываниях. О такой обработке языка он говорит в приведенной выше цитате о выразительности речи поселян. Для метода Плавильщикова и всей его антидворянской идеологической направленности характерно то, что он, подчеркивая сложность стилистических задач народного автора, говорит не о демократизации народными элементами литературной речи, а об «облагорожении», т. е. об олитературовании народного языка: «Поелику всякое свойство, выражая свои чувствования, может или возвыситься или унизиться; а как всякого действователя устами говорит сочинитель и изъясняет собственные свои мысли и собственным своим слогом, хотя и приноравливает его к наречию действующего свойства, то и должен употреблять все внимание сколько позволяет качество того лица облагородить его выражения, но которые отнюдь не должны удаляться от природы; многие сочинители, чувствуя нужду сего правила, подумали, что российский крепостной слуга будет низок на театре и не заблагорассудили войти во внутренность сего состояния и с прилежанием испытать, что можно извлечь из него, решились по образцу французских комедий выставить

наших слуг Криспинами и уверили себя, что они правильно поступили, когда вложенные остроты в роли сих слуг производили громкий смех в театре»*. С точки зрения Плавильщикова, его метод — основа комедийного языка, а отсюда основа реалистичности комедии и тем самым лучший способ достижения ею ее воспитательных целей**.

IV

Купеческая комедия «Сиделец» является завершением купеческой тематики в комедиях XVIII в. Будучи результатом глубоких теоретических размышлений, актерского опыта и тонкого знания купеческой жизни, она значительно выше произведений лучших предшественников Плавильщикова, в комических операх и комедиях которых язык обычно представлял собою до известной степени сгустки купеческой речи без установки на психологическую реалистичность***.

Сюжет «Сидельца» основан на тех обыденностях жизни, за изображение которых на сцене ратовал Плавильщиков. В нем нет нарочитых и случайных сценических эффектов, помогающих развязке пьесы. И завязка, и развязка, и все развитие действия реалистически мотивированы, как типический случай купеческого быта. Московский купец-самодур и во всем беспрекословно подчиняющаяся ему жена его собрались выдать дочь свою замуж за «сампистерского» купца, а она любит сидельца своего отца. Этот конфликт разрешается благополучно для любящих при участии некоторых второстепенных персонажей, появление которых реалистически мотивировано конфликтом между сидельцем и купцами, которые хотели мошеннически лишить сидельца доставшегося ему по наследству имущества. Эта сюжетная схема близка к схеме комедии А. Н. Остров-

* Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 80.

** Свой метод Плавильщиков пропагандирует на всем протяжении своей работы. Ср., например: «Сочинители, дабы им быть удобопонятными и ясными, всегда заставляют свои лица говорить языком каждому свойственным, но языком чистейшим и выработанным по правилам грамматики и риторики. Какое училище для языка и какая помощь для всех училищ, учрежденных для языка!» (там же, с. 28).

*** Ср. интересные, но беглые замечания о купеческой речи в цитированной статье П. Н. Беркова, с. 44—45.

ского «Бедность не порок», что заставило, между прочим, А. А. Фомина признать «Сидельца» прототипом «Бедности не порок»*. Однако вернее будет видеть в этом совпадении не факт литературной истории, а факт традиционности купеческого быта, типические черты которого были доступны наблюдению и Плавильщикова и Островского. Это может еще раз подтвердить реалистическую наблюдательность Плавильщикова.

Плавильщиков недаром спрашивал своего корреспондента: «Но позвольте спросить вас, куда девали вы купцов, приказных, мастеровых и все среднее состояние? Разве они недостойны театра?»**. И Плавильщиков впервые для своей эпохи вывел на сцену среднее состояние не как олицетворение пороков или добродетелей, не как этнографическое явление. Он стремился представить в действии живых людей живущей на свой лад среды, с душевными движениями, свойственными характеру и положению. «Входит она, — говорил Плавильщиков о комедии, — во все изгибы сердец и во все тайные движения души, и где бы ни крылся порок или слабость, она найдет и обнаружит забавным своим образом»***. Превосходство Плавильщикова над современниками в живом изображении купеческой среды отмечалось исследователями. «Наблюдения его являются не в голом виде, не в отступлениях и рассуждениях, но облечены в образы, и зачастую перед вами раскрываются картины, точно списанные с действительности»****. И это понятно: ведь Плавильщиков подходил к изображению этой среды не как посторонний наблюдатель. «Истина неоспоримая: что ближе к свойству сочинителя, то глаже и чище ложится под пером на его бумагу»*****. К Плавильщикову, как к писателю, который жил в изображаемой им среде и который живую речь этой среды почитал родной, можно отнести слова, сказанные акад.

* Фомина А. А. Старое в новом (отголоски комедии XVIII в. в комедиях нашего времени). — «Русская мысль», 1893, кн. 11, с. 23—36. Утверждение, что Плавильщиков — предшественник Островского, вслед за Фоминым и Сиротинным, без дальнейшего анализа установилось в нашем литературоведении и театроведении как традиционное.

** Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 106.

*** Там же, с. 70.

**** Сиротинин А. Н. П. А. Плавильщиков, актер и писатель прошлого века. — «Исторический вестник», 1891, т. 45, с. 414.

***** Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 49.

И. И. Срезневским о И. А. Крылове: «Для него богатства русской речи не были чужим добром, так или иначе подобранным, а достоянием его души»*.

Особенности купеческой речи входят в комедию не как украшение, а как отражение реального словоупотребления с подчинением общим грамматическим нормам. «Слог ее [комедии] должен быть равен с состоянием представляемых лиц: он есть тот, который всегда употребляется в разговорах общежития; но при том, сколько возможно, во всех правилах языка. Здесь то отечественный вкус должен явиться во всем своем блистании, поколику обыкновения россиян, их нравы, их свойства и всегда случающиеся происшествия представляются тем же самым россиянам, с которых действий срисованы действия комедии»**. Но каждое «состояние», социальная среда внутренне неоднородны. В ней есть различия характеров, житейских взглядов и жизненных целей, «свойств и обыкновений». Комедия должна входить во «все изгибы сердец». А так как язык «единоутробен со свойством»***, то реалистичность комедии, ее «вкус» обнаружится не только «в выборе содержания, в обставлении его свойствами, усиливающими выгодность действия, в самом очертании сих свойств», но и «в самом выражении, приличном каждому свойству»****. Взгляды Плавильщикова в «Сидельце» нашли наиболее полное выражение. Купеческая среда представляется не безликой по языку массой. Речь действующих лиц купеческой среды индивидуализирована настолько, насколько позволяли это просветительные взгляды Плавильщикова на правоучительные задачи комедии и те условности комедийного действия классицизма, которые не противоречили основным установкам Плавильщикова.

Поэтому состав речи положительных и отрицательных действующих лиц решительно противопоставляется. Однако внутри этих лагерей наблюдаются существенные различия, вызываемые реалистическими требованиями правдивого изображения «свойств». Сиделец Андрей — положительный персонаж, олицетворение добродетель-

* Чтение о языке Крылова. — «Записки АН», 1869, т. 14, кн. 2, с. 89.

** Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 70—71.

*** Там же, с. 42.

**** Там же, с. 49.

ного начала комедии. «Для возбуждения чувствования нужно вывести на театр добродетель страждущую; но искусство сочинителя представляет ее и в самом страдании торжествующую; каждое слово добродетельного лица потрясает порочное, которое, муча добродетель, само чувствует жесточайшее от того мучение»*. Сиделец Андрей единственный, кто произносит законченные монологи страждущей и убеждающей добродетели. Сила убеждения в них направлена не столько на раскрытие порока и прямое обличение его, сколько на исправление чувств самих порочных людей. Протест обиженного направлен не против социальных порядков и нравов купеческого сословия, а только против несправедливости, возникшей вследствие моральной неустойчивости отдельных лиц и потому легко исправимой обращением к их совести. Отсюда и своеобразие аргументации в плане моральных сентенций, противопоставлений, непосредственных обращений к чувствам слушателей и риторических вопросов. Понятно поэтому, что речь Андрея лишена красочного своеобразия и выразительности народной речи. Основная ее словесная ткань — лексика и фразеология сентиментальной чувствительности, характерная для сентиментальной повести. Сюда прежде всего относятся описательные метонимические обороты со словами *сердце, душа*: *Мое сердце не позволит мне уклониться от сего священного приказанья* (356)**; *Вы знаете мое сердце, вы знаете совершенно душу своей дочери* (339); *Сердце мое разрывается* (330); *Сердце мое трепещет* (290); *Прости мне, прости огорченному моему сердцу* (331); *Я твердо уверен, что ваше сердце не унижится мстить его сыну* (307); *Твое участие обо мне чувствительно трогало мою душу* (326). К этому же источнику восходят и морализующие сентенции, составляющие как бы идейную канву угнетенной и торжествующей добродетели: *Суд есть защита невинности* (298); *Взаимная любовь все услаждает* (338); *Неутешные ее слезы и ваше раскаяние ежечасно будут умножать печаль вашу* (337); *Жизнь моя принадлежит тебе* (359); *Любовь наша увенчана вами* (360) и мн. др.

Рассеянные в диалогах и монологах Андрея чувствительные восклицания вроде *ах, боже мой* сочетаются с

* Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 49.

** Цифра в скобках здесь и далее указывает номер страницы ч. 2 сочинений П. А. Плавильщикова.

другими характерными средствами сентиментального повествования. К таким средствам принадлежат, например, сочетания с эмоционально-оценочными прилагательными, гиперболизирующими чувства и переживания. Он *умирал спокойно, думая, что ты заменишь мне эту драгоценную потерю* (298); *и каменное сердце... затрепетало бы от несчастного моего жребия* (298); *чтоб достигнуть мучительного удовольствия назвать себя богатым* (331); *горестное чувство моею бедности* (356), *всечасное веселие детей ваших* (338); *ты не дал ей своих жестоких чувств* (334), *бедственная участь* (334); *беспрестанные слезы* (334) и т. д. Определительные сочетания с родительным приемным разных типов: *согласие сердец* (337); *укоризны совести* (334); *в какую пропасть огорчения вы себя введете* (337); *я возьму на себя весь труд торговли* (338) и мн. др. В речи Андрея значителен слой книжно-повествовательной лексики и фразеологии, особенно содействующей созданию положительного образа, возвышающегося над своею средою: *Я давно восхищался твоею простотою* (326); *я не знаю сам, какое побуждение заставляет меня искать твоего добра* (334); *суд совести твоей обличит твою неправду* (334); *я не хочу, чтоб ты обличала своего отца* (328); *достойное воздаяние души справедливой* (360) и мн. др. Ср. также фразеологию: *Перед кем же ей открывать свои чувства* (266) и возникший на почве этого сочетания глагол: *Надобно мне открыться ей* (289). *Отец мой не простирает власти своей до того...* (298); *этот сердечный разговор изъясняет наши чувства* (327); *в покое вкушать плоды трудов наших* (338); *мы стараться будем предупреждать ваши желания* (338); *благоденствия, которыми отец мой осыпал тебя* (333).

Однако, несмотря на такую манеру рассуждения, Андрей далек от характерного для эпохи образа молодого дворянина, страждущего и вознагражденного добродетельного любовника. Он герой именно купеческой среды. Свойственность книжной речи молодому представителю купечества реалистически мотивируется Плавильщиковым: молодой купец с детства в кругу культурных интересов. Неоднократно, на всем протяжении комедии Плавильщиков подчеркивает свою мотивировку. Отвечая на речь Андрея, купец Харитон говорит: *Этакую он ахинею сварганил; не разжалобить ли ты меня хочешь?...; Нам грешным где этакую махину на-*

говорить; мы народ темный, где нам с тобой возиться, твоя милость Андреюшка, и печатные книги почитываешь, и грамоте-та тебя учил веркисецкий скубент; а нас от Покрова дьячок Кутейкин (298—299). Или: Ведаете ли милостивец! повадился читать печатные книги... десятков пять-шесть у него этой дьяволицы: какой-то Телемак, да история, да какое-то премудрие. Болтают рядские люди, что он и в комедь ходит! (308). Купцам понятно, как создается такая далекая от них речь. Сиделец твой все книги, да книги читает, так велика ль сила, из какой-нибудь вытвердить; а ты и уши развесил (342).

Параша, его возлюбленная, разоблачает книжные образы его речи. В ответ на слова Андрея: *Не спрашивай у меня о том, что говорит тебе твое сердце*, она отвечает: *Нет, Андреюшка, сердце мое не говорит, оно только бьется, а особливо теперь* (327).

Возвышение молодого купца над своею средою — результат истинного, а не внешнего образования. Оно результат «понимания», а не слепого «перенимания» культуры, по терминологии Плавильщикова. Отсюда книжная речь молодого купца вполне совпадает с нормами литературного употребления. Реалистичность образа подчеркивается Плавильщиковым не только в форме внешней мотивировки. Книжная речь органично входит в народную основу, переплетается с нею и, по мысли Плавильщикова, вводит ее в «правила языка», сообщает ей права на литературность. Народная основа, переплетенная с книжной речью, выступает не столько в лексике, сколько в синтаксическом строении речи молодого купца. Монологическая речь облечена в формы книжно-риторического построения с типичными для него риторическими вопросами, противопоставлениями и перечислениями, образующими периодическое строение, сложноподчинительными конструкциями. Но в эти формы влиты короткие энергичные фразы, свойственные живой устной речи, с прямым порядком слов, характерным для устного течения бытовой речи. Элементы диалога в монологе — непосредственные вопросы к слушателям, обращения к ним, служащие отправной точкой дальнейшего рассуждения, — дополняют и углубляют связь с живой разговорной речью. Народная лексика и фразеология, скрепляющая главным образом диалогические элементы монолога, составляет очень тонкий

слой, который в общем книжном окружении теряет эмоциональную выразительность народной речи и является лишь своеобразным реалистическим сигналом, подчеркивающим специфическую окраску книжной речи. Именно такое качество речи особенно подчеркнуто тогда, когда элементы книжной и народной лексики вступают в тесное соединение в пределах словосочетания. Происходит органичное слияние книжной и народной стихии, возможное лишь для того, кто владеет нормами той и другой. Например, *унять дерзость: Имею столько силы, чтоб унять дерзость петербургского вашего гостя* (298); *выкланивать справедливость: под видом милости подлым образом выкланивать себе справедливость* (306); *приниматься за коварство: принимаются за всякое коварство и злодеяние* (331); *лютый упрек: всякая копейка есть лютый упрек* (331); *владеть аршином: кто рожден владеть аршином, тому шпага несподручна* (307); *обмочить слезами: она обмочена слезами разоренного человека* (331) и т. п.

Андрей — главное положительное лицо, и его речь поэтому представлена как идеал купеческой образованной речи, сливающей в себе книжность и олитературенную народность. Сглаженная народность речи Параши, правда, свободная от книжных элементов, реалистически мотивирована благотворным влиянием Андрея. Речь головы купеческого Праводелова, второго положительного лица, мало индивидуализирована. Не лишенная некоторых черт купеческого своеобразия (главным образом, в области профессиональной терминологии), она выдержана в книжных тонах комедийного резонера. Речь Мавры, жены купца Харитона, и работницы Тарасьевны приближается к традиционной для XVIII в. диалогической народно-крестьянской речи, но без всяких фонетических или морфологических примет местной, областной речи. Во всей комедии они ограничиваются формами *побегла* (269, 291, 346), *неча сказать* (320, 346), *всее себя* (358). Представителями коренной купеческой речи со всем ее реалистическим своеобразием являются Харитон и Викул. По своей цельности и внутренней оправданности составляющих ее элементов она, по-видимому, и отражает реалистические черты живой купеческой речи.

По установившейся традиции, характеристике действующих лиц служат и их имена. У Плавильщикова на

этот счет есть продуманная точка зрения. Еще в статье «О театре» он восстает против обыкновения называть действующих лиц в комедиях Милонами, Эрастами и т. п. не только потому, что такие имена удаляют от реальности изображения, но и потому, что «у нас без нарушения учтивости никогда назвать нельзя одним только именем или одним прозванием»*. Поэтому все персонажи с индивидуализированным обликом и речью выступают с реалистическими именами и отчествами — Харитон Авдулович, купец, Марфа Трифионовна, жена его, Викул Софронович, купец, Тарасьевна, работница. В этих именах и отчествах содержится и социальная характеристика персонажей: ведь у недворян имена давались при крещении в зависимости от дня рождения или дня крещения, и воля родителей подчинялась обычаю или произволу духовенства. Отсюда — замысловатое разнообразие купеческих имен, традиция, впоследствии развитая Островским. Лица мало индивидуализированные — маски добродетели или порока — несут в своем имени не социальную, а индивидуально-психологическую характеристику: Праводелов, голова купецкий, Бездушников, Плюгавцев, Неправдин — купцы, что также, но в более сложной и тонкой форме развито Островским (ср. Киуров, Ахов и т. п.). Люди молодые — с реальными именами (Андрей, Параша), но, согласно житейскому обыкновению, без отчеств, и их при обращении следует звать уменьшительным именем (а для женских лиц только уменьшительное: не Прасковья, а Параша). Я бы хотел узнать, что скажет благородная невеста своему благородному жениху, когда он, пришед к ней, скажет: София! каково ваше здоровье! Она скажет: я здорова; а ты, Максим! здоров ли? Побожиться можно, что после таких вопросов один другому скажет, ты не умеешь жить... и вряд ли свадьба состоится?**. Вопрос об именах лиц был для Плавильщикова существенным элементом реалистического изображения. «Скажут мне, что мелочи, нестоящие замечания, но, однако ж, эти мелочи делают привычку, удаляющую нас от наших обычаев, для чего ж и в самых мелочах им не следовать»***.

* Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 75.

** Там же, с. 76.

*** Там же, с. 76—77.

Вскрываемая комедией Плавильщикова купеческая речь многообразна по своему составу. Основа ее — лексика и фразеология общенародного языка со значительным наслоением народно-крестьянской, диалектной речи, навыки которой образуют целые серии выразительных средств, стоящих за пределами литературного языка. С ней тесно соприкасается другой пласт, исторически восходящий к народно-крестьянской речи, но оформившийся и застывший в средневековом посаде — лексика и фразеология приказно-письменного языка, вошедшая в живую обиходную речь допетровского посада. Это тот слой, который как архаический и социально устаревший отвергается литературными нормами. По признаку архаичности и социальной устарелости к этому слою примыкают, тесно с ним сплетаясь, лексика и фразеология, уходящая в церковный быт. Значителен слой профессионально-торговой терминологии, растворяющейся часто в общебытовом словоупотреблении. Она тоже носит следы архаичности, уходя в словоупотребление торгово-ремесленного посада. И наконец, как новым наслоением, относящимся к XVIII в., купеческая речь пронизана не до конца освоенными элементами речи литературно-книжной. Формы литературно-книжной речи, отражающие новую идеологию, врываются как инородное тело в привычные формы речи, отражающие привычный, устоявшийся быт и миропонимание.

Но все эти элементы старого и нового, отдельно взятые, не составляют исключительной принадлежности речи купечества. Многие из них присущи общенародному языку или разным его ответвлениям. Лексико-фразеологические элементы, которые рассматриваются здесь, частью могут быть свойственны крестьянскому словоупотреблению, в иных своих частях дворянской обиходной речи, а частью свойственны и широкому городскому населению. Однако вместе с тем, по своей концентрированности, по особенностям употребления в таких словосочетаниях, в которых эти элементы не употребляются в общенародном языке или его других ответвлениях, — все эти лексико-фразеологические элементы в своей совокупности образуют такой слой, который составляет жаргонную специфику купеческой

речи, взявшей из общенародного языка все основное — подавляющее большинство слов и грамматический строй.

Быт городского посада и участие в государственно-административной жизни, с веками сложившимися ее формами, оставили значительные следы в речи купечества позднейшего времени. Эти следы приказной речи с ее терминологией и характерными оборотами придают речи купцов тот архаический колорит, колорит отошедшей старины, которого уже чуждался литературный язык. Здесь, как и везде, Плавильщиков не стремился к сгущению этнографических красок. Он вполне реалистическими средствами отражает эту архаическую стилистику, всегда обусловленную в пьесе ходом развития действия и реальной ситуацией.

1. Приказно-канцелярская терминология в прямом ее значении — только в реальных ситуациях, требующих профессионального обозначения.

За его рукою — за его подписью. Харитон: *у меня и роспись товарам за его рукою-сте в целости имеется* (302).

Своеручно — собственноручно, в отличие от заручной подписи, по просьбе неграмотного. Харитон: *роспись товарам, в приеме которых он своеручно расписался* (349).

Найтись без чего — оказаться без чего-нибудь. Праводелов: *Лавка считана при вас?* Свидетели: *При нас.* Праводелов: *И нашлась без товару?* (354).

Быть в поруках, поручиться по ком — давать поручительство за кого-нибудь. Викул: *не отрекусь быть по вас в поруках* (347). Бездушников: *Лишь поручитесь по мне в порядке* (347).

Ср. также: Викул: *Ты сам человек статейный и купец столповый* (276) (*статейные* — старое название купцов с зарегистрированным капиталом, *столповый* — прилагательное, входящее в название некоторых должностей в Московской Руси). Харитон: *Я вам показал, что при счете остались аршин да ножницы* (350). Праводелов: *Мы и полюбовно должны этого господина хозяина рассмотреть дело с его сидельцем* (349). Ср. в распространительном употреблении — Харитон: *Пожалуйста, рассмотрите нас* (304).

2. Осколки приказной терминологии, слова и выражения, оторвавшиеся от своих профессиональных контекстов и употребляющиеся распространительно в применении к различным объектам бытовых отношений. Распространительное употребление лишило их, понятно, строгой терминологической определенности.

Мавра: *а у него по его сказкам в Питере-та затворов десять* (265); Харитон: *На кого так покрикиваешь? ведь я тебе на дочь-та записи не дал* (337). Ср. в терминологическом употреблении — Андрей: *Хоть я и сиделец ваш, да в записи не написано, чтоб хозяин мне глаза колупал* (262); Викул: *Я купец первой гильдии, меня хоть бы с сидельцем-те верстать было и не пригоже* (337); Викул: *Лишь бы благословением вашим супружество учинить* (285); Викул: *Да не возможно ли к тому хотение учинить?* (311). Ср. в терминологическом употреблении — Плюгавцев: *Просим отсрочку нам учинить по переводному-та-сте векселю* (348); Викул: *а я уж положил твердо, да и твердо на тебе жениться* (315). Ср. в терминологическом употреблении — Праводелов: *я к тебе буду; тут и положим, чему быть должно* (309); отсюда и фразеологическое сочетание *положить на слово* — решить словесно, без записи. Викул: *Так покамест не пускай же в огласку, что мы положили на слово* (280); Викул: *а чтоб еще повытнее сделать, так ему же и дело-то разобрать покучься* (279), т. е. получше. Ср. (старин.) *вытный* — хороший, получивший хорошую выть, участок. Викул: *Прасковья Харитоновна ни в чем не виновата и к наказанию не следует* (299); Харитон: *Рядские люди все тянут на мою руку* (278); Бездушников: *Готовы всячески на вашу руку тянуть* (347); Викул: *Мы в чужом доме не указ* (270); Мавра: *да ты что за указ в нашем доме?* (292); Викул: *Я бы благодетелю моему челом ударил* (274); Викул: *Видно приходится мне хозяину челом, да и со двора долой* (339); Харитон: *Сгношил бы и платице кое-какое и жемчужку с товарищи* (277).

Наречия с приставкой-предлогом *за*: *за подлинно*, *за истинную*. Бездушников: *Тово воно так было за подлинно* (350). Ср. Харитон: *Мы не прочь от того и подлинно спрашаем* (281); Викул: *За истинную, речь ваша вельми справедлива* (278); Викул: *И за истинную* (299). Ср. еще, Викул: *Все сие за истинку так* (351).

3. Слова-формулы грамот, челобитных и т. п., которые вошли в речь как формулы вежливого обращения с оттенком подобострастия.

Глагол *жаловать* и производные с теми значениями, которые были связаны со старым словоупотреблением («награждать», «удостаивать»). Харитон: *Видишь, право Викул Софронович нас жалует любить* (275); Харитон: *Пожалуйте, прошу жаловать, хозяйка ждет* (286); Мавра: *Пожалуй, окажи нам милость* (272). Ср. на фоне этого употребления развитие значения вводного слова. Викул: *Смотри, пожалуй, мною как щепкою поворачивают* (337); Викул: *Хозяин-та мой, твоим пожалованием, изволишь видеть, стал вступать в дела* (275); Харитон: *Пусть еще что-нибудь пожалче, твоим пожалованием, выдумает* (299); Харитон: *задержал я, твоим пожалованием, милость твою* (307); Викул: *а я, твоим пожалованием, и стал как болван* (342). В общем языке эти слова и выражения уже вышли из этой стадии употребления. Прежние семантические связи разрушились. *Пожалуйте, прошу жаловать* приобрело значение только вежливого приглашения, обращенного к входящему гостю; «*пожалуй*» окончательно порвало старые семантические связи, превратившись в вводное слово*.

Кланяться чем-нибудь. Харитон: *нижайше кланяемся милости вашей двадцатью имперальчиками за ваши труды* (308).

В этот круг лексики вежливости и приниженного обращения включаются выражения, куда входят такие слова, как *милостивый, милостивец, милость*, в отвлеченном значении, выражение *твоя, ваша милость* в значении лица, выражение *милости просим* и др., частью связанные и с церковно-бытовыми ассоциациями. Некоторые выражения с подобными словами входят и в общий язык, но там они имеют характер формул бесстрастной вежливости или иронического отношения.

Харитон: *Вот, государь мой милостивый, роспись товара* (349); Харитон: *Ах, милостивец мой, благодетель великий* (300); *Ведаете ли милостивец! повадился читать печатные книги* (308). Ср. у А. Н. Островского в «Сердце не камень»: *Говори, милостивец, ясней* (действие II, явление 4); Викул: *Харитон Авдулович! крайне благодарю*

* Ср.: Словарь Академии Российской, 1809, т. 2, с. 391; 1822, т. 4, с. 1369—1370.

за вашу милость (270); Харитон: Я намерен был милости твоей предложить (276); Викул: Милость ваша гораздо нас должит (286); Мавра: Милости просим, гости дорогие! (347); Харитон: Прошу милости всех садиться (349).

4. Арханчную окраску речи создают также те слон народной лексики, которые издавна вошли и в письменную приказную речь. Сюда относится лексика, не имеющая терминологического характера, как, например, *по-волить* (в значении «пожелать», «позволить»), *ведать*, *ведомо* (в значении «известно»), *поклеп*, *поклепать* в переходном значении, *всклепать* и т. п. Викул: Да *повольте*, Харитон Авдулович! и наше прошение принять в рассуждение (280); Викул: разве не *поволите* ли вышед за меня замуж переменить вашу душегрейку на модные наряды (313); Харитон: Не *поволите* ли спросить у него...? (351); Харитон: *Ведаю*, что Параша будет не в худых руках (276); Викул: Мы сами с тобою *ведаем*, что деньгами деньги и добыть (279); Викул: *Ведаем* довольно, как ей упрямиться пред волею вашею (280); Харитон: все *ведает*, что вы души своей не покривите (304); Харитон: Никаких книг не *ведаю*, кроме товарной росписи (303); Харитон: Да и *ведомо*; она не виновата (299); Мавра: И *ведомо* так (345); Андрей: Это *поклеп* самый бесчеловечный (303); Праводелов: Неужели он на тебя все это *всклепал*? (303); Харитон: Я проклятой во всем *поклепал* Андреюшку (355) и др.

Связи литературного языка XVIII в. и устной городской речи с языком церковным совершенно различны по содержанию. Для литературного языка это был творческий процесс усвоения, приспособления и преобразования в духе новых идеологических потребностей форм (словообразовательных, лексических, произносительных и т. п.) книжного, церковнославянского языка. Иное дело в городской устной речи. Церковный язык был повернут к ней другой стороной, выполнял совершенно иные функции. Элементы церковной речи были здесь действенным орудием сохранения и поддержания старины. В условиях городского быта и живого повседневного общения с церковной средой в сознании людей легче откладывались слова и формулы не церковно-книжных текстов, а главным образом церковного быта, церковной морали и средневековой мистики, ставшие

путеводными сигналами, определявшими поведение и отношение к миру, а впоследствии превратившиеся в формулы привычной оценки действительности. Для литературного языка эти элементы церковной речи уже не имели конструктивно-смыслового значения, а были мертвыми формулами традиционного словоупотребления. А в живой структуре купеческой речи, изображаемой Плавильщиковым, они были существенной составной частью, пронизывающей речь и окрашивающей ее традициями церковной старины. По своей форме и назначению эти элементы различны.

1. Описательные выражения, представляющие собою достаточно устойчивые словосочетания, в которых застыло представление о подчиненности человека высшей направляющей воле и, тем самым, о свободе человека от ответственности за свои мысли и поступки.

Викул: *господь нас благословил копейкою* (274); Харитон: *а в прочем будь воля божия; станем кое-как по-старому век доживать* (276); Викул: *дал бы бог мне только жениться-та, а то и мы найдем чему посмеяться* (281); Харитон: *какими ветрами занес вас господь к нам мизирным* (300); Викул: *все в наши руки придет, только пошли бог поскорее по душу его* (317).

Человек, по суеверным представлениям средневековья, не свободен: он подчинен воле бога и подвержен злему влиянию дьявола. Поэтому проступки требуют снисхождения. Ссылка на грех избавляет от вины, лукаво изображая человека безответственным исполнителем чужой воли. Эти представления и отражаются в фразеологии со словом *грешный*. Например: Харитон: *Я сам, грешный человек, кое-как, не все с правдою: инде и греха укусишь* (275); Харитон: *Нам грешным где такую махину наговорить* (298); Тарасьевна: *уж и мне старухе грешной позавидовал* (322).

Ср. у А. Н. Островского о бесовской силе: *Горами качает, не то, что нами, грешными, которые в слабости* («Горячее сердце», действие V, явление 6).

2. Словосочетания-обращения, которыми отводятся от себя неприятность за сказанное или снимается с себя ответственность за действия как бы просьбой о прощении, защите.

Харитон: *а ты мой сиделец, ты работник мой, прости меня господи, уж и такой враженек со мною плечо о плечо* (294); Харитон: *ведь он такой говорун, что и гос-*

поди упаси развесь кто перед ним уши-то (308); Харитон: *а то, боже сохрани, стал ли бы я душою кривить* (278).

Такого же значения и сентенции вроде *наше место свято* и т. п. Харитон: *ах ты, наше место свято, в глаза было мне насмеялся* (344).

3. Церковная лексика и фразеология, подбор которой ограничен словоупотреблением популярных молитв и быта церковников. Вошедшая в бытовую речь и обращенная на объекты бытовых отношений и поведения, часто, в отличие от литературного языка, эта лексика сохраняет оттенки значения и колорит церковного употребления. Недаром связь быта с церковной стариной всегда подчеркивается как достоинство. *Ей-ей!* — говорит купец Викул, — *в чуже сердце радуется, когда увидишь семейку православную* (271).

Викул: *Благолепный домик! Супруга и дочь во всяком у тебя послушании* (271); Харитон: *Где барыши, тут все и радостно и благолепно* (310); Викул: *Благое дело, благое дело...* (270); Харитон: *Андрюшка-то вить разжалобил меня; Мавра: И меня так же искусил проклятой* (335), т. е. ввел в искушение поверить ему. Харитон: *Ну, быть так; соблазнили вы меня* (339), т. е. ввели в соблазн поступить иначе, чем предполагал. Викул: *и аз не отрекусь быть по вас в поруках* (347) или он же: *мы и свидетелем по вам быть не отречемся* (280); Викул: *одно дело другому не мешает, так бы я и остался в таком помышлении* (280), т. е. при такой мысли; ср. в молитве: *словом, делом и помышлением*; Харитон: *по кончине-то и сына препоручил мне* (277).

Слово в значении «речь». Викул: *не о честности слово, Харитон Авдулович* (276) или он же: *да не о том слово, дело идет о женитьбе нашей* (311), *не о рассуждении слово* (342).

Харитон: *Сидор Лукьянович по милости своей не оставит нас сирых* (358); Викул: *а я и божбу сотворил, только держать ее не намерен* (315). Ср. выражение *молитву сотворить*; Харитон: *воспой, воскорми, да еще и приданное дай* (282); Викул: *принимать пищу и питье* (274); Викул: *и этим то побытом хлеб насыщенный и нажил* (275).

К этой церковно-бытовой по происхождению лексике и фразеологии принадлежат и те ее слои, которые не сохранили церковных ассоциаций и вошли также в раз-

личные стили литературной речи. Например: Викул: *Так покамест не пускай же в огласку, что мы положили на слове* (280). Производное от церковного значения «огласить» — объявить в церкви, например *огласить жениха и невесту*, т. е. объявить о предстоящем бракосочетании; официально это называлось *оглашением*, а в церковно-бытовом языке *оглаской*. Андрей: *На что мне отпираться, это сущая правда* (350); Харитон: *Чуть было не опутал меня этот враженек* (345). Ср. (старинн.) *осетил*. Викул: *Этот парнишка тебя, как обморók осетил* (342); Мавра: *а вот благо и они идут* (292); Викул: *Хозяин глава дому* (272); Викул: *наша братья купечество все на дворянску статью* (271); Тарасьевна: *после и поднимут содом, что полуда сошла* (287); Харитон: *Трифоновна! ты Параше-та дай трезвон самый заздравный* (299).

4. Представления о «враге рода человеческого» — дьяволе и о всем отрицательном, что с ним связано, отложившись в разнообразной бранной лексике.

Харитон: *поди, окаянный враг: ну же, проворнее поворачивайся* (344); он же: *уж и такой враженек со мною плечо о плечо* (294), *тово враженек и пильнует, как бы уйти на сушило* (308); *Молчи, враженек* (343); *Чуть было не опутал меня этот враженек* (345).

Мавра: *Чертенок! этикие он затеи поднимает* (292); Параша: *Дьявол чернорылой!* (344); Харитон: *Десятков пять шесть у него этой дьявольщины* (308); Харитон: *Ах ты проклятая!* (295); Мавра: *Да пустите руки мои... что вы меня, проклятые* (268); Тарасьевна: *Провались ты окаянной* (340); Мавра: *да смел ли бы ты ее посылать за мною, озорник непотребной?* (292); Параша: *И эта скверная роза туда же* (294); Мавра: *Ах ты сквернавец! Ты меня не слушаешься?* (265).

Наряду с лексикой и фразеологией, непосредственно навеянной церковным бытом, характерной составной частью речи городского обитателя-купца являются те слои лексики, которые вошли в обиход, может быть, не непосредственно, а через письменный приказный язык. Плавильщиков использует те из этих элементов, которые придают речи возвышенный или изысканно, по-купечески вежливый, тон.

Вельми. Викул: *к делу-то приступить было бы вельми пригоже* (276); *речь ваша вельми справедлива* (278); *нам оно будет вельми в приятность* (281).

Не взыщи. Харитон: водится ли это в честных людях? Не взыщи, осударь мой! (296); *не взыщи, о судары! задержал я, твоим пожалованием, милость твою!* (307).

Не оставь. Викул: милости вашей кланяюсь, не оставьте покорнейшей нашей просьбы (281); Мавра: *Благодарны, батюшка! что ты не оставляешь нас своею милостию* (294); Харитон: *не оставьте нашей мизирной просьбы* (308); *Прошу теперь меня не оставить: а я вам готов служить вековечно* (347); Сидор Лукьянович по милости своей *не оставит нас сирых* (359). На почве этого словоупотребления позднее в купеческо-мещанской речи возникает существительное *неоставление*. Ср. у А. Н. Островского в «Грозе»: *За наше неоставление им еще больше щедрот приумножится* (действие I, явление 3); или в «Воспитаннице»: *Благодарим за неоставление!* (действие II, явление 4).

Купеческая профессионально-торговая терминология, да и связанная с нею бытовая купеческо-мещанская лексика, уходят в старину средневекового города, смыкаясь с речью приказной. Плавильщиков не злоупотребляет профессионализмами, они немногочисленным, но органичным слоем входят в речь действующих лиц. Старая терминология устойчиво держится в предметных названиях. *Затвор* (265) — небольшое торговое помещение, *лавка* (289 и др.) противопоставляются иностранному «новомодным гамазеям» (277); *ропись товарам* или *товарная роспись* (302, 303, 349) — реестр, список, опись товаров; *лавочные книги* (303), *ряд, ряды* (304, 351 и др.) — линии лавок, образующие торговый квартал, откуда *рядские люди* — купцы, приказчики рядов, термин, сохранявшийся до конца XIX в. Харитон: *Нечего тут квакать, рядские люди всему свидетели* (302 и др.).

Молодик — уменьшительное от *молодец, сиделец*. Праводелов: *Своего-та нет, так чье ж сидельцы-та и проматывают? У вас, молодиков, нынче вошло в моду не только хозяев, да и отцов разорять* (305).

Сурога — розничный купец шелковым товаром; название, связанное со старинной торговлей с городом Суражем в Крыму; ср. указание В. И. Даля (Толковый словарь, т. IV) на московский термин *сурожский* — шелковый. Мавра: *Ах ты, сурога Питерской! да кто тебе волю ту дал над нами?* (341).

В значении «прибыль, выгода от торговли», употребляется только *прибыток, барыш*. Харитон: *Разумной че-*

ловек нигде своего **прибытка** не упустит (275); Праводелов: Нашему брату, купцу без **барыша** ничего продавать нельзя (301); Харитон: то худо, где **барышей** нет: а коли где **барыши**, тут все и радостно и благолепно (310).

В значении «торговля» как действие применяется слово **торг** — в единственном и во множественном числе. Харитон: **торги** ныне самые худые; новомодные гамазеи все у нас отбили (277); Праводелов: Как отдать лавочные книги, естли в них вся **очистка** твоему **торгу** (305); он же: о **торгах** и помышлять забыли (305); Андрей: Хороший купец поставил на честности **торг** свой (307). Ср. стилистическую профессионализацию у Пушкина в «Сказке о царе Салтане»: Чем вы, гости, **торг** ведете и куда теперь плывете? Для времен А. Н. Островского это, по-видимому, было уже архаизмом, вышедшим из купеческой речи. **Торг** в значении действия встречается только в исторической пьесе «Козьма Захарыч Минин-Сухорук»: Мы тем живем, что бог в **торгу** пошлет (действие III, сцена II, явление 3). Слово **торговля** у Плавильщикова встречается только в речи Андрея, литературно направленной: я возьму на себя весь труд **торговли** (338).

Слово **очистка** употребляется или в старом общем значении оправдания, доказательства правильности чего-нибудь, например Праводелов: Как отдать лавочные книги, естли в них вся **очистка** твоему **торгу** (305) или в специальном, торгово-канцелярском значении подписи в доказательство правильности чего-нибудь, например, Андрей: и на все была **очистка** его руки в книгах, которые он у меня отобрал (351).

Слово **дело** — существеннейший термин купеческой деятельности и быта, облеченный конкретными, точно очерченными представлениями. Три основных оттенка значения определяют употребление этого слова. Прежде всего это значение торговой сделки, конкретного акта купли-продажи. Викул: У нас, в купецком быту: на **делу** не обидь, а после хоть все возьми (342). Второе — торговое предприятие. Викул: да и стал от того банкротом, и как он стал колыхаться, я **делом**-та и смекнул [т. е. сообразил, как быть с лавкой, с торговлей]... и этим та побытом хлеб насущной и нажил (275). Ср. в комедии «Не все коту масленица» А. Н. Островского: Теперь своим **делом** могу основаться-с (действие IV, явление 3). Третье, преимущественно во множественном числе —

торговая деятельность. Викул: *Хозяин-та мой ... стал вступать в дела да в кредиты с большими боярами* (275); Харитон: *Дела, по-видимому, из рук у вас не выпали* (275); Харитон: *как он изволил сам со мною возыметь дело, так вдруг ничего в лавке-та и не осталось* (351).

К купеческим значениям слова *дело* восходит ряд производных слов. Ср. современное литературное *сделка* в значении коммерческой операции. К нему примыкает глагол *сделаться с кем-нибудь* — совершить сделку, рассчитаться. Мы *сделались: убытки пополам* (Даль. Толковый словарь, т. IV) или *Нет уж, лучше мы так, между себя сделаемся* (А. Н. Островский «В чужом пиру похмелье», действие I, явление 8). *Разделаться с кем-нибудь* — кончить все расчеты (Даль. Толковый словарь, т. III). Харитон: *За дочь жених сватается, так чем вы мне благоволите с Андрюшкой-та разделаться, то за ней и в приданное отдам* (309); у него же в переносном значении: *так мы и судом с тобой разделаемся* (297).

Естественно думать, что при активности употребления слова *дело* в купеческой среде, именно значения купеческой речи были, по своей роли в общей городской речи, если не главным, то важным обстоятельством в расширении употребления и в создании разного рода фразеологических контекстов. По-видимому, купеческой речи обязано распространительное значение «вообще всякое начинание, предприятие» в случаях, когда оно направлено на совершенно конкретные объекты. Харитон: *Затевя дело, как от него отстать* (345); он же: *желательно было бы это дело поскорее привести к концу* (309); он же: *и в свидетели-то позвал своих благоприятелей: дело-та пущено на хорошую дорогу* (278) — везде речь идет о захвате наследства своего сидельца. Слово *дело* в сочетании с прилагательными обычно лишается своей конкретной направленности. Викул (*сядась*): *Хлеб соль дело велико; для чего нам не сесть, дело приятельское* (270). Харитон: *когда дочь выдаешь, так тут главное дело жених* (282). Новый этап — наречные выражения, в которых «дело» лишено уже всякого конкретного содержания. Викул: *прокормили бы ста посильно дело* [т. е. посильно], *как водится в добрых людях* (274); Викул: *а мы-таки посильно дело* [т. е. сколько от нас зависит] *не совсем букой смотрим* (285); Неправдин: *Оно слышь ты, посильно дело* [т. е. действительно], *малу то-*

лику не в том образе (350); Викул: *Ин бы к домику то и приступить прямым делом* [т. е. прямо] (278); Викул: *Уж таким делом* [т. е. так, таким способом] *не выживают ли меня из дому* (318); Неправдин: *Лавчонку ... года на два, малым делом... сладить* (348).

Довольно широко представлена глагольная терминология, главным образом, во фразеологических сочетаниях.

Расторговаться — нажиться, разбогатеть от торговли. Викул: *этим порядком скорей расторгнешься* (278).

Сладить — поладить, договориться. Харитон: *все будет слажено по-христиански, не обидим-сте* (348). Ср. в «Волках и овцах» А. Н. Островского: *Поговорите, так бог даст и сладите* (действие II, явление 3).

Отпустить товары — метонимически из сочетания с одушевленным объектом, так как отпускали со двора возчиков или приказчиков, отправлявшихся в обозе с товарами. Андрей: *Большая часть товаров отпущены на ярмонку в Ирбит самим хозяином* (351).

Положить проценты — назначить. Харитон: *для чего не сделать, лишь проценты положим купецкие* (348).

Идти в продажу — продаваться, быть предметом торговли. Харитон: *а битой-то хрусталь и в продажу мало куда идет* (271).

Своей цены стоят — имеют настоящую цену. Харитон: *пьем из серебряных чарок: даром, что сквозь их не видно, да они всегда своей цены стоят* (271).

Считать лавку — производить учет товаров в лавке. Харитон: *Я нарочно и лавку-та считал в воскресной день* (278); Праводелов: *Уже в вечеру пригласи тех, при ком ты считал лавку* (309); Харитон: *Он-та меня и лавчонку счесть надоумил* (351); отсюда отглагольное существительное — Харитон: *вот и все господа рядские люди, которые тут находились при счете моей лавчонки* (348); Праводелов: *а я бы к счету лавки попросил и от себя кого-нибудь* (353); он же: *при счетах* и я говорил, что меня обсчитают (306); Харитон: *пришло время к счету* (302).

Сидеть в лавке, посадить в ряд, в лавку — торговать или поставить в качестве приказчика, продавца. Харитон: *да парень-та рогатой такой: посадил я его в лавку* (277); Андрей: *Как, разве не ты у меня все книги отобрал с тем, чтоб посадить меня в другой ряд?* (304); Неправдин: *Лавчонку бы ста нам, в которой сидел ваш*

паренек (348). Отсюда в течение долгого времени сохранявшийся термин *сиделец* или уменьшительно-пренебрежительное в купеческом быту *сидельчик*. Праводелов: *То и ваша братья сидельчики часто заставляют хозяев своих охать* (304); Харитон: *нам хозяевам от этих сидельчиков приходит до зла горя* (308).

Снять лавку у кого-нибудь — отстранить от торговли в качестве приказчика. Андрей: *у меня сняли лавку; они отобрали все книги* (290).

С глаголами *ставить* — делать поставки и *ставить* — оценивать возникла разветвленная купеческая терминология, отражающая разные формы и условия торгового дела и вошедшая в купеческий бытовой обиход. Например, *поставить за собой* — дав нужную цену, взять себе. Харитон: *Я уж поставлю его* [дом своего сидельца] *за собой* (277); распространительно — Викул: *чего бы то ни стоило, а невесту я за собой поставлю* (337). Или: *поставить во что* — оценить в какую-нибудь цену. Харитон: *Так мы и судом с тобой разделаемся, и во что бог ни поставит, а тебе не жить в добре* (297). Впрочем, здесь торговое выражение может входить в смысловое соприкосновение со старым церковным, *во что бог поставит* — как бог рассудит (см. Даль. Толковый словарь, т. III, стр. 892). Но вот переносное употребление подчеркивает торговую основу выражения. Параша: *скорей умру, нежели буду в ладах с таким криводушником, которой и божбу ни во что ставит* (316). Ср. еще, Викул: *и достатки мои ни во что пошли* (342). В кругу этой фразеологии рождаются книжно-описательные выражения вроде *поставить на честности что-нибудь*. Андрей: *Хороший купец поставил на честности торг свой* (307).

С тесным рядом конкретных профессиональных значений связаны глаголы *пристать*, *отстать*, *отбить*, *вступить*. Викул: *Спроси обо мне в Питере, как Викул Софронов к которому подряду пристанет, так всех отобьет, кто бы тут ни совался* (316); Харитон: *новомодные гамазеи все у нас отбили* (277); переносно — Викул: *от этого намерения никто меня не отобьет* (316); Харитон: *Затяв дело, как от него отстать* (345); Викул: *Этого манирую все скажут, что я сам отстал, а не вы мне отказали* (343); Харитон: *Не отстаньте от намерения вашего* (280); Харитон: *Право для дочери вступаю в такое дело* (278).

С обычной скупостью представлены у Плавильщикова и иные профессиональные фразеологические сочетания. Например, *по своей цене*. Харитон: *по своей цене милости вашей отдам* (301). *Без лишнего*. Харитон: *Да барыш-то хорошо с дворян брать; а с милости вашей без лишнего* (301). *С костей долой* — со счетов. Харитон: *Копейки те можно и с костей долой* (350). *На лицо*. Харитон: *расписки его в приеме товаров у меня на лицо* (278). *Аршин да ножницы остались* — о полном отсутствии товаров в лавке. Харитон: *Пришло время к счету, смотрю, он в лавке-то вместо товару и оставил мне аршин да ножницы* (302); он же: *Я вам показал, что при счете остались аршин да ножницы* (350). *Не в состоянии* — нет капитала, нет необходимого состояния. Харитон: *а из денег, сам изволишь знать, торги ныне самые худые... ей-ей! не в состоянии* (277).

Купеческий быт (*у нас в купецком быту* — 342, 354 — говорят Викул и Харитон, подчеркивая известную замкнутость его и применяя слово *, не употреблявшееся для обозначения дворянской жизни) создал не только терминологию, проникавшую в распространительном и переносном употреблении в обиходную речь. В нем отстоялась восходящая к народной речи обиходная лексика и фразеология, позднее, со времен комедий Островского, в значительном своем числе представлявшаяся принадлежностью косного купеческо-мещанского быта.

Таковы названия лиц по семейным или возрастным отношениям. *Сам* — муж, глава дома (в речи жены и слуг). Мавра: *как сам домой придет, ведь с ним гость будет, так воды-та и поставь в печь* (259); она же: *Парашка! Андрюшка! дайте мне самого дожидаться, не пройдет это вам даром* (268); Тарасьевна: *Однажды о святках купил сам Прасковьюшке на денежку [орехов], да недели с три попрекал* (318). *Сама* — хозяйка (в речи слуг). Тарасьевна: *а кричать-та нельзя... сама была близко* (288). *Сами* — хозяева. Тарасьевна: *Да*

* Слово *быт* в современном нашем значении вошло позднее в литературный язык именно из городской купеческой среды, где и была преобразована его конкретная народная семантика независимо от книжных или иных воздействий; ср. иначе в статье В. В. Виноградова. Из истории взаимоотношений русских говоров и литературного языка. — «Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка», 1949, вып. 5, с. 96—101.

пойдешь ли ты к *самим-та?* (321). Не без связи с этим словоупотреблением возникает фразеология, подчеркивающая независимость данного лица и подчиненность других. Харитон: *Я торгую сам собою, а ты мой сиделец, ты работник мой!* (294); Мавра: *Не думай, что ты у меня от рук отбился; нет, ведь я баба-та сама у себя* (263).

Так же, как и в крестьянской речи слова *хозяин* и *хозяйка* употребляются не только как название главы дома и его жены, но и как обращение. Мавра: *Еще помели, так я тебе еще до хозяина виски та остучу* (263); Харитон: *Параша! Проворнее же; а ты хозяйка! налей-ка нам по чарке!* (271). Жена — в обращении. Харитон: *Параша! подай-ка нам на стол закусить чего-нибудь... жена, что у нас есть?* (270). Для называния молодых людей служат только слова *девка*, *парень* и производные. Все эти слова, общие с литературным языком, приобретают смысловую специфичность на общем фоне купеческого словоупотребления.

Для обозначения служебных отношений применяются общие с крестьянским употреблением глаголы *держать*, *жить*, *служить* кому-нибудь. Мавра: *Ты видно и теперь думаешь, что твой отец жив; при нем держали мы тебя как сына своего* (266); Викул: *пока я жил у хозяина, так никто на меня и взглянуть не хотел... Я служил хозяину рабски* (275).

Народное ты легко сменяется литературным *вы* и наоборот, а *мы* применяется по отношению к самому себе. Например, Викул: *Прасковья Харитоновна! Мы вам пришли не в любовь?* и далее: *да без любви твоей не можно мне на тебе жениться* (311).

Прием гостей связывается с церемонными обращениями, представляющими обычно контаминацию литературного и народного словоупотребления. Мавра (налив себе и кланяясь): *Здоровье ваше!* Викул (кланяясь): *Ваше здоровье!* (273). Или Харитон: *Прошу выкушать*. Викул: *Харитону Авдуловичу* (271). Просьба выпить рюмку без остатка связывается и со специальным выражением. Харитон: *Ваше здоровье! (Викул хочет ставить чарку). Э! Викул Софронович! Мы обо всей просим. Хозяйка! не бери*. Мавра (ставя поднос ребром): *Мы об одной просим, пожалуйста* (273). Ср. купеческую традиционность этого выражения, напр., в «Горячем сердце» А. Н. Островского: *Господин предводитель, прошу обо*

всей (действие IV, сцена I, явление I) или в комедии «Старый друг лучше новых двух»: *Просим обо всей-с!* (действие III, явление 6).

В комедиях XVIII в. в речи купцов часто присутствуют как этнографическое украшение присловья*, ничего не обозначающие, а выражающие лишь затрудненность в выражении мыслей, в подыскании слов и т. п. У Плавильщикова только рядской Бездушников, односложно выражающий свои мысли, применяет присловье *тово воно* в традиционном смысле: *Тово воно так было за подлинно* (350). В речи Харитона это род вводного слова в значении следовательно, к слову сказать и т. п. *Вот я уж стар становлюсь; пора тово вона помышлять, как бы тебя и замуж выдать* (282). Или: *спит и видит все, кабы замуж, а иные тово вона есть такие плутовки...* (284). Только для выражения крайнего волнения Плавильщиков вкладывает в речь Харитона неосмысленное присловье: *Прости меня господи! Андрей, да в твою ли ласоту, тово как оно, вдаваться в такие поведенции?* (292—293). В речи Викула постоянное присловье *оно вот что*, заключающее, подводящее итог каждый раз сказанному: *я в миг его сломаю, оно вот что!* (294).

Пословица, поговорка, «крылатое выражение» есть тот привычный речевой материал, сквозь призму которого обозначаемое новое явление действительности сразу становится в рамки привычного, идущего в определенном направлении осмысления. Купеческой традиции известны свои, профессиональные «крылатые выражения»: *Где нам их перехитрить: они все мыты и переводы знают* (280). Но купеческая речь, тесно связанная с народным языком, создает по образу народному поговорочные выражения разного типа, в кругу своих профессионально-бытовых представлений, например: *Достаточек нажить, не безделицей пахнет* (275); *То и человек, у кого капитал есть* (275); *Правда вельми пригожа, а денежки покрасивее правды* (279); *Всяка речь красна, как деньги с ней побрякивают вместе* (312); *Слово-то мое не вексель* (337) и др. Харитон, отвечая Андриюше, думавшему, что его посадят в другой ряд: *Этот другой ряд будет Магистрат* (304).

* См.: Берков П. Н. О языке русской комедии XVIII в. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1949, т. 8, вып. 1, с. 44.

Выход купечества на более широкую общественную арену в XVIII в., знакомство с новой для него культурой дворянства, и главным образом, с резко изменившимися в петровскую эпоху внешними формами дворянской жизни — все это столкнуло купечество, в разных его слоях по-разному, с литературной речью. В усвоении элементов, специфических для литературной речи, новый класс мог видеть для себя средство отразить происходящие в нем социальные перемены, его рост и возвышение. Процесс усвоения был сложный. Ведь литературная речь была не чужая, а по основному словарному фонду и грамматическому строю, да и по существенной массе словарного состава такая же, своя речь. Но свое там было перемешано с новым и укладывалось в не всегда знакомый ход мысли и рассуждения. Не было полного совпадения со своим, привычным. Отсюда различное преобразование речевых комплексов в новой речевой среде, вызванное новым пониманием или новым функционированием их. <...>

1. Литературные слова как синонимы привычных слов своей среды. В окружении иной, разговорной или нелитературной лексики они придают речи витиевато-высокий оттенок.

Викул: *Да позвольте, Харитон Авдулович! и наше прошение принять в рассуждение* (280); Харитон: *На что ж и жить человеку, когда не мыслить о житейском* (275); Викул: *проведать, что невеста об нас мыслит* (280); Праводелов: *О торгах и помышлять забыли* (305); Викул: *По обоим пунктам не премину вас обесславить* (343); Харитон: *Викул Софронович, памятуешь, что мы сие с тобою-та говорили* (299); Викул: *Вот бы теперь и пригодно манием замолвить* (281); Харитон: *Это ведь дочь моя*. Викул: *Без уведомления вашего мы уже о том известны* (282); Харитон: *после мы с ней женюсь многократно о том хохотали* (281); Харитон: *удостоит быть отцом посаженным* (358); Харитон: *Век не забуду вашего благодеяния* (359).

2. Описательные обороты по образцу литературного языка, включающие в свой состав как книжные слова, так и созданные по образцу книжных. В строе мысли они выражают понятие, свойственное купеческой среде и обозначаемое обычно одним словом (или другим при-

вичным оборотом без подстановки книжного слова). Эти обороты еще более витиевато-высоки по своему стилистическому оттенку:

Харитон: *Викул Софронович! да возьмите в рассуждение* (342); Харитон: *Милостивец мой! прошу взять малое терпение* (304); Викул: *Лишь бы благословением вашим супружество учинить* (285); Викул: *Да не возможно ли к тому хотение учинить?* (311); Викул: *Так я и ума не приложу, какою манерою согласить вас на мое желание?* (313); Праводелов: *Я покушаюсь думать, что тебя справедливо обвиняют* (352); Викул: *Да что ж вы меня, так сказать, со всех сторон пускаете в ругательство?* (341); Викул: *Да не имейте сомневательства во мне* (314); Харитон: *Благоволите войти в разбирательство* (308); Викул: *Посему в коммерции и она смышление имеет?* (278).

Сочетания с глаголом *возыметь* образуют, с одной стороны, описательные обороты по образцу литературных, с другой — сочетания, в которых *возыметь* является книжной подстановкой в собственном обороте. Викул: *А чтоб достаточек возыметь, право много всячины со мною перебивало* (274); Харитон: *Он изволил сам со мною возыметь дело* (351).

Уподобляясь литературному употреблению, «возыметь» получает значение вспомогательного глагола. Харитон: *Викул Софронович, помилуйте меня, возымейте прежнее ваше намерение* (343); Харитон: *Да уж не возымейте сомнения, все будет слажено по-христиански* (348); Викул: *крайне желается малу толику о своем молодечестве узнание возыметь* (280).

3. Литературная лексика используется для создания оттенков вежливого обращения, эмоциональной выразительности (например, приниженности, особенного радушия и т. п.).

Викул: *Вот изволишь видеть; статимое ли дело нам шутить* (274); Харитон: *Да вот изволите видеть сего парня?* (301); Харитон: *Что ты, государь мой, изволишь на нас напирать* (354); Харитон: *Благоволите войти в разбирательство* (308); он же: *благоволите с Андрюшкой-та разделаться* (309).

Мавра: *Благодарна, батюшка! очень благодарствую* (270); она же: *Благодарствуем. Здоровье ваше!* (273); Харитон: *Прошу закушать; ведь ватрушки-та у меня дочь пекла* (274); он же: *Пожалуй-ка Викул Софронович,*

прошу **выкушать** (271); Мавра: *Пожалуйте **выкушайте*** (272); Викул: *Прошу **нижайше** себя не обходить* (272); Плюгавцев: *Мы **нижайшие** слуги вашей милости* (347); Викул: *Кланяемся Мавре Трифоновне **униженно*** (270); он же: ***Всеуниженно**, больно радостно вам кланяемся* (283).

4. Отвлеченная, высокая литературная лексика, переходя в новую речевую среду, освобождается от семантики отвлеченности, сохраняя при этом оттенок высокоти, и наполняется тем реально-вещественным содержанием, которое свойственно новой среде. Такова, например, судьба слов: *благодетель, благодриатель, благородно, благонадежен*.

Харитон: *Покойник-та был **благодетель** мой* (277). Ср. в «Богатой невесте» у А. Н. Островского: *Генерал этот ей не дяденька... А так, вроде как **благодетель*** (действие III, явление 4). В процессе употребления слово *благодетель* входит в формулу льстиво-раболепного обращения. Харитон: *Видите, **благодетель** мой, чего больше, он сам признается во всем* (352); Харитон: *И в свидетели-та позвал своих **благодриателей*** (278); Харитон: *Вот здесь, **благодриатель** мой, еще самнитерский купец* (351).

Благородно, особенно в сочетании *честно и благородно*, приобрело конкретное значение «прилично, пристойно». Харитон: *дела, по-видимому, из рук у вас не выпали, все **честно, сохранно, благородно*** (275). Ср. в комедии «Не было ни гроша, да вдруг алтын» А. Н. Островского: *У меня, в моем переулке, чтоб **честно и благородно*** (действие IV, явление 3).

Краткая форма *благонадежен* в сочетании *будьте благонадежны* (и с зависимыми словами) — будьте уверены, не сомневайтесь: Харитон: ***Будьте благонадежны, все будет по воле нашей*** (286); он же: ***Не уступим-ста, не уступим, будьте в том благонадежны*** (272).

5. Знакомство с языковыми средствами литературной речи раскрывает возможности для собственного словотворчества в духе литературного языка, как он понимается новой средой. Понятно, что типы отвлеченного словообразования в этом смысле являются наиболее выразительными. Отвлеченное слово, правда, с присущей среде конкретностью представления, возникает обычно в потоке речи. Например, Викул: *дело **простительное**, оно вот что* (296); слушая слова Харитона: «про-

щения у него проси» и завершая свою мысль, Викул переводит ее для важности выражения в иной, похожий на литературный грамматико-семантический план: *Для милости вашей на всякую простительность мы готовы* (297). Образования на -ость широко служат цели создания книжного колорита. Праводелов: *Естьли ты не докажешь своей правости, то должен будешь его лишиться* (353); Неправдин: *а там мы всему покажем толковистость* (348); Викул: *Нам оно будет вельми в приятность* (281); Харитон: *Когда это вам за угодность стало мы не прочь от того* (281). В этом же ряду образования на -ство. Ср. приведенные выше *сумневательство, ругательство*, а также *художество*, образованное в ассоциациях со значением прилагательных *худой, плохой* *. Викул: *Не богатства ищем, человека; а с человеком и оно не в художество* (276). В купеческом просторечии, обогатившись смежными оттенками, оно надолго сохранилось, ср., например, в комедии «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского: *А еще какие художества за ним водятся* (действие I, явление 2).

Особенно широко этой цели служат отглагольные существительные на -ение, -ание, образуемые от любых типов глаголов и вне традиций литературного употребления. Сюда относятся такие, как *узнание, отречение, смышление, саждение* и др. Викул: *а естьли бы могло и отречение быть, то ни вы, ни я смотреть на то не станем* (280); Харитон: *Пожалуйте, прошу жаловать, почтите нашу горницу саждением* (300). Пристрастие к отглагольным существительным вызывает появление описательных оборотов. Харитон: *Прошу о прощении, благодетель наш!* (309); Викул: *Уж время и нам домой, оно вот что! прошу о прощении* (357).

По функции своей в купеческой речи к этой группе примыкают существительные на -анция, -енция. Они — плод искусственно-книжного образования не без влияния духовно-семинарской, церковной среды. Харитон: *Мы вашими поведенциями гораздо довольны, видим вашу состоянцию* (275); Викул: *Этаки поведенции часто бывают* (283); Харитон: *Неужто ей быть умнее нас? ни*

* Ср.: в Толковом словаре В. И. Даля: в народной речи *художество* — худое дело, дурной поступок и вообще порок. *За ним нет никакого художества* (изд. 3, т. 4, с. 1242).

что и вдаваться в такие *поведенции* (280); он же: такая *поведенция* родясь впервые случилась (296); Харитон: дал бы вам бог союз да любовь: мы на вашу *взысканцию* согласны (475).

6. Особо следует отметить случаи свободного употребления литературного слова без понимания и усвоения фразовых контекстов, в которых применяются эти слова в литературном языке. Стилистический эффект создается именно отрывом от контекста, а не смещением значения, которое в таком отрыве становится лишь расплывчатым, менее осязательным, менее конкретным. Викул: мы бы за велики *примеры* почли, кабы бог привел и тебе благодетелю в мысль вошло (274); Неправдин: малым делом по привычке, *примером* молвить небольшую толику сладить (348); Викул: Да, сударь! со мною самим такие *образцы* сбылись (275); Неправдин: Оно слышь ты, посильно дело, малу толику не в том *образе* как водится (350).

VII

Борьба с иноязычными заимствованиями, с прекло-
нением перед культурой Запада, которую со второй по-
ловины XVIII в. вели передовые представители русской
культуры, в публицистической деятельности Плавиль-
щикова приобрела, как мы видели, форму резкого анти-
дворянского выступления. Доказательства самобытности
русского народа он видит в богатстве, красочности и вы-
разительности народного языка, не зараженного инозем-
ным влиянием, в явлениях, которые «открылись понятию
россиянина без учителя»*. Плавильщиков не против
заимствований. «Я не отрицаю, чтоб не нужно было
занять чего у иностранцев, — пишет он, — но что и как
занимать? В том вся важность»**.

Все полезное может быть заимствовано, но должно
быть переработано в соответствии с русскими потребно-
стями. Его мало занимают «платье, уборка волос, кареты
и тому подобные наружности» (стр. 17). Существенно
сохранение самобытности в образе мыслей. Поэтому так
важен вопрос: как занимать? И здесь он необычайно
тонко формулирует пути взаимоотношения с иноземной

* Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 19.

** Там же, с. 15.

культурой. «Не знающие отличить глагола *понимать* от *перенимать* дерзают приписывать россиянам последнее; но какая разность между ими! *Перенимать* значит то же самое делать, что видишь в том, кому следует: в сем действии мысль не объемлет самого существа дела, а схватывает одну только поверхность, и тогда человек бывает слепой только подражатель. *Понимать* же значит проникать мыслями во внутренность дела, доходить до основания и ясно постигнуть умом его существо: в таком случае человек сам бывает творец и может превзойти своего учителя» *.

Как же поступает человек, не только не зараженный пристрастием ко всему иноземному, но даже чуждающийся его — идеологически, из пристрастия к старине и веками священному быту, и практически, из чувства вражды к иностранным конкурентам? Верный своему реалистическому заданию, Плавильщиков стремится к отражению действительности. Новые формы экономической жизни захватили купечество и принесли новую, иноязычную терминологию. Она — орудие деятельности и потому в ней, говоря словами Плавильщикова, «ясно постигнуто умом ее существо», она употребляется с полным пониманием и в форме, свойственной общему литературному языку. Сюда относятся укрепившиеся в общем употреблении слова. Викул: *Я купец первой гильдии* (337); Викул: *Я всем твоим кредиторам расскажу, какова в тебе душа-та* (341); Плюгавцев: *просим отсрочку нам учинить переводному-та сте векселю* (348); Харитон: *а чтоб ты не запирался, так я и документы все ему покажу* (304); Харитон: *для чево не сделать, лишь проценты положим купецкие* (348); Викул: *стал вступать в дела, да в кредиты... да и стал от того банкротом* (275); Викул: *скажи голанской партию продал* (284); Харитон: *кланяемся вашей милости двадцатью империальчиками* (308); Харитон: *всю мою лавчонку в ламбардеус стаскал* (308).

Также не в противоречии с общим литературным употреблением и по значению и по форме используются термины быта, в который неминуемо вовлекалось купечество, например играть на *бильярте*, *тупей*, *трактир* (302), вошло в *моду* (305), *модные* наряды (313), *ситцы* *новомодные* (301), *путры* и *помады* (313) и др.

* Плавильщиков П. А. Соч., ч. 4, с. 49.

Ряд терминов, рано вошедших в широкое народное употребление, в комедии дан в устоявшейся народной форме, не вошедшей в литературный язык. Харитон: *торги ныне самые худые; новомодные гамазеи все у нас отбили* (277). Название интендантского склада, известное с петровских времен, — *магазеин**, а затем название склада общественного хлеба сельского общества, известное и позднее в народных говорах в формах *магазин*, *магазейн*, *магазея* и, наконец, *гамазея***, — применяется здесь для названия магазина в более новом тогда значении — торгового заведения, содержимого иностранцами.

Харитон: *Болтают рядские люди, что он и в комедь ходит* (308). Форма может восходить к XVII в., обозначая вообще народные игрища и представления. Ср. старые народные значения: *комедь* — забавное происшествие, зрелище и т. п., а также выражения вроде *комедь ломать* и т. п.***

Мавра: *Что ж ты стоишь, статуй с крухмальных ворот?* (297). *Статуя* с окончательным ударением, как и *стату́й* — мужского рода — явления нормальные для XVIII в.**** *Крухмальный* — старое московское народное преобразование трудно произносимого слова *триумфальный*. Первые триумфальные ворота были построены в Москве в 1696 г. в ознаменование взятия Азова и украшены статуями Геркулеса, Марса, азовского паши, двух скованных турок и татарского мурзы. Семь триумфальных ворот в разных частях Москвы было построено в 1709 г. в ознаменование Полтавской победы над шведами*****. Возникновение выражения, по-видимому, и следует отнести к этому времени, когда народное внимание было поражено новизной архитектуры и украшений.

* Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху, с. 183.

** Словарь русского языка АН СССР. Л., 1932, т. 6, вып. 1.

*** Даль В. И. Толковый словарь. Изд. 4, т. 2, с. 371.

**** Ср., например, Яновский Н. Новый словотолкователь. СПб., 1806, т. 3; Даль В. И. Толковый словарь. Изд. 4. М., т. 4, с. 516; Словарь церковно-славянского и русского языка Академии наук (1847, т. 4) дает два ударения: *стату́я* и *ста́туя*, а мужской род — *стату́й* помечает как простонародное.

***** См.: Соловьев С. М. История России, т. 14, с. 1156 и т. 15, с. 1565.

Знакомые, хорошо освоенные иноязычные слова часто служат в речи как выразительное средство. Они получают распространительное употребление, переставая быть терминами и применяясь к явлениям своего быта, и находятся иногда на пути к образованию новых, переносных значений.

Викул: *Смотри было ты какой капитал упустил* (345) (о большой наживе в результате мошеннической операции); Викул: *Да не имейте сомневательства во мне, неужто в том с меня **вексель** брать?* (314) (при признании в любви); Викул: *по обоим **пунктам** не премину вас обесславить* (343) (по двум обстоятельствам); Викул: *По сему в **коммерции** и она смышление имеет?* (278) (в махинациях, связанных с торговлей; в прямом значении употребляется только слово *торг*).

Постоянное общение с дворянами в многообразных условиях городской жизни, постоянное столкновение с условиями чужого быта насыщало купеческую речь иноязычными словами, непосредственно не имевшими отношения к деятельности, занятиям и быту торгового класса. Здесь происходило, если обратиться к определению Плавильщикова, перенимание, когда человек, как слепой подражатель, схватывает одну «только поверхность», а «мысль не объемлет самого существа дела» — в чем, по-видимому, и не было реальной нужды. Отсюда серии иноязычных слов, в которых фонетический облик на не всегда ясных путях народной этимологизации сохранил лишь некоторые элементы оригинала. Писатели в XVIII в. и позднее широко пользовались этим приемом для речевой характеристики «необразованных» и «полуобразованных» людей, — купцов, ремесленников, мещан. У Плавильщикова из такого рода слов мы встречаем лишь *веркисецкий скубент* (университетский студент; 299), *колухмастер* (парикмахер; 313)*. Но Плавильщиков не злоупотребляет этим приемом. Как реалист и как тонкий знаток родного ему купеческого речевого обихода Плавильщиков не в народной этимологизации, свидетельстве «необразования» поднимающегося класса, видел характерные черты использования купечеством отвлеченных для него иноязычных слов. Эти характерные

* «Скубент» и различные вариации произношения слова *парикмахер* известны были в просторечии почти до самой революции.

черты — в новом способе употребления их, отличном от употребления дворянского. У дворянина космополитического склада, знакомого с французским языком, употребление иноязычного слова было прямым сколком с употребления французского. Оно входило в дворянский жаргон вместе с новыми вещами и понятиями. Для купечества, крепко державшегося старины в быту и в житейских представлениях, такое иноязычное слово было лишь средством внешнего сближения с «образованным» дворянством. Слово накладывалось на явления своего, исконного быта, выступая синонимическим заместителем русского слова или выражения.

Плавильщиков с тонким знанием языка и большим тактом пользовался этим явлением некритического подражания как художественным средством.

Мавра: Харитон Авдулович! долго ли мне будет терпеть от Андрюшки? теперь, перед твоим приходом нос передо мною вздернул; Харитон: Да где этак *кондуиты* бывают, прости меня господи! Андрей, да в твою ли ласоту, тово как оно, вдаваться в такие поведенции? (292—293). В реплике Харитона раскрывается значение слова *кондуит* как синонима к слову *поведение*. Это значение зарегистрировано для начала XVIII в. Н. А. Смирновым*. Значение поведения, образа действий, как явления, свойственного определенному социальному положению, в традиционных представлениях связывается с представлением о чести лица, которому присущ тот или иной образ действий. Отсюда слово *кондуит* покрывает эту русскую совокупность представлений. Харитон: Он тронул *кондуит* мой: это дело не статешинное, за что всему купечеству вступиться надобно (294).

Слово *сатисфакция*, кроме своего специального значения — удовлетворение за причиненную обиду, — могло в XVIII в. употребляться и в своем основном значении — удовольствие**. В купеческом речевом обиходе оно могло употребляться как эмоционально-выразительное слово для обозначения приятной и забавной мысли, шутиливой забавы и т. п. — всего того, что доставляет кому-нибудь удовольствие. Викул: Да пришла мне в ум не-

* См.: Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху, с. 153.

** См.: Яновский Н. Новый словотолкователь, 1806, т. 3.

большая *сатисфакция*; крайне желательно малу толику о своем молодечестве узнание возыметь (280); Викул: Дитя молодое! от резвости вдалась в такую *сатисфакцию* (296).

*Мизирный** входит как синоним в группу слов, обозначающих самоуничижение перед высшими. Харитон: какими ветрами занес вас господь к нам *мизирным*? (300); он же: не оставьте нашей *мизирной* просьбы (308).

Резон, махина, пункт. Викул: У меня один *резон* с ними (294). Ср. русское выражение: у меня один разговор с ним, т. е. поступаю только таким образом. Харитон: Нам грешным где этукую *махину* наговорить (299); Харитон: я и сам при женитьбе имел о приданном первой *пункт* (276).

Слово *манера* — *манира* (Н. А. Смирнов, «Западное влияние...»: прав, обычай, образец) употребляется на периферии своего основного значения, которое, при непремennom определении местонменем, расплылось в словосочетании, соответствующем русским обстоятельным оборотам. Викул: Покажите нам, *какою манерою*, а без вас право не приму (272); Викул: Так я и ума не приложу, *какою манерою* согласить вас на мое желание (313); Викул: Так оно вот что! *какою манерою* меня огрели (315); Викул: *Этою манирою* все скажут, что я сам отстал, а не вы мне отказали (343). Таким образом складывается словоупотребление, дожившее до современного просторечия. Другая линия — обстоятельные сочетания с прилагательным. Харитон: Да мы сделаем *крепким манером*, как быть, как водится (277).

Так в условиях языковой действительности XVIII в. развивалась жаргонная специфика купеческой речи. Как мы видели, в основе этой специфики лежит не что-нибудь новое, что ломало бы языковую общность купеческого класса с другими социальными группами, а специфическое использование и осмысление существующих в языке элементов в соответствии с классовыми потребностями и вследствие сословно-обособленного уклада жизни.

* Даль В. И.: «народ произносит мизирный» (Толковый словарь, т. 2).

ЗАМЕТКИ О СЛОВАХ

ПОДОЙТИ, ПОДЪЕХАТЬ, ПОДОСЛАТЬ

С конца 30-х — начала 40-х гг. в разговорной обиходной речи широко распространилось употребление глаголов *подойти*, *подъехать*, *подослать* в значение «прийти», «приехать», «послать». Так, если улавливаются, например, по телефону о встрече, то говорят: *я к тебе подойду часика через два*, *я к тебе подъеду вечером* и т. п. Когда обещают или просят что-нибудь доставить, то говорят: *я к вам подошлю курьера с бумагами* или *я вам подошлю бумаги с курьером*. Ср. у В. Каверина:

Почему-то Сашу долго не переводили в палату, но в конце концов перевели еще при нас. Мы подослали к ней сиделку, ту самую, что звонила, и она принесла от нее записочку.

Такое употребление противоречит нормам современного русского литературного языка.

В словообразовании есть свои правила. Каждое производное слово с легко выделяемыми элементами словообразования следует этим правилам и со стороны грамматической и со стороны смысловой. Нарушение этих правил и создает противоречие нормам словоупотребления. Слова с глагольной приставкой *под-* имеют точно очерченный круг значений, определяющих словоупотребление.

Присоединяясь к глаголам движения, эта приставка может образовать слова с конкретным значением «будучи в движении, в каком-н. пути, приблизиться к какому-н. месту». Отсюда, следовательно, *подойти* «идя, приблизиться», *подъехать* «едучи, приблизиться», *подбежать* «бегом (будучи в беге), приблизиться», *подплыть* «плывая, приблизиться», *подкатить* «едучи (от катить в разговорном значении «ехать»), приблизиться», *подруть* «круля (от рулить в значении «вести самолет по земле»), приблизиться» и т. п. Таким образом, основным элементом значения этих глаголов является значение остановки движущегося при сближении с кем-нибудь или с чем-нибудь. Отсюда ясна неправомерность употребления глаголов *подойти*, *подъехать* вместо *прийти*, *приехать*.

Присоединяясь к некоторым глаголам, эта приставка может образовать слова со значением действия, направ-

ленного снизу или к нижней части чего-нибудь (подобно что-нибудь), например: *подкинуть, подбросить, подложить, подставить* и т. п. В некоторых из этой группы глаголов развивалось переносное значение тайного, скрытого, по большей части неблагоприятного действия, например: *подкинуть ребенка* (откуда существительное *подкидыш*), *подбросить ключ, подложить кому-нибудь компрометирующий документ* (ср. *подлог, подложный*). К этим глаголам примыкает по значению глагол *подослать* «послать к кому-н. тайно, со скрытой целью», по типу словообразования единичный в современном языке, а по происхождению значения не переносный (ср. значение предлога *под*, сохранившееся в просторечном картежном *ходить под кого-нибудь*). На наличие у этого глагола значения скрытого действия указывает существование в старом языке таких слов, как *подсыл*. «При откупях, — пишет В. И. Даль, — были в ходу подсылы, т. е. подсылали купленного человека купить тайно вина и хватали продавца с поличным» *.

Отсюда ясна неправомерность употребления глагола *подослать* вместо *прислать, послать*.

Как возникло это неправильное словоупотребление? В русском языке существуют глаголы с приставкой *под-*, обозначающие действие, осуществляемое не в полной мере. Например: *подсушить* (просушить лишь немного), *подутюжить, подгладить* и т. п. В современном просторечии это значение развило новый оттенок, не связанный с количеством и мерой, а выражающий чистую экспрессию, т. е. в данном случае стремление говорящего указать на неполноценность обозначаемого действия, смягчить его в глазах собеседника, например, *подзабыть, подзаработать* и т. п. Оттенок смягчения включает и оттенок вежливого отношения к собеседнику: на этом фоне и возникли просторечные *подойти, подъехать, подослать*.

С ОНИКА

Нас запросили, как перевести выражение *с оника*, встретившееся у Тургенева в «Дворянском гнезде»: *С оника, после многолетней разлуки, проведенной в двух различных мирах, ... заспорили они о предметах самых отвлеченных ...* (гл. XXV).

* Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3, т. 3, столб. 533. *Подсыл*ом также назывались подосланная вещь «для поклёпной улики» и подосланный человек, лазутчик.

В начале XIX в. в терминологии некоторых азартных карточных игр (например, в игре фараон) слово *соника*, заимствованное из французского языка (*sonica*), употреблялось в качестве наречия в значении «с первой же ставки», «с первого раскрытия», «сразу» или «с первой же ставки три раза подряд». Такое употребление мы встречаем в «Пиковой даме» Пушкина: *Она выбрала три карты, поставила их одна за другою: все три выиграли ей соника.*

В дворянской среде пушкинского и ближайшего к нему времени это слово было широко известно как картежный термин, который мог употребляться и в переносном значении. Когда мода на фараон прошла, слово *соника*, утратив свое прямое терминологическое значение, сохранилось в переносном: «сразу же, тотчас, с первого шага». В этом значении оно и у Тургенева в «Дворянском гнезде». Но первоначальное значение уже забыто настолько, что переносное значение вкладывается в типичную для русского языка форму наречия, образовавшегося из сочетания предлога *с* (начинательного значения) с непонятным существительным *оник*. Отсюда и раздельное написание, которое, возможно, опиралось на то, что в литературной речи XIX в. еще было известно слово *оник*, уменьшительное от *он* — старинного названия буквы *о*.

Во второй половине XIX в. это грамматическое переосмысление старого слова еще хорошо известно.

Ср. у Лескова: *Ему сейчас же с оника был предложен для этого дела человек, способный и готовый положить свою голову и душу за демократическую Россию.*

Или у Салтыкова-Щедрина: *Эти люди [чиновники-карьеристы] обладают чрезвычайным чутьем относительно мелочей жизни и замечательно подвижностью, которая позволяет им везде попадаться в глаза, так сказать, с оника* («Благонамеренные речи», гл. VII).

НАЛОМАТЬ ДРОВ

Со времени войны, а особенно в послевоенные годы в речи литературно говорящих людей появилось шуточное выражение *наломать дров* в значении «наделать глупостей, ошибок» (впервые зарегистрировано в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, 1952). В просторе-

нии это выражение употребляется без шутливого оттенка. Встречается оно и в современной художественной литературе, в диалогической речи действующих лиц.

*Главное не перегибайте палку. Считайтесь с тем, что каждый человек есть живой человек и нельзя отрицать его личность. А то вы **наломаете дров*** (К. Львова. Настойчивый человек, гл. 7).

Откуда пошло это выражение? Глагол *наломать* в значении «наготовить или набрать чего-н. ломая, посредством ломки, а не срезывания, рубки» — общерусского употребления, например: *наломать валежнику, веников, табак* и т. п. В северновеликорусских говорах существует выражение (*наломать грибов, ломать грибы*) с глаголом, употребленном в обычном прямом его значении. В богатых лесом местностях Севера сочетание *наломать дров* не могло появиться, потому что там дрова рубят, а валежник, прутья и вообще все, что можно ломать, всерьез не назовут дровами.

Областные словари южновеликорусского наречия очень бедны и никаких указаний на существование интересующего нас выражения не содержат. Однако писатели, хорошо знающие живую речь южновеликорусских говоров, охотно употребляют это выражение, но только в переносном смысле. Оно обычно у М. А. Шолохова, широко использующего в романах особенности донских говоров.

*Секретарь... продолжал: — Дров с такими воззрениями ты можешь **наломать** сколько хочешь* («Поднятая целина», кн. I, гл. 2).

Или: *Нагульнов, не робей! Ну проштрафился, ну запутался и **наломал дров*** («Поднятая целина», кн. I, гл. 32).

В «Тихом Доне» выражение разрушено, и употребляется глагол в значении целого выражения:

*Сафонова в штаб сажайте. В строю он негож. У него и урону больше будет, не оберегет он казаков, да и сам, гляди, **наломает*** (кн. 3, гл. 33).

М. Никулин в повести «Полая вода» так изображает разговор казаков в одном из хуторов Дона во время перестрелки:

Яков невольно поглубже спрятался в развилке, но, видя, что Андрей, кувырком скатившись с крыши, упал в снег, опять высунулся и испуганно спросил кого-то: — Неужто достала? [пуля]. — Да нет, это я по доброй воле

наломал дров, — засмеялся Андрей и, страхивая с шубы снег, шутливо ругал свою неустойчивую левую ногу («Нева», 1956, № 1).

Сразу можно заметить, что значения выражения *наломать дров* у М. Шолохова и у М. Никулина не совсем совпадают. М. Шолохов употребляет это выражение в том узком значении, которое известно современному просторечию («наделать глупостей, ошибок»). Значение выражения у М. Никулина шире, его конкретное содержание выясняется только ситуацией речи. Это выражение можно применить для обозначения всего того, что делается не так, как нужно, необычно или чудно.

Это широкое, недостаточно еще специализировавшееся значение и является, по-видимому, первоначальным переносным значением, свойственным народным говорам. Неясными остаются реальные условия возникновения переносного значения из прямого, в существовании которого трудно сомневаться. Но ясно, что это выражение принадлежит южновеликорусским говорам. Это подтверждается и тем, что впервые выражение *наломать дров* в указанном широком переносном значении отмечено в «Памятной книжке Воронежской губернии на 1892 год».

Главной причиной распространения в просторечии местного выражения является широкое общение во время войны людей из разных местностей; а люди, как известно, охотно подхватывают и усваивают меткие и выразительные средства языка.

ЕЩЕ О ВЫРАЖЕНИИ *НАЛОМАТЬ ДРОВ*

Во втором выпуске «Вопросов культуры речи» (М., 1959) мы поместили заметку о выражении *наломать дров*, которое в последнее время стало широко известным. Мы указывали, что раньше всего это выражение появилось в произведениях писателей Дона, и на основании ряда соображений высказывали предположение, что это выражение, вероятно, идет из южновеликорусских говоров. Вместе с тем для нас остались неясными реальные условия возникновения переносного значения из прямого, в существовании которого трудно сомневаться. Теперь мы получили данные, благодаря которым сомнения рассеялись, а предположения подтвердились.

Наш читатель Юрий Фотьевич Родин, преподаватель русского языка и литературы из с. Левокумского Ставропольского края, несколько удивляясь незнанию нами реальных условий бытования выражения, пишет нам: «Да, это выражение и в прямом, и в переносном смысле существует только на Дону. Пускай автор заметки проедет от Цимлянкой до Нижне-Чирской через станции: Терновскую, Потемкинскую, Нагавскую, хутора: Кривой, Кудиновский, Комаровский, Балабановский, Базки и т. д. до самого Серафимовича (но особенно на среднем Дону) — везде это выражение он встретит. На Дону дрова ломают. Но ломают не в лесу, а на подворье, когда хозяйка готовится топить печь. На Дону хворост и валежник называют дровами. И поскольку хворост не является толстым, то применение топора не требуется для его рубки. А хворост и валежник ломают на колене. Делается это так: стоя, человек приподнимает одну ногу и поджимает ее под себя. И вот это колено поджатой ноги является своеобразным выступом, о который ломают хворост (дрова). Естественно, что ломаются дрова (хворост) неровно: одна хворостина длиннее, другая короче. И вот там-то, на Дону, и пошли выражения: *Ну, наломал, как дровишек; Сделал, как дровишек наломал*, т. е. неровно, нехорошо. А отсюда и переносный смысл, отсюда распространение этого выражения повсеместно, отсюда ссылка автора (и очень правильная!) только на донских писателей. Не знаю, согласится ли со мною автор заметки или нет, но я хотел бы обратить внимание на то, что «реальные условия возникновения» этого выражения ясны и затруднений для объяснений, на наш взгляд, не вызывают. Однако мне бы хотелось знать, как отнесется к этой моей реплике автор заметки «Наломать дров».

Мы очень удовлетворены обстоятельным письмом Ю. Ф. Родина. Действительно, в русском языке есть много выражений, значение и происхождение которых можно правильно объяснить только тогда, когда известны реальные исторические или бытовые условия их появления. Многие старые выражения так и остаются неразъясненными, так как уже нет живых свидетелей их возникновения, а косвенные или наводящие данные не всегда достаточны. Поэтому нам очень помогают показания живых свидетелей возникновения новых выражений и слов. Письмо Ю. Ф. Родина в этом смысле образцовое.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

О ТРЕХ ТИПАХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Ленинская национальная политика, создавшая исключительно благоприятные условия для развития национальных языков, направила языковедную мысль в новые области. Со всей остротой встали вопросы оформления литературных языков народов, не имевших письменности или имевших ее на другом языке, встали вопросы широкой нормализации литературной речи. Создание словарей стало первой конкретной формой разрешения этих вопросов. Словарная работа получила поистине грандиозный размах. За годы после Великой Октябрьской социалистической революции созданы сотни двуязычных словарей разного объема и разных типов (русско-национальных и национально-русских). Словари не только расширяли научный кругозор языковедов, вовлекая в научный оборот лексику малоизученных или неизученных языков: утверждая нормы своего литературного языка и углубляя знание великого русского языка среди широких масс национальных республик и областей, словари становились рычагами культуры, существенными звеньями глубочайшего социального процесса, происшедшего в нашей стране, — культурной революции. Культурное и политическое значение словарей и словарной работы вышло далеко за пределы собственно филологических интересов. Началась работа по созданию и толковых словарей национальных языков.

Естественно, что лексикографическая работа в области двуязычных словарей для народов Советского Союза опиралась на давнюю и богатую традицию русских словарей. К опыту русских словарей обращались и такие богатые лексикографической традицией страны, как Армения и Грузия. Огромное значение русской лексикографии как базы для создания двуязычных словарей

выявилося после того, как вышел в свет четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, давший первый и достаточно полный свод словарного состава русского языка нашего времени. После Великой Отечественной войны русская лексикография является опорой при создании двуязычных словарей в социалистических и в других зарубежных странах, как об этом свидетельствует, например, вышедший в Будапеште русско-венгерский словарь*. Однако роль русской лексикографии не исчерпывается только тем, чтобы быть базой для двуязычных словарей. Ее роль шире и глубже. Прежде всего, русская лексикография становится образцом для создания словарей национальных языков. Так, С. Малхасянц, автор четырехтомного «Толкового словаря армянского языка», удостоенного Государственной премии, в предисловии к своему словарю особо отмечает пользу, принесенную ему «Толковым словарем русского языка» при окончательном редактировании армянского словаря**, а проф. И. Иордан прямо указывал, что русские словари могут послужить образцом для создания словаря современного румынского языка массового типа***. Являясь своего рода энциклопедией языка, словари современного русского языка доставляют широкий материал для теоретических исследований в области современной лексикологии, грамматики, акцентологии, орфоэпии****. Русская лексикография служит базой для развертывания терминологической работы, имеющей существенное значение и для наших национальных республик. Русская лексикография является важнейшим источником распространения и укрепления норм русской литературной речи и повышения культуры вообще. Недаром радио, печать, школа в своей повседневной практике постоянно обращаются к словарям. Вместе с тем и за рубежом нашей страны словари русского литературного языка призваны содействовать и распространению русского языка, и распространению принципов советского языкознания.

* Hadrovics L., Gáldi L. Orosz-magyar szótár. Будапешт, 1951.

** См. статью проф. Кусикьяна И. в журнале «Советская книга», 1946, № 10—11.

*** Рецензия в журн. Института языкознания Академии Социалистической Республики Румынии «Studii și cercetări lingvistice», 1950, № 1, с. 104.

**** К числу таких трудов относится, например, книга проф. Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение», М., 1950.

Ответственное положение, которое занимает русская лексикография советской эпохи, и важность культурно-политической роли, ею выполняемой в Советском Союзе и за его пределами, предъявляют русской лексикографии высокие требования. Характеризуя состояние научно-исследовательской работы в области изучения словарного состава, акад. В. В. Виноградов отмечал, что именно лексикографическая работа дала особенно ценные и ощутимые результаты.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция не сразу оказала свое влияние на развитие лексикографической мысли. В первые годы революции еще только закладывались основы нового общества, новые языковые стихии еще только осваивали себе место в составе литературного языка; границы самого литературного языка, становившегося достоянием широких народных масс, обнаруживали необычайную подвижность. Широко пополнялся словарный состав, отражая новые идеи, отношения и быт. Со всей остротой вставал вопрос о культуре речи.

В 1920 г. В. И. Ленин, предвосхищая дальнейшее развитие лингвистической мысли, со всей решительностью ставит вопрос о необходимости создания нового словаря русского языка. Характеризуя словарь Даля, В. И. Ленин 18 января 1920 г. писал А. В. Луначарскому: «Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького.

Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?

Как бы Вы отнеслись к этой мысли?

Словарь классического русского языка?» * Так возникает идея словаря советской эпохи, получившая осуществление спустя несколько лет. Одновременно В. И. Ленин выдвигает другую, практическую задачу — создать «краткий (*малый* «Лярусс» образец) словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного. По новому правописанию» **. Для реализации

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 51, с. 122.

** Там же, т. 52, с. 199.

указания В. И. Ленина при Главнауке Наркомпроса вскоре был образован редакционный комитет, и работа началась при большом количестве сотрудников. Но осенью 1923 г. Наркомпрос, не удовлетворенный работой комитета в том виде, в котором она велась, счел целесообразным работу по словарю временно прекратить. Печальный конец этой работы имел глубокие внутренние причины. В качестве «новых» привлекались материалы из художественной литературы, главным образом, предреволюционной поры. Рядом с Маяковским широко использовались материалы из символистов и дореволюционной лирики; наряду с выписками из М. Горького широко были представлены второстепенные произведения предреволюционной буржуазной прозы. Понятно, что на этом разнородном материале, который по замыслу должен был быть собран с большой полнотой, трудно было обосновать и документировать семантику современного русского языка в революционную пору. Всем ходом вещей эта первая попытка была обречена на неудачу.

К исходу 20-х гг. выявляются предпосылки для развертывания лексикографической работы. Уже созданы были основы нового, социалистического общества. Обозначился характер новых явлений в словарном составе, яснее сложилось представление о тенденциях развития литературного языка наступавшей социалистической эпохи. Глубокий общественный интерес к вопросам нормы литературного языка немало содействовал уяснению языковых процессов современности.

В 1929 г. происходит перестройка словарной работы Академии Наук. По новому плану «Словарь русского языка» — теперь «Толковый словарь современного русского языка, взятый в историческом развитии»*. Привлекавшийся ранее материал диалектных и письменных источников от середины XVII в. до наших дней значительно пополняется лексическими материалами из энциклопедических словарей, справочников, специальных изданий и учебников, вышедших во время революции, из произведений советской литературы, из газет и журналов, из общественно-политических сочинений. Но принципы и структура словаря не изменились: это был тот же шахматовский thesaurus (словарь — «сокровищница»)¹, но пополненный свежими материалами. При-

* Словарь русского языка, т. 1, вып. 2. Л., 1933, Предисловие.

цип включения любого зарегистрированного слова, при интенсивном росте картотеки за счет ничем не ограниченного репертуара источников, привел к гипертрофии шахматовского принципа, к отрицанию здоровых начал шахматовского плана. Понятие русского словаря в словаре начинает расплываться и стираться. Словарь не только некритично относится к далевским образованиям вроде *алкач*, *даровщик*, *маивать*, *макаронищичий*, но и помещает причудливые образования индивидуального писательского творчества, вроде *акмеистик*, *жертвогадатель*, *дамство*, *акростиший*, французские слова, написанные писателем по-русски, вроде *а жан*, *аливрувер*, *аларм*, случайно встретившиеся в новых или старых газетах сокращенные слова и образования вроде *академбой*, *активистовский*, *аламаничик*, или узко специальную научно-техническую, медицинскую и прочую терминологию, независимо от того, современная она или принадлежит к младенческой поре развития науки, как, например, *дамассин*, *майзёна*, *медриль*, *дальнописец*, *магзино-офицер*, *аллантиаз*, *аллианция*. Применявшиеся без особой систематичности стилистические указания не сообщали словарю нормативного характера.

Назревал вопрос о создании нового, нормативного словаря русского языка советской эпохи. В 1928 г. группой филологов выдвигается его проект. Задачи словаря, его структура, принципы установления лексических границ литературного языка и стилистической дифференциации лексики в основном были разработаны В. В. Виноградовым, а вопросы нормализации произносительной и морфологической стороны принадлежали главным образом Д. Н. Ушакову. Двенадцатилетний труд завершился выходом «Толкового словаря русского языка» (1935—1940 гг.), первого словаря русского языка советской эпохи.

По сравнению со «Словарем Академии Российской» и словарем акад. Я. К. Грота проблема нормативности поставлена «Толковым словарем» в более широком масштабе, на почве более широких научных представлений и в более сложной социально-языковой обстановке. Самым трудным в построении нормативного словаря является определение конкретных форм совершенствования общенародного языка, пополнения словарного состава и отмирания отживающих элементов. Необходим был анализ словоупотребления формирующегося совет-

ского общества, советской интеллигенции. Живые лексические процессы, в которых отражались и новые общественные идеологические отношения, создавали новое взаимоотношение активного и пассивного лексического запаса в литературном языке, новые стилистические и эмоциональные оценки. Эти процессы в языке и должен был представить «Толковый словарь». Акад. Л. В. Щерба в статье «Опыт общей теории лексикографии»* в своей классификации типов словарей назвал «Толковый словарь» «более или менее компромиссным словарем», стоящим между идеальным нормативным и словарем-справочником типа словаря Даля. Действительно, наличие в «Толковом словаре» слоев лексики пассивного запаса (в широком понимании этого слова) сближает его с типом словаря-справочника по терминологии Л. В. Щербы. Но в этом, между прочим, заключается то понятие нормативности, которое свойственно нашей эпохе, особенно 30-м гг., времени больших изменений в словарном составе литературного языка. Стремлением отразить живые процессы в современном языке определялась структура словаря. Это отразилось прежде всего на принципах определения лексических границ литературного языка. Отпадала устаревшая лексика, связанная со старым бытом и понятиями, но удерживались архаизмы, стилистически оправданные в современном языке. Широко включались новые образования, отражавшие новые социальные явления и воплощавшие прогрессивные тенденции литературного языка. Не находили себе места диалектизмы или просторечные элементы, лишенные экспрессивной ценности в составе стилей литературной речи. Получили известное ограничение специальная терминология узкого употребления (научная, техническая, ремесленная и т. п.) и заимствованная лексика. Достаточно полно, по сравнению со многими предшествующими словарями, представлена фразеология. Получили нормативную регламентацию формы слов, ударение и произношение, представленные в традиционном духе «московской нормы». Проблема нормализации употребления лексики литературного языка и периферийных сфер, включенных в словарь, разрешалась детально разработанной системой класси-

* «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1940, вып. 3, с. 96.

фикации слов по сферам употребления. Слова или отдельные значения характеризовались принадлежностью их к той или иной стилистической разновидности устной или письменной речи, к тому или иному историческому пласту, к лексике определенной экспрессивно-эмоциональной оценки. Наличие в словаре широко проведенной нормализации более всего отмечалось критикой. «Правильному употреблению со стороны стилистической, — писал член-корр. АН СССР Л. А. Булаховский, — данное пособие учит впервые, и работа, сделанная его авторами для разграничения разновидностей устной и письменной речи, исторической перспективы языка, эмоциональных оттенков и под., представляет в русской лексикологии новый важный этап»*.

Создание нормативного словаря — дело лингвистически ответственное; принципы его построения несовместимы с принципами генетических изучений. Недаром А. А. Шахматов-историк нормализацию языка не считал делом науки. Но ведь лингвисту не только ведомы пути развития языка, он сам — носитель языка коллектива. Поэтому он не только регистрирует и объясняет факты языка, но, как проникательный участник языкового творчества коллектива, сам становится законодателем нормы. Поэтому так важно лингвисту, создателю нормативного словаря, проникнуть в языковой дух эпохи. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Ушакова посильно выполнил эту задачу. Поэтому так неоднороден состав его томов: он создавался на всем протяжении 30-х гг. и отразил в себе все колебания в лексике, свойственные той эпохе.

«Толковый словарь русского языка», как справедливо говорит в статье «Толковые словари русского языка» акад. В. В. Виноградов, «подводит итоги предшествующей работе над составлением словаря литературного языка» и «пускает в широкий общественный оборот достижения академической традиции в области лексикографии»**.

В 1949 г. вышел однотомный «Словарь русского языка», который по принципам составления тесно при-
мыкает к четырехтомному «Толковому словарю». Он создавался в то время, когда нормы русского литератур-

* Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Изд. 2. Харьков, 1937, с. 96.

** Язык газеты. Сб. М. — Л., 1941, с. 390.

ного языка определились с большей четкостью, нежели это было в 30-е гг. Словарь ставил своей задачей отразить эти нормы. Это коснулось многих сторон словаря: состава слов, иллюстративных примеров, фразеологии, отбора значений в многозначных словах, унификации произносительной и акцентологической стороны и т. д. Многие стороны словаря, в том числе вопросы стилистической классификации, отбора слов, вопросы омонимии, требуют дальнейшей разработки*. Этот словарь — попытка создания массового словаря, преследующего цели повышения культуры речи.

В конце 30-х гг. произошла реорганизация академического словаря, приведшая к выходу в 1948—1950 гг. первого и второго томов из пятнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка»². В этом издании словаря идея создания thesaurus'a окончательно оставлена. Основной костяк словаря составляет лексика литературного (в широком смысле) русского языка, в том виде, как он сложился с начала XIX в. с пушкинской поры. Словарь строится как толково-исторический, иначе — как словарь современного языка с широкой исторической перспективой**. Эта установка сближает новый словарь с первоначальным замыслом акад. А. А. Шахматова***, так как историческая перспектива создается именно благодаря включению обильного языкового материала из произведений писателей прошлого века.

Подводя итоги, следует признать, что в области общих словарей языка русская советская лексикография, используя богатый опыт дореволюционной лексикографии, достигла известных положительных результатов. Практически созданы и теоретически намечены три основных типа нормативных общих словарей русского языка: большой, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; средний, с детальной разработкой исторически оправдан-

* См. рец. Н. Ю. Шведовой в журнале «Советская книга», 1949, № 10.

** Ср. статью В. И. Чернышева. «Принципы построения академического словаря современного русского литературного языка» («Русский язык в школе», 1939, № 2).

*** См. статью чл.-корр. АН СССР Е. С. Истриной «А. А. Шахматов как редактор словаря русского языка» («Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1946, вып. 5).

ного стилистического многообразия современного литературного языка, и, наконец, краткий, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи.

* * *

К разграничению трех типов общих словарей русского языка советская лексикография пришла в процессе практической работы, в процессе выполнения насущных требований советской общественности. Советские лексикографы творчески использовали классическое наследие русской лексикографии в новых общественных условиях, когда лексикография стала одной из форм пропаганды культуры речи, пропаганды норм общерусского литературного языка. Жизнь показала практическую рациональность этих типов словарей, удовлетворяющих различным запросам.

Основным вопросом при методологическом обосновании типов словарей современного языка и тесно связанных с этим принципов лексического отбора является вопрос о границах современного литературного русского языка. Что следует понимать под «современным» языком? Практика нашей лексикографии связывала границы современного языка с именем Пушкина, но обычно легко переступала эти границы, если находила за их пределами явления, встречающиеся доньше. Большинство работ, относящихся к исследованию или описанию норм современного языка, весьма показательно по отсутствию надежных методологических установок. Явления русского языка от Пушкина до наших дней рассматривались как бы существующими в одной плоскости, без учета своеобразия исторического развития. Так, современные колебания в произношении оценивались в сопоставлении с чистотой идеальных норм так называемого московского произношения, хотя последнее являлось исторической категорией, развивавшейся и изменявшейся на всем протяжении XIX в. вплоть до наших дней. Характерна в этом отношении статья Д. Н. Ушакова «Русская орфоэпия и ее задачи»*, впервые давшая произносительный кодекс старой «московской нормы» и ставшая знаменем борьбы со всеми, даже закономерно возникавшими и развивавшимися колебаниями и изменениями

* Русская речь. Сб. Под ред. Л. В. Щербы. Новая серия, вып. 3. Л., 1928.

в произношении. Для подтверждения колебаний в современном языке в области морфологии привлекались языковые явления из произведений писателей начала XIX в., хотя эти явления давно исчезли из общенародного языка современности и были характерны для раннего времени нового периода развития русского литературного языка. Так, например, Е. С. Истрина, рассматривая колебания в устно-разговорной разновидности современного литературного языка, пишет: «Влиянием народных говоров объясняется употребление мягких форм именительного падежа множественного числа некоторых прилагательных кратких (в сказуемом: *ради, сыти, пьяни, голодни*), что довольно обычно в устной речи, в частности в московской; ср. слова Чацкого: «*Вы ради? В добрый час*» (Грибоедов. «Горе от ума», действие I, явление 7)*. Ясно, что эта форма не есть факт колебания в современном языке. Для него это устарелая, отжившая форма. Эти общие, по сути дела неисторические представления о границах современного русского литературного языка с отсутствием исторического расчленения явлений развития языка на разных этапах, от Пушкина до наших дней, отражались и на трактовке лексического состава в наших словарях (например, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова), главным образом в переоценке роли архаизмов в составе языка, роли некоторых слоев терминологии, в недостаточной характеристике развития значений в словах, претерпевших семантические изменения на протяжении XIX — первой четверти XX в.

Общенациональный русский язык, являющийся продуктом ряда эпох, оформляясь и развиваясь, в пушкинскую эпоху пришел в отношении структуры языка — его активного лексического запаса и грамматического строя, — а также в отношении многих пластов словарного состава к такому качеству, которое делает его близким к языку наших дней. Структура пушкинского языка сохранилась во всем существенном, как основа современного русского языка, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина.

Положения эти предохраняют нас от механистического понимания современного языка. Действительно, пушкинский язык — основа современного языка, основа,

* Истрина Е. С. Нормы русского литературного языка и культура речи. М. — Л., 1948, с. 16.

продолжавшая в течение XIX и XX вв. совершенствоваться, обогащаться, шлифоваться. Каждый новый этап в развитии общественной жизни накладывал свой отпечаток на словарный состав языка. С каждым новым этапом развития появлялись новые слова и выражения, изменялись значения, выпадали из словарного состава устаревающие слова. Следовательно, на каждом новом этапе развития общественной жизни происходили изменения в соотношении лексических элементов, нарождались новые черты лексической системы. Поворот в развитии общественной жизни, связанный с ростом революционно-демократического движения, принес, как известно, новые, своеобразные черты в развитие словарного состава русского литературного языка не только в отношении роста лексики, но и в отношении семантических изменений. Наблюдательные современники отмечали эти процессы. Н. В. Шелгунов писал, что нигилизм «взялся за критику слов и понятий», что он был «первой попыткой реального мышления сделать смотр и дать им (словам. — С. О.) более жизненный смысл»*. На всем протяжении своего развития словарный состав прошел ряд этапов, и трудно отрицать, что словарный состав советской эпохи также отличается такими чертами своеобразия, которые выделяют его как новый этап в развитии лексики. Сопутствующие изменения в стилистической системе языка, а также протекающие крайне медленно процессы неравномерного совершенствования отдельных элементов грамматического строя, акцентологической и произносительной системы еще отчетливее подчеркивают своеобразие этапов развития русского литературного языка от Пушкина до наших дней.

Так, например, развитие словарного состава литературного русского языка, отражавшее становление буржуазных отношений и рост революционно-демократического движения во второй половине XIX в., значительно обогатившее словарный состав и знаменовавшее новый этап в развитии языка, сопровождалось такими процессами в области произношения, которые укрепили московское произношение как единую национальную литературную произносительную норму. Высказывания А. К. Толстого по вопросу о новых принципах стиховой рифмы отражали именно эти процессы.

Правильное разрешение вопроса о границах совре-

* Шелгунов Н. В. Соч., т. I, СПб., 1895, с. 722.

менного русского литературного языка и об этапах развития русского литературного языка от Пушкина до современности обуславливает правильное решение проблемы языковой нормы. Действительно, что такое объективное развитие языка как становление его норм? Если язык развивается в обществе, обслуживает нужды общества, если люди, социальные группы, классы не безразличны к языку, не безразличны в оценке явлений языка, то это значит, что норма есть система наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, система, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов.

В свете такого понимания норм современного языка яснее очерчивается внутреннее содержание и состав разных типов словарей современного языка, а сама классификация словарей может получить методологическое оправдание.

Действительно, с этой точки зрения четко определяется состав большого словаря современного русского языка. Это должен быть словарь современного языка с исторической перспективой, раскрывающей динамику исторического развития современного языка от пушкинской эпохи до наших дней. В связи с таким пониманием задач большого словаря уточняются задачи наметившихся в советское время типов среднего и краткого словарей: они раскрывают с большей или меньшей полнотой актуальный словарный состав нашей эпохи в его стилистическом многообразии.

Задачи, которые стоят перед словарями разных типов, определяют их структурные различия. Прежде всего это касается принципов отбора слов. Большой словарь с возможной полнотой включает лексику художественных и общественно-публицистических произведений XIX—XX вв., широко отраженную (систематически употребляемую) в художественной и отчасти в публицистической литературе, областную речь и просторечие разных типов, как выразительные средства литературного языка, терминологию и разговорную речь с ее типичными фразеологическими штампами, характерными для

разных периодов развития литературного языка. Средний, а тем более краткий словарь включают из этих разрядов в свой состав только актуальную для современности лексику, практически возможную в тех или иных стилях современного употребления, необходимую для языкового обслуживания многообразных нужд современной общественности.

Основой для всех типов словарей должна являться богатая, разносторонняя картотека произведений художественной и не художественной литературы. Только хорошо продуманная картотека, учитывающая всех безусловно значительных по своему общественному влиянию авторов, может служить прочной базой для отбора слов в разные типы словарей. Действительно, такая картотека, отражающая характер движения словарного состава, может служить надежным критерием для определения употребительности или изолированности слов, общности или единичности значения. С другой стороны, индивидуальное лексическое словоупотребление и словотворчество, если оно отвечает тем или иным лексическим потребностям общества и в особенности, если оно исходит от авторитетного или популярного мастера слова, может переходить в широкую обиходную речь. Не только общественная терминология, как, например, слова *нигилизм*, *нигилист*, испытывает эту судьбу. Любые лексические средства, отвечающие общим потребностям выразительной речи, могут попадать в общее употребление. Характерно в этом отношении свидетельство С. В. Максимова в его воспоминаниях об А. Н. Островском: «подхваченные на сцене слова и выражения уже разносились по Гостиному двору, ... уходили в деревни, прямо в народ»*. «Много слов, — пишет С. Максимов в другом месте, — взятых из его (Островского. — С. О.) произведений, прошло в обиход, и досужливому наблюдателю не трудно будет выделить их и занести как новость и особенность в словарь, подобно словам *метеорское звание*, *доказать*, *патриот своего отечества*, *черты из жизни* (на красных носках невоздержанных гуляк) и проч., за которыми скрываются целые представления и картины, обрисовываются оригинальные характеры и живые типы»**.

* Островский А. Н. Полн. собр. соч. Под ред. М. И. Писарева, т. II. СПб., 1909, с. 169.

** Там же, с. 144—145.

К числу подсобных, но важных источников для изучения движения словарного состава относятся (для времени с 40-х гг. XIX до начала XX в.) разного рода справочные и терминологические словари, энциклопедии, словари иностранных слов, словари неправильностей и орфографические, недостаточно оцененные в нашей лексикографической практике. Как правило, лексикографическая практика для определения наличия слова следовала по таким вехам, как словарь Даля в первом и втором изданиях и в издании под редакцией И. В. Бодуэна де Куртенэ и «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, пропуская промежуточные звенья. И потому, вследствие плохой изученности лексикографических и справочных источников, в новейших словарных работах оказываются пропущенными, незафиксированными словарные явления, существенные и важные для понимания движения словарного состава. Так, слово *листва*, давно вошедшее в состав общенародного языка, впервые было зафиксировано только «Толковым словарем» Д. Н. Ушакова, а слово *государственный* не попало даже в последний по времени однотомный «Словарь русского языка» 1949 г.

Богатство и разносторонность словарного состава русского языка общепризнаны. Тем труднее и сложнее проблема отбора слов для словарей разных типов. Особенно это касается некоторых разрядов производных слов. Богатейшие словообразовательные возможности русского языка, о которых так верно говорил Н. Г. Чернышевский, создали необыкновенную выразительность и вместе с тем пестроту в обозначении одинаковых, однородных или сходных понятий. Если для среднего и краткого словарей (чисто нормативных), отражающих сравнительно ограниченный этап развития словарного состава, дело отбора словообразовательно параллельной лексики представляется более или менее ясным, то для отбора в словарь, рисующий историческую перспективу развития лексики, лексикографическая практика встречается с рядом трудностей.

Еще в конце XVIII — начале XIX в. люди старшего поколения становились втупик перед лавиной новых образуемых слов. «Зараза выдумывать и ковать новые слова, — писал акад. Румовский, — ныне так распространилась, что в сем едином многие полагают свое достоинство и красоту языка российского, и стремлению сему

положить преграду толь трудно, как реке, из берегов своих выступающей»*.

На разных этапах развития литературного языка по-разному складывались продуктивные и непродуктивные типы суффиксации. Многие из них лишь позднее установились как продуктивные или непродуктивные и легко использовались в параллельных образованиях, из которых одни выживали, иные впоследствии отпадали, хотя для своего времени могли быть в разряде активных. Для некоторых разрядов слов, как, например, для существительных со значением действующего лица, пестрота усиливалась заимствованными словами. Так, например, в XIX в. рядом со словом *прозаик* существовало *прозаист*, *пропагандист* (Даль) и *пропагатор*, *фотограф* и *фотографист*, *гипнотизер* и *гипнотизатор*. У Ф. М. Достоевского для обозначения писателя или художника, изображающих типичные явления жизни, употребляются слова *типичник* и *типист*. В наше время, наряду со словом *дипломник* (студент, готовящий дипломный проект), употребляется *дипломант*, *проектировщик* и *проектант*. В области прилагательных в XIX в.: *порывчатый* и *порывистый*, *отрывчатый* («отрывчатое восклицание») и *отрывистый*, *отчетистый* и *отчетливый*, *волосистый* (Ну, брат, погоди еще, — перебил *волосистый* художник) и *волосатый*. Рядом с *комфортабельный* — *комфортный*: *мёбель...* *мягкая, комфортная*. Рядом с *эластичный* — *эластический*: *...опустившись на эластический шелковый диван*.

Не менее богато параллельное глагольное словообразование (и образование отглагольных существительных) с суффиксальными элементами *-ировать* — *-овать* и *-ывать* — *-ать*. Например, при современном *корректировать* у М. П. Погодина: *статья прокорректирована дважды*; при существовавшем *оправляться* у И. И. Дмитриева: *начал было оправливаться после долговременной болезни*; при существовавшем *оцениваться* у Н. А. Некрасова: *в колдовратный наш век таланты не оцениются*.

Не менее массовы параллели в глагольном словообразовании, связанном с образованием вторичного несовершенного вида от приставочного совершенного на всем протяжении XIX в. и до наших дней, типа *брошю-*

* Письмо П. И. Соколову 16 октября 1803 г. — В кн.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии, т. 7.

ровать — сбросировать — сбросировывать, фасовать — расфасовать, — расфасовывать. Ср., например, у Н. Лескова: *Я оробеваю и пужаюсь при всяком знаке недоверия*. Явления параллельности в глагольном словообразовании вообще очень многообразны. Так, в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. приведены как однозначные слова *соперничать* и *соперничествовать*, *совершенствовать* — *усовершеншать* с совершенным видом *усовершенствовать* — *усовершеншить*. Все формы подтверждаются тогдашним употреблением. *Соперниествуя с Ломоносовым, он (Сумароков) не сознавал в нем гениального человека*, — пишет П. А. Плетнев. *Этот талант усовершеншил он сам собою, чтением теорий и опытом*, — пишет акад. М. Лобанов. У А. Е. Измайлова: *Усовершеншила все, что начато Петром*. Лексическая пестрота усугубляется обилием образованных по продуктивным в данный период словообразовательным моделям новых слов, появляющихся в связи с многообразными потребностями, в том числе и стилистическими, и не всегда четко дифференцированных по значению. Их своеобразие в том, что они обычно не закрепляются в языке, не лексикализуются, не входят прочно в словарный состав, а существуют как живая потенция. Ср. у П. А. Плетнева: *Карамзин и Жуковский, одушевители молодого поколения писателей*. У А. А. Потебни: *Сочинитель или применитель басни сам ясно видит обобщения*, у Л. Н. Толстого: *Когда я выходил, то меня учтиво провожал показыватель*. Внутри словообразовательно параллельных разрядов лексики с недифференцированным значением не все одинаково зыбко, подвижно, неустойчиво. Одни из параллелей на всех этапах развития языка могут представляться лексически равноценными, иные равноценны лишь в известные периоды, иные становятся архаизмами или «неправильностями», иные получают ту или иную стилистическую оценку (ср. *скидывать* и *скидать* в значении несовершенного вида).

Подход к отбору этих разрядов лексики в разных типах словарей не может быть одинаков. Ясно, что краткий словарь нормативного типа включает только одну, активную форму параллели, соотносясь вообще с лексической значимостью параллельных образований. Нормативный словарь среднего типа может расширить круг параллелей включением стилистически отличающихся форм. Большой словарь с исторической перспективой не

может пройти мимо лексики этих разрядов без тщательной оценки исторической роли параллельных форм на разных этапах развития языка. Основным критерием оценки являются прочное наличие тех или иных параллелей в письменных источниках и сравнительная устойчивость той или иной словообразовательной параллели в зависимости от характера основы и суффиксации.

Ясно, конечно, что при наличии семантической дифференциации в параллельных словообразовательных разрядах, углубленной и стилистическими различиями, как, например, *принесение* — *принос* — *приношение*, вопросы отбора для всех типов словарей разрешаются по общему принципу лексической значимости.

Отбор словообразовательно параллельных разрядов лексики облегчается тем, что он тесно связан с грамматическим критерием оценки. Значительно труднее и обычно субъективнее бывает отбор тех слов, употребление которых связано с лингвистическими вкусами общества на разных этапах его развития, с обозначением преходящих явлений общественной жизни, с необходимостью подчеркнуть индивидуальную, своеобразную суть явления. Слои эти чрезвычайно многообразны и требуют специального изучения.

К ним можно отнести прежде всего разряд слов-подёнок, возникающих обычно в разговорной или публицистической речи для обозначения случайных, несущественных явлений быта. Они могут быть очень активны в течение короткого времени; но, представляя собой обычно название по случайному признаку, понятному только в обстановке данного времени, они быстро уходят со сцены. Среди них выделяются, например, названия предметов обихода: *румынки* (название высоких дамских ботинок, существовавшее в первые годы революции), *татьянка* (название дамской шляпы с широкими полями особого фасона, существовавшее в предреволюционные годы и в первые годы революции), *профитка* (род экономичной свечи; название, существовавшее в середине XIX в.)*. Сюда можно отнести и замененные названия явлений, продолжающих существовать, например *американка* (закусочная с высокими столами, за которыми едят стоя, а также небольшая мастерская по ремонту и чистке одежды; название, вышедшее из

* Михельсон М. И. 30 000 иностранных слов.

употребления после войны). К словам-подёнкам можно отнести и многие шутивно-иронические образования вроде *разбайрониться**, *нуделист* в том значении, о котором пишет С. П. Жихарев: *Со времени войны с французами появился в Москве особый разряд людей под названием «нуделистов», которых все занятие состоит только в том, что собирать разные новости, развозить их по городу и рассуждать о делах политических***. В середине XIX в. таких людей уже называли *газетчиками****. Ясно, конечно, что элементы лексики, характеризующиеся как слова-подёнки, не могут иметь места в составе даже словаря большого типа, ибо они — далекая периферия словарного состава. Однако это не значит, что они должны остаться вне лексикологического изучения. Они дают интересный материал для изучения закономерностей развития словарного состава. Собирающие их может войти в задачу особого словаря с историко-бытовыми комментариями.

К словам-подёнкам примыкают слова, возникающие в узких общественных кругах и представляющие собой специфические обозначения тех или иных явлений жизни. Это слова жаргонного типа. Но они могут выходить за пределы узкого круга и на известное время становиться достоянием более широкого употребления. И если они по своим словообразовательным основам имеют тесные и понятные связи с основами словарного состава общенародного языка, то относительная устойчивость их увеличивается. Сюда относятся такие слова дворянско-интеллигентского употребления, как *сластун* (ср. у Д. В. Григоровича: *Боткин взял роль сластуна, брюзгливого и ворчливого статского советника*), *клубничник* (ср. у Ф. М. Достоевского: *ненавижу клубничку и клубничников*). К этой группе жаргонных по происхождению слов принадлежат и многие заимствованные слова, как, например, *пиют*, *вояж*, *фраппировать*, *антураж* и т. п. Словарь большого типа должен с особой внимательностью отнестись к отбору этих слов. Свидетельства современников и правильная оценка общественной значимости слова могут служить критерием отбора. Поэтому понятно, что такие узкие жаргонные слова, как *шикар*

* «Вестник Европы», 1830, № 7, с. 200.

** Жихарев С. П. Записки современника, т. 2, с. 195.

*** См.: Бурдон и Михельсон М. И. Полный словарь иностранных слов. СПб. М., 1885.

в значении «фат» — человек, обладающий шиком*, не могут быть допускаемы и в словарь большого типа. С другой стороны, заслуживают внимания для включения в большой словарь такие слова, которые в последующем развитии словарного состава отпали, но которые, возникнув вне жаргонных условий, были достоянием разговорной речи как меткие обозначения характерных явлений. Таково слово *павлиниться*, включенное в Словарь 1847 г. и в Словарь Даля и естественно не зафиксированное «Толковым словарем» под редакцией Д. Н. Ушакова. Оно прозрачно по своему образованию: обозначение действия или состояния от названия животного, которому приписываются какие-нибудь признаки, свойства (ср. *петушиться*, *собачиться*, *лиситься* и т. п.). В языке жив образ — сравнение хвостуна с павлином, кичливо распускающим хвост**. Его без специфической стилистической установки применяет В. Г. Белинский: *По понятию его быть генералом — значит чваниться и павлиниться перед низшими*.

Такого же внимания в большом словаре заслуживают слова или отдельные значения, которые в последующем развитии словарного состава были по разным причинам вытеснены синонимами. Ср., например, такие пары: *скрепился — сдержался*: *Почти все рассмеялись. Я кое-как скрепился*; *накидка — набросок*: *Любил делать первые накидки своих басен на доскутках*; *усилился — усовершенствовался*: *Первого (французского языка) он не любил, а в последнем (в немецком языке) усилился чтением; язык усилился, уразнообразился*.

Одним из сложных вопросов лексического состава словарей является вопрос о месте специальной терминологии в общих словарях языка. Речь идет главным образом о терминах — отдельных словах, так как составные термины (словосочетания), за исключением вошедших в общее употребление (типа *железная дорога*, *политическая экономия* и т. п.), обычно относятся к сфере узко специального употребления и, как правило, не принимаются в расчет при обсуждении терминологических вопросов в словарях***. Ясно, конечно, что словарь

* Михельсон М. И. 30 000 иностранных слов.

** Ср., например, использование этого сравнения у Н. Г. Чернышевского в письме к И. С. Тургеневу.

*** Впрочем, это является особой проблемой, заслуживающей специального обсуждения.

большого типа должен с возможной полнотой отражать терминологическую лексику. Однако отсюда не следует, что он должен без разбора включать в себя любую терминологию энциклопедических словарей XIX и XX вв., словарей иностранных слов, часто насчитывавших свыше сотни тысяч заимствованных слов в русском языке*. Из терминологии, бытовавшей в словарном составе русского языка с XIX в. и затем отпавшей, в большой словарь должна включаться только та, которая отражала существенные явления в развитии науки, техники, искусств. Таковы, например, старые физические термины *теплород*, *магнетизм*, военные *люнет*, *флеш* или еще памятные, но теперь отпавшие общественно-политические термины *дауэсизация*, *оптант* и т. п. Вряд ли необходим подобный разряд терминологии в общих словарях среднего и краткого типов.

При отборе терминов одного круга понятий обычно стремятся представить в исчерпывающей полноте видовую терминологию данного рода, считая это наиболее обоснованным решением вопроса. Так, если даются слова *квадрат*, *конус*, то должны быть даны все названия геометрических фигур; если есть *сталактит*, то должен быть *сталагмит*; то же относится, скажем, к названиям геологических эр, семейств растений или животных и т. п. Однако вряд ли это можно считать правильным. В действительности не наблюдается совпадения по значимости круга терминов основных и частных понятий науки и техники и круга терминов общего, общенародного употребления, которые только и могут иметь место в общих словарях языка, являясь средством общения вне данной научной или технической сферы. Так, для химии одинаково важна вся терминология периодической системы элементов. Однако с точки зрения лексического обихода общенародного языка, не следует включать даже в большой словарь такие названия элементов, как *актиний*, *ксенон*, *гафний*, *индий* и т. п. Вместе с тем мы знаем, что состав общенизвестных названий элементов расширяется, и при этом расширяется тогда, когда термин выходит за пределы только химической терминологии и становится достоянием таких отраслей техники, знание которых необходимо всем говорящим. Такова

* Словарь Бурдона и Михельсона в издании 1865 г. содержал 30 000 слов, а через 20 лет, в издании 1885 г., уже 115 000 слов! Ясно, что в подавляющем большинстве это были слова-подделки.

судьба таких терминов, как *висмут* и *радий* (применение в медицине), *уран* (в связи с открытием атомной энергии), *неон* (ср. особые осветительные неоновые лампы). Для краткого и даже среднего типа словаря вряд ли необходимо включение термина *недокись* и даже *закись* при наличии *перекиси* и *окиси*. Следовательно, решающим моментом для отбора терминов должна быть не важность термина в системе понятий данной науки или отрасли техники, а его общественная роль.

Таков далеко не исчерпывающий круг вопросов, связанных с отбором лексики в разные типы словарей. В общем задачи формирования словника разных типов ныне существующих словарей сводятся к следующему. Большой словарь включает в себя активный и пассивный запас лексики современного общенародного литературного языка и вышедшую из употребления, но характерную для развития словарного состава лексику. Средний словарь включает в себя активный и пассивный запас лексики современного языка. Краткий словарь обнимает активный запас современной лексики с привлечением той лексики пассивного запаса, которая необходима с той или иной точки зрения для характеристики современного языка.

Один из серьезных и сложных вопросов словарной практики — это вопрос об омонимах. Как бы ни подходить к определению омонима, ясно, что за исключением традиционных омонимов (*ключ*, *печь*, *коса*, *брак* и т. п.) выделение омонимов не может быть одинаковым в разных типах словарей. Словарь, раскрывающий исторические перспективы развития слова, к проблеме омонимов должен подойти иначе, чем словарь живой структуры современного языка. С ростом производных слов, с дифференциацией словоупотребления происходит нарушение былых грамматико-семантических связей, облегчается вычленение омонимов. Для современного языка слово *жалованье* явно распалось на омонимы: с одной стороны это действие по глаголу *жаловать* (слово устарелое), с другой — это синоним слова *зарплата*. Разделение этого слова на омонимы в большом словаре было бы известного рода модернизацией, разрушающей живые семантические связи, ибо в XIX в., судя по употреблению этого слова, в нем сохранялись отпавшие теперь звенья семантического развития слова: от значения действия по глаголу через значение вообще результата действия

к узкому значению предметности (деньги за работу). Аналогична судьба отглагольного существительного *образование*, у которого в современном языке нарушились бывшие грамматико-семантические связи с глаголом и которое уже в новом, омонимическом значении обросло производными. Слова *бега*, *скачки*, образовавшиеся в результате развития омонимии с обозначающими действие по глаголу существительными *бег*, *скачка*, для XIX в. в большом словаре вряд ли могут быть выделены как омонимы, так как они, употребляясь и в единственном числе, были тесно связаны семантически с отглагольными существительными. Ср., например, у Д. В. Григоровича: *представь себе, в последний раз на бегу такой случай вышел; или да что же это наконец такое? и вы не на скачке?*

Особый случай представляют слова, образованные от одной основы, но в разное время и независимо друг от друга и лишенные внутренних семантических связей: *ночник* — ночной извозчик в середине XIX в. и новое — *ночник* — летчик, специалист по ночным полетам; *ударник* — солдат ударных батальонов времен Февральской революции и *ударник* — член ударной бригады на предприятии; *западники* — название представителей одного из общественных направлений XIX в. и *западники* — недавно появившееся слово для обозначения представителей западных империалистических стран. Подобного рода слова в любых типах словарей, по-видимому, должны быть представлены как омонимы.

Классификация и определения значений в словарях разных типов также не могут не иметь серьезных различий. Они достаточно ясны на примере только одной стороны семантической структуры словарей. Активный лексический состав языка, как известно, не остается неподвижным. Он изменяется, развивается. В словах активного словарного состава могут утрачиваться некоторые значения, иногда, может быть, и основные, и на месте основного значения могут выступать новые, образовавшиеся в порядке так называемого сужения значений. Так, в слове *спица* отпало общее значение — заостренная короткая палочка, тычинка и сохранились как основные только значения спицы у колеса и спицы вязальной. Только словарь большого типа должен включить отпавшее ныне значение, тем более, что именно с ним

связано уменьшительное *спичка*, из которого в процессе распадаения сочетания *зажигательная* (*серная, фосфорная*) *спичка* образовался впоследствии омоним.

Вопрос о порядке значений — один из важных в словарной практике. Тенденции приблизить словарь к современности путем выдвижения более актуальных значений на первое место проводится иногда механически. Между тем разные типы значений слов и особенно из активного запаса лексики требуют дифференцированного подхода. В словах, значения которых развились в процессе сужения или расширения значений, легко допустимо выдвижение более актуальных значений. Так, в слове *вера* значение «убежденность» и в XIX в., несмотря на показания словарей того времени, выдвигалось как общее, а значение «религия» как специализированное, суженное. Иное дело в словах, новые значения которых возникали в процессе метафорического, переносного применения основного значения. Нарушение исторического порядка значений в таких словах, как, например, *жертва* ведет к искажению семантической перспективы и разрушает очевидные семантические связи с фразеологическими выражениями и производными словами. Эти соображения особенно существенны в словаре большого типа.

Новые в системе литературного языка слова, с XIX в. входившие в активный запас лексики, имеют свою семантическую историю. Следует ли в большом словаре давать в исторической последовательности значения таких слов, как *быт, класс, пролетариат, нация*? Ведь современное значение слова *быт* оформилось в первой четверти XIX в., современные значения слов *класс, пролетариат* оформились окончательно в марксистской литературе, хотя и применялись значительно раньше в русском языке. Современное значение слов *нация, народность* оформилось в процессе разработки большевистской партией национального вопроса. А для времени Даля, да и позднее, слово *нация* лишь входило в общий синонимический ряд со словами *народ, народность, национальность*. В период своей «предыстории» слова этого типа не имели четких семантических границ. Поэтому наиболее целесообразным было бы в качестве основного значения выдвигать то, которое оформилось как значение общенародного языка, а те оттенки или значения,

которые предшествовали этому, должны оговариваться особо.

Требуют дальнейшего уточнения и исследования вопросы стилистической классификации слов. По-видимому, в большом словаре, отражающем историческое развитие современной лексики, следует отказаться от оценочной стилистической характеристики. Она очень изменчива и неоднородна для разных этапов исторической действительности, и существующая стилистическая номенклатура, приуроченная к живой структуре языка нашего времени, приводит нередко к искажению в перспективе стилистического развития.

Уточнения требуют и вопросы грамматической, произносительной и акцентологической характеристики слова. Показ грамматического и звукового оформления слова и синтаксических возможностей его приобретает огромное значение для словаря. Чем точнее указания словаря в этом отношении, тем лучше он выполняет свою роль. Особенно важен для словаря показ лексических и фразеологических единиц, представляющих собой материал для несвободных, принудительных лексических связей. Сюда относятся, например, слова с ограниченной сочетаемостью или лексически застывшие синтаксические связки (*с тем, чтобы; так что* и т. п.), слова с индивидуальной морфологической и акцентной характеристикой, не учитываемой грамматиками (например, *прошел одну версту* и *прошел с вёрсту, сёстрам, по всем сестрам по серьгам, судьбы народа, по каким судьбам* и т. д.). Словарь, рисующий историческую перспективу, должен с возможной полнотой показать развитие лексики в этом отношении, тем более, что в процессе роста несвободных или «индивидуальных» сочетаний в последующие эпохи выкристаллизовываются новые значения слов.

Для характеристики оформления разных типов словарей в акцентологическом отношении можно указать такой пример. В большом словаре для форм настоящего времени от глагола *варить* (*варить* — *ва́ришь*) должна быть отмечена историческая последовательность в произношении их от Пушкина до наших дней. В словаре, учитывающем стилистическое многообразие литературной речи, должна быть указана форма *ва́ришь* как устарелая. В строго нормативном кратком словаре эта устарелая форма может отсутствовать.

Лексикографическая кодификация словарного состава современного русского языка, осуществленная в разных типах словарей с различными структурами, основанными на изучении исторической динамики развития современного литературного языка, открывает широкие перспективы. Подобные словари, прежде всего, являются мощным средством распространения углубленных знаний о русском языке, о его богатстве и выразительности, средством, облегчающим непосредственное общение между братскими народами Советского Союза, мощным средством для повышения культуры речи. С другой стороны, словари современного языка, построенные на правильных методологических основах, создадут надежную материальную базу для исследования закономерностей развития словарного состава. Доведение до конца словаря древнерусского языка и создание словаря литературного языка XVIII в. позволят поставить на твердую почву историческое изучение русской лексики.

О СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

(В СВЯЗИ С ПРОЕКТОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА)

I

Интерес к собиранию и изучению выразительных средств русского языка возник задолго до появления термина «фразеология».

§ 1. Наиболее яркие выразительные средства — пословицы и поговорки — раньше всего привлекали к себе внимание. Рукописные сборники их известны с XVII века. Первый же печатный сборник — «Собрание 4291 древних российских пословиц» (М., 1770) — издан известным профессором Московского университета А. А. Барсовым*. Следующий обширный свод их составлен И. М. Снегиревым («Русские народные пословицы и притчи», М., 1848). Эта работа по собиранию и изданию пословиц завершается капитальным трудом В. И. Даля «Пословицы русского народа» (М., 1862,

* Симон П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. СПб., 1899, вып. I, с. 6.

изд. 2-е, СПб., 1879). Сборник И. И. Иллюстрова «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» (изд. 3-е, М., 1915) в общем не вышел за пределы материалов В. И. Даля, как и издававшиеся в разное время отдельные тематические или местные сборники.

Сборник С. В. Максимова «Крылатые слова» (СПб., 1890) носит более широкий характер, так как включает и различные народные речения и выражения, не являющиеся пословицами и поговорками в точном смысле этого слова. Однако именно интерес к пословице и поговорке как проявлению народной мудрости и привел С. В. Максимова к изучению непословичных народных речений. Он, по его словам, занимался «теми мимолетными разговорными, так сказать, летучими и крылатыми словами и ходячими выражениями, которые исключительно принадлежат отечественной речи, имеют корень в русском разнообразном мире и даже получили значение народных пословиц и поговорок»*. Он разъясняет, не всегда впрочем, на уровне научных представлений своего времени, происхождение отдельных слов с переносными значениями (*подноготная, алтынник, прсюрдо-нить, галиматья*), фразеологических единиц (*тянуть канитель, заткнуть за пояс*), пословиц и поговорок (*ни кола ни двора, гол как сокол*), исторических анекдотов, зафиксированных в каком-нибудь выражении (*ищи на Кокуй, казанский сирота*). Пестрый по составу сборник ограничен и по количеству имеющегося в нем материала. С легкой руки С. В. Максимова термин «крылатые слова» (при своем появлении в Германии имевший точное значение — выражения из литературных источников или исторических документов (цитаты), получившие обобщающий смысл в общей речи**) приобрел значение распространительное и стал употребляться для обозначения всех явлений языка, имевших ту или иную степень выразительности.

Получившие широкую известность сборники М. И. Михельсона «Ходячие и меткие слова» (два издания) и сборник «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» (в двух томах) далеко выходит за пределы материалов С. В. Максимова.

* Максимов С. В. Крылатые слова, с. 6.

** Такое значение термина укрепилось после выхода в 1864 г. книги немецкого ученого Г. Бюхмана «Geflügelte Worte».

Фразеология трактуется здесь весьма расширительно. В нее включаются любые словесные средства, представляющие собой не прямые обозначения явлений. В область фразеологии попадает все, что выражено «иносказательно, обиняками, намеками, сравнениями с подходящими по смыслу образными словами или даже целыми изречениями в виде отдельных фраз, пословичных выражений, поговорок, пословиц и общеизвестных цитат»*. Естественно, что к числу словесных средств, нуждающихся в раскрытии внутренней формы или просто объяснении, отнесены всевозможные местные, областные или жаргонные слова, а также слова заимствованные, встречающиеся в литературе.

В тридцатых годах вышло два сборника под названием фразеологических: В. З. Овсянникова** и С. Займовского***. И тот и другой в принципах своего составления ничем не отличаются от сборников М. И. Михельсона. Они пополнены новыми современными, возникшими в наши дни, выражениями (часто сомнительными по своей устойчивости), но во много раз беднее сборников М. И. Михельсона.

Особое место занимает книга Н. С. и М. Г. Ашукиных, представляющая собою собрание «крылатых слов» в собственном, классическом смысле, т. е. выражений, имеющих своим источником литературные тексты, исторические документы и мифологические события****. Это первый сборник, ясно очерчивающий границы и состав «крылатых слов» русского языка*****.

§ 2. Толковые словари русского языка, начиная со «Словаря Академии Российской» и кончая выпусками «Словаря русского языка» шахматовской редакции, не дают материала, по которому можно было бы судить о понимании объема и состава фразеологии. Ранние академические словари сравнительно в редких случаях приводят фразеологические единицы и преимущественно

* Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии, т. 1. СПб. (год издания не указан), с. 4.

** Овсянников В. З. Литературная речь. Толковый словарь современной общелитературной фразеологии. М., 1933.

*** Займовский С. Крылатое слово. М., 1930.

**** Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1955.

***** См. мою заметку «О крылатых словах» в № 2 журнала «Вопросы языкознания» за 1957 год (перепечатана в настоящем издании. — Примеч. сост.).

тогда, когда те или иные сочетания слов, обычно терминологического характера, нуждаются в особом толковании. Поздние академические словари, не выработав принципов, касающихся объема, состава и структуры фразеологии, широко развили практику показа фразеологических единиц языка. Они приводят, обычно с большой полнотой, в качестве характеристики употребления данного слова, все возможные сочетания слов с данным словом в тех случаях, когда они образуют или сложные термины, или реализуют несвободные значения данного слова, или имеют переносный характер; с этой же целью приводятся в качестве устойчивых сочетаний поговорки, пословицы и тому подобные выражения. Инструкция по редактированию академического словаря в «Проекте словаря современного русского литературного языка» (М. — Л., Изд-во АН СССР, 1938) не предлагает ничего нового по сравнению со сложившейся практикой показа лексически связанного употребления толкуемого слова. «Словарная статья, — говорится в § 86, — включает в себя все фразеологические особенности употребления слова в речи, в сочетаниях данного слова с другими словами, в стабилизовавшихся выражениях всякого рода». Также, «как материал для краткого и ясного указания значения слов» (§ 87), помещаются пословицы, поговорки и другие выражения. Новый четырнадцатитомный академический «Словарь современного русского литературного языка»¹ следует в общем этой инструкции и практике выпусков академического «Словаря русского языка» шахматовской традиции. В I (1950), II (1951) и III (1954) томах широко понимаемый фразеологический материал приурочивается к тем или иным значениям слова вперемежку со свободными словосочетаниями, часто встречающимися в речевой практике. Вышедший в 1955 г. IV том занял другую позицию. Собственно фразеология здесь занимает уже самостоятельное место, что подчеркивается и тем, что она выделяется особым шрифтом. Фразеологические единицы, связь которых со значениями толкуемого слова не очевидна, выносятся за пределы лексических значений в особый раздел, в конец статьи, по примеру ушаковского словаря.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова толкование фразеологии выдвигает как самостоятельную задачу и до известной степени уточ-

няет круг самой фразеологии. «После толкования значений слова, — пишется в предисловии к I тому словаря, —...приводятся и объясняются ходячие целые выражения, заключающие в себе это слово с таким значением, которое отличается от всех указанных выше и встречается только в этом выражении» (§ 11). В этой формулировке, говорящей, что выражение помещается под тем словом, которое создает смысловую специфичность выражения, содержится косвенное указание на ограниченность объема фразеологии. Однако в самом словаре эта строгая, но слишком общо сформулированная точка зрения на объем и расположение в словаре фразеологии понимается значительно шире, в соответствии с реальным многообразием типов фразеологических единиц и устойчивых сочетаний. Словарь широко включает и такие выражения, в которых опорное слово, несмотря на своеобразие выражения в целом, может полностью совпадать со значениями толкуемого слова. Вообще же «Толковый словарь» под редакцией Д. Н. Ушакова более узко и более определенно, чем это было в академической традиции, понимает объем фразеологии. В нее, как правило, включены те языковые единицы, которые впоследствии акад. В. В. Виноградовым, принимавшим непосредственное участие в создании словаря и оказавшим значительное влияние на состав и весь характер его, были определены как фразеологические сращения и фразеологические единства.

Практика «Толкового словаря» под редакцией Д. Н. Ушакова, сделавшая фразеологию самостоятельным разделом словаря, и исследования акад. В. В. Виноградова о фразеологических единицах оказали положительное влияние на последующую лексикографическую практику в отношении фразеологии. Фразеология становится предметом особого внимания. «Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в трех томах)», изданная Институтом языкознания АН СССР (М., 1953), посвящает фразеологии специальный раздел. Инструкция для составления большого академического словаря русского языка, заново переработанная в 1951—1952 гг., в установках по отношению к фразеологии, за исключением мелких деталей, касающихся преимущественно расположения, почти целиком совпадает с соответствующим разделом инструкции для составления трехтомника². Как и в

«Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова, в специальный раздел выносятся фразеологические единицы, определяемые акад. В. В. Виноградовым как фразеологические сращения и единства, а фразеологические сочетания сохраняются в качестве иллюстраций к соответствующему значению слова. Нет, как и в «Толковом словаре», существенных ограничений принципиального характера для помещения в качестве фразеологии пословиц, поговорок, «крылатых слов», сложных терминов.

Возможно, что для толковых словарей языка такое расширенное понимание фразеологии и является оправданным. Ведь их главная задача — показать все многообразие употребления и применения отдельного слова во всех возможных (или пущих) семантических оттенках и фразовых окружениях. Основной объект толкового словаря — отдельное слово.

По-видимому, иначе должны решаться вопросы фразеологии в фразеологическом словаре. Его объект — не отдельное слово, а сочетание слов с единым целостным смыслом. Поэтому задачи фразеологического словаря не могут не отличаться от задач толкового словаря в отношении фразеологии. Выполнение этих задач требует уяснения прежде всего таких вопросов, как объем фразеологии, структурные типы фразеологических единиц.

II

§ 3. Несмотря на то, что вопросы фразеологии, под влиянием главным образом исследований акад. В. В. Виноградова, привлекают к себе внимание лингвистов, они в большинстве случаев не получили удовлетворительного решения. Прежде всего это относится к основному вопросу — пониманию объема фразеологии. По-видимому, само слово «фразеология» не стало еще подлинным термином благодаря тому, что оно бытует в языке, покрывая собой многообразные явления, сливаясь иногда с термином «идиоматика» или противопоставляясь ему. Для советского языкознания — обобщая многообразие мнений — характерны две, в основном, точки зрения на объем понятия фразеологии.

Согласно наиболее распространенной точке зрения, отражающей обиходное понимание фразеологии, к ней относится любое словесное сочетание, обладающее той

или иной степенью устойчивости. «Фразеология обычно начинается там, — пишет, например, А. И. Ефимов, — где свободное лексическое значение слова заслоняется фразеологически связанным, понятным из всего словосочетания, и тогда, когда какое-либо словосочетание становится повторяемым, общеизвестным, «крылатым», отличающимся образностью, возможностью переносного употребления и т. д.»*. В этом определении смешиваются и объединяются структурные и функциональные признаки фразеологии. Объем фразеологии беспредельно расширяется, так как фразеологическая связанность характерна для подавляющего количества нашей лексики, а возникновению переносности и образности словесных сочетаний в художественной, да и в коммуникативной речи не может быть поставлено границ. Действительно, с этой точки зрения к «фразеологическим средствам» относятся не только идиомы, но и поговорки, пословицы, афоризмы писателей, крылатые строки стихотворений, устойчивые формулы и обороты научно-терминологического характера, некоторые канцелярские штампы, производственно-технические выражения и т. д.**

Естественно, что в кругу этих представлений не делается попыток структурно-языкового анализа так широко понимаемой фразеологии. Исследуются лишь ее функции как выразительного средства — эстетические или стилистические в художественной, публицистической и иных формах речи. В кругу этих представлений для нужд стилистического анализа или в интересах истории языка популярными являются исследования происхождения отдельных слоев фразеологии, своего рода фразеологическая этимология. Изучаются кальки с других языков, литературные, исторические, социальные, профессиональные и прочие источники отдельных речений.

Основным языковым критерием фразеологичности того или иного словесного выражения традиционно выдвигается здесь критерий непереводимости или невозможности точного перевода на другие языки. «Идиоматические словосочетания — это своеобразные выражения определенных языков, являющиеся по своему употреблению цельными и едиными по смыслу, обыкновенно не поддающиеся точной передаче на другие языки и

* Ефимов А. И. Об изучении языка художественных произведений. М., 1952, с. 63.

** Там же, с. 68.

требующие при переводе замен сходной стилистической окраски», — пишет Л. А. Булаховский. И далее: «говоря о фразеологизмах, надо по отношению к пословичному и особенно поговорочному материалу иметь в виду, что при переводе на иностранные языки и этот материал часто требует не передачи в точном соответствии содержанию цитируемого выражения, а подыскания бытующего в языке, на который переводят, близкого по смыслу выражения»*. Критерий этот бесспорный, но он является лишь внешним следствием особенностей языковой структуры фразеологии. Несомненно, что он позволяет придать форму лингвистического оправдания расширения границ фразеологии, в которую, кроме идиоматических словосочетаний (куда входят те явления, которые названы акад. В. В. Виноградовым фразеологическими сращениями, фразеологическими сочетаниями, фразеологическими единствами), включаются и фразеологические единицы, «обычно разложимые в смысловом отношении словосочетания, но закрепившиеся в языке как материал ходовой цитации (пословицы, поговорки, удачные выражения писателей, ставшие «крылатыми» слова и т. п.) и потому получившие известную цельность»**. Практическое приложение своей классификации Л. А. Булаховский видит в создании специальных идиоматических и фразеологических словарей. Однако приводимые им образцы — словарь А. А. Сырейшиковой («Идиоматика французского языка на основе лексических гнезд». М., 1948) и упоминавшийся словарь М. И. Михельсона — вряд ли удачно иллюстрируют мысль о возможности обосновать на практическом материале предлагаемые Л. А. Булаховским определения фразеологии***.

Критерий непереводаемости на другой язык как универсальный критерий для выделения фразеологических явлений восходит, как известно, к традиционному, старому, ставшему школьным, западноевропейскому учению об идиомах — местных, диалектных явлениях языка, противопоставляемых общему языку по каким-нибудь

* Булаховский Л. А. Введение в языкознание, ч. 2. М., 1953, с. 33 и 34.

** Там же, с. 34.

*** Там же, с. 147—149. Но значительный шаг вперед в отношении понимания объема фразеологии представляет собою «Англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина (М., 1955).

особенностям передачи мысли, не свойственным общему языку. Это учение переносилось и на явления какого-нибудь данного языка, не поддающиеся прямой передаче средствами другого языка. Учение об аргю, жаргонах значительно расширило круг таких явлений. К ним иногда присоединялась и заимствованная лексика, и выражения, не находившие прямых словесных параллелей в данном языке. Все «индивидуальное», т. е. свойственное диалекту, аргю, жаргону в отличие от общего языка, все «индивидуальное», т. е. свойственное только какому-нибудь одному языку в отличие от другого заносилось в разряд идиоматики, фразеологии, будь то отдельные слова или целые выражения. М. И. Михельсон исходил, как мы видели, именно из этих представлений, когда составлял в конце XIX в. свой фразеологический словарь.

Этот же идиоматический принцип, прямолинейно проведенный, послужил А. А. Реформатскому теоретическим основанием для классификации лексики в его книге «Введение в языкознание» (М., Учпедгиз, 1955). В лексике противопоставляются два полюса: термины и идиомы. «Термин в идеале максимально абстрактен, однозначен, стоит вне экспрессии, международен (разрядка моя. — С. О.), логичен и систематичен. Идиома — конкретна, зачастую многозначна, индивидуальна, принадлежит только данному языку (разрядка моя. — С. О.), порою алогична, зато экспрессивна»*. Идиомы буквально непереводамы. Это их главный признак. Поэтому состав идиоматики необычайно широк и включает в себе все явления языка, рассматриваемые традиционно как выразительные средства. Это и лексикализованные сочетания, куда входят явления, определяемые акад. В. В. Виноградовым как фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания, это и отдельные слова с переносным значением (пример — *заяц* в значении «безбилетный пассажир»), это, наконец, и поговорки, пословицы, ходячие языковые формулы, «крылатые слова», прибаутки и т. п. Различается идиоматика и фразеология. К последней относятся «слова и словосочетания, специфические для речи разных групп населения, по классовому или профессиональному признаку, для

* Реформатский А. А. Введение в языкознание, с. 95.

литературного направления или отдельного автора»*. Таким образом, А. А. Реформатским к мещанской, например, фразеологии относятся уменьшительные существительные (*закусить бутербродиком с колбаской*), народные этимологии (*спикжак*), фразеологические идиоматизмы (*покрыть лачком*) и т. д. Словоупотребления жаргонов и аргó тоже включаются в область фразеологии, например наречия *кпереди, кзади*, выражение *проделать психоз* — в речи медиков, фраза *взять ферзя конем* — в речи шахматистов, фраза *висит на хвосте по зрячему* — в речи охотников, французские слова и фразы *pardon, merci, passez moi le mot* — в дворянской речи и т. п.

Традиционное, обиходное понимание идиоматики в фразеологии, особенно ярко обнаруживающееся в книге А. А. Реформатского, беспредельно расширяет объем фразеологии включением в ее состав самых разнородных языковых явлений, объединенных в основном лишь внешними, не структурными для языка признаками — непереводимостью, индивидуальностью, своеобразием выражения. Тем самым объект изучения становится неопределенным, и полностью снимается задача лингвистического анализа фразеологии, определения ее границ и структуры. Впрочем, это признает и А. А. Реформатский, говоря, что при таком изучении возникает лишь вопрос «о выборе и использовании лексических средств» и что, следовательно, изучение их «отходит в область стилистики»**.

§ 4. Вторая точка зрения, сформулированная в советском языкознании акад. В. В. Виноградовым, открывает возможности для более отчетливого определения понятия объема фразеологии как особого явления языка на современном историческом этапе его развития***.

* Реформатский А. А. Введение в языкознание, с. 96.

** Там же, с. 97.

*** Б. А. Ларин в статье о систематизации и методах исследования фразеологических материалов, излагая взгляды Ш. Балли и В. В. Виноградова, приходит к заключению, что главным недостатком существующих классификаций фразеологии является построение их на материалах современного литературного языка. Он не видит необходимости структурного анализа современной фразеологии, которая является, как известно, продуктом исторического языкового развития, и предпочитает изучение лишь ее функций в современном языке, что, как он говорит, «лежит всецело в области стилистики» (с. 224). Он за создание исторической фразеологии. Однако принципы ее, выведен-

Специально он нигде не останавливается на этом вопросе. Однако устанавливаемые акад. В. В. Виноградовым на основе семантического анализа словосочетаний структурные категории фразеологических явлений — фразеологические сращения, представляющие собой неразложимые застывшие словосочетания, эквивалентные слову, фразеологические единства, представляющие собой продукт семантического или иного преобразования словосочетаний, и фразеологические сочетания, представляющие собой реализацию в словосочетании слов с несвободным значением, — с полной очевидностью показывают, каков в его понимании объем фразеологии. Это — те явления языка, которые возникают в результате специфического семантического развития лексических средств в определенных синтаксических и стилистических условиях. Правда, не всегда ясно проведены границы между отдельными категориями. Отчетливо обнаруживаются языковые структурные признаки фразеологических сочетаний и отчасти фразеологических единств, хотя последние и включают в свой состав явления, объединенные в эту категорию по разным признакам. Выпадают из этой классификации фразеологические сращения, выделение которых основано не столько на структурных, сколько на исторических признаках. Справедливость этого подтверждается приводимыми В. В. Виноградовым примерами для показа зыбкости границ между категориями. Материал, привлекаемый для исследования, и классификация его показывают, что пословицы, поговорки, «крылатые слова», различные изречения и т. п. стоят вне тех явлений, которые рассматриваются акад. В. В. Виноградовым как фразеологические*.

Иные из анализа ряда примеров из истории языка, остаются неясными и не всегда историчными, так как опираются на классификации, созданные на почве современного языка (Ларин Б. А. Очерки по фразеологии. — «Ученые записки ЛГУ», серия филологических наук, вып. 24. Л., 1956).

* В. А. Архангельский в своей статье «Некоторые вопросы русской фразеологии в связи с историей ее изучения» («Ученые записки Ростовского-на-Дону госуд. пед. ин-та», вып. 4 (14), 1955, с. 65 и 69) утверждает, что акад. В. В. Виноградов включает пословицы, поговорки, афоризмы и т. п. в состав фразеологических явлений языка. Но это основано на недоразумении, так как В. А. Архангельский, утверждая это, использует примеры, приводимые акад. В. В. Виноградовым в его книгах «Стиль Пушкина» и «Очерки по истории рус. лит. языка XVII—XIX вв.» для показа стилистического обогащения языка писательскими афоризмами и народными изречениями.

Взгляды акад. В. В. Виноградова плодотворно развиваются рядом исследователей в диссертациях и специальных работах. Особенно это относится к работам, посвященным исследованию синтаксических функций фразеологических единиц. Однако для нужд фразеологического словаря, главным образом для уяснения принципов расположения материала, следовало бы пересмотреть и уточнить некоторые положения о категориях фразеологических явлений.

III

§ 5. Зыбкость, неопределенность и многообразие в понимании объекта фразеологических исследований сопряжены с такой запутанностью терминологии, какой нет, вероятно, ни в одном разделе лингвистики. Она создавалась и в плане стилистического рассмотрения явлений, и в плане языковых взаимоотношений (вопросы идентичной передачи), и в плане структурного осмысления явлений.

Достаточно сравнить терминологию в книгах по общему языкознанию Л. А. Булаховского³, который под идиоматикой понимает то, что у В. В. Виноградова называется фразеологическими сращениями, единствами и сочетаниями, а под фразеологией ходовую цитацию, пословицы и т. п., и А. А. Реформатского⁴, который в идиоматике объединяет то, что Л. А. Булаховский называет идиоматикой и фразеологией, а в фразеологию включает явления профессиональной, жаргонной, художественной речи. Сходные явления у разных исследователей носят самые разнообразные наименования: фразеологические обороты, выражения, устойчивые сочетания, идиомы и т. д. В качестве основного, родового термина для обозначения собственно фразеологических явлений следует предпочесть термин фразеологическая единица. Термины акад. В. В. Виноградова — фразеологическое сращение, фразеологическое единство и фразеологическое сочетание — можно было бы рассматривать как видовые. Идиома — один из семантических видов фразеологической единицы, примерно соответствующий фразеологическому сращению. Кажется, что от всех других многочисленных терминов можно было бы отказаться, если они не используются для обозначения каких-нибудь специфических явлений-разновидностей.

Устойчивые словесные сочетания, бытующие в речи, разнородны по строению и по характеру использования в языке. Их объединяет только одно общее — это их устойчивость. Отсюда они так легко объединяются общим именем фразеологии. Но одни из них обладают определенными структурными особенностями и являются, наряду с отдельными словами, средствами построения предложений или элементами предложений. Подобные устойчивые словесные сочетания, фразеологические единицы языка, можно назвать фразеологией в узком смысле. Другие устойчивые словесные сочетания, не обладающие указанными признаками, можно назвать фразеологией в широком смысле. При этом следует иметь в виду, что эти фразеологические стихии тесно взаимодействуют в своем историческом развитии, в процессе использования в речи.

§ 6. Фразеология в широком смысле многообразна. Значительный слой ее — «крылатые слова» в классическом смысле.

«Крылатые слова» — любые отрезки контекста с законченным смыслом, употребляющиеся в речи как цитаты. Такого же рода всевозможные афоризмы, фразы, извлеченные из контекстов или составленные на основе каких-нибудь контекстов и ставшие ходовыми для цитирования. Их синтаксическая структура индивидуальна в том смысле, что она не имеет своих специфических черт: это может быть целое предложение любого типа, сложные предложения, кусок сложного или простого предложения. Совпадения в структуре не характерны для них как устойчивых выражений. «Крылатые слова», включенные в речь, могут быть и синтаксически независимы, и входить составным элементом в синтаксическое целое. Индивидуальность, смысловая насыщенность и выразительность «крылатого слова» неотделима от ассоциации с контекстом произведения, с исторической эпохой, породившей выражение. Таковы, например, пушкинские: *Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний!*; *жизни мышья беготня*; крыловские: *а Васька слушает, да ест*; *избави бог и нас от таких судей и что за счеты*; грибоедовские: *времен очаковских и покоренья Крыма*; *что станет говорить княгиня Марья Алексевна* или *как дошла ты до жизни такой* (Некрасов); *И ты, Брут!* (Шекспир); *Жизнь есть деяние* (М. Горький); *Человек — это звучит гордо* (М. Горький)

и т. п. Таким образом, отсутствие специфических «своих» структур, как бы «случайность» этих структур для системы языка и специфичность по характеру значений выводит «крылатые слова» из области собственно фразеологии языка. Они не могут являться объектом лингвистического изучения. Они и изучаются с точки зрения функционирования в речи, как выразительное, стилистическое средство.

Однако не нужно думать, что вся масса «авторской» фразеологии отделена каменной стеной от фразеологии языка. Часто в процессе употребления «крылатое слово» утрачивает оттенки, связывающие его с представлениями об авторе, о колорите контекста или эпохи. В этих случаях, особенно при совпадении с синтаксическими формами и функциями фразеологии языка или при некоторой синтаксической трансформации, «крылатые слова» входят в ряды собственно фразеологии. Так, например, только начитанность в произведениях может подсказать «авторство» выражений *пошла писать губерния, галантерейное обхождение, дачный муж, человек в футляре* и даже таких новых, как *путевка в жизнь* (ср. в XIX веке *подорожная в жизнь*). Лишены всякого библейского колорита в содержании такие выражения, как *почить от дел, во время оно, камень преткновения, бездна премудрости, камня на камне не оставить, грехи молодости, бросить камень в кого-н., умыть руки, избивание младенцев, как зеницу ока беречь* и т. п. Сближение со структурой собственно фразеологии и приобретение «обобщенного» значения, уже не связанного принудительно со значениями контекста, из которого они вышли, делает бывшие «крылатые слова» фразеологическими единицами языка.

§ 7. Пословицы, поговорки и подобные им словесные сочетания, объединяемые обычно как произведения народного творчества с присущими им жанровыми и художественными особенностями*, также занимают особое место в общей массе устойчивых сочетаний. Их синтаксические структуры, при всем их многообразии**, являются приметной и неотделимой особенностью жанра. Ср. *Тише едешь — дальше будешь; Лес рубят — щепки*

* Ср., напр., Потебня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня, пословица, поговорка. Харьков, 1894, лекция 6-я.

** Ср., напр., Глаголевский П. Синтаксис языка русских пословиц. Журнал Мин. Нар. Просвещ., 1871, 7.

летят; Снявши голову, по волосам не плачут; Белые ручки чужие труды любят; Седина в бороду, а бес в ребро; Чем богаты, тем и рады; Своя рубашка ближе к телу; Руки в боки, глаза в потолоки. Типичность языковой структуры этого жанра позволила, например, М. Горькому создавать пословицы и поговорки, по яркости и выразительности не уступающие народным *Злоба, что лед, до тепла живет* (Детство, гл. XV); *В своей норе и хорек хорош* (Детство, гл. V); *Сеяли семя в непахану землю* (В людях, гл. III); *Кто мал, да слаб, тот ни в рай, ни в ад* (В людях, гл. VII). Любые из горьковских пословиц и поговорок — при благоприятных условиях, подобно народным — могли бы стать употребительными и ходовыми. Пословицы и поговорки выходят за пределы собственно фразеологии языка и, подобно «крылатым словам», не являются элементом системы языка. Они имеют ту или иную законченную синтаксическую структуру предложения, элементы которого состоят из свободных, закономерных для языка словосочетаний и, следовательно, синтаксически членимы. Они содержат законченную мысль, как и любое синтаксически членимое предложение. Их смысловая особенность состоит лишь в том, что принадлежит к определенной сфере художественных произведений, они воспроизводятся в речи как готовые устойчивые единицы со специфической стилистической функцией.

Вместе с тем, подобно «крылатым словам», пословицы и поговорки являлись и являются источником пополнения фразеологии языка. Пути эти многообразны. Однако главнейший из них — утрата специфики жанра, связанная с трансформацией синтаксической и с наполнением словосочетания как бы обобщенными смысловыми оттенками пословицы и поговорки. Ср., например, *убил бобра* (из *не убить бобра, не видать добра*) и *стреляный воробей* (из *стреляного воробья на мякине не проведешь*).

§ 8. Расширяя понятие фразеологии, к ней причисляют индивидуальные типические особенности словопользования, словосочетания и фразообразования в творчестве отдельных писателей или, преимущественно, в произведениях тех или иных литературных направлений и школ, а также фразовые особенности речи отдельных социальных слоев, профессиональных групп. В этом смысле говорят о фразеологии, например, Карамзина

или романтиков, символистов и т. п. Однако лишь немногие даже из популярных для своего времени или литературного направления словосочетаний и фразовых сцеплений входят в собственно фразеологию языка. Для этого необходимо приобретение этими фразовыми сцеплениями «обобщенного» смысла и закрепление в структурах, свойственных фразеологическим единицам. Так, из многообразных описательных оборотов со словом *цвет*, свойственных школе Карамзина и поэзии начала XIX века (*от цвета жизни до седин, надежды цвет, во цвете пылких юных лет* и т. п.), во фразеологию языка вошло лишь выражение *во цвете лет*.

Таким образом, «крылатые слова», пословицы и поговорки, сказочные формулы, исторические афоризмы, анекдоты и другие многообразные творческие произведения, лишь разлагаясь на элементы, утрачивая структурные признаки жанра, уподобляясь структурно фразеологическим единицам, становятся достоянием собственно фразеологии языка.

IV

§ 9. Что понимать под структурными особенностями фразеологических единиц?

Любые словесные сочетания, как и отдельные слова, возникая в процессе коммуникативной речи, служат для обозначения каких-то отрезков действительности или для выражения отношения к ней. Как отдельные слова, так и определенные словесные сочетания закрепляются в языке тогда, когда они удачно, с точки зрения общественной практики, выполняют свою задачу обозначения отрезков действительности. В последнем случае сочетания, как и отдельные слова, могут становиться устойчивыми, легко воспроизводимыми. При этом большинство словосочетаний обладает единым целостным смыслом.

Все ли устойчивые словосочетания являются единицами фразеологическими? Словосочетания *железная крыша, пить чай, каменный дом* и т. п. несомненно устойчивы в языке в том смысле, что они легко создаются в процессе речи, как закрепленное обозначение обычных для говорящего, типичных отрезков действительности. Все подобные словосочетания могут быть настолько закреплены в речевом обиходе, что о них можно говорить как о воспроизводимых, а не каждый раз создаваемых в потоке речи. С этой точки зрения как будто

любое такое словосочетание, как семантически цельное прямое или опосредствованное отражение действительности, может стать фразеологической единицей*.

Однако это не так. Кроме устойчивости (т. е. общественно оправданной общности для обозначения отрезка действительности), словосочетание должно обладать и другими признаками для того, чтобы стать фразеологической единицей. Дело в принципиальной, структурной разнице выражения целостного смысла, определенного понятия. Могут быть разные способы обозначения. Одни словосочетания (или иные любые словесные сочетания) передают целостный смысл сочетанием таких слов, которые полностью сохраняют свои прямые значения и, следовательно, отчетливые синтаксические отношения (определения и определяемого, дополнения и дополняемого и т. п.). Смысл и синтаксическая структура их членимы и индивидуальны. Другие словосочетания представляют собою такие сочетания слов, когда на «предмет» непосредственно направляется все сложное образование в целом. В таком словосочетании смысловая индивидуальность слов нарушается, их смысловая связь становится взаимообусловленной и вместе с тем синтаксическая членимость как бы вуалируется, синтаксический характер отношений слова внутри словосочетания (определение, дополнение, обстоятельство и т. д.) становится менее существенным, менее важным для понимания целостного значения словосочетания. Приобретение единого смысла и несущественность характера синтаксических связей слов для значения целого и делают словосочетание фразеологической единицей, в которой цельность значения господствует над синтаксической раздельностью. «Фразеологические единицы выделяются семантической мо-

* «Семантическая целостность, — справедливо заключает В. П. Сухотин, — и частота употребления разного рода словосочетаний служит постоянно действующим источником новых качественных преобразований и непрерывного пополнения лексико-фразеологического состава языка большим количеством новых слов, неразложимых сочетаний и фразеологизмов. Количество, употребительность и разнообразие этих единиц в каждом языке настолько значительны, что без специального изучения их вряд ли возможно удовлетворительное знание языка как в теоретическом, так и в практическом отношении» (Сухотин В. П. Проблема словосочетания в современном русском языке. — В сб.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». Под ред. акад. В. В. Виноградова. М., 1950, с. 153).

нолитностью, не отличаясь по форме от обычного, или «свободного», словосочетания»*. С этой точки зрения вопрос о выводимости или невыводимости значения фразеологической единицы из суммы лексических значений слов-компонентов является второстепенным. Таким образом, основной структурной особенностью фразеологической единицы языка, в отличие от свободного сочетания, является ее строение, отвечающее законам (существующим или уже исчезнувшим) соединения слов в словосочетания (или предложения) в данном языке, и целостный смысл, возникающий в результате ослабления прямых лексических и синтаксических отношений в словосочетании. Фразеологические единицы, различаясь в степени семантической монолитности и устойчивости, являются такими цельными языковыми единицами, которые как бы соотносительны с отдельным словом по своей номинативной функции и подобно слову могут выполнять аналогичные отдельному слову синтаксические функции — членов предложения или отдельных предложений. Отсюда понятно, что фразеологические единицы многообразны со стороны грамматической. Они могут быть по своей функции соотнесены с любой частью речи. По своей форме они могут быть свободно изменяющимися в парадигме и конструктивно ограниченными, употребляясь в одной лишь форме. Разнообразие форм лексико-семантического строения и способов семантико-грамматического преобразования свободных словесных сочетаний в фразеологические единицы определяют характер структурных типов их.

В связи с этим стоит и определение опорного слова фразеологической единицы — один из важнейших моментов структуры фразеологического словаря. От того, как решен вопрос об опорном слове фразеологической единицы, зависит вся система расположения фразеологических единиц в словаре. При этом возможно, что расположение единиц в толковом словаре и в фразеологическом словаре не во всем, не во всех деталях, будет совпадать.

Прежде всего следует отказаться от нигилистической мысли, что опорное слово фразеологической единицы не может быть определено, что принципиальное решение

* Ахманова О. С. К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц. — «Труды Института языкознания АН СССР», т. 4. М., 1954, с. 51.

этого вопроса не может быть достигнуто и что идеалом должно быть помещение в словаре каждой фразеологической единицы столько раз, сколько в ее составе имеется отдельных слов. Можно говорить о необходимости ссылок, но это не снимает необходимости принципиального решения вопроса об опорном слове.

Вполне понятно, что опорным словом является смыслообразующий компонент единицы, т. е. такой компонент, который «фразеологизирует» свободное словосочетание. Единого решения для любых фразеологических единиц не может быть предложено. Определение опорного слова как фразеологизирующего компонента непосредственно связано со структурным типом фразеологической единицы. В некоторых типах фразеологических единиц оно будет совпадать с грамматически господствующим, стержневым словом словосочетания. В других оно будет совпадать с грамматически подчиненным словом словосочетания, если господствующее слово лексически ослаблено и в нем превалирует грамматическая функция. В третьих при определении опорного слова должны быть приняты во внимание не только семантические соображения, но и структурно-грамматические, если фразеологическая единица представляет собой типовой образец создания грамматически неизменяемых словосочетаний. В иных опорным словом при неизменном порядке слов и полной лексической слитности фразеологической единицы может быть первое слово, являющееся как бы смысловым сигналом всего словосочетания, или же первое знаменательное слово.

Рассмотрение структурных типов фразеологических единиц позволит конкретизировать вопрос об опорном слове.

V

§ 10. Все многообразие структурных типов фразеологических единиц, существующих в языке, несмотря на индивидуальное своеобразие и неповторимость каждой из них, может быть сведено, как бы это ни показалось грубым, к двум большим разрядам, которые принципиально, по своему строению как бы противопоставлены друг другу. Один разряд — это те фразеологические единицы русского языка, которые исследованы и выделены акад. В. В. Виноградовым как фразеологические сочета-

ния. Источник их — семантическое качество слова, принудительно определяющее сочетаемость с другими словами. Другой разряд — фразеологические единицы из преобразованных в общественно-языковой практике свободных словосочетаний или созданных в речи по образцам преобразованных. Это тот разряд, к которому наиболее применим термин акад. В. В. Виноградова фразеологические единства.

§ 11. Возможности соединения слов в словосочетания многообразны. Однако сочетаемость слов в языке ограничена. Пушкин, который говорил, что «разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов»*, и Карамзин, который рекомендовал «угадывать лучший выбор слов» и «предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения»**, высоко оценивая обширные возможности сочетаемости слов для тонкого отражения действительности, недвусмысленно указывали на контроль разума и на границы общности, т. е. на существующие закономерности, пределы сочетаемости.

Нет слов абсолютно свободных по сочетаемости. Наиболее свободны слова с прямым номинативным или также, по терминологии В. В. Виноградова, номинативно-производным значением. Свобода их ограничена не внутренними закономерностями развития семантической системы языка, а предметно-логическими отношениями. «В основном, — говорит В. В. Виноградов, — круг употребления номинативного значения слов, круг его связей соответствует связям и отношениям самих предметов, процессов и явлений действительного мира, например: *пить воду, квас, вино, чай, сидр, виноградный сок* и т. п.; *каменный дом, подвал, фундамент, пол, сарай* и т. п.; *щурить, прищурить глаза; слогообразный стих, стихосложение*»***. Новые, необычные прежде словосочетания возникают, например, при появлении у слова новых номинативно-производных значений, вызванных к жизни необходимостью обозначений новых

* Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т. Изд. 2, т. 7. М., 1958, с. 64.

** Карамзин Н. М. Отчего в России мало авторских талантов. Собр. соч., т. 7, с. 219.

*** Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. — «Вопросы языкознания», 1953, № 5, с. 12.

явлений действительности. Так, словосочетания *воздушный десант*, *воздушный стрелок* и т. п. стали возможны тогда, когда у прилагательного *воздушный* закрепилось, в связи с развитием техники, новое номинативно-производное значение «авиационный, связанный с авиацией и боевыми действиями авиации». При этом момент количественный, т. е. широта сочетаний данного слова с другими, не имеет существенного значения для понимания словосочетаний как свободных, если номинативное или номинативно-производное значение хотя бы потенциально вскрывается вне сочетания с другим словом.

Поэтому такое, например, словосочетание, как *щепать лучину* лишь условно может быть рассматриваемо как фразеологическая единица.

Но некоторые разряды слов с номинативным или номинативно-производным значением (понимаемым так в современном языке) и с ограниченной возможностью сочетания (вплоть до одного слова) могут образовывать словосочетания типа фразеологических единиц.

Условием превращения такого словосочетания во фразеологическую единицу является наличие у опорного слова такого значения, которое не вскрывается даже потенциально в современном языке и которое имеет смысловую содержательность только в сочетании. Таковы, например, *щурить глаза*, *жмурить глаза*, *потупить глаза* (*взор, взгляд, голову*), *кивать головой*, *скалить зубы*, *таращить глаза*, *разинуть рот* (*пасть*), *дрыгать ногами*; сюда же примыкает *семенить ногами*. Одним из признаков фразеологичности сочетания является возможность разрушения словосочетания с сосредоточением в глаголе смысловых оттенков всего словосочетания, иногда с приобретением глаголом возвратной формы: *щуриться*, *жмуриться*, *потупиться*, *скалиться*, *таращиться*, *дрыгаться*, *кивать*, *семенить**. Такого же типа, например, словосочетания *чмокать губами*, *шаркать ногами*, глаголы которых не только свободно употребляются со значением всего словосочетания, но и образовали разветвленные смысловые оттенки.

* Ср. процесс образования нового значения слова из словосочетания. Таково, например, второе значение слова *канитель*, возникшее не как переносное к номинативному значению («нитка»), а как семантическая изоляция слова, входящего в фразеологическое словосочетание *тянуть канитель*.

§ 12. Наибольшим ограничениям в сочетаемости подвержены слова, у которых связи принудительны не в отношении предметно-логическом, а вследствие их семантических особенностей. Это — слова со значениями, которые определены акад. В. В. Виноградовым как фразеологически связанные и конструктивно обусловленные*. Заметим, что конструктивно обусловленные значения есть лишь форма выявления семантического качества слова. Фразеологически связанные значения отличаются от них лишь отсутствием обязательной конструкции. Существенное отличие этих значений от номинативных и номинативно-производных в том, что они опосредствованно направлены на обозначение явлений действительности. Появление этих значений вызвано тем, что из языка в процессе его исторического развития извлекаются лексические средства, которые могут другим способом обозначить тот же отрезок действительности. Эти средства являются как бы синонимами к прямому, номинативному обозначению, безразлично, выражено ли это обозначение отдельным словом или свободным словосочетанием. Их «вторичность» подчеркивается акад. В. В. Виноградовым: «фразеологически связанные значения слов вообще не могут служить базой, основой синонимического ряда, хотя и допускают синонимические «заменители»**. Последнее надо понимать в том смысле, что у самого «вторичного» значения могут быть синонимические варианты***.

В отличие от номинативных и номинативно-производных значений, значения фразеологически связанные и конструктивно-обусловленные восходят к разным типам переносных или семантических суженных значений, предопределяющих круг сочетаний с другими словами. Эти значения многообразны. Ср., например; *облечь доверием, облить презрением, излить гнев (желчь) на кого-н., ронять достоинство, ломать комедию, откалывать штуки, молоть вздор (чепуху, ерунду и т. п.), сорвать зло (обиду) на ком-н., заострить внимание, наращивать темпы, чреватый последствиями, щекотливый вопрос и т. д.* Дальнейших разысканий требует вопрос о том,

* См.: Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. — «Вопросы языкознания», 1953, № 5.

** Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова.

*** Ср.: Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 27.

какие типы связанных значений образуют собственно фразеологические единицы и какие типы сохраняют относительную свободу и самостоятельность при ограниченной сочетаемости. Этот вопрос важен не столько для практики фразеологических словарей, где отбор словосочетаний ограничен степенью их устойчивости, сколько для лексикографической практики толковых словарей, где от разрешения этого вопроса зависят принципы классификации значений многозначных слов и выделения фразеологии. Во всяком случае, количественный признак (больший или меньший круг слов, входящих в сочетание) не имеет принципиального значения. Существенным признаком является степень омонимичности связанного значения.

Словосочетания, представляющие собою реализацию несвободных слов, являются одним из главных источников пополнения фразеологических единиц языка. Как бы ни были осложнены эти словосочетания распространяющими их словами, место их в фразеологическом словаре можно считать достаточно определенным. Опорным словом фразеологической единицы этого типа выступает слово с несвободным значением.

§ 13. Не только приобретение новых (переносных и других) значений ограничивает и связывает сочетаемость данного слова с другими, но и обратное явление — утрата вещественных значений — ведет к изменению форм сочетаемости. Так, многочисленные глаголы широкого семантического объема в процессе расширения возможностей сочетаемости утрачивают реально-вещественное содержание и начинают выполнять функции, приближающиеся к функциям вспомогательного глагола. Но и в этих случаях каждый из таких глаголов сочетается только с определенными разрядами существительных, завися в отношении сочетаемости от былого вещественного значения глагола. Многие из них становятся синонимичны друг другу, различаясь лишь иногда по степени выветривания вещественного значения. Так, например, глаголы *вести* (*бой, борьбу, разговор, войну, беседу, игру, работу, переговоры* и т. п.), *дать* (*отпуск, расчет, выговор, отпор, отвод, направление, залог, гудок, знак, отбой, совет, отчет, ответ, присягу, обещание, разъяснение* и т. д.), *делать* (*предложение, одолжение, вид* и т. п.), *держать* (*речь, совет, ответ, экзамен, пари* и т. п.), *иметь* (*применение, отношение, значение,*

влияние и т. п.), *подать* (совет, мысль, пример, голос, знак, команду, весть и т. п.), *читать* (наставление, мораль, нотацию и т. п.), *отдать* (должное, справедливость и т. п. кому-н.), *наводить* (блеск, чистоту, порядок и т. п.). Такого же типа значения имеют глаголы *нести*, *наносить*, *приносить*, *проводить*, *проделать*, *оказать*, *принять* и многие подобные. Часто такие словосочетания имеют в качестве синонимов отдельные слова, однокоренные с существительным.

Степень утраты реально-вещественного значения у глагола может быть различна. В этом случае словосочетания занимают промежуточное положение между этой группой со «вспомогательным» глаголом и группой, представляющей собою реализацию несвободных значений. Ср., например, *возложить обязанности на кого-н.*, *впасть в отчаяние* (*тоску, печаль* и т. п.).

Вопрос об опорном слове для этих фразеологических единиц не так прост. С одной стороны, они представляют собой случай реализации несвободного значения глагола, с другой стороны, смысловым центром их является имя существительное. Фразеологизация таких словосочетаний — результат взаимодействия двух сил: конструирующей и смысловой. Поэтому двойственно может быть решен вопрос об опорном слове. Вспомогательные и равные им глаголы должны помещаться в словаре с соответствующим каждому кругом существительных, а под существительными, несущими основную смысловую нагрузку, должны даваться толкования, тем более, что в зависимости от значения существительного словосочетания даже с одним и тем же глаголом могут принимать индивидуальные оттенки.

VI

§ 14. Второй разряд фразеологических единиц сложен и многообразен по своему составу. Они создаются в многообразных условиях общественно-языковой практики и представляют собой закрепление свободных словосочетаний или частей их.

§ 15. Типична фразеологизация свободных словосочетаний, являющихся обычной формой реализации свободных прямых номинативных или номинативно-производных или аналогичных им по употреблению значений слова. Это — словосочетания, закрепленные практикой

языка как обязательные для обозначения тех или иных явлений действительности. В этих словосочетаниях не происходит никаких смысловых сдвигов в словах, их составляющих, нет никаких заметных признаков структурных изменений. Круг этих устойчивых словосочетаний подвижен от эпохи к эпохе, так как их устойчивость есть обычно результат потребностей общественно-языковой практики сегодняшнего дня или какого-нибудь исторического периода. Таково происхождение устойчивости и фразеологизации таких речений второй половины XIX в., как, например, *беспокойный человек, кающийся дворянин, кисейная барышня, лишние люди, кухаркины дети, вершитель судеб, герои безвременья, пустить себе пулю в лоб*, или закрепившихся в советскую эпоху выражений *трудовая вахта, чувство нового, новатор производства, проверка исполнения, резервы производства, сторонники мира, делиться опытом, крепить оборону* и другие подобные. Многие из них заслуживали бы название «крылатых слов» по их сжатой и выразительной номинации общественных явлений. Многие из таких словосочетаний могут приобрести терминологический характер, например *общественное мнение, публичный диспут, общественное питание, молочная кухня, скорая помощь* и тогда степень их устойчивости повышается.

Многие из свободных словосочетаний становятся устойчивыми, закрепившись в качестве речевых формул бытового обихода, стилистических формул или формул книжно-письменного изложения, например *кругленькая сумма, без рассуждений (действовать), ходить по миру, просить милостыню, лающий голос, леденящий ужас, с вашего разрешения, по сути дела, не составляет труда, нет сомнения в том, не верить своим глазам* и многие другие.

Эти обычные словосочетания, как их можно было бы назвать, среди фразеологических единиц занимают особое место. Не претерпевая смысловых изменений в составляющих их словесных компонентах, они в каждую эпоху представляют собою как бы принудительные средства для точного обозначения соответствующего отрезка действительности. Обычные словосочетания легко создаются, так как по своей структуре они принадлежат к продуктивным типам словосочетаний, но они и наименее постоянны и легко подвергаются разрушению. Они исчезают по причинам внеязыковым, когда исчезает сам обозначаемый отрезок действительности и в последую-

щей общественной практике он не актуален для обозначения. Они перестают существовать как фразеологизированные словосочетания, когда в процессе употребления данного словосочетания в одном из компонентов создается новое значение. Так из обычных сочетаний возникли конструктивно обусловленные значения *оторваться* от с широким репертуаром дополнений или *оформиться* на со многими дополнениями, синонимичными слову *работа*.

Обычные сочетания многообразны. Но они объединены общим языковым признаком: устойчивостью и принудительностью употребления при сохранении значений входящих в них слов. Именно к ним применяется название речевых штампов, которые различаются по сфере возникновения: *газетные штампы, канцелярские штампы, книжные штампы, штампы разговорно-бытовой речи* и т. д. Огульно они считаются не украшающими речь. Но как бы то ни было (хотя такая стилистическая оценка, может быть, справедлива при пользовании многими из таких словосочетаний, утративших для говорящих точность обозначения действительности), обычные словосочетания функционируют в языке как средства удобного обозначения определенных отрезков действительности и являются непрерывным источником пополнения фразеологических единиц языка. Критерием для признания тех или иных обычных словосочетаний фразеологическими единицами, и тем самым основанием для помещения их во фразеологические словари, может быть их устойчивость в речи при общественно-исторической значимости обозначаемого.

Вопрос об опорном слове фразеологизированных обычных словосочетаний может решаться различно в зависимости от грамматического типа словосочетаний. Поскольку обычные словосочетания есть словосочетания продуктивных типов, то во многих случаях семантически опорное слово может совпадать с грамматически стержневым словом словосочетания. Таково положение для словосочетаний со стержневым словом-глаголом и существительным, управляющим другим существительным, ср. *крепить оборону, поджигатели войны*; только при явном семантическом перевесе управляемого слова и семантической нейтральности управляющего опорным словом может рассматриваться управляемое, ср. *учиться на ошибках, движение сопротивления*. В словосочетании определение-прилагательное и определяемое, по-

сколько определение является выделяющим, видовым по отношению к определяемому и, следовательно, семантически центральным, опорным словом может явиться прилагательное, ср. *сжатые сроки, кругленькая сумма*.

§ 16. К обычным словосочетаниям примыкают по типу образования устойчивые словосочетания с так называемым постоянным эпитетом, ставшие традиционными в народной поэзии. По-видимому, должны найти место во фразеологических словарях такие словосочетания, как, например, *чистое поле, серый волк, добрый молодец, красная девица*.

§ 17. Особое место в языке занимают словосочетания, по структуре своей являющиеся свободными, но получившие новое, переносно-образное значение или испытавшие в речи экспрессивную обработку. Новый смысл здесь создается не изменениями значений отдельных слов, входящих в словосочетание, а изменением значения всего словосочетания в целом, как бы наложением на него свежего семантического или экспрессивного пласта. В идеальном случае подобные фразеологические единицы имеют омоним в виде свободного словосочетания, послужившего основой для создания фразеологической единицы*. По своей структуре, как и любое свободное словосочетание, они могут быть и двусловными словосочетаниями, и распространенными словосочетаниями, глагольными, именными или предложными, иными словами, они могут представлять любые продуктивные (или менее продуктивные — для более старых фразеологизмов) типы словосочетаний. Они стали фразеологизмами случайно в том смысле, что в разнообразных общественно-исторических условиях употребления в силу различных ассоциаций бытовых, литературных, фольклорных и многих других они приобрели переносно-образный смысл. Таковы, например, *намылить голову, задрать нос, рыть яму кому-н., протянуть ноги, умыть руки, развязать руки, разрубить узел, смешать с грязью кого-н., втоптать в грязь кого-н., стричь под одну гребенку, играть в бирюльки, выйти сухим из воды, бросить жребий, высосать из пальца, нажимать на все педали, держать камень за пазухой, выйти из колен, всплыть на*

* См.: Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, с. 353 — анализ фразеологических единств.

поверхность, расплатиться собственной шкурой, положить зубы на полку, делать из мухи слона, на ходу подметки резать, с головой уйти во что-н., над нами не каплет, против течения, бег на месте, по горло (сыт), под гору (идти), белыми нитками што, до белого каления довести, тайные (или скрытые) пружины, кровь с молоком, с порога (отвергнуть, сказать) и многие другие.

Виды переносно-образного преобразования словосочетаний многообразны. Фразеологические единицы могут представлять иронические, гиперболические, или каламбурные, или иные экспрессивные образы. Фразеологические единицы подобного типа, естественно, создаются по образцу свободных словосочетаний и не всегда являются соответствующим переосмыслением уже готовых свободных словосочетаний. Таковы, например, *помирать со смеху, кормить завтраками, без ног остаться, носить на руках кого-н., спустить шкуру с кого-н., обобрать до нитки, свернуть башку кому-н., сапоги каши просят, лопнуть со смеху (со злости, от зависти), терпение лопнуло, заложить за галстук, терпеть не могу, березовая каша* и т. п.

Фразеологическими единицами становятся глагольные сочетания со значением движения (или вообще действия человека, животного) в тех случаях, когда в житейской практике определенное движение сопряжено с наличием определенного душевного состояния. В этих случаях словосочетание, обозначающее движение, как бы принудительно сигнализирует об определенном состоянии, символизирует его. Ассоциации по смежности вкладывают, следовательно, новое значение в словосочетание. Степень устойчивости новых, ассоциативных значений словосочетаний этого рода очень разнообразна. Ср., например, устойчивые словосочетания: *пожать плечами* (о выражении удивления), *махнуть рукой на кого-н.* (о проявлении равнодушия к кому-чему-н.), *обливаться слезами* (о сильном горе), *хвост поджать* (смутиться от чего-н.), *не моргнув глазом* (ни мало не смутясь), *надуть губы* (обидаться), *делать большие глаза* (удивляться), *гладить по головке* (потакать), *вешаться на шею кому-н.* (о назойливом уходе за женщиной за мужчиной), *в затылке чесать* (о досаде), *скалить зубы* (смеяться).

К фразеологическим единицам переносно-образного типа близки словосочетания, представляющие собою

обобщенное уподобление чему-нибудь, сравнение с чем-нибудь: как снег на голову, как сельди в бочке, как кур во щи (попасть), как бельмо на глазу, как от козла молока (от кого-нибудь), как с гуся вода (с кого-нибудь), нем как рыба, глуп как пробка, (лжет) как из ведра, (бежать) как на пожар, как без рук (без кого-нибудь), как на углях (сидеть), расти как грибы, как банный лист пристал, как молодой месяц, как аршин проглотил, как рукой сняло, хоть глаз выколи, хоть пруд пруди, чем черт не шутит и т. п.

Фразеологические единицы переносно-образного типа не исчерпываются перечисленными здесь. Они нуждаются в дальнейшем уточнении. Но нельзя не указать на примыкающий к ним сложный по своему составу слой экспрессивно переосмысленных словосочетаний (или осколков словосочетаний) устно-диалогической речи. В них словесные компоненты, как таковые, не претерпевают изменений. Свободные словесные компоненты словосочетания сливаются и грамматически, и семантически в единое целое, приобретающее обобщенный смысл в определенных контекстах. Таковы, например, *что и говорить, где тут* (думать, видеть и т. д.), *и говорить нечего, раз плюнуть, пиши пропало, скажи на милость, здорово живешь, не до шуток, шутки в сторону, была не была, было да сплыло, это дело!*, *так и быть, вот так так, вот так штука, легче на поворотах, подымай выше, как бы не так, это да!*, *куда ни шло* и т. д.

§ 18. Среди фразеологических единиц, возникших из свободных словосочетаний, выделяется слой, где основной причиной фразеологизации является не закрепление в общественно-языковой практике, как это имеет место в обычных словосочетаниях, не переносно-образное или экспрессивное преобразование, а характер синтаксического функционирования при закреплённой грамматической форме, обусловленный в некоторых случаях лексическими особенностями компонентов сочетания. Сюда прежде всего относятся многочисленные и многообразные предложные сочетания. Фразеологизация их вызывается самыми разнообразными причинами: при употреблении с предлогом самостоятельно не употребляющихся слов, например: *из-под спуда, по тайности, без запинки, под шумок*; при употреблении с предлогом в непродуктивной функции, например: *про запас, при смерти, от силы, для примера, сквозь сон, сквозь слезы,*

на *арана*; при употреблении в качестве сказуемого, например: *без ума, без памяти, в расчете, в разгоне*; при употреблении в качестве вводного предложения, например: *без смеху, вне сомнения*; при приобретении функции предлога, например: *в силу чего, в результате чего*; при употреблении в качестве обстоятельств с глаголами определенной семантики, например: *в глаза (говорить), в лоб (атаковать, ударить), в копеечку (стало, обошлось)* и т. д. Особенно характерны для этого слоя фразеологизмов застывшие формулы синтаксических связей — союзные предложения, частицы и т. п.: *по мере того, как; нет того, чтобы; до того, что; несмотря на то, что; вместо того, чтобы; даром, что; прежде чем; так что; лишь только; чуть лишь; чуть ли не; почти что; да и только* и многие подобные.

Нельзя не отнести к этому слою многочисленные сказуемостные сочетания типа *не грех, не указ кому-нибудь, не рука, не след, прохода нет от кого-нибудь, сносу нет чему-нибудь, сил нет, мочи нет*.

§ 19. Выделение опорного слова для переносно-образных и морфологически фиксированных единиц представляет значительные трудности. Их состав по грамматической структуре и по характеру выявления смыслового центра очень пестр. Наличие переходных и смешанных случаев между группами увеличивает пестроту. Поэтому не может быть предложено единой мерки для выделения опорного слова. Можно наметить основные линии, которых следует придерживаться при решении конкретных случаев.

Фразеологические единицы, возникшие как переносно-образное преобразование свободных словосочетаний, могут не иметь в своем составе лексического компонента, обладающего резко подчеркнутой смысловой нагрузкой. В таком случае опорное слово фразеологической единицы совпадает со стержневым словом грамматического словосочетания. Так, во фразеологических единицах вроде *умыть руки, развязать руки, разрубить узел, протянуть ноги, надуть губы, подымай выше, кровь с молоком, шутки в сторону* опорными словами являются управляющие слова. Опорным словом легко признать управляющее слово в тех также случаях, когда управляемые слова варьируются, ср., например, *лопнуть от зависти (со смеху, со злости)*.

Если же в подобных фразеологических единицах

имеется компонент, являющийся как бы смысловым фокусом всего словосочетания, на котором держится образ, то такой компонент и следует признать опорным словом. Обычно это управляемое или определяющее слово грамматического словосочетания. Например: *стричь под одну гребенку* (опорное слово — *гребенка*), *всплыть на поверхность* (*поверхность*), *играть в бирюльки* (*бирюльки*), *кормить завтраками* (*завтрак*), *обобрать до нитки* (*нитка*), *сапоги каши просят* (*каша*), *бег на месте* (*место*), *белыми нитками шито* (*белый*), *скрытые пружины* (*скрытый*).

Выделение опорного слова фразеологических единиц, принадлежащих к экспрессивно-обработанным словосочетаниям, к предложно-именным, сравнительным, союзным и подобным словосочетаниям, тесно связано с их смысловым содержанием.

Наиболее простой случай представляют предложно-именные и сравнительные словосочетания, где знаменательное слово и компонент сравнения выступают как опорное слово: *при смерти*, *сквозь слезы*, *за компанию*, *вне сомнения*, *до чертиков*, *как кур во щи*, *как с гуся вода*, *глуп как пробка*, *хоть пруд пруди*. Однако в осложненных словосочетаниях этого рода в качестве опорного слова, смыслового центра может выступать компонент, являющийся определением. Чаще всего это дифференцирующее прилагательное: *без дальних слов* (*дальний*), *без задних ног* (*задний*), *как банный лист* (*банный*).

Разнообразные экспрессивно обработанные словосочетания, союзные и подобные предложения со сложным лексическим составом, часто представляющие собою грамматически неполные словосочетания, допускают различный подход в определении опорного слова.

В некоторых из них при смысловой слитности и равноценности легко выделяющихся лексических компонентов, каждый из которых несет свою смысловую нагрузку, опорным словом может являться первое знаменательное слово (за вычетом служебных слов): *ни за что* (*что*), *ни боже мой!* (*боже*), *во что бы то ни стало* (*что*), *скажи на милость* (*скажи*), *что бы то ни было* (*что*), *с головы до ног* (*голова*), *по мере того как* (*мера*), *куда глаза глядят* (*глаза*), *что и говорить* (*что*), *и говорить нечего* (*говорить*), *пиши пропало* (*пиши*). Устойчивый, неиз-

менный порядок слов является дополнительным аргументом в пользу выделения первого знаменательного слова как опорного.

В других из этих единиц смысловая спаянность целого при постоянном, неизменном порядке слов настолько велика, что поглощает смысловую самостоятельность отдельных лексических компонентов. Они растворяются в целом. В таких фразеологических единицах опорным словом может рассматриваться первое слово, независимо от того, является ли оно знаменательным или служебным, например: *как бы не так!*; *нет того, чтобы*; *так и быть*; *где тут!*; *вместо того чтобы*; *это да*; *раз плюнуть* и т. п.

Определение опорного слова в последних двух группах единиц не может производиться прямолинейно. Есть много промежуточных случаев, затрудняющих эту прямолинейность. Так, например, есть фразеологические единицы, сходные по структурно-грамматическим признакам и по обобщенному смысловому содержанию, но отличающиеся друг от друга наличием такого лексического компонента, который придает фразеологической единице индивидуализирующее значение. Во фразеологических единицах *за малым дело стало*, *за чем дело стало* и т. п. семантически индивидуализирующим компонентом является сочетание предлога «за» с именем. Во фразеологических единицах *под горячую руку*, *под пьяную руку*, *под веселую руку*, *под сердитую руку*, *на скорую руку*, *на живую руку*, *на широкую ногу*, *на барскую ногу* и т. д. семантически индивидуализирующим компонентом является прилагательное. Казалось бы, что опорным словом и должен быть индивидуализирующий компонент, как создающий смысловую специфику единицы. Но здесь происходит столкновение начала конкретно семантического с обобщенно семантическим, выражаемым грамматической структурой. Поэтому приходится отдать предпочтение началу обобщающему и выделить в качестве опорного то слово, которое является стержневым в данной грамматической структуре. В приведенных примерах опорными словами могут явиться, следовательно, слова *дело*, *рука*, *нога*. Это решение может быть оправдано и потому еще, что подобные грамматические структуры являются типовыми, в них могут включаться различные серии конкретизирующих элементов, по их образцу могут создаваться новые фразеоло-

гические единицы. Так, по образцу выражения *дело — табак*, создаются аналогичные с подстановкой разнообразных, понимаемых оценочно слов, например: *дело — дрянь*, *дело — швах*, *дело — труба* и даже *дело — купорос* (Л. Леонов. Русский лес).

Новые коррективы в способы выделения опорного слова вносит, в отличие от семантического и структурно-грамматического признаков, признак собственно лексический. Он выступает тогда, когда целые серии фразеологических единиц группируются вокруг одного слова. Они разнообразны по своим структурам, но все они объединяются тем, что центральное знаменательное слово не употребляется в данном смысле вне фразеологических единиц. Такое слово несомненно может быть признано опорным словом. Так, опорными являются слова *мочь*, *дух*, *курс*, *личина* во фразеологических единицах *мочи нет*, *изо всей мочи*, *во всю мочь*, *что есть мочи*, *что есть духу*, *дух вон*, *войти в курс чего-нибудь*, *ввести в курс чего-нибудь*, *быть в курсе чего-нибудь*, *держаться в курсе*, *под личиною кого (чего)-нибудь*, *надеть личину*.

Таковы общие способы выделения опорного слова фразеологических единиц по семантическим, структурно-лексическим и собственно лексическим признакам; однако применение этих способов должно всегда производиться с учетом индивидуальных особенностей каждой фразеологической единицы.

§ 20. В процессе развития в языке сложились некоторые устойчивые синтаксические схемы построения словосочетаний *. В отличие от обычных свободных схем они обладают готовым устойчивым смысловым содержанием, которое при наполнении схемы соответствующим лексическим материалом создаёт словосочетание, общее значение которого уже предопределено смысловым содержанием схемы. Такие словосочетания являются готовыми фразеологическими единицами, а если схема наполняется новым лексическим материалом, то словосочетание приобретает характер потенциальной фразеологической единицы. Преимущественно это предложные, двухпредложные схемы или предложные схемы с постоянным именем, а также схемы с местоимениями, частицами, союзами. Такова, например, роль предлога *до*

* Ср.: Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетаний. — «Вопросы языкознания», 1954, № 3, с. 21.

в образовании фразеологизированных в разной степени единиц: *до упаду, до неузнаваемости, до неприличия глуп, до ужаса, до предела* и т. п. Такова схема с ... на ...: *со дня на день, с часу на час, с минуты на минуту* (с именами, обозначающими отрезок времени). Или схемы *под ... руку, на ... ногу, на ... ноге* и другие (*под горячую, сердитую, веселую, пьяную руку, на широкую ногу, на дружеской ноге* и т. д.). Сюда же относятся схемы *что за, ни ... ни ..., хоть ...* (с повелительным наклоном) и многие другие.

Роль устойчивых синтаксических схем в образовании фразеологических единиц, в частности потенциальных, велика. Поэтому, в отличие от толковых словарей, во фразеологическом словаре они должны занять самостоятельное место как специфические структурные элементы фразеологии. Опорным словом является здесь сам структурный элемент.

§ 21. Фразеологические сращения, по терминологии В. В. Виноградова*, или идномы в собственном смысле не образуют подобно предыдущим самостоятельного структурного разряда фразеологических единиц. Фразеологические сращения, по точному определению В. В. Виноградова, представляют собой слитные, неразложимые, функционально соответствующие слову фразеологические единицы, которые структурно (лексически, грамматически) не мотивированы в современном языке. Они действительно являются или остатками прежде бывших продуктивными типов словосочетаний, или осколками словосочетаний, или содержат в своем составе слова, которые вне данного сочетания не употребляются в современном языке и т. п. Следовательно, они выделяются с точки зрения исторической, а не структурно. Они оказываются на периферии структурно мотивированных с точки зрения современного языка фразеологических единиц. Круг фразеологических сращений подвержен изменениям, в зависимости от общих условий развития языка. Одни из них могут вовсе выпасть из языка. Число их может и увеличиваться за счет других фразеологических единиц, утрачивающих в представлении говорящего мотивированность по лексическим или грамматическим причинам. Так, выражение *ходить*

* См.: Шахматов А. А. Сборник статей и материалов. М. — Л., 1947, с. 345.

ходуном сейчас, несмотря на грамматическую мотивированность словосочетания, несомненно, может быть отнесено к числу сращений, идиом как лексически не мотивированное. Оно не было идиомой в то время, когда живо ощущался образ, что могло быть до тех пор, пока существовала и была знакома реалья — движущая часть кузнечных мехов — и значение выражения воспринималось как «двигаться подобно ходуну».

Несомненно также, что в состав фразеологических сращений вовлекаются те устойчивые словосочетания, которые даже в момент их образования или проникновения в литературный язык большинству говорящих представляются немотивированными благодаря неясности или непонятности ассоциаций, вызвавших к жизни данное словосочетание. Ср., например, новые в литературном языке выражения *наломать дров* (из южновеликорусских говоров), *дать жизни кому-н.*

На основании такого понимания фразеологических сращений определение опорного слова в них не отличается в принципе от способов определения опорных слов других фразеологических единиц, с учетом лишь смысловой весомости немотивированного элемента.

§ 22. Являются ли все термины-словосочетания, входящие в терминологическую систему какой-нибудь отрасли науки, техники, производства, искусства принадлежностью фразеологического состава языка? На этот вопрос, хотя он и не получил еще удовлетворительного решения, следует ответить отрицательно.

Действительно, термины-словосочетания, являющиеся терминами в точном смысле слова, представляют собою свободные словосочетания, отражающие реальную действительность в том виде, в каком эта действительность представляется определенной системе знаний. С точки зрения языка такие словосочетания сохраняют все признаки отношений определения и определяемого, отношения рода и вида. Поэтому всю массу терминов-словосочетаний, обладающих этими признаками, вряд ли можно относить к области фразеологии языка (ср., например: *площадь нагрева, температура плавления, усеченный конус, перемежающаяся лихорадка* и т. п.).

Однако с уверенностью можно сказать, что многие сложные термины могут рассматриваться как фразеологические единицы. Таковыми являются сложные термины, вышедшие за пределы терминологии в общий

язык и ставшие номенклатурными обозначениями предметов и явлений, или переставшие быть терминами в пределах терминологической системы и замененные другими, или заключающие в себе слова, не имеющие прямого номинативного значения в данном словосочетании, и т. п. Ср., например: *железная дорога, позвоночный столб, короткое замыкание, Большая Медведица, благородные металлы* (теперь различаются черные и цветные), *северное сияние* и многие подобные.

Естественно, что сложные термины, которые приобрели переносное значение, входят на законном основании в общую фразеологию языка. Ср., например: *до белого каления (довести), точка соприкосновения, по наклонной плоскости, центр тяжести, привести к одному знаменателю* и т. п.

Термины-словосочетания, удовлетворяющие этим условиям, не отличаются по своей грамматической и смысловой структуре от описанных разрядов фразеологических единиц. Поэтому вопрос об опорном слове фразеологических единиц из терминов-словосочетаний решается так же, как в соответствующих разрядах других фразеологических единиц.

§ 23. Определение структурных разрядов фразеологических единиц дает возможность непосредственно перейти к вопросу о типах фразеологических словарей.

Всякий словарь есть прежде всего справочное пособие. Поэтому идеальным словарем будет тот, который сможет дать любую справку в интересующей области явлений. Таким идеалом может явиться фразеологический словарь, содержащий в себе в известной мере исчерпывающий перечень устойчивых выражений (словосочетаний, предложений), принадлежащих к фразеологическим единицам описанных здесь разрядов. Следовательно, как уже говорилось, в этом случае в него могут войти «крылатые слова» с печатью авторства, афоризмы, пословицы и поговорки — словом, все то, что не входит в понятие собственно фразеологии, фразеологии в узком смысле. Возможно, что в качестве первого опыта целесообразно было бы создать словарь наиболее традиционных фразеологических единиц.

Естественно, конечно, что фразеологический словарь должен отразить все конкретные формы функционирования фразеологической единицы (закрепленность грамматической формы, возможности варьирования элементов,

управление, синтаксические функции, возможности распространения, устойчивость или свобода порядка слов, если это индивидуальный признак данной фразеологической единицы, стилистическая принадлежность и т. п.). Всякое изменение в форме функционирования может быть связано со смысловыми изменениями. Фразеологические единицы представляют собой фонд выразительных средств языка. Поэтому во фразеологическом словаре вряд ли может иметь место та стилистическая классификация, которая в более или менее стандартном виде принята в толковых словарях. Фразеологический словарь должен быть прежде всего словарем, определяющим стилистические функции выражений. При этом следует иметь в виду, что, за исключением некоторых структурных типов фразеологических единиц, подавляющая масса их относится или к экспрессивной речи книжного, риторического типа, или, наоборот, к экспрессивной речи разговорно-сниженного типа, т. е. имеет в речи резко выраженную стилистическую функцию.

Как в полном, так и в кратком словаре фразеологическая единица должна помещаться под избранным опорным словом со ссылочными статьями по другим знаменательным элементам фразеологической единицы. Лексические варианты фразеологической единицы, если они существенны для формирования значения, должны помещаться отдельными статьями. Различия в управлении, в синтаксической функции, если они связаны с вариациями значений, должны рассматриваться как отдельные значения фразеологической единицы. Краткое толкование значения должно даваться для всех лексических вариантов и функциональных разновидностей фразеологических единиц. Ограниченность сферы употребления фразеологической единицы отмечается стилистической характеристикой.

Указание на происхождение особенно существенно для раскрытия значений тех фразеологических единиц, которые принадлежат к разряду преобразованных свободных словосочетаний, так как только в них могут быть вскрыты породившие их исторические условия.

Для показа живого употребления фразеологических единиц в словаре любого типа необходимы иллюстрации из тех литературных источников, которые служат материалом для словаря (литературно-художественных про-

изведений XIX—XX вв., научной литературы, публицистики и т. п.).

На основании изложенных здесь соображений готовится практическая инструкция по составлению фразеологического словаря*.

О КРЫЛАТЫХ СЛОВАХ

(ПО ПОВОДУ КНИГИ Н. С. И М. Г. АШУКИНЫХ
«КРЫЛАТЫЕ СЛОВА»**)

Так называемые крылатые слова относят обычно к той еще недостаточно ясно очерченной сфере языка, которую именуют фразеологией. Впервые вопросы фразеологии как языковедческой дисциплины, имеющей свой специфический объект изучения, на русской почве широко поставлены и освещены В. В. Виноградовым. К сожалению, большинство последующих работ в области фразеологии не развивало данных им положений и пока что не внесло ничего теоретически нового. Даже наоборот. Лишь формально следуя положениям В. В. Виноградова, многие работы (под влиянием традиционных учений об идиомах — непереводаемых буквально на другой язык оборотах речи — и метафорических словах) необычайно расширяют объем фразеологии и вносят еще большую неопределенность в ее изучение. В результате границы фразеологии, ее объем, ее типические разновидности и структурные особенности — все эти вопросы нельзя считать окончательно разъясненными. Ясно, конечно, что теоретическая неопределенность не может содействовать успеху словарных начинаний в области русской фразеологии. В то же время мы бедны и

* В настоящей статье не могли быть рассмотрены исследования о структуре фразеологии в книге А. И. Смирницкого «Лексикология английского языка» (М., 1956), вышедшей в свет уже после сдачи в печать статьи. Однако надо сказать, что, несмотря на различие исходных позиций и объекта наблюдений, основные положения и выводы А. И. Смирницкого об объеме фразеологии, о структурах фразеологических единиц, в частности, о наличии двух основных структурных типов, сходятся в общих чертах с положениями настоящей статьи.

** Ашукин Н. С., Ашукин М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1955.

собраниями фразеологических материалов, которые могли бы служить базой теоретических работ¹.

Наша отечественная словарно-фразеологическая практика искала образцов в книгах С. В. Максимова («Крылатые слова», СПб., 1890; 2-е изд. — 1899*) и М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний», тт. I и II (б. м. и г.). Таковы, например, послереволюционные книги С. Г. Займовского («Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма», М. — Л., 1930) и В. З. Овсянникова («Литературная речь. Толковый словарь современной общелитературной фразеологии», М., 1933), представляющие собой собрание разнородного, случайно объединенного материала.

Сборник Н. С. и М. Г. Ашукиных занимает особое место в ряду подобных изданий. Книга отличается определенностью объекта собирания. Это «крылатые слова» в собственном классическом смысле, т. е. в смысле термина, служащего после выхода книги Г. Бюхмана «Крылатые слова» (G. Büchmann. Geflügelte Worte. Berlin, 1864) для обозначения одной из сфер фразеологического состава языка. К «крылатым словам» в этом смысле относятся вошедшие в общую речь и употребляющиеся в ней как цитаты выражения и отдельные фразы из литературных произведений старого и нового времени; выражения, возникшие на почве литературных контекстов и как бы конденсирующие в себе основной смысл этого контекста; изречения исторических лиц, а также получившие символический смысл названия исторических фактов и мифологических событий, личные имена исторических, мифологических и литературных персонажей и т. п. В готовом виде эти выражения входили в общий язык и использовались в нем как переносно-обобщенные выразительные характеристики общественных, бытовых и психологических явлений. Однако, как мы увидим, не все такие выражения равноценны по своей функции в языке.

«Крылатые слова» объединяются не только «этимологически» — литературным в широком смысле происхождением. Их, в отличие от других фразеологических средств языка, объединяет отсутствие специфических «своих» структур. Так, их синтаксические структуры ин-

* Переиздана Гослитиздатом с послесловием и примечаниями Н. С. Ашукина (М., 1955).

дивидуальны в том смысле, что они могут представлять собою и словосочетание, и простое предложение, и сложное предложение, и кусок простого или сложного предложения, и, наконец, отдельное слово. «Крылатые слова» включенные в речь, могут быть и синтаксически независимы, и входить составным элементом в синтаксическую структуру. Их «цитатная» цельность может сохраняться, а в иных случаях нарушаться в зависимости от контекста включающей речи. Со стороны значения «крылатые слова» как особая выразительная категория в речи объединяются тем, что каждое выражение обладает индивидуальностью и смысловой насыщенностью, неотделимой от ассоциаций с контекстом произведения, с исторической эпохой, породившей выражение, с печатью «авторства». Именно подобные «крылатые слова» различного происхождения — русского, западноевропейского, библейского, античного — и являются основным составом книги Н. С. и М. Г. Ашукиных.

Книга Н. С. и М. Г. Ашукиных — труд не одного десятилетия. Труд этот предполагает не только прекрасное знание литературы, исторических и конкретных общественно-бытовых отношений прошлого и современности, но и непосредственное знание отражений в общей речи контекстов литературы и истории. При отсутствии хороших предшественников только собственный языковой опыт собирателя мог подсказать пути отыскания «крылатых слов» и обеспечить известную степень полноты материала и его объективность.

Авторы несколько преувеличивают, говоря в предисловии, что запас «крылатых слов» неисчерпаем. Это не совсем верно, если иметь в виду не случайные, единично употребленные цитаты, а выражения, получившие действительно широкое хождение. А они при широком изучении источников, соединенном с личным языковым опытом, могут быть выявлены с известной степенью полноты. Во всяком случае собрание Ашукиных — первое по своей полноте. Наряду с широко известными по сборникам «крылатыми словами», возникшими в XIX в., в книге впервые собраны в большом количестве выражения предреволюционной поры. Широко представлены и выражения из общественно-политических и литературных произведений советской эпохи, ставшие общенародными: *лучше меньше да лучше; всерьез и надолго; догнать и перегнать; люди доброй воли; живинка в деле; путевка*

в жизнь; время, вперед; молодая гвардия и многие другие. Проверить полноту настоящего сборника можно, проделав работу такого же масштаба, что и авторы. Без подобной работы только случайные находки (вроде пропущенных литературных выражений *делать из мухи слона, трагик поневоле, столпы общества, беспокойный человек, дешево и сердито* и, может быть, некоторые другие) могут дополнить богатое собрание Ашукиных. Лишь новые и специальные разыскания в состоянии действительно усовершенствовать это собрание в отношении полноты.

Как уже отмечалось, не все указанные выражения равноценны. Поэтому само понимание «крылатых слов» нуждается в уточнении. Где граница между «крылатостью» и простым цитированием или образным употреблением слова в поэзии?

Материал книги показывает, что, исключая многие библейские по происхождению выражения и некоторые античные, о времени проникновения которых в общий язык нужны особые разыскания, основной состав «крылатых слов» складывался и сложился в течение XIX и начала XX вв., и этот состав пополняется в наши дни новыми выражениями, во многих случаях еще нуждающимися в проверке временем.

Возникшие в разное время и употреблявшиеся в общей речи на протяжении XIX—XX вв. «крылатые слова», представленные в книге Ашукиных, неравноценны по устойчивости, употребительности, типичности. По удельному весу в составе общего языка современности, да и XIX в., они очень различны.

Прежде всего надо сказать, что некоторые цитаты, приведенные в книге, вообще сомнительны как «крылатые слова». Ведь нередко пишущие по ходу своей мысли, чтобы иллюстрировать ее сжатым резюме или яркой характеристикой, приводят цитату. Таковы, например, цитата из Пушкина *Мечты поэта, историк строгий гонит вас!* в статье Н. А. Добролюбова, цитата из Жуковского *В боренье с трудностью силач необычайный* в письмах Пушкина, цитата из И. И. Дмитриева *Мышонок, не выдавший света* в статье Н. К. Михайловского, цитата из Некрасова *И вот они опять — знакомые места* в повести Лескова «Смех и горе», цитата из Пушкина *И хором бабушки твердят: как наши годы-то летят* в статье В. Г. Белинского и т. п. Подобные цитаты, хорошо из-

вестные читателю-современнику, вызывают нужные ассоциации и тем самым вполне отвечают своему назначению в каком-нибудь данном индивидуальном контексте, но вне его лишены обобщенно-переносного содержания. Вряд ли подобные цитаты следует рассматривать как «крылатые слова», вошедшие или входившие в общий язык.

От этих случаев следует отличать цитаты или выражения, исторически ограниченные, популярные в свое время и поэтому хорошо понятные как «крылатые слова», метко характеризовавшие общественные явления своего времени. Они могли долго сохраняться у людей старшего поколения, лишь частично передаваясь поколениям новым. Это понятно. От поколения к поколению менялся круг чтения, популярные в свое время второстепенные произведения литературы забывались, многие популярные цитаты из произведений крупных деятелей становились неактуальными, кроме того, уходили в прошлое события и отношения, вызвавшие появление модного для своего времени выражения. Этот слой «крылатых слов» занимает довольно значительное место в книге Ашукиных. Почти до наших дней зарегистрировали Ашукины употребление таких выражений и крылатых цитат, как *Чем ночь темней, тем ярче звезды* (Майков); *То кровь кипит, то сил избыток* (Лермонтов); *Живи и жить давай другим* (Державин); *Ем достанет* (Салтыков-Щедрин); *Есть упоение в бою* (Пушкин); *Она исчезла, утонув в сиянье голубого дня* (Туманский); *Блудница вавилонская* (из Библии) и многие другие. Конечно, не всегда легко в отдельных конкретных случаях провести границу между цитатами, о которых говорилось выше, и этим слоем исторически ограниченных «крылатых слов». Однако последние несомненно сыграли известную роль в обогащении общего языка выразительными средствами, они встречаются в произведениях, известных современному читателю, и помещение таких «крылатых слов» в сборник вполне оправдано.

Наиболее значительное место занимают и представляют наибольший интерес собственно «крылатые слова», выдержавшие испытание временем. Их подавляющее большинство из текстов классической литературы, Библии, мифологических преданий. Они различны по форме употребления, но устойчивы по смысловой функции и обычно органически входят в синтаксическую структуру речи. Одни из них — застывшие предложения, цитирующиеся

в неизменном виде. Это такие, как *Место под солнцем*, восходящее к Паскалю; *Благую часть избрать*, восходящее к евангельскому тексту; *Благодарю, не ожидал* писателя В. А. Сологуба; *Без руля и без ветрил* из лермонтовского «Демона»; *Вот придет барин — барин нас рассудит* из Некрасова; *Рыльце в пуху* из Крылова и многие подобные. Другие представляют собою не полные цитаты, а речения, в краткой форме концентрирующие смысл того или иного контекста или произведения: *Блоху подковать*, созданное на основе рассказа Н. Лескова «Левша», *Бесплодная смоковница*, *Бросать камнем или камень в кого-н.* из библейской легенды. Иные, особенно устойчивые по смыслу, допускают создание в речи перифраз, непосредственно связанных с цитатным выражением. Такого типа, например, пушкинское *Да здравствует солнце, да скроется тьма*, евангельское *Да минует меня чаша сия* и многие другие. Характерна своеобразная лексикализация выражений, делающая их выразительным синонимическим средством языка: «Мне остается только посыпать голову пеплом и хранить гробовое молчание», пишет в письме А. П. Чехов, «Выйдя в отставку, я сожгу свои корабли. Оставаясь на службе, я ничего не теряю» из «Анны Карениной» Л. Толстого.

Этот слой собственно «крылатых слов» всегда двупланен: смысловое содержание «крылатого слова» тем и характерно, что непосредственно связано с принадлежностью определенному автору, с общей идеей контекста или историческим фактом, породившим выражение; вместе с тем, чем обобщеннее значение «крылатого слова», тем меньше в нем сохраняется оттенков, связывающих его с представлениями об авторе, о колорите контекста или эпохи. При совпадении же по форме структурными типами фразеологии языка они еще легче освобождаются от «авторских» ассоциаций и входят в ряды «безымянных» фразеологических единиц языка. Только начитанность, а сплошь и рядом лишь специальные разыскания могут обнаружить «авторство» выражений: *административный восторг, безгрешные доходы, галантерейное обхождение, дачный муж, белая ворона, жалкие слова, буржуазные предрассудки, кисейная барышня, золотая молодежь, бывшие люди, у разбитого корыта, человек в футляре* и т. п. Лишены всякого библейского колорита выражения *грехи молодости, власти*

предержащие, злоба дня, благорастворение воздушных, камень преткновения, знамение времени, камня на камне не оставить и многие подобные. Раскрытая история отдельных «крылатых слов», ставших или становящихся с течением времени рядовыми фразеологическими единицами языка, представляет наибольший интерес для языкознания, для истории словарного состава русского литературного языка.

Перечисленные типы выражений составляют основу книги Н. С. и М. Г. Ашукиных. Органически в нее входят и другие разновидности «крылатых слов». Наиболее многочисленная из них — собственные имена, в числе которых названия литературных, мифологических и иных персонажей, исторических событий и т. п., получивших в общей речи обобщенно-образный смысл и употребляющихся то в сравнениях, то в качестве синонимических обозначений соответствующих явлений (*Альфонс, Буцефал, Автомедон, Амфитрон, Ганимед, Гарпагон, Голиаф, Вениамин, Рокамболь, Дон Жуан, Хлестаков* и многие другие). К этому разряду по функциям примыкают известные выражения типа *Ариаднина нить, Аннибалова клятва, Дамоклов меч, Сизифов труд* и т. п. Подобно тем типам «крылатых слов», о которых говорилось выше, не все они исторически равноценны, не все одинаково устойчивы и популярны. Введение большинства из них может быть оправдано чисто справочными соображениями.

С точки зрения истории словарного состава русского языка целесообразно было включение в сборник слов, созданных отдельными писателями или получивших в литературных контекстах новые смысловые оттенки. Это такие слова, как щедринские: *благоглупости, головотян, чумазы*, толстовское: *образуется* и др. Репертуар этих слов в книге, по-видимому, далеко не полный (нет даже таких, как общезвестные *нигилизм, стушеваться*), что нельзя поставить в особенную вину составителям, так как исследования в этом направлении почти не ведутся.

Особое место по своей структуре занимают описательные обозначения общественных явлений, событий, понятий, являющиеся продуктом индивидуального творчества. Они представляют собою не столько образную, сколько оценочную характеристику тех или иных явлений. Таковы, например, такие, как *великий почин* (о первом коммунистическом субботнике), *географическое*

понятие (первоначально Меттерних об Италии) и т. п. Этот раздел мог бы быть значительно расширен выражениями подобного типа, возникшими в советское время.

В русский язык вошло немало «крылатых слов» — переводов с латинского, французского и других языков. К ним относятся такие, например, общепринятые, как *разделяй и властвуй* (лат. *divide et impera*). Иные, как, например, *ищите женщину* (франц. *cherchez la femme*), менее обычны в переводе. Помещенные же в книге переводы *здесь стою, здесь останусь* (франц. *j'y suis, j'y reste*), *быть более роялистом, чем король* (франц. *être plus royaliste que le roi*), *без гнева и пристрастия* (лат. *sine ira et studio*), так *проходит слава мира* (лат. *sic transit gloria mundi*) не являются русскими выражениями. Если они и употребляются в русской речи, то без перевода. Употребительные в русской речи иноязычные выражения могли быть, конечно, учтены, но в особом приложении, как это сделано в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

Структура книги Н. С. и М. Г. Ашукиных, методы обработки материала вполне удовлетворяют научным требованиям. Толкования слов и выражений не имеют единого трафарета, но всегда содержат указание на источник выражения и на значение его, характер употребления в речи. Лишь в единичных случаях не раскрыт источник (*печальник горя народного, бумага все терпит* и некоторые другие). Часто указание на источник представляет собою историю выражения, установленную в результате большого самостоятельного исследования (см., например: *белая арапия; место под солнцем; так было, так будет; международный жандарм; разбойники пера; министерская чехарда* и многие другие). Авторы привлекли огромную литературу для установления источников выражений. На русской почве они впервые раскрываются с такой тщательностью и полнотой. Безусловно, впоследствии могут быть найдены новые материалы, вносящие коррективы и уточнения в данные, собранные авторами. Но нет сомнения, что этот труд ляжет в основу всех последующих разысканий. В настоящем издании недостаточно раскрыта хронологическая сторона. В особенности желательны указания на время появления в общей речи выражений, на время их наиболее раннего употребления.

Важнейшей частью книги являются иллюстрации употребления «крылатых слов» в русской литературной речи от начала XIX в. до наших дней. Цитатный материал для «крылатых слов», впервые с такой полнотой собранный Н. С. и М. Г. Ашукиными, представляет большой интерес. Помимо чисто познавательного значения для широкого читателя, он может явиться исходной базой для исследования в области одного из разделов русской стилистики — стилистической роли «крылатых слов» в речевой структуре различных жанров русской литературной речи. К сожалению, при некоторых выражениях совсем отсутствует цитатный материал, а при многих он недостаточен для характеристики употребления.

Мы не останавливались на мелких недочетах и неточностях. Мы хотели оценить книгу в целом. Несомненно, что правильное определение объекта материала, подлежащего собиранию, позволило авторам создать книгу научно ценную. Основные критические выводы и пожелания вытекают из нашего предшествующего изложения. Особенно хотелось бы обратить внимание авторов на необходимость внутренней дифференциации материала по употребительности различных групп и разделов «крылатых слов», для чего потребуется, в частности, привлечение нового иллюстративного материала. Особенно это важно для правильного ориентирования широкого читателя.

Как всякая хорошая словарная работа, книга Н. С. и М. Г. Ашукиных представляет собою сочетание научного исследования и популярного пособия.

Как исследование она доставляет богатый материал истории русского литературного языка в области словарного и фразеологического состава XIX—XX вв., а также русской современной и исторической стилистики.

Как популярное справочное пособие принесет незаменимую практическую пользу широкому читателю, интересующемуся русской речью, учителям, журналистам, общественным работникам². Действительно, конкретные исторические условия возникновения и бытования многих «крылатых слов» забыты, а между тем знание этих условий содействует правильному пониманию выражений в литературных и публицистических произведениях и правильному их употреблению. Приложенный к книге словоуказатель облегчает нахождение нужного выражения.

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Вопросы лексики и семантики с разных точек зрения всегда привлекали внимание не только языковедов, но и филологов, в широком смысле, и историков. Действительно, эта сфера языка, наиболее близко по сравнению с фонетикой и грамматикой связанная с психической деятельностью человека, а также с идеологической и материальной жизнью общества, давала широкий простор для выхода далеко за пределы собственно языковедческих исследований. В области изучения русской лексики, так же как и лексики многих других языков, накоплен обширный материал. Изучалась история лексики в связи с историей культуры. Изучалась история слов и выражений, а также различных слоев лексики в пределах отдельных языков. Значительное место занимали этимологические исследования в сравнительно-историческом плане. Выявлялась лексика диалектов и жаргонов. Немало интересных наблюдений накоплено в области лексико-стилистических исследований. Намечались семантические закономерности в развитии лексики. За последние десятилетия предметом особенного внимания была проблема слова и его структуры. Велась интенсивная лексикографическая работа.

Теория лексикографии, как и практика словарного дела, чтобы быть научной, должна опираться на теоретические положения лексикологии.

Определение понятия слова — основного объекта лексикологии и лексикографии — всегда было камнем преткновения лингвистической теории. Многочисленные попытки определить слово при учете только одной из сторон его характеристики — фонетической, морфологической, логической и т. п. — в отвлечении от сложной структуры целостного слова не давали ощутительных для лексикологии результатов. В области русского языка лишь исследования академика В. В. Виноградова во всей широте поставили вопрос о необходимости определения слова как целостной сложной структуры.

Только разрешение всего круга вопросов, связанных с определением понятия слова, поставит на правильный методологический путь изучение в лексикологическом плане проблем взаимосвязи лексики (а также семан-

тики) и грамматики, проблем словообразования, проблем омонимии, фразеологии и др.

Вопрос о взаимоотношении лексики и грамматики приобретает особенное значение для тех языков, в которых существует сложная и разветвленная система способов создания производных слов, как это имеет место, например, в русском языке. Здесь от изучения проблем лексикологии совершенно неотделимы грамматические вопросы словообразования (образование отдельных слов) и системы формообразования (образование форм отдельных слов). Так, например, в русском языке грамматические категории, промежуточные между словообразующими и формообразующими, а также «чистые» формообразующие категории в различных грамматических разрядах слов обладают свойством внесения новых семантических качеств в слово, вплоть до создания нового отдельного слова.

Один из важнейших для лексикологии вопросов — вопрос о разграничении формы слова и отдельного слова — еще не получил окончательного разрешения¹.

Форма слова должна пониматься как морфологическая разновидность цельного смыслового, семантического единства (слова), выявляющаяся в процессе его грамматического функционирования в словосочетании и в предложении. С этой точки зрения к формообразующим категориям отчетливо относятся изменения существительных и полных прилагательных в склонении, изменения прилагательных по родам, изменения глагола по лицам, числам, по родам в прошедшем времени, «междометные» формы прошедшего времени от однократных глаголов (*бац, трах, хватъ*), а также изменения местоимений и числительных в склонении. Система форм одного слова в словах различных грамматических рядов выявляется с различной степенью регулярности и единообразия. Слова, развивающиеся по живым или по еще прозрачным словообразовательным моделям, обладают, как правило, наиболее регулярной системой форм. Вместе с тем, в единую систему форм одного слова включаются разнокоренные образования, вошедшие в эту систему в процессе исторического развития языка. Таковы явления местоименных парадигм (например, личные — *я, меня*). Промежуточное положение между формой слова и отдельным словом занимают такие соотношения в системе существительных, как например,

человек — множественное *люди*, ребенок — множественное *дети*. В подобных случаях обычная многозначность и возможность особых фразовых употреблений часто выводят формы слова на положение отдельных слов (ср. *люди* в значении «посторонние»: *не как у людей, что люди скажут*).

К формам слов с полным правом могут быть отнесены такие образования, как сравнительная и превосходная степень прилагательных, причастия и деепричастия, а также формы страдательного залога от соответствующих действительно-переходных глаголов. Их особое положение среди других форм слова — только в особенностях их синтаксического функционирования. Превосходная степень сохраняет синтаксические функции прилагательного, но отличается возможностью словообразовательных модификаций (например, префиксация ставит превосходную степень на грань между формой слова и отдельным словом, ср. *превысокий*, *наибыстрейший*, а также возможностью аналитических образований, ср. *самый высокий*). Причастия по своей синтаксической функции смыкаются с прилагательными, деепричастия — с наречиями. Формы страдательного залога создают отличия объектно-субъектных отношений в предложении (*плотник строит дом* и *дом строится плотником*). В разрешении этого казалось бы чисто грамматического вопроса о природе формы слов, лексикология, как и лексикография, заинтересована непосредственно: на путях лексико-семантических и грамматических отношений формы слов выкристаллизовываются в отдельные, самостоятельные слова.

Некоторые формообразующие категории обладают особым свойством преобразовываться в особые слова, вплоть до омонимов. Такова категория числа имен существительных. Например, употреблению отвлеченных существительных во множественном числе часто сопутствует образование нового семантического содержания, предметного, выделяющего новое значение слова; ср., например: *грубость ответа* и *говорить грубости*. Этот процесс приводит иногда к утрате первоначального отвлеченного значения (ср. *неприятность*).

Семантическая дифференциация на путях метафорического употребления слова во множественном числе или суженного предметно-вещественного применения часто приводит к отпадению множественного числа в данном

значении из данной парадигмы и переходу его в разряд омонимов. Ср., например, такие слова, как *устои, бега, часы, счёты*, которые образуют вокруг себя производные слова, не существовавшие до образования нового значения: *беговой, часики* и т. д.

Общезвестен переход косвенных падежей существительного в наречия — *шагом, верхом, бегом*, деепричастий в наречия — *сидя, стоя*, причастий (главным образом, страдательных с суффиксами *-ня-, -енн-, -т-*) в прилагательные — *образованный*, краткая форма *образованна*.

Вопрос о лексико-семантических и грамматических условиях перехода форм слова в самостоятельные слова разработан в лексикологии недостаточно. Поэтому и лексикографическая практика отличается здесь крайним разнообразием и противоречиями. Явления, относящиеся к этой области, рассматриваются то как омонимы, то как новые значения слова, а часто аналогичные явления в разных словах определяются по-разному.

Однако вопрос о разграничении формы слова и отдельного слова не исчерпывается пределами перечисленных категорий. Ряд промежуточных явлений, связанных с тем или иным приурочением производных слов, не получил убедительного истолкования. Характерны в этом отношении суждения Л. В. Щербы. В сборнике «Русская речь» он писал: «Такие слова, как *писать* и *писатель*, не являются формами одного слова, так как одно обозначает действие, а другое — человека, обладающего определёнными признаками. Даже такие слова, как *худой, худоба*, не считаются нами за одно и то же слово, зато такие слова, как *худой* и *худо*, мы очень склонны считать формами одного слова, и только одинаковость функций слов типа *худо* со словами вроде *вкось, наизусть* и т. д. и отсутствие параллельных этим последним прилагательных создают особую категорию наречий и до некоторой степени отделяют *худо* от *худой*. Конечно, как и всегда в языке, есть случаи неясные, колеблющиеся. Так, будет ли *столик* формой слова *стол*? Это не так уж ясно, хотя в языковедении обыкновенно говорят об уменьшительных формах существительных. *Предобрый*, конечно, будет формой слова *добрый*, *сделать* будет формой слова *делать*, но *добежать* едва ли будет формой слова *бежать*, так как самое действие

представляется как будто различным в этих случаях» *. В другом месте, ранее, Л. В. Щерба признает формами одного и того же слова уменьшительные образования существительных, прилагательных и качественных наречий **. К формам слова он причисляет там же относительные по родо-половому признаку образования существительных женского рода от соответствующих существительных мужского рода. При таком понимании формы слова само это понятие становится зыбким, неопределенным, растворяясь в понятии отдельного слова, ибо в живом понимании языка многие из указанных категорий воспринимаются именно как отдельные слова.

Форма слова не должна смешиваться с отдельным словом. Дело в том, что вся масса производных слов, как входящих в активный запас лексики, так и остающихся за его пределами, неравноценна. В системе языка производные слова по своему характеру образуют своеобразную иерархию. Намечаются два полярных разряда производных слов, в живом употреблении обнаруживающих серии промежуточных явлений.

Первый разряд — это слова, объединяющиеся родством с корнем, связанностью этимологической и исторической. Образованные от одного корня, от одной основы, будучи производными с исторической точки зрения, в данной системе языка такие слова уже не связаны семантически и словообразовательно не зависят друг от друга. Действительно, зависят ли по образованию с точки зрения современного языка такие слова, как *дать* и *дань*, *стать* и *стан*, *наседка* и *наседать*? Это слова, утратившие живые словообразовательные связи. Такие только с исторической точки зрения производные слова являются существенным источником пополнения активного запаса лексики.

Другой разряд — производные слова, имеющие в современном языке живой непосредственный источник, образованные с помощью легко выделяемых формантов — суффиксов, префиксов. В них сохраняется живая словообразовательная иерархия. Наличие продуктивных или непродуктивных формантов, продуктивные и непродуктивные способы соединения основы с формантами определяют разряды этих производных слов. Действительно,

* Русская речь, т. 2. Л., 1928, с. 19.

** Щерба Л. В. Восточно-лужицкое наречие. Пг., 1915.

такие слова, как *плотничать*, *темнеть*, *устрашить*, как производные, находятся, с точки зрения современной системы, в непосредственной семантико-морфологической связи со словами *плотник*, *тёмный*, *страшить*.

Однако сами форманты, образующие серии зависимых производных, в системе языка неравноценны. Одни из этих формантов оформляют такие слова, которые представляют собой самостоятельное лексическое образование, относящееся к иной грамматической категории и с другим вещественным содержанием. Иначе говоря, с помощью этих формантов возникает самостоятельное слово со своим, особым значением, хотя и связанное семантически с источником. Таково отношение в словах *писать* — *писатель*, *боровой* — *боровик*, *бежать* — *отбегать*. Такие словообразующие форманты можно называть «словарными формантами».

Но есть словообразующие форманты иного рода. Они также образуют самостоятельные слова, но взаимоотношение таких слов с источником иное, чем в первом случае. Источник занимает положение основного слова для выделения данного значения. Производные являются как бы параллельными средствами, парными формами для выражения того же основного значения, но в другой грамматической категории. Смысловой оттенок такого производного слова возникает только как отражение абстрагированного значения грамматической категории и не выходит за пределы основного предметно-смыслового содержания слова-источника. Слово-источник является как бы семантическим представителем в кругу таких производных слов. Словообразующие форманты этого рода производных слов можно назвать «словарно-грамматическими формантами».

Путем таких грамматических формантов в русском языке образуются следующие лексико-грамматические категории:

1) парные виды глагола: *делать* — *сделать*, *запугать* — *запугивать*, *настроить* — *настраивать*, *запустить* — *запускать*;

2) отглагольные существительные, обозначающие действие по глаголу: *дробить* — *дробление*, *устранить*, *устранять* — *устранение*, *оклеить*, *оклеивать* — *оклеивание*, *оклейка*, *обвязать*, *обвязывать* — *обвязывание*, *обвязка*, *стирать* — *стирка*, *стирание*;

3) возвратный залог глаголов: *мыть* — *мыться*, *брить* — *бриться*;

4) собирательные существительные: *ворон* — *вороньё*, *тряпка* — *тряпье*;

5) существительные, соотносительные по родо-половому признаку — названия лиц женского пола от соответствующих названий лиц мужского пола:

а) по профессии, занятию: *покупатель* — *покупательница*, *колхозник* — *колхозница*, *тракторист* — *трактористка*, *кондуктор* — *кондукторша*; сюда не входят, понятно, названия жен по профессии или должности мужа (*директорша*, *полковница* и т. п.), названия самок животных;

б) по внутренним качествам: *озорник* — *озорница*, *затейник* — *затейница*, *баловник* — *баловница*, *драчун* — *драчунья*, *лгун* — *лгунья*;

б) уменьшительные, увеличительные, уничижительные существительные, уменьшительные прилагательные и наречия: *дом* — *домик* — *домище*, *стол* — *столик* — *столище*, *рука* — *ручка* — *рученька* — *ручонка* — *ручище*, *белый* — *беленький*, *кратко* — *кратенько*;

7) отвлеченные существительные от прилагательных: *шаловливый* — *шаловливость*, *искусственный* — *искусственность*, *неопровержимый* — *неопровержимость*;

8) наречия с формантами *-о*, *-е*, регулярно образующиеся от прилагательных: *красивый* — *красиво*, *страшный* — *страшно*, *отчетливый* — *отчетливо*;

9) относительные прилагательные: *средняк* — *средняцкий*, *сосание* — *сосательный*, *дробление* — *дробильный*.

Следует отметить, что в ходе развития словарного состава в кругу производных слов, созданных средствами словарно-грамматических формантов, происходит постоянное движение, приводящее к перераспределению отношений основных и производных слов. Так, в живой системе языка отглагольные существительные, обозначающие действие, как показывает и сам термин, регулярно являются производными от соответствующих глаголов. Однако увеличение семантической весомости слова, обусловленное необходимостью отражения в слове

отношений реальной действительности, может вести к тому, что в системе языка основным словом становится отглагольное существительное, а глагол воспринимается как производное. Если отглагольное существительное становится термином, то такой переход воспринимается весьма отчетливо. Так, например, существительное *образование* (в значении «просвещение») является основным по отношению к глаголу *образовать*. Сравним *вливание* — *вливать*. В отношении таких слов в словарях в лексикографической практике до сих пор наблюдается большой разноречивости.

Разряд производных слов с словарно-грамматическими формантами является богатейшим источником пополнения и расширения словарного состава, обогащения его семантической системы. Именно в этом разряде всегда зарождаются семантические закономерности образования новых значений, необычайно расширяющие семантическое богатство словаря.

Типовая регулярность семантических переходов дает широкую возможность и средства для возрастающих потребностей называния явлений действительности. Так, в отглагольных существительных регулярны семантический переход от названия действия (*быстрое снаряжение экспедиции, вооружение войск новыми средствами обороны, ощущение холода, неожиданное примирение поссорившихся*) к названию предмета, объекта действия (*прочное снаряжение, модернизированное вооружение*), к названию результата действия, состояния (*неприятное ощущение, чисто внешнее примирение*). В отвлеченных существительных: от значений отвлеченного качества (*говорливость детей, достопримечательность события*) — к значению свойства, состояния и к значению предметности (*достопримечательности столицы*); в существительных от значения уменьшительности — к значению собственно предметному (*нож — ножик*).

Мы пытались здесь наметить лишь существенные разграничения в области производных слов, не входя во всю сложность смежных, промежуточных явлений, в частности в области многозначных слов.

В круг лексикологических вопросов, тесно связанных с изучением грамматических процессов, входят и вопросы омонимии. Понятно, что проблема омонимов с лексикологической и лексикографической точки зрения шире, чем только проблема грамматических омонимов.

Вне непосредственной зависимости от грамматики выступают лексические омонимы, традиционно и практически различаемые. Правда, типы лексических омонимов не получили теоретического обоснования.

С точки зрения определения лексического омонима безразлично происхождение и развитие лексических омонимов в пределах лексической системы языка. С одной стороны, они возникают в результате сосуществования ничем не связанных между собою слов, часто пришедших из разных языков (ср. *брак, пост* и т. п.), с другой стороны — омонимы, создавшиеся на основе многозначного слова на ранних этапах развития языка и утратившие реально ощутимые семантические связи, т. е. лексические омонимы, возникшие в процессе исторического развития языка (ср. *мир, свет строй* и т. п.). По своему качеству они несомненно отличаются в современной системе от омонимов предшествующего типа.

Тяготеют к расщеплению на омонимы значения слов, возникшие в процессе применения слова к новым объектам по различным ассоциативным связям, например: *палата* — большой дом, большая комната, комната для больных в больнице, законодательное учреждение, название некоторых государственных учреждений; *лавильон* — беседка, постройка для торговли, выставочное здание, помещение для киносъемок; *лазуха* — в одежде, полость в органах, углубление между основанием листа и стеблем.

Установление закономерностей развития значений этого типа есть прямая задача лексикологин; в лексикографии в этой области царят полный разноречивый и теоретическая путаница.

Еще сложнее представляется проблема лексико-грамматической омонимии. Мы не имели твердой почвы для разрешения этой малоисследованной проблемы, а между тем это явление живое, развивающееся; вычленение омонимов из словарного состава языка происходит в ходе углубления лексико-семантических процессов, взаимодействующих с грамматическими и словообразовательными процессами.

Явления лексико-грамматической омонимии многообразны. Так, в ходе развития словарного состава постоянно наблюдается процесс образования слов общей основы по одним или аналогичным словообразовательным моделям. Лексикографическая практика обычно

игнорирует специфичность этих слов и рассматривает все образования как значения одного слова. Между тем по своей лексико-грамматической сущности эти образования сближаются с некоторыми типами лексических омонимов. Действительно, можно ли рассматривать как одно такие слова, как например, *телятник*, *птичник*, *молочница* (лицо и предмет), *ночник* (осветительный прибор, ночной извозчик, летчик — специалист по ночным полетам), *ударник* (приспособление, солдат ударных частей, рабочий), *кубанка* (шапка, пшеница)?

Более сложные явления наблюдаются в сфере глагольного словообразования. Образование глаголов от общей основы с приставками различного значения (ср. *заговорить*), образование префиксальных глаголов с префиксами, утратившими свое материальное значение и полуомонимичными основами (ср. *осадить*), образование префиксальных глаголов с основами, семантика которых разграничена различными сферами применения (*осесть*, ср. *изба осела*, *муť осела*) — таков далеко не полный перечень скрещения лексико-грамматических процессов в глаголе, расширяющих сферу омонимии в области производных слов. Обрастание омонимов производными значениями и семантическими оттенками дополняет сложный характер этих процессов. Образование производных слов от глагольных омонимов и наличие своих словопроизводственных отношений у каждого омонима закрепляет и подчеркивает омонимию. Ср. у омонимов *осадить* наличие разных форм причастия (*осаженный* и *осаженный*), наличие разных образований несовершенного вида (*осаждаť* и *осаживать*), наличие разных глагольных существительных (*осада*, *осаждение* и *осаживание*), наличие других несовпадающих производных групп (*осадок*, *осадки*, *осадочный*). Конкретные работы акад. В. В. Виноградова в этом направлении должны быть расширены на массовом словарном материале.

В нашей науке до сих пор нет твердых методологических обоснований в различении или неразличении омонимов — слов, принадлежащих к разным грамматическим классам. Так, в лексикографической практике существует полный разноречив в понимании субстантивированных прилагательных. В одних случаях они рассматриваются как существительные — омонимы к прилагательным (*часовой*, *портной*, *служащий*, *столовая*, *парикмахерская*), в других случаях они расцениваются лишь

как возможность употребления (*образованный*). Предстоит еще большая работа по установлению условий субстантивации и — соответственно — по установлению норм размещения этих слов в словарях разных типов.

Далее, если слова, принадлежащие к категориям существительного и глагола (*лечь*), существительного и союза (*раз*), и некоторые другие рассматриваются как омонимы, то многие слова, принадлежащие к категориям наречия и предлога (*вокруг*), наречия, краткого прилагательного и категории состояния (*худо*), междометия и глагола (*трах, бац*), и многие другие рассматриваются и помещаются в словарях то как синтаксические модификации одного и того же слова, то как омонимы. Необходимо коренной пересмотр всех вопросов, связанных с изучением синтаксического функционирования подобных слов, с целью установления действительных лексико-грамматических признаков омонимов или отсутствия их. Одним из путей для этого является составление словаря омонимов, который даст действительно полный, а не иллюстративный материал для решения вопроса в теоретическом плане.

С выяснением взаимоотношений лексики и грамматики непосредственно связаны проблемы сочетаемости слов и фразеологии. «Разум неистощим в соображении [т. е. в сочетании] понятий, как язык неистощим в соединении слов» (Пушкин). Но неистощимость эта не беспредельна. Так, принадлежность слова к определенной грамматической категории предопределяет, связывает возможности сочетаемости слов: есть определенные закономерности сочетания существительных, прилагательных, глаголов, наречий. Свобода сочетаний ограничивается и самой семантикой слов: одни из них свободно сочетаются с другими словами, иные ограничены в возможностях сочетания, иные входят только в единичные контексты. «Абсолютной» свободы слов со стороны их сочетаемости в жизни языка не существует. Прежде всего, свобода сочетаний почти всегда ограничена в плане реально-вещественных отношений. Чем шире круг отраженных в слове реальных явлений, тем шире возможности сочетаний. Так, например, сочетания *воздушный стрелок* и *подземный вестибюль* были бы невозможны без тех реальных условий, которые создались в результате развития техники.

Внутренними языковыми условиями, ограничивающими свободу сочетаний, являются сложные и многообразные исторические условия грамматико-семантического и стилистического развития слова. Так, связано с условиями сочетаемости наличие или отсутствие управления у глаголов с переносным значением (ср. *катить шар* и *катить* в значении «ехать»). В различных синонимических рядах различны возможности сочетаний. Сужение границ сочетаемости ведет к образованию замкнутых фразеологических единиц с различной степенью подвижности и устойчивости частей. Опираясь на конкретный анализ языковых фактов известные положения А. А. Шахматова и В. В. Виноградова о фразеологических единицах дают теоретическую и практическую базу для дальнейших исследований. Изучение с лексикологической точки зрения разных типов сочетаний — от «свободного» до застывшего фразеологического оборота — должно целиком опираться на учение о слове как строительном материале для грамматики. Необходимым условием плодотворности предстоящих исследований является создание фразеологического словаря, который может предоставить массовый материал для теоретических выводов.

Одним из частных вопросов, связанных с фразеологией, является изучение закономерностей возникновения новых слов или новых значений в процессе распада сочетаний (ср., например, образование самостоятельного слова *спичка* из уменьшительного к слову *спича* в значении «тонкая палочка» через употребление его в сочетании *зажигательная спичка*) или возникновение новых значений в замену отпавших сочетаний (ср., например, возникновение значения «снимок» в слове *фотография* в замену сочетания *фотографический портрет*).

Пересмотр всех вопросов, связанных с фразеологией в широком смысле, позволит по-новому поставить такие важные стороны лексикографической практики, как определение системы семантической классификации и системы расположения и выделения фразеологических единиц внутри словарной статьи.

Перед советскими лексикологами стоит задача установления семантических классов лексики и выявления динамики развития и конкретных условий становления словарного состава.

Неотложной задачей лексикологии является разработка вопросов, связанных с установлением характера словообразовательных возможностей слов различных лексических групп активного запаса, с установлением закономерностей развития значений в этих словах и круга их фразеологических возможностей. Активный запас лексики является базой для образования новых слов. Однако не все лексические группы активного запаса обладают одинаковыми возможностями в этом отношении. Так, серии производных слов, образованные от основ, обладающих возможностью производить слова, и именных и глагольных категорий, значительно богаче, семантически многообразнее, чем серии именных производных слов.

Создание специального словаря активного словарного запаса применительно к современному его состоянию может быть наиболее целесообразным путем конкретного разъяснения проблем, связанных с дифференциацией словарного состава.

Необходимо углубленное изучение всего массива лексики в ее истории. Предстоит установление закономерностей развития активного словарного запаса и всего словарного состава в условиях развития языков народностей и национальных языков. К этому кругу вопросов относится изучение в лексическом отношении взаимоотношений между общенародным языком с его литературными стилями и территориальными диалектами, социальными жаргонами, разновидностями профессиональной речи на разных этапах исторического развития языка народностей и национального языка. Язык есть продукт исторического развития. Поэтому и словарный состав современного языка должен изучаться как сложное историческое целое в процессе непрерывного его развития. В этом свете должны рассматриваться такие вопросы, как вопрос о лексических границах литературных языков, вопрос о стилистических нормах. Только в этом свете, с учетом исторической самобытности языка, приобретет твердую почву разрешение проблемы лексико-стилистической нормализации и тесно связанной с нею проблемы синонимической системы языка, до сих пор не исследованной с правильных методологических позиций и даже в русском языке не нашедшей лексикографической кодификации².

Существенной материальной базой для изучения исторических закономерностей развития словарного состава являются общие словари языка. Теоретическое определение задач этих словарей и их типов — первоочередное дело. Нельзя, прежде всего, смешивать задачи исторического и нормативного словарей. Исторический словарь включает весь выявленный лексический материал той или иной эпохи. Нормативный словарь производит лексический отбор в соответствии с поставленными задачами нормализации языка с целью повышения культуры речи. Отсюда вытекают и различия в структуре их и, прежде всего, различия в системе семантической классификации. Объем материала нормативных словарей тесно связан с определением границ современного языка. В зависимости от этого строятся и типы толковых (нормативных) словарей языка. Так, русская лексикография создает сейчас «Словарь древнерусского языка», охватывающий извлеченный из письменных памятников лексический материал вплоть до XVII в. и характеризующий, следовательно, словарный состав языка восточно-славянской и русской народностей³. Предположен «Словарь литературного языка XVIII века», т. е. эпохи формирования русской нации⁴. «Большой академический словарь современного русского литературного языка», характеризующий словарный состав от пушкинской эпохи до наших дней, является толковым словарем современного языка с широкой исторической перспективой⁵.

Одной из очередных задач лексикологии, важных для лексикографической работы, является разрешение проблемы заимствованных слов. Характер этой лексики тесно связан с тем, происходит ли заимствование в сфере общенародного языка, территориальных диалектов или социальных жаргонов, в сфере устной или литературно-письменной речи. Так, в русском языке резко различаются семантические классы слов, проникших в общенародный русский язык из греческого книжным путем в эпоху Киевской Руси, и семантические классы слов, проникших в общенародный русский язык из тюркских языков в процессе устного общения в эпоху средневековья. Особенное место в общенародном русском языке занимает лексика, образованная на базе классических языков — латинского и греческого. В XVIII и XIX вв. эта лексика была своеобразным источником развития

терминологии, имеющей интернациональный характер. Иная судьба заимствованной лексики, проникавшей из французского языка и являвшейся достоянием дворянского жаргона XVIII—XIX вв. В своей массе она не попадала в общенародный русский язык, а просочившиеся в язык некоторые ее элементы к настоящему времени почти не сохранились. Отсутствие исследований в области заимствованной лексики, основанных на твердой методологической базе, приводило к тому, что наши толковые словари без меры засорялись иноязычными словами. Отбор иноязычных слов в толковые (нормативные) словари должен производиться на основе оценки исторической роли и значения разных разрядов иноязычных слов в общенародном языке.

Создание общих словарей языка являлось и является основной задачей лексикографической работы. Однако надо считать, что действительно высокий научный уровень наших общих словарей языка тесно связывается с одновременным проведением ряда вспомогательных исследовательско-лексикографических работ. Кроме указанных выше, в связи с лексикологическими проблемами, особенное значение имеют следующие работы. Важнейшим звеном в подготовке общих словарей являются словари языка писателей. Между тем в этом отношении в области, например, русского языка сделано очень мало. От дореволюционного времени имеется только малоудовлетворительный словарь языка Фонвизина, хотя еще на ранних этапах развития русской лексикографии словарям языка писателей придавали большое значение. Лишь после Великой Отечественной войны приступлено к составлению полного словаря языка Пушкина, основоположника современного русского литературного языка. На очереди — создание словарей языка писателей пушкинской поры и особенно писателей-декабристов. Только после такой работы раскроется словарное своеобразие языка пушкинской поры как основы современного литературного языка. «Горе от ума» Грибоедова, проза Лермонтова, поэзия Некрасова, «Что делать?» Чернышевского также нуждаются в лексикографическом исследовании.

Работа по составлению словарей языка писателей огромна и трудоемка, но она необходима для дальнейшего развертывания общей лексикографической работы и вполне доступна для осуществления нашими научными

филологическими кадрами. Надо всячески приветствовать лексикологические диссертации с уклоном к составлению словаря языка писателя. Уже известно несколько подобных диссертаций с тщательно разработанными словоуказателями. Очередной задачей является выработка, на основе опыта работы над пушкинским словарем, принципов составления полных и дифференцированных словарей языка писателя.

Не менее важна задача составления диалектного словаря. От дореволюционного времени в области русского языка мы имеем сравнительно большое наследие в виде словарей отдельных крупных или мелких диалектов и общего областного академического словаря. Однако теорией составления диалектных словарей почти не занимались, и поэтому неотложным делом является выработка принципов составления подобных словарей⁶. Ведь эти словари имеют не только собственно филологическое значение как источники для составления общих словарей и как источники для изучения исторического развития русского словарного состава и основного словарного фонда диалектов. Современная работа в области усовершенствования научно-технической терминологии и очищения ее от ненужных иноязычных напластований сплошь и рядом затрудняется в поисках удачного слова для использования его в качестве термина. Между тем именно народно-диалектная речь может служить поставщиком новых терминов. Известно, например, что терминология народных ремесел уже давно используется в качестве терминов новой техники. Известно также, что техники — знатоки народной речи — зачастую создавали удачные термины на народной основе. Так, академик А. Н. Крылов ввел термин *зенковка* для обозначения процесса просверливания отверстий в металле. Содействие вовлечению в терминологический оборот пластов народной лексики явилось бы большой заслугой диалектных словарей.

Параллельно с диалектными словарями следовало бы приступить к созданию терминологических словарей. Работа эта могла бы пойти в двух направлениях. С одной стороны, должны готовиться терминологические словари «собираательского» типа для выявления богатств национальной, самобытно создававшейся профессиональной терминологии. С этой точки зрения для русского языка важно, например, выявление терминологии

уральской промышленности, терминологии речного и северного морского судоходства, терминологии русского зодчества, русской охоты. Так же, как и диалектные словари, они помогли бы делу обогащения современной технической терминологии. С другой стороны, следует поставить вопрос о создании терминологических словарей «кодификационного» типа. Известно, какая большая работа ведется сейчас по очищению и уточнению терминологии в ряде областей техники и науки. Однако деятельность отдельных ведомств и специальных институтов, ведущих эту работу, протекает обычно в отрыве от языковедческих учреждений, что приводит иногда к таким решениям терминологических вопросов, которые находятся в противоречии с закономерностями развития словарного состава языка. Терминологическая работа несомненно должна протекать при участии языковедов. Только при этом условии могут быть выработаны научно обоснованные принципы очищения и уточнения терминологии.

Вопросы лексикологии и лексикографии далеко не исчерпываются вышеннеложенным. Требуется дружная работа всех языковедов нашей великой и многонациональной страны.

ЗАМЕТКИ О СЛОВАХ

ЕСТЬ ЛИ ГЛАГОЛ *ИСПЕЩРИТЬ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ?

В своих «Замечаниях на Грамматику русского языка, т. I» («Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 1954, № 6, стр. 145) академик С. П. Обнорский считает, что «такого глагола нет в языке» и что помещение его в академической грамматике (на стр. 514) есть один из «следов механического использования Словаря под ред. Д. Н. Ушакова». «Что глагола *испещрить* нет в языке, — пишет С. П. Обнорский, — свидетельствуют словари: во всех них, до Словаря под ред. Д. Н. Ушакова, не отмечается этого глагола. В самой многомиллионной картотеке академического словаря есть много материала на глагол *испестрить*, *испещрять*, прич. *испещрённый*, но ни одной карточки нет на *испещрить*. Очевидно, в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова слово зарегистрировано по недоразумению».

Достаточно ли этих двух доказательств для опровержения существования глагола *испещрить* в языке? Язык развивается лексически и семантически, и известно, что Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова отметил много таких явлений, которые не были известны в языке XIX в. или которые, по тем или иным причинам, не были зарегистрированы в предшествующих словарях. В практике словарного дела известно также, что никакая картотека, даже многомиллионная, не избавлена от опасности пропусков, иногда весьма существенных. Чем же иным можно объяснить то обстоятельство, что, например, слово *листва* не попало в Словарь В. И. Даля? Или слово *государственность* в Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова? Требуется иные доказательства отсутствия или наличия глагола *испещрить* в языке.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова различает глаголы *испестрить* (прич. *испестрённый*, несов. *испестрять*) — «сделать очень пестрым, разноцветным», и *испещрить* (прич. *испещрённый*, несов. *испещрять*) — «усеять точками, метками, множеством мелких пятен, сделать совершенно пестрым. И. стол чернильными пятнами. || Мелко исписать, усечь надписями. И. книгу заметками». Со стороны стилистической первый глагол оценен как разговорный, второй как книжный, что, впрочем, безосновательно, так как стилистическая характеристика основывалась на особенностях происхождения глаголов. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (изд. 2. М., 1952), не различая этих глаголов стилистически, резче подчеркивает их смысловое различие, что более правильно с точки зрения современного употребления. *Испестрить* (прич. *испестрённый*, несов. *испестрять*) — «сделать очень пестрым, разноцветным», и *испещрить* (прич. *испещрённый*, несов. *испещрять*) — «усеять, покрыть чем-н. (мелкими пятнами, надписями и т. п.)».

Как же появились в языке эти два глагола с разными значениями?

В старославянском языке известно фонетически закономерное смягчение *ст* и *т* перед мягким *р*, за которым следовал *ј* (из *и* перед следующим гласным), в *щ*. В глаголах с такими сочетаниями закономерно образовывались со смягчением формы 1-го лица единственного числа, страдательного причастия прошедшего времени,

несовершенного вида и отглагольного существительного: *изострити, изощрю, изостриши, изощренный, изощряти, изощрение*. Русский (восточнославянский) язык это явление знал только для сочетания *ст.*

В русском литературном языке в разные периоды его развития сосуществовали в течение веков параллельные приставочные однокоренные глаголы, оформленные то в церковнославянской, то в русской фонетической традиции, но с одинаковым значением. Так, наряду с обычными *поощряти, поощряться* встречаем *поостряти, поостряться*: *Поостряя на ... непокорство ... градских людей* (Акты Ист., V, 323) или *да поостряются на многая стремления и на великое земли неустройство* (Акты Ист., I, 516).

В период формирования русской нации и национального языка утрачивается полнота семантической сопоставимости смягченных и несмягченных форм подобных глаголов (производных от прилагательных *острый, пестрый, хитрый*). Одни из них закрепляются в «церковнославянской» форме, иные в русской, образуются новые приставочные глаголы, подчиняющиеся то одной, то другой фонетической традиции.

«Словарь церковнославянского и русского языка Академии наук» (СПб., 1847), понимая состав современного ему русского литературного языка лишь как некое соединение самостоятельных «стихий» церковнославянского, славянорусского и древнерусского письменного языков, обогащенных народной речью, весьма интересен по отчетливому отражению того периода — начало XIX в., — когда национально-литературный язык еще не переварил противоречивого многообразия форм составляющих его «стихий».

С одной стороны, мы встречаем глаголы и их формы в русской фонетической традиции, которые, судя по их лексико-словообразовательным признакам, не могли быть связаны с книжным употреблением: *выострить — выостренный — выостренье — выострёние* (I, 215), *выпестрить — выпестренное* (I, 217), *запестрить* (II, 42), *заострить — заостренный — заостренье — заострять — заостривать* (II, 40), *наострить — наостренный — наостренье — наострёние — навастренье — навастривать* (II, 387, 351), *обвастривать* (делать острым с конца) — *обвострить — обвостренный — обвостренье* (III, 3—4), *перехит-*

рѣть — *перехѣтренный* — *перехѣтрѣть* — *перехѣтрѣние* (III, 210).

С другой стороны — глаголы, полностью представляющие церковнославянскую фонетическую традицию, хотя некоторые из них вряд ли были связаны с книжным употреблением: *возострѣть* — *возощрѣти* (с пометой «стар.») (I, 151), *доострѣть* — *доощрѣть* (оканчивать вострение, без помет) (I, 352), *распестрѣть* — *распещрѣнный* — *распещрѣть* — *распещрѣние* (IV, 47), *изострѣть* — *изоощрѣнный* — *изоощрѣние* — *изоощрѣть* (в прямом и переносном значении) (II, 221); *обострѣти* — *обоощрѣнный* (с пометой «церк.») (III, 28).

Наконец, как результат непреодоленного брожения в образовании глаголов этого типа, мы встречаем серии производных (от совершенного вида) параллельных форм в церковнославянской и русской фонетических традициях при полном тождестве значений. От *напестрѣть* образованы, с одной стороны, *напещрѣть* — *напещрѣние*, с другой стороны — *напестрѣнный* — *напестрѣние* (II, 389); от *испестрѣть* — *испещрѣнный*, *испещрѣть*, *испещрѣние* и *испестрѣнный*, *испестрѣние* (II, 138); от *ухитрѣть*, -ся — *ухищрѣнный*, *ухищрѣть*, -ся, *ухищрѣние* и *ухитрѣть*, -ся (IV, 377). Полную параллель без различения значений представляют собой ряды *поострѣть* — *поострѣнный* — *поострѣть*, -ся и *поощрѣть* — *поощрѣнный* — *поощрѣть*, -ся (III, 345). Кроме совершенного вида *поощрѣть* Словарь 1847 г. приводит с пометой «церк.» совершенный вид *обоощрѣть* (*обострѣть*) (III, 28). Круг смешения завершается.

В течение XIX в. многие производные глаголы выпадают из языка, сохраняются лишь те, что нашли себе прочное место в смысловой системе языка. Наметились и семантическая их дифференциация. «*Изострѣть*, *изострѣть* — более говорится о вещественных предметах, а *изоощрѣть*, *изоощрѣть* — об умственных», — указывает В. И. Даль в «Толковом словаре» (СПб., 1912, II, 70). *Поощрѣть* в переносном значении вытеснило форму *поострѣть*, так же как на месте *изострѣть* единственной формой стал глагол *изоощрѣть*.

Аналогичная судьба постигла глагол *испестрѣть*. Он сохранил значение, наиболее близкое по этимологической связи с прилагательным *пестрый*, а новообразование *испещрѣть* утратило все те оттенки значения,

которые связаны с цветовыми ассоциациями, что и отмечено словарями современного русского языка *.

История развития группы данных глаголов показывает закономерность существования *изошрить*, *поощрить*, *испещрить*, а также и то, что генетически незаконномерные явления могут быть закономерными исторически.

СЛОВО, КОТОРОМУ НЕ ПОВЕЗЛО В СЛОВАРЯХ

Это слово — *боевитость*. Начиная с «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, ни один словарь современного русского литературного языка не отмечает этого слова, хотя оно было известно составителям Словаря под редакцией Д. Н. Ушакова и зарегистрировано в словарной картотеке Института русского языка.

Первая регистрация слова относится к 1930 г. («Известия ЦИК», 1 июля 1930 г.), хотя возникло оно, по-видимому, несколько раньше. В 30-х гг., главным образом в середине десятилетия, оно широко употребляется в официальных постановлениях, в публичных выступлениях, в прессе. Оно проникло и в художественную литературу. Так, оно встречается в стихах И. Сельвинского, относящихся к 1941 г., но в несколько необычном употреблении:

Смастерил тот Зибен
Громадной боевитости бомбарду:
На сорок восемь фунтов ядро!

«Лирика и драма». М., 1947, стр. 443.

Параллельно, но значительно менее активно употребляется соответствующее прилагательное: *А ты сам, — Кудинов налег на последнее слово, — не поведешь сотни? — Почему сам? — Боевитого надо командира, вот почему. Надо дюже боевитого, через то, что это дело нешутейное* (М. Шолохов. Тихий дон, кн. 3, гл. XIV).

Позднее слово *боевитость* утрачивает свою былую активность, но в 50-е гг. оно заметно оживает в речи, обнаруживая тем самым, что оно имеет свое определен-

* Вот пример типичного современного употребления глагола *испещрить*: *Был у него замысел (с расчетом на славу) нарушить однообразие этих белых пятен на карте и испещрить их обозначениями горных цепей, низин и водных бассейнов* (Лондон Д. В дебрях Севера. Пер. Л. Слонимской. Соч., т. 1. М., 1954, с. 388).

ное место в смысловой системе языка. Смысловая уместность этого слова в языке становится совершенно очевидной. См., например: *Усилия комсомольских и пионерских организаций должны быть направлены на воспитание каждого пионера, каждого комсомольца, каждого учащегося, ибо уровень боевитости и жизнедеятельности любого коллектива определяется степенью сознательности каждого члена этого коллектива* («Комсомольская правда», 27 февраля 1959 г.), Или у Л. Леонова: *Согласовано, одним словом: старшим машинистом на бронепоезде пойду я, Титов ... При мне из вашего брата трое на левом крыле. Двоих-то я уж подобрал, побоевитее каких, вот Ланцов в том числе* («Русский лес», гл. 11, 2).

Почему же слово *боевитость* так игнорируется словарями? По-видимому, это связано со свойством прилагательного, от которого произведено существительное. В современном литературном языке новые прилагательные с суффиксом *-овит-ый* не образуются. Суффикс этот непродуктивный, как и все, по-видимому, суффиксы со слабо выраженным и к тому же неоднородным в разных словах значением. Современные слова с этим суффиксом не могут быть отнесены к одному словообразовательному разряду*. Их немного. Одинокое стоит относительное прилагательное *ледовитый*, утратившее прозрачность своего значения «обильный льдами» и живущее в составе терминов, обозначающих два полярных океана. Так же одиноко и качественное *глянцевитый*. Оно при наличии в литературном языке прилагательного *глянцевый* имеет как раз значение «обладающий в меньшей степени чем-либо». Так в словаре В. И. Даля; это же значение меньшей степени чего-нибудь содержится в определениях академического словаря Я. Грота: *глянцевый* «имеющий глянец», а *глянцевитый* «имеющий лоск». В группе литературных прилагательных *даровитый, деловитый, домовитый, родовитый, сановитый, ядовитый* суффикс не вносит теперь никакого оттенка степени качества, а образует обычное качественное

* Указание «Грамматики русского языка» АН СССР (т. 1. М., 1952, § 525) на то, что прилагательные с этим суффиксом имеют значение «обладающий в большой степени чем-либо, что обозначается производящей основой» и что «оттенок значительности степени качества выражается здесь особенно ярко», слишком суммарно, и если верно, то с точки зрения исторических отражений, а не современного состояния.

прилагательное с конкретизированным в употреблении значением, имеющим ту или иную исторически обусловленную связь со значением корня. Оттенок степени качества мог бы проявиться при наличии другого прилагательного с другим суффиксальным образованием, но того же значения. Однако этого нет. Прилагательные *даровой*, *домовой*, *родовой*, *сановный* имеют иные значения и, за исключением последнего, принадлежат к относительным. *Деловитый* и *деловой* (о человеке) при всей близости значения различаются: в первом характеристика свойств преимущественно по внешним признакам, во втором — по внутренним. Лишь в одном *плодовитый* содержится оттенок степени качества, подчеркнутый нейтральными *плодоносящий*, *плодовый*.

Но если в литературном языке сохранились лишь остатки былой продуктивности суффикса *-овит-ый* — отдельные слова, то в народно-разговорной речи, в просторечии, в диалектах, а на их почве и у литературно говорящих людей этот суффикс обнаруживает продуктивность, однако в как бы преобразованной функции: слова с ним обозначают не столько степень какого-нибудь качества, сколько являются наиболее выразительным, красочным средством названия этого качества. Таковы, например, *толковитый* (ср. толковый), *басовитый* (ср. басистый), *щедровитый* (ср. щедривый), *страховитый* (ср. страшный), *башковитый* (ср. аналогичное головастый). К этому же ряду относятся, с одной стороны, старое областное *духовитый* («пахучий») и, с другой, — *самовитый* из писательского жаргона недавнего прошлого (ср. «самовитое слово»).

В недрах этого словоупотребления возникает и слово *боевитый* как выразительно звучащая параллель к прилагательному *боевой* в новом значении «активный, решительно действующий». Но как назвать это новое качество, обозначаемое прилагательным *боевой*, в форме существительного? *Боевость*? Это противоречит законам русского словообразования. Тогда-то и возникает как отвлеченное существительное к *боевой* — *боевитость*, морфологически от народно-разговорного *боевитый*, но семантически, в смысловом отношении, вполне оправданное как литературное слово.

КУЛЬТУРА РЕЧИ. СТИЛИСТИКА

ОЧЕРЕДНЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Известно, как богат и стилистически многообразен русский литературный язык. В течение веков в процессе устного общения и под пером выдающихся писателей он развил в себе сложную систему средств выражения, обслуживающих все стороны общественной жизни.

Особенно блестящая пора развития нашего литературного языка — пушкинская эпоха, когда завершается процесс формирования русского языка как языка нации. В эту эпоху сложились основные нормы литературного языка, которые характеризуют и язык нашего времени. Тогда же наметились и те закономерности развития литературного языка, которые в основном свойственны ему и ныне; установились методы использования в нем лексических, словообразовательных и иных элементов церковнославянской стихии, пронизывавшей книжную речь. Литературный язык принял ту устойчивую, по сравнению с XVIII в., форму, которая позволила строже квалифицировать и ограничивать литературную речь от народно-диалектных словарных, грамматических и произносительных элементов, от элементов жаргонной или профессиональной речи, от отживающих элементов старого книжного языка.

Совершенствование языка в процессе обслуживания усложняющихся потребностей общества является одним из важнейших законов языкового развития. От Пушкина до наших дней русский народ прошел сложный исторический путь, и все новые условия жизни народа — установление капиталистических отношений, рост революционно-демократического движения в XIX в., а затем, к началу XX в., мощный подъем рабочего революционного движения под руководством Коммунистической партии, победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социалистического общества в нашей стране — нашли широкое отражение в языке.

Неуклонное пополнение словарного состава и другие изменения, совершавшиеся в русском языке, одновременно с развитием литературно-художественных и публицистических стилей, сопровождались и изменениями стилистических норм литературного языка. Постепенное совершенствование грамматических и произносительных норм в процессе развертывания внутренних закономерностей развития языка привело к сосуществованию, на определенных этапах, новых, прогрессивных элементов и старых, отживающих. Создавались серии дублетных способов выражения, возникали колебания в стилистических, грамматических и произносительных нормах литературного языка. Кроме того, в силу ряда причин, вызванных особенностями исторического развития общества, возникали явные неправильности, искажавшие и нарушавшие нормы литературной речи.

Если изменения в языке всегда тесно связаны с изменениями в жизни общества, народа, то и само общество не безразлично к языку. Борьба за выправление колеблющихся норм литературной речи стала характерным явлением для всего послепушкинского периода развития русского литературного языка. Борьба эта шла в двух направлениях.

С одной стороны, буржуазно-дворянская интеллигенция оказывала противодействие всему тому, что вело к нарушению старых, привычных для нее норм, и противилась закреплению новых явлений, хотя бы и закономерно возникавших в языке. Так, например, раздавались протесты против употребления форм именительного падежа множественного числа с окончанием *-á* вместо *-ы*: *счета́, поездá, профессорá*, хотя для определенных разрядов существительных мужского рода это было закономерным явлением. Характерно в этом отношении и приведенное Л. Н. Толстым в третьей части его автобиографической трилогии исходящее из уст аристократов осуждение особенностей речи студентов-разночинцев, которые «выговаривали иностранные заглавия по-русски» или «употребляли слова *глупец*, вместо *дурак*, *словно*, вместо *точно*, *великолепно*, вместо *прекрасно* и т. п.» («Юность», гл. XLIII).

С другой стороны, велась борьба против всего того, что считалось неправильным, нарушавшим чистоту русской литературной речи, искажавшим нормы словоупотребления или произношения. В один ряд с действи-

тельными неправильностями ставились и новые, еще непривычные явления, проникавшие в литературную речь из демократических слоев общества. Эта борьба велась на страницах периодической печати, отчасти в филологических журналах, в разного рода справочниках типа книжки В. Долопчева «Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи» (изд. 2, Варшава, 1909). В 1895 г. был образован недолго просуществовавший «Союз ревнителей русского слова», который ставил своей задачей борьбу с засорением русского языка иноязычными словами.

Известно страстное выступление судебного деятеля П. С. Пороховщикова в его книге «Искусство речи на суде», изданной в 1910 г. под псевдонимом П. Сергич¹. «Наши отцы и деды, — писал Пороховщиков, — говорили чистым русским языком, без грубостей и без излишней изысканности; в наше время, в так называемом обществе, среди людей, получивших высшее образование, точнее сказать, высший диплом, читающих толстые журналы, знакомых с древними и новыми языками, мы слышали такие выражения, как *позавчера, ни к чему, ни по чем, тринадцать душ гостей, помер вместо умер, выпивал вместо пил, занять приятелю деньги*» *. Точка зрения пуриста, уверенного в полной незыблемости языковых норм, ярко сформулированная здесь, не чужда многим нашим современникам, в том числе и филологам.

Тот же автор обратил внимание на сложность совершающихся в обществе языковых процессов. Говоря об обилии неправильностей в ударении, он следующим образом рассуждает о колебаниях в ударении слова *приговор*: «Произнесение этого последнего слова подчиняется какому-то непонятному закону: образованные люди в обществе, воспитанницы женских учебных заведений и члены сидячей магистратуры произносят: *приговóр*; так же говорят подсудимые, т. е. необразованные люди, знающие звуковые законы языка по чутью; чины прокуратуры, присяжные поверенные и их помощники, секретари судебных мест и кандидаты на судебные должности произносят: *при́говор*; я спросил трех воспитанников из старших классов реального училища, и каждый порознь сказал: *приговор*. Различие это тем

* Сергич П. Искусство речи на суде. СПб., 1910, с. 7.

менее понятно, что никаких сомнений о правильном произношении этого слова нет» *.

Специалисты-языковеды со второй половины XIX в. стояли в стороне от этой борьбы и не шли дальше констатирования фактов. Так, академик А. А. Шахматов в своем курсе «Очерк современного русского литературного языка» (литографированное изд., СПб., 1913), говоря о звуковых законах русского языка, лишь отмечает наличие колебаний в литературном произношении, не делая из этого никаких выводов о том, что предпочесть. Такой же описательный характер носят, например, книги В. И. Чернышева: «Правильность и чистота русской речи» (СПб., 1911), «Русское ударение» (СПб., 1912), «Законы и правила русского произношения» (изд. 2, СПб., 1908)², грамматика русского языка Р. Кошутича (Пг., 1919) и другие. Проблемы нормализации языка на основе научного анализа закономерностей языкового развития не ставились. Более того, в дореволюционной филологической науке господствовали такие взгляды на задачи науки, которые препятствовали даже постановке вопросов нормализации языка как научной проблемы. Традиции М. В. Ломоносова и академика А. Х. Востокова, всегда заботившихся о нормализации литературной речи на научных основах, были забыты. Задачей языковеда считалось лишь объективное описание фактов языка.

Наиболее яркое выражение эта точка зрения нашла в словарных работах академика А. А. Шахматова. Он полностью отказался от мысли установить в издаваемом им академическом словаре границы словарного состава и грамматические нормы литературного языка. В словарь включались слова и грамматические формы слов, отмеченные в произведениях писателей, народных говорах и других многообразных источниках, собранных в словарной картотеке Академии наук. «Важная особенность словаря, — писала чл.-корр. АН СССР Е. С. Истрина — отказ от установления языковых норм. Шахматову вообще чужда была задача нормализации языка, и недаром он не раз в своих обращениях к Отделению настоятельно повторял, что вопросы нормы подлежат решению не его, редактора, но Отделения. Взамен нормативных помет он выдвигает документацию, точные

* Сергеев П. Искусство речи на суде. СПб., 1910, с. 16.

ссылки на источник»*. Таким образом, вопрос нормы решался здесь не научным анализом, а ссылкой на авторитет источника: «Характер источника ясно определяет, насколько то или другое слово следует считать общеупотребительным, насколько то или иное выражение можно признать достойным подражания»**.

Возражая против такой нейтральной позиции, педагог И. Х. Пахман отмечал в своей записке по поводу плана академического словаря, что и писатели нередко отступают от обычного употребления, и прямо предлагал «факты языка подвергать строгой критике и в необходимых случаях исправлять их и даже отвергать, не щадя никаких авторитетов»***. Академик А. А. Шахматов в ответе И. Х. Пахману, приводя примеры того, как трудно установить даже нормы ударения, не допускает мысли о возможности нормализации: «Странно было бы вообще, если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показать, как говорят, решалось указывать, как надо говорить»****.

Нормализаторские попытки академика Я. К. Грота в статьях о русском ударении, о русской лексикографии и в академическом словаре под его редакцией не получили теоретического завершения, не были продолжены дореволюционной языковедческой наукой и только в советское время нашли отражение в лексикографической практике — в известном «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (М., 1935—1940).

В советскую эпоху вопросы нормализации языка, упорядочения словоупотребления и приношения приобрели большое общественное значение, приняли характер борьбы за повышение культуры речи, за правильность и точность языка, за его ясность и чистоту, за умелое пользование всеми выразительными средствами языка.

Это объясняется в первую очередь тем, что функции литературного языка в период формирования и расцвета социалистических наций необычайно расширились.

* Истрина Е. С. А. А. Шахматов как редактор словаря русского языка. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1946, т. 5, вып. 5, с. 415.

** Словарь русского языка, т. 2, вып. 1. СПб., 1897, с. 7.

*** План нового «Академического словаря», с точки зрения иноязычного». Записка И. Х. Пахмана. В сб. ОРЯС, 1899, т. 17, № 1, с. 27.

**** Несколько замечаний по поводу записки И. Х. Пахмана. В сб. ОРЯС, 1899, т. 17, № 1, с. 33.

Широкое распространение получила устная публичная речь. Печать — книга и газета — сделались достоянием широких народных масс. Радиовещание, звуковое кино и, что важнее всего, школа со всеобщим обязательным обучением стали мощным орудием распространения литературного языка.

В огромной степени расширялся круг носителей общенародного языка в его литературной форме; народные массы овладевали нормами литературной речи. Разумеется, это не был процесс пассивного усвоения. Народ и вышедшая из его рядов трудовая советская интеллигенция вносили в литературную речь многие элементы своих речевых навыков — и в области словоупотребления, и в области произношения, и в области использования грамматических форм. Часто это были элементы, общие многим народным говорам, общенародные, укреплявшие в литературном языке прогрессивные тенденции его развития, но еще не получившие значения признанной нормы. Нередко привносились и элементы местных народных говоров или грубого просторечия; естественно, что они рассматривались как неправильности, как инородное тело в составе литературной речи. Вместе с тем возникали как отражение новых общественно-политических отношений и роста социалистического производства, целые пласты новой лексики, в том числе и терминологии на народно-языковой основе, значительно обогатившие словарный состав русского языка.

Если принять во внимание, что русский язык испытал немалые колебания своих литературных норм в процессе исторического развития и на дореволюционных этапах, что новые явления колебаний существовали наряду со старыми, что в языке, естественно, начали складываться новые соотношения между его элементами, что изменялся самый критерий общественной оценки языковых явлений, то становится понятным значительный разноречивый в литературных нормах, обнаруживающийся в наши дни.

Ясно, что при широте функций современного русского литературного языка отсутствие четких и для всех убедительных норм при наличии колебаний в области словоупотребления, произношения и стилистических форм речи совершенно нетерпимо. Необходимо найти пути для того, чтобы язык, понятный для всего общества и единый для всех его членов, мог наилучшим образом

осуществлять свои задачи как орудие общения, как орудие развития общества. Руководители партии и правительства в своих выступлениях не раз указывали на политическое значение точности и ясности речи.

Вопросы правильности и чистоты речи начали привлекать к себе внимание еще в начале 20-х гг. нашего века. Однако в те годы еще господствовала, преимущественно у старой интеллигенции, точка зрения пуризма: новое в словоупотреблении и литературном словотворчестве охотно признавалось загрязняющим, искажающим литературный язык. Для того периода характерна была брошюра А. Г. Горнфельда «Новые словечки и старые слова» (Пг., 1922), не предлагавшая никаких решений для усовершенствования лексико-стилистических норм.

В 30-х гг., когда пути развития русского литературного языка, отражающего потребности советского общества, определились уже более отчетливо, началась подлинная борьба за повышение культуры речи. Деятельность А. М. Горького, а впоследствии Ф. В. Гладкова и других крупных советских писателей немало содействовала стилистическому совершенствованию не только литературно-художественной, но и публицистической, и устной публичной речи. Работы ряда языковедов, особенно академика Л. В. Щербы, чл.-корр. АН СССР Д. Н. Ушакова и проф. Р. И. Аванесова, существенно помогли уяснению колебаний в области произносительных норм. Теоретические же работы академика В. В. Виноградова создали прочную базу для разработки вопросов нормализации языка как самостоятельного научного направления в языкознании.

Характерной особенностью нашей социалистической действительности является то, что не только писатели, ученые и общественные деятели вносили и вносят свой вклад в дело повышения культуры речи. В этом принимают активное участие все — рабочие и учителя, работники театра и сельского хозяйства, представители советской интеллигенции самых разнообразных специальностей. Их выступления на страницах газет и журналов с высказываниями по поводу отдельных вопросов культуры языка, особенно волнующих общественность, содержат обычно немало интересных суждений и предложений. Такие высказывания чрезвычайно существенны для научных выводов, ибо отражают известные тенденции

развития языковых норм и обнаруживают общественную оценку тех или иных языковых явлений.

Усилия советских языковедов должны быть решительно направлены на повышение культуры речи, что является потребностью всего советского народа. Разработка проблем культуры речи — важнейшего элемента социалистической культуры — означает внедрение достижений языкознания в народные массы. Две взаимно связанные задачи стоят перед языковедами: создание пособий, доступных широким слоям трудящихся, и одновременная теоретическая разработка языковедческих проблем, непосредственно относящихся к вопросам языковой нормализации и тем самым к вопросам повышения культуры речи.

Языковеды повинны в том, что до сих пор создано очень мало теоретически обоснованных и вместе с тем вполне доступных справочников, которые могли бы служить надежным руководством в речевой практике. Первый советский справочник этого рода, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, пользующийся заслуженным авторитетом, как нормативный справочник во многом уже устарел.

Да и самый вопрос о норме нельзя считать решенным. А отсутствие научно-теоретической базы и эмпиризм при рекомендации тех или иных норм приводят лишь к частным решениям по поводу отдельных случаев колебаний и к субъективным оценкам, лишенным научной убедительности и общеобязательного характера.

Поэтому едва ли не самым существенным вопросом, от решения которого зависит направление и содержание работ в области нормализации всех сторон литературного языка, является вопрос о понимании нормы.

Прежде всего может ли быть единой языковая норма от Пушкина до наших дней на всех этапах развития русского литературного языка, как склонны думать, упрощая дело, и некоторые языковеды? Действительно, каждый новый этап в жизни языка не отгорожен от предшествующего, а подготовлен им и тесно с ним связан. Но язык — явление общественное, и потому каждый новый этап его развития исторически обусловлен, неразрывно связан с этапами развития общества и отражает свойственные последнему потребности общения. При сохранении структуры языка, грамматического строя и основного словарного фонда, а также подавляющей массы

словарного состава и типов сочетаемости слов на каждом новом этапе складываются свои, своеобразные соотношения всех языковых средств. Следовательно, каждый этап развития языка, являясь продолжением этапа предшествующего, имеет свои нормы, и объективное развитие языка есть становление его нормы.

Вместе с тем, при исследовании норм необходимо твердо помнить, что законы развития языка существуют независимо от воли людей, являясь отражением объективных процессов. Однако, познав эти законы, открыв языковые нормы, общество может целесообразно использовать и применять их, т. е., исходя из тенденций развития языка, нормализовать те или иные его стороны в соответствии с потребностями общения и обмена мыслями в ту или иную историческую эпоху.

Раскрытие внутренних законов развития языка на конкретном языковом материале является нашей первоочередной задачей, ибо только знание этих законов может служить прочным фундаментом для установления научных принципов нормализации литературного языка и его стилистического упорядочения. При этом необходимо иметь в виду, что, обладая своими специфическими закономерностями развития, каждая из сторон языка — произношение, словарь, грамматика — в своем развитии тесно связаны между собой.

Языковая норма — не статистическое явление, ибо распространенной и часто повторяющейся в языке может быть, как известно, и ошибка. Языковая норма есть прежде всего явление типическое, т. е. соответствующее сущности данного социально-исторического явления, а не просто наиболее распространенное, часто повторяющееся, обыденное. Именно поэтому нельзя рассматривать языковую норму как некое статистическое среднее.

Из всего сказанного вытекает, что языковая норма — не извечная, неподвижная, застывшая категория. Языковая норма есть исторически обусловленный факт, проявление исторических закономерностей развития языка и типических для каждой эпохи тенденций развития, поддержанное и одобряемое обществом в его языковой практике. Отсюда следует, что норма — это совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологиче-

ских, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов.

Дальнейшая разработка понятия нормы³ применительно к различным сторонам языка — словарному составу, грамматике, произношению (орфоэпии), ударению — позволит с научной объективностью установить принципы нормализации литературного языка и будет содействовать общему повышению культуры речи.

Нормализация произношения — одна из первых задач, требующих разрешения. Радио и школа, театр и практика публичной речи страдают от разноречия в произношении, наблюдающегося в наши дни.

Произносительная система языка, подобно грамматическому строю, отличается большой устойчивостью, так как звуковой строй общенародного русского языка и его территориальных диалектов складывался веками. Различия в произношении гласных звуков в слове в зависимости от ударения, варианты в произношении отдельных согласных звуков и иные явления, отстоявшиеся в процессе сложного исторического развития и взаимодействия старого книжно-литературного языка и общенародного русского языка с его диалектами, дали возможность литературному русскому языку использовать в своей произносительной системе, для усовершенствования и обогащения ее, все необходимые средства.

Так, например, обосновывая свою теорию «трех штилей», Ломоносов устанавливает нормы разговорного и книжного произношения, отводя последнему место в чтении, в произношении стихов и в публичной речи. Такое положение просуществовало долго, и следы его сохранялись даже тогда, когда на разговорной основе сложилась единая, литературная произносительная норма общенародного языка. Окончательно эта норма утвердилась, когда ее приняли и в чтении стихов, и в публичной речи, и, наконец, в театре.

К середине XIX в. в русском театре происходил решительный поворот к реалистическому национальному репертуару, к демократическому зрителю. Гоголь и Островский стали знаменем сцены. Московский Малый театр, театр Щепкина и Садовских, воспитал замечательную плеяду реалистических актеров. Для реалистической комедии и драмы, как ранее для водевиля, при-

нимается произносительная норма общенародного языка. Именно с этих пор для многих поколений русских людей московское произношение (т. е. произношение, принятое и закрепленное в первую очередь Малым театром) становится нормой, образцом, к которому следует стремиться. Для языковедов это подкреплялось историческими соображениями о ведущей роли московского говора в образовании норм литературной речи; для других это были традиции Малого театра и образцы произношения коренной московской интеллигенции.

Однако московская норма произношения на всем протяжении своего существования испытывала колебания и подвергалась различным воздействиям. Так, в живом произношении сохранялись как дублетные некоторые нормы старого книжного произношения. Расширение и постепенная демократизация социального состава интеллигенции приводили к воздействию элементов диалектного произношения. Жаргонной речи дворянских и буржуазных «верхов» были свойственны некоторые особенности, главным образом в области произношения иноязычных слов, просачивавшиеся иногда в литературную произносительную норму. С уверенностью можно сказать, что именно этому влиянию обязано распространенное в образованном кругу, как говорил академик Я. К. Грот, произношение мягкого *ц* в таких словах, как *лекция*, и мягкого *н* перед мягким *ц*, например *Франция*, *станция**. Это явление типично было особенно для высших слоев петербургской интеллигенции**.

* О некоторых особенностях в системе звуков русского языка. — В кн.: Грот Я. К. Труды. Под ред. Я. К. Грота, т. 2. СПб., 1899, с. 245.

** В связи с этим уместно сказать, что обычное у нас противопоставление «московского» произношения «петербургскому» как какой-то особой системе норм основано на малой изученности вопроса. Авторы, касавшиеся этого, в том числе и В. И. Чернышев в своей статье «Как говорят в Петербурге» («Голос и речь», 1913, № 1 и 2), указывают главным образом или на варианты московской нормы произношения, или на диалектные, просторечные и иноязычные по происхождению отклонения, мало свойственные литературно говорящим людям и всегда возможные в городах с пестрым населением. И в Москве, и в Петербурге были одинаковые произносительные нормы для литературно говорящих людей. Известные отличия от них наблюдались лишь в некоторых социальных слоях старого бюрократического Петербурга.

Устойчивость московских норм при постоянном наличии колебаний — такова характеристика предреволюционного состояния литературного произношения. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую фазу в его развитии. Носитель общенародного русского языка в его литературной форме постепенно изменялся, нарождалась новая, советская интеллигенция, рабочие и крестьяне вступали в широкое общение с людьми, владеющими литературной речью, и усваивали литературную произносительную форму. Усвоение литературных норм являлось вместе с тем и освоением письменной речи, а чтение и письмо содействовали широкому появлению таких произносительных вариантов, близких к написаниям, которые противоречили московской норме, но не противоречили существовавшим издавна в литературной речи случаям колебаний, произносительным дублетам, принадлежавшим к старым книжным нормам. Вместе с тем в литературное произношение привносились и такие произносительные навыки, которые были общи для многих диалектов и укрепляли прогрессивные тенденции развития литературного языка.

К концу 20-х и началу 30-х гг., когда культурная роль новой интеллигенции определилась совершенно отчетливо, с той же отчетливостью обнаружилась расшатанность старой московской произносительной нормы, массовость колебаний, вариантов, дублетов произношения, а иногда и прямых неправильностей. Сам Малый театр переживал острый «орфоэпический» кризис. Лишь актеры старейшего поколения сохранили почти во всей чистоте нормы московского произношения конца XIX — начала XX в. Это был период резких колебаний и острых исканий нормы, это была пора горячего обсуждения проблем произношения не только на страницах специальной, но и общей печати. Решение ничего не решать, а только признать объективное наличие колебаний и расшатанности нормы никого не могло удовлетворить. Естественным было обращение к твердости старых норм. Именно в этот период старые московские нормы были наиболее подробно описаны Д. Н. Ушаковым*, и с тех

* См. статью: «Русская орфоэпия и ее задачи» (В сб.: «Русская речь». Под ред. Л. В. Щербы, вып. 3. Л., 1928) и предисловие к «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1935, т. I).

пор в представлении многих они получили значение идеальных, но недостижимых во всей полноте норм.

Всякое отклонение от них рассматривалось как вредное влияние орфографии или просторечия, как порча языка. В этом обнаруживалась антиисторическая, по существу, точка зрения; представлялось, что нормы современного языка, поскольку они всегда спорны, следует искать в нормах прошлого, которые по субъективно-психологическим ощущениям людей старшего поколения всегда кажутся устойчивыми. Там, где учили произношению — в школах, в театре, на радио, — рекомендовались именно эти старые московские нормы, что только содействовало закреплению разноречия.

Однако жизнь брала свое, язык совершенствовался и развивался. Совершенствовалась и старая московская норма, впитывая в себя живые соки народной речи и утверждая тем прогрессивные тенденции своего развития. Москва по-прежнему является носителем этих норм, но не потому, что в Москве сохранились «коренные москвичи» из старых интеллигентов, а потому, что Москва — культурно-политический центр социалистической страны, закрепляющий в практике живого произношения, радиовещания и театра свои произносительные нормы.

Литературная норма общенародного произношения, переживая и теперь известные колебания, представляет собой результат развития и усовершенствования старой московской нормы.

Так, система произношения безударных гласных стала более универсальной, т. е. подчинила себе, в основном, и все те случаи, которые представляли собой отклонения. Например, предударное *а* после шипящих *ж, ш* произносилось по старой московской норме как звук, близкий к *ы*: *жыра, шыры, шылить*. Ныне господствующим стало произношение *жара, шары, шалить*. Лишь немногие слова, например *жылеть*, подчиняются еще старой норме. Произношение иноязычных по происхождению слов теперь полностью подчиняется законам русского произношения, а допускавшееся прежде для многих слов сохранение безударных *о* и *е* теперь не рекомендуется; отчетливое произношение безударного *о* в словах *поэт, поэзия, форпост, модель, коктейль, конкретно, костюм, жокей*, являющееся остатком дворянского произношения и сохраняющееся пережиточно у

людей старшего поколения *, воспринимается теперь как манерность **.

Общей норме подчинилось в основном и произношение безударных окончаний 3-го лица множественного числа глаголов 2-го спряжения; теперь произносят *слышат, видят* вместо старомосковских *слышут, видют*, сохранившихся лишь у людей старшего поколения или как стилизация.

Ревниво переживали сторонники сохранения старомосковской нормы колебания в произношении тех глаголов на *-ива* и прилагательных, основы которых оканчивались на звуки *г, к, х*. По старой московской норме они произносились твердо: *мяхкай, пылкай, ветхай, натягавать, вспахавать, постукавать*.

Ныне, хотя и существуют колебания, господствующим стало мягкое произношение этих звуков: *мягкий, пылкий, ветхий, натягивать, вспахивать, постукивать*, — не противоречащее орфографии, совпадающее с произношением многих народных говоров и со старым книжным произношением, традиция которого поддерживалась, как указывалось выше, и во времена господства старой московской нормы во второй половине XIX в. Эти же обстоятельства привели ныне к господству мягкого произношения частицы *-ся, -сь* в глаголах взамен твердого старого московского произношения: *мойся*, а не *мойса, уселась*, а не *уселас* и т. п.

В соответствии с русскими звуковыми законами, согласный перед *е* произносится мягко. Заимствованные слова, входя в русский язык, подчиняются этому закону. Это явление известно издавна. Так, вряд ли можно найти старые заимствования из греческого, которые не подчинялись бы этому закону (ср. *патерик, тетрадь*). Новые заимствования, начиная с XVIII—XIX вв., в основном ему подчиняются, но во многих словах то более, то менее устойчиво устанавливается и твердое произно-

* Есть немало свидетельств о различном произношении иноязычных по происхождению слов в дворянской и демократической среде. Ср., например, у И. С. Тургенева в диалоге Вилицкого и Маши: *я, ведь, знаю что вы его приводили для того, чтобы мне экзамен сделать... (при слове «экзамен» Вилицкого слегка корбит)* («Холостяк», д. II).

** Иное дело в театре при исполнении пьес не из современной жизни. Так, в пьесах А. Н. Островского речь многих персонажей-дворян должна, конечно, подчиняться старым произносительным нормам. Так и поступают актеры старшего поколения.

шение согласного на иноязычный лад. Чем прочнее закреплялось слово в русском языке, тем больше оно имело шансов произноситься на русский лад.

Со второй половины XIX в. намечается известное социальное распределение двух способов произношения иноязычных слов. В жаргонном дворянско-буржуазном употреблении господствует склонность произносить перед *е* твердый согласный сближенно с иноязычным произношением. Демократическая разночинная интеллигенция приняла, как норму, произношение на русский лад — с мягким согласным и с закреплением в иноязычном произношении лишь отдельных слов (например, *пенснэ*, а не *пенсне*). Иногда разное произношение служило для смыслового различия (*панель* в значении «тротуар» и *панэль* «деревянная обшивка или окраска под дерево нижней части стен в помещении»). С течением времени произношение иноязычных слов все более подчинялось демократической, народной традиции и захватывало все более широкие ряды слов. С иноязычным произношением оставались отдельные слова, преимущественно не обращавшиеся в широких кругах, или научные термины. Ср., например, *тэмпера* (название краски), *отэль*. Однако долго, вплоть до революции, за иноязычным произношением неправомерно сохранялась репутация «образованности», «правильности».

Революция дала простор русскому произношению, и круг слов с иноязычной манерой произношения значительно сузился. Из слов широкого употребления лишь немногие закреплялись с твердым произношением, например, *антэнна*, *партэр*, *тэрмос*, *тэмбр*, *модэль*, *дэтэкторный*, и более или менее широко его сохраняют ныне лишь специальные термины. Такова норма. Но иногда в сознании некоторых людей выплывает репутация «образованности» произношения на иностранный лад, и тогда обнаруживается стремление либо иноязычные слова или русские с иноязычными морфемами произносить в чуждой русскому языку манере.

Совершенно прав писатель Ф. В. Гладков, протестуя в своих выступлениях против этой космополитической моды. Действительно, за последние десять лет стало часто встречаться нарушающее чистоту русской речи произношение с твердым согласным многих слов, например: *претэнзия*, *тэматыка*, *рэнзгат*, *контэкст*, *дэкан*, *картотэка*, *пионэр*, *трэнэр*, *милиционэр*, *корреспондэнт*,

музэй, фанэра, дэмон, фланэль, шинэль и т. п. Иногда «на иностранный лад» переделывают не совсем понятные слова: Неопалимовский переулоч в Москве становится «Нэопалинским». Певцы иногда злоупотребляют произношением на иноязычный лад, и русское слово звучит как *свирэль*.

Выдвигая принципы нормализации русского литературного произношения, совершенно прав С. И. Бернштейн, когда говорит, что из существующих в литературном языке вариантов надлежит выбирать те, которые стоят ближе к орфографической норме слов*. Однако влияние орфографии — дело вторичного порядка. Современная орфография влияет на современное произношение только тогда, когда она отражает живые фонетические явления, существовавшие как вариант старой произносительной нормы.

Поэтому установление произносительных норм требует глубоких исторических изысканий⁴. Ближайшие закономерности нашей эпохи могут быть определены исследованием тех тенденций, которые складывались, начиная с формирования русского национального языка, в течение периода XVIII — начало XX в. и в советскую эпоху. Только эта теоретическая база позволит научно и объективно сформулировать современные произносительные нормы.

Известно, как велико количество колебаний в русском ударении. Нормализация ударения, устранение дублетных ударений — назревшая задача в области повышения культуры речи. Между тем сделано здесь очень мало⁵. Словари русского языка, вышедшие у нас за последние три десятилетия, во многих случаях не могли решить этого вопроса до конца и с полной научной объективностью, потому что у нас не было обобщающих теоретических работ, посвященных изучению исторических закономерностей развития русского ударения⁶. Нет поэтому и специальной дисциплины — русской акцентологии, имеющей свои специфические задачи в отличие от славянской акцентологии, дающей, впрочем, во многих случаях ключ к пониманию закономерностей современного русского ударения.

* См.: Бернштейн С. Вопросы обучения произношению. М., 1937, с. 54.

Особенности русского ударения складывались значительно позже периода славянской общности. Русское же литературное ударение на всем протяжении развития русского литературного языка было связано с особенностями взаимоотношений литературного языка с северными и южными народными говорами на различных исторических этапах, а также с влиянием церковно-книжного произношения, имевшего широкое распространение в эпоху русского средневековья. Колебания в области ударения особенно увеличиваются в XVIII — XIX вв., в пределах единого национального языка, отражавшего в себе борьбу многообразных акцентных традиций. Произношение заимствованных из различных языков слов в отношении ударения не имело единой линии развития, что также увеличивало акцентологическую пестроту.

Дальнейшее внутреннее развитие акцентологической системы вместе с появлением новых акцентных типов по аналогии с другими явлениями еще более усложняло всю область русского ударения. Постепенно складывались новые закономерности в области ударения, новые тенденции, нуждающиеся в специальном историческом изучении, без которого нет выхода из субъективных оценок преимущества того или иного ударения в том или ином частном случае.

Так, например, в период образования национального языка складываются две, иногда противоборствующие тенденции: перенос ударения на значимую часть слова (сочетания слов), с одной стороны, и унификация типов ударения — с другой.

Известно, что при сочетании некоторых существительных с предлогом последний перетягивает на себя ударение. Еще в начале XIX в. академик А. Х. Востоков считал это явление просторечным*, ибо традиции старого литературно-книжного произношения его не знали. В течение XIX в. оно становится нормой литературной речи. В наши дни происходит заметное разрушение этой нормы под влиянием тенденции переноса ударения на значимую часть. Вместо того, чтобы говорить: *за́ десять, за́ сорок, по́д ноги, по́ полю, по́д вечер* и т. п., часто произносят: *за де́сять, за со́рок, под но́ги, по по́лю, под*

* См.: Востоков А. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб., 1831, с. 375.

вѣчер. Но ударение сохраняется на предлоге, когда сочетание приобрело устойчивое, фразеологическое значение. Скажут: *заткнуть топор за пояс*, но *заткнуть кого-нибудь за пояс*; или: *забраться на дом*, но *взять работу на дом*; *идти под руку с кем-нибудь*, *вести за руку кого-нибудь*. Вместе с тем наблюдаются и многочисленные случаи колебаний. Говорят: *лес находится за городом*, т. е. по ту сторону города, но одновременно: *жить за городом* и *жить за городом*, т. е. в пригородной местности. Известные ошибки в ударении отдельных слов, например, *обобрить* вместо *обобрѣть*, или *облѣгчить* вместо *облегчить*, или *обобщить* вместо *обобщѣть*, связаны также с тенденцией переноса ударения на более значимую, корневую часть. На наличие такой тенденции указывает, например, то, что во времена Пушкина в литературной речи могло произноситься *ускорѣть*, а не *ускорить*, как сейчас: «Я *ускорѣл* Феодора кончину» («Борис Годунов»).

Тенденция к унификации ударения приводит, например, к произношению *вахтѣр* (ср. *актѣр*, *гравѣр* и т. п.) вместо прежде правильного *вахтер* (заимствование из немецкого). Та же тенденция приводит к унификации в ударении кратких форм прилагательных множественного числа по ударению женского рода; отсюда появляются неизвестные прежде *правы* (*вы правы*), *годны*, *верны* (ср. ж. р. *правá*, *годнá*, *вернá*). В кратких формах некоторых причастий происходит подравнивание ударений форм женского рода по мужскому и среднему роду и по множественному числу; отсюда распространенные ударения *создана*, *принята* и т. п. вместо *созданá*, *принятá* и т. п.

Нормализовать все эти явления можно только на основе изучения исторических путей развития данных категорий слов в отношении ударения, начиная прежде всего от эпохи сложения национального языка.

В ряде случаев нормализация ударения может быть осуществлена также и в процессе изучения внутренних закономерностей, складывающихся в современном языке. Известно, например, двойное ударение: *библіотѣка* и *библіотека*. Не входя в подробное рассмотрение исторических причин этой двойственности, можно было бы рекомендовать произносить это слово с ударением *библіотѣка*. Такое решение унифицировало бы ударение данного разряда слов потому, что все новые слова со-

здаются по этой акцентологической схеме: *картоте́ка*, *игро́тека*, *фильмо́тека* и т. п.

При введении в 20-х годах метрической системы в общепародное употребление вошло слово *километр*, которое почти сразу же, по образцу широко известных терминов — *баро́метр*, *мано́метр*, *термо́метр* — и новых, вроде *спидо́метр*, стало произноситься повсеместно как *кило́метр*, вопреки требованиям языковедов произносить *киломе́тр*, как это было тогда, когда слово *километр* фактически не бытовало в русской языковой действительности, будучи достоянием лишь научно-технической терминологии. Не правильнее ли пойти за народным употреблением, если оно отражает какие-то уже сложившиеся закономерности в определенном разряде слов? Это один из важных вопросов науки о нормах литературного языка, требующих методологического обоснования.

Таковы главнейшие проблемы в области нормализации ударения.

Не менее важны вопросы грамматической нормализации. Академическая двухтомная «Грамматика русского языка» (М., 1952 и М., 1954)⁷ является крупнейшим вкладом в изучение грамматической системы русского языка, подведением итогов развития русской грамматической мысли от времен Ломоносова. Однако она не ставила перед собой непосредственной задачи нормализации во всех тех случаях, когда в грамматической системе обнаруживались колебания. Тем более, что колебания в области употребления грамматических форм связаны не только с наличием равноправных дублетов, но и с возможностями стилистической их дифференциации, с лексико-фразеологическими различиями (например, «производство сахара», но «купить сахару»; вин. мн. *кре́ндели*, но в выражении только «*кре́нделя выписывать*»). Это особая исследовательская задача, связанная с изучением истории функционирования грамматических форм на всем протяжении существования русского национального языка.

Так, известно, что окончание именительного падежа множественного числа существительных мужского рода на *-а* (под ударением), начиная с XIX в., активно вытесняет в некоторых разрядах слов окончание *-ы* (без ударения). История этого явления внешне необычайно прихотлива. Многие слова, приобретая это окончание,

в дальнейшем его не сохранили и возвращались к старому. Взамен появились новые серии слов, с окончанием -а. В 70-х гг. XIX в. говорили: *гетманá, лекторá, маклерá, рупорá, факторá, конюхá, циркуля́, ефрейторá, служител́я, смотрител́я, вахтерá* и т. п.^{*} Ныне все эти слова в именительном падеже множественного числа имеют окончание -ы, -и. Взамен их появляются в разговорной речи *выборá, выходá, супá, тортá* и т. д. Нормализаторская практика радиовещания, стремясь к «правильным» формам, отвергает давно установившиеся формы *тенорá, токарý, слесарý* и т. п., заменяет их формами *тёноры, токари, слёсари*. На этом примере видно, в каком глубоком изучении развития грамматических закономерностей нуждается вопрос нормализации грамматических форм. Еще сложнее вопрос о нормализации употребления синтаксических конструкций, в особенности многообразных типов словосочетаний, так как это связано с изучением многообразных семантических и стилистических функций синтаксических дублетов.

Нормализация произносительной, акцентологической и грамматической сторон языка тесно соприкасается с необходимостью нормализации правописания. Основные принципы, на основе которых должна развиваться русская орфография, представляются достаточно ясными. Дело здесь преимущественно сводится к унификации, к решительному устранению разнобоя в написаниях отдельных слов, к подведению этих написаний под общие правила, к выяснению частных спорных случаев. Однако нельзя сказать, что все вопросы орфографии решены⁸. Так, один из самых больных вопросов нашей орфографии — слитное или раздельное написание предложных сочетаний, наречий. Дело не только в том, чтобы решить вопрос на сегодня: как писать уже существующие наречные сочетания. Предложные наречные сочетания — живая, развивающаяся в языке категория, новые сочетания возникают постоянно. Поэтому здесь необходимо, на основе исследования лексико-семантических и грамматических условий образования и функционирования различных типов этих сочетаний, создать правила, с достаточной ясностью регламентирующие слитное или раздельное написание. В существующих правилах недоста-

^{*} См.: Грот Я. К. Филологические разыскания, т. 1. СПб., 1876, с. 388—389.

точно разъяснен вопрос о слитном или через дефис написании сложных прилагательных. Они возникают теперь массами. Объективно убедительные рекомендации относительно их написания можно дать лишь в результате исследования типов их морфологической структуры, ибо практика языка, главным образом терминологической речи, создает постоянно все новые прилагательные, часто выходящие за пределы типов старого образования и потому не охватываемые существующими правилами. К таким же теоретически не разрешенным до конца вопросам относится, например, написание иностранных личных и географических собственных имен. Вопрос этот решается некоторыми лингвистами с отвлеченных теоретических позиций, без серьезного учета исторических условий развития этих имен в русском языке. Сейчас в русском языке обращается немалое количество таких имен, постепенно вовлекаются и новые. Если написание новых пополнений обычно находится в соответствии с произношением, а иногда и с написанием, существующим в языке-источнике, то правомерно ли изменение написаний имен, уже имеющих традицию в русском языке? Этот вопрос законно был поставлен в свое время академиком Л. В. Щербой, рассматривавшим написание иностранных имен в связи с произносительными традициями русского языка *.

Особенно существенным звеном высокой культуры речи является правильное словоупотребление в широком смысле. Именно оно, в сочетании с правильным произношением, ударением и с правильным использованием грамматических форм в речи, определяет точность, ясность и выразительность языка. А между тем вопросы правильности словоупотребления являются наименее разработанной в теоретическом отношении областью⁹. Еще во многом здесь господствуют суждения, основанные на субъективной оценке фактов. Соответствующие руководства и отдельные работы обычно не выходят за пределы эмпирических наблюдений и отдельных обобщений.

Объективные и убедительные выводы, необходимые для нормализации и усовершенствования практики словоупотребления, могут быть получены только на основе

* Щерба Л. В. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий. — «Труды Комиссии по русскому языку АН СССР», т. 1. Л., 1931.

изучения исторических закономерностей развития русского литературного словоупотребления, развития лексики в стилистическом отношении.

Нормализация словоупотребления не может быть успешно решена без разработки всего круга вопросов, связанных со стилистическими структурами языка. Сюда относится изучение стилей литературного языка, реально выявляющихся в жанровых разновидностях речи, и прежде всего стилистических разрядов русской лексики и их функций в различных стилях литературной речи (ораторской, публицистической, научной, деловой), а также в художественной литературе. За многими разрядами лексики в процессе общественной практики закрепилась та или иная стилистическая окраска. Изучение лексики с закрепленной стилистической окраской должно вестись с учетом исторической изменчивости состава этой лексики, перераспределения ее внутри различных стилистических категорий в последовательно сменяющиеся исторические периоды.

Непосредственно связано с этим определение функций синонимических средств языка (и не только, конечно, лексических, но и фразеологических и синтаксических). Для нормализации словоупотребления важно установить лексические границы литературного языка, т. е. выяснить закономерности функционирования в нем тех или иных разрядов диалектной, просторечной, фамиллярно-жаргонной, эмоционально окрашенной, в том числе вульгарно-просторечной, а также терминологической лексики. Эти границы исторически подвижны, так как они определяются потребностями общения и стилистическими вкусами, характерными для общественности своего времени.

К числу важнейших проблем словоупотребления принадлежит вопрос об изучении норм словосочетания и сочетаемости в речи слов различных грамматических и смысловых категорий¹⁰. Словарный состав выступает грамматически оформленным в определенных конструкциях. Однако вхождение отдельных слов и целых смысловых разрядов слов в ту или иную конструкцию словосочетания исторически изменчиво. Семантическое и лексическое развитие языка — одна из существенных причин перегруппировки слов внутри грамматических конструкций словосочетаний. Академик В. В. Виноградов

в статье «Вопросы изучения словосочетаний» * приводит замечательный пример такой перегруппировки. Слово *отвращение* в первой половине XIX в. употреблялось еще в конструкции: *отвращение от чего-нибудь*. Но к середине XIX в., утратив, по-видимому, в сознании говорящих ясность своей внутренней формы, следовательно, семантически обособившись от своего глагола, сохранившего управление: *отвратить от чего-нибудь*, это слово перешло в конструкцию с предлогом *к* (характерную для слов со смысловым содержанием отношения): *отвращение к чему-нибудь*. Или, например, в первой половине XIX в. глагол *касаться* употреблялся в предложной конструкции: *касаться до чего-нибудь*. Позднее в литературном языке он употреблялся уже в беспредложной конструкции: *касаться чего-нибудь*, а предложная конструкция сохранилась лишь в современном просторечии: *это до меня не касается*. Совершенно ясно, что установление объективно убедительных норм сочетаемости слов, установление правильности сочетаний возможно только при изучении исторических закономерностей развития сочетаемости слов в литературном языке и вытекающих из них прогрессивных тенденций современного развития.

Сюда непосредственно примыкает изучение фразеологических и иных устойчивых сочетаний для выработки, в частности, методов оценки правильности образования новых сочетаний, в массе возникающих в современном языке и часто противоречащих семантическим нормам соединения слов. Непосредственно с этим связано выявление разного рода штампов, засоряющих, обедняющих и затемняющих нашу речь. В выступлениях на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, особенно в речах В. В. Виноградова, К. И. Чуковского, Ф. В. Гладкова и других, ясно прозвучало требование изучать весь круг лексико-стилистических вопросов и вести борьбу со всем тем, что лишает наш язык ясности, точности и выразительности. Правильное словоупотребление непосредственно связано с одним из существенных вопросов культуры речи — вопросом о чистоте языка, о границах употребления иноязычных по происхождению слов. Известно, что значительное количество иноязычных слов, главным образом терминов, внедрилось в русский язык,

* «Вопросы языкознания», 1954, № 3, с. 18.

освоено им, вошло в общественную практику употребления. Известно также, что на всем пути развития русского литературного языка появлялись, исчезали и существовали иноязычные по происхождению слова, употребление которых отнюдь не вызывалось насущной потребностью общения, часто не связано было с необходимостью точного выражения мысли.

Прежде всего это слова из нетерминологической лексики, проникавшие в литературный русский язык из дворянско-буржуазной и впоследствии шире — из интеллигентской обиходной речи, которая была наполнена иноязычной по происхождению и грамматически русифицированной лексикой. Один из главных источников их бытования в русском языке — двуязычие русского дворянства, широко применявшего в потоке русской речи французские по преимуществу слова, приобретающие впоследствии грамматически русифицированный вид. Процесс этот ясно вскрывается, например, из наблюдений над речью действующих лиц в романах Л. Толстого. Не представляя собой семантических оттенков в отражении действительности, эти слои лексики, попав в широкое литературное словоупотребление, пополняли синонимические, или, вернее, дублетно-семантические ряды русской лексики. Употребление их придавало речи оттенок «учености», «образованности», не создавая ни большей точности, ни большей выразительности. Многие подобные слова выпали из современного языка, так как на них была печать дворянского дореволюционного словоупотребления, чуждого нашей эпохе. Но сохранялись социально-нейтральные, такие, как *доминировать*, *апробировать*, *апеллировать к чему-нибудь*, *акклиматизироваться* (в применении к человеку), *акцентировать* (в переносном значении), *экипировать*, *элиминировать*, *превалировать*, *импозантный*, *экстравагантный*, *эксцентрический* (в переносном значении), *адепт*, *антураж*, *ами-кошонство* и т. п. Все они, сохраняясь в речи старшего поколения по преимуществу, не служат украшению языка. Именно на это нетерминологическое употребление указывал В. И. Ленин в своей знаменитой заметке «Об очистке русского языка», когда писал: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или не-

достатки или пробелы?»*. Необходимо исследование семантической ценности этих разрядов иноязычной лексики в словарном составе современного русского языка для разумного решения вопроса о нормах употребления этой лексики.

Давно прошло то время, когда терминологическая лексика сравнительно медленно просачивалась в общее употребление. Теперь положение уже не то, и понятно поэтому, что требование освобождения терминологии от ненужных, неоправданных, мало понятных народу иноязычных элементов стало необычайно жизненным. «Тысячи иностранных слов, специальных терминов и названий засоряют медицинскую литературу и крайне затрудняют пользование ею, — пишет «Литературная газета». — Вместо того, чтобы написать *опухоль*, пишут *тумор*, вместо *ощупывание* (при исследовании больного) — *пальпация*, вместо *выделяемая слюна* — *сецернируемая слюна*, вместо *всасывание* — *резорбция* и т. д.»**. Упорядочение использования иноязычных элементов и рациональное, разумное очищение терминологии от некоторых из них является одной из насущных задач повышения культуры речи***.

Не менее важным делом в области повышения культуры речи является вообще усовершенствование терминологии. В первую очередь в этом заинтересованы специалисты, пользующиеся терминологией. Не менее заинтересована и широкая общественность, так как известно, что огромное количество специальных терминов входит теперь в общее употребление. Следовательно, теперь, больше чем когда бы то ни было, термин должен обладать не только точностью, но и предельной ясностью и понятностью.

Работу по уточнению и упорядочению терминологии, по созданию новых терминов ведут соответствующие специалисты. Возможно, что со стороны специально терминологической это не вызывает неудобств. Однако есть языковая сторона дела, всегда тесно связанная со специально терминологической. Языковедам постоянно приходится по многочисленным запросам различных ин-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 40, с. 49.

** «Литературная газета», 4 января 1950 г.

*** Выработка принципов нормализации употребления иноязычной лексики тем более необходима, что вопрос об иноязычных заимствованиях является важным не только для русского, но и для других литературных языков Советского Союза.

ституты, ведомств и учреждений решать частные терминологические казусы. Решения от случая к случаю не могут удовлетворить ни специалистов, ни языковедов. Назрела необходимость теоретической разработки языковых вопросов в области терминологии¹¹. Сюда относятся, например, вопрос о языковой структуре термина, о грамматических элементах и словообразовательных типах, которые могут быть использованы при создании новых терминов; вопрос о типах терминологических словосочетаний, о типах терминов — сложносокращенных слов, об образовании производных от терминов слов; вопрос об использовании местных, диалектных слов в составе терминов или в качестве терминов, о необходимости соответствия слов, входящих в термины, нормам литературного языка в отношении произношения, ударения, словообразования.

Разработка указанных проблем, интересующих всех говорящих, независимо от их специальности, должна вестись с учетом мнений, оценок и пожеланий самих носителей языка — нашей общественности. Но для того, чтобы эти пожелания имели конструктивный характер, необходима широкая научная пропаганда принципов разумной нормализации литературной речи, пропаганда научных методов этой нормализации, а также самих норм, разъяснение подчас ошибочных, но имеющих хождение представлений о развитии языка и о факторах, влияющих на установление норм.

Таковы важнейшие вопросы в области повышения культуры речи. Главное то, что они должны быть решены не с позиций субъективной оценки, а на основе исследования исторических закономерностей и тенденций развития литературного языка.

РАБОТЫ ПО КУЛЬТУРЕ РЕЧИ *

Вопросы культуры речи привлекают к себе внимание всей советской общественности. Этот напряженный интерес к практической стороне языка, к нормам его сло-

* Обнорский С. П. Культура русского языка. М. — Л., 1948.
Истрина Е. С. Нормы русского литературного языка и культуры речи. М. — Л., 1948.

Винокур Г. Русское сценическое произношение. Со вступительной статьей Вл. Филиппова. М., 1948.

Ефимов А. И. О культуре речи агитатора и пропагандиста. Изд. 2, дополненное. М., 1948.

воупотребления, произношения и грамматики целиком вытекает из особенностей общественного развития нашей эпохи. Значение русского языка за годы социалистической революции необычайно возросло. Литературная речь стала достоянием широких народных масс.

В условиях величайших социальных сдвигов и социалистического переустройства общества, когда основным носителем литературной речи является ведущая культурная сила нашего народа — новая, народная интеллигенция, русский литературный язык вступил в новый этап своего развития. Борьба нового, прогрессивного со старым, отживающим захватывает все стороны языка. Настоятельно возникает вопрос о нормах литературного языка в советских условиях, о целесообразной нормализации того, что еще не отлилось в устойчивые формы. Разрешение вопроса о лексических, стилистических, грамматических, произносительных нормах литературного языка становится необходимой предпосылкой для разрешения общей проблемы повышения культуры речи.

К сожалению, все это еще не нашло отражения в исследовательских работах наших языковедов. Как и большинство работ на тему о языковых нормах, рецензируемые книги, вышедшие в 1948 г., представляют собою популярное изложение этого вопроса с разных сторон.

С. П. Обнорский описывает современное состояние литературной речи в плане исторического развития русского языка. Е. С. Истрина останавливается главным образом на теоретических основаниях нормализации. В книге Г. Винокура, предназначенной для работников театра, проблемы нормализации связываются с вопросами физиологии звуков речи и описанием звуковой системы русского языка. А. И. Ефимов эти вопросы рассматривает лишь в плане практических рекомендаций агитаторам и пропагандистам, нуждающимся в повышении культуры публичной речи.

Главнейшим методологическим вопросом является вопрос, что такое нормы литературного языка и как они образуются именно в советскую эпоху. От того или иного решения зависит отношение к конкретным явлениям языковой действительности. Положения Е. Истриной о том, что общеупотребительное составляет «норму языка» (стр. 19) и что в процессе общественной практики языка возникают нарушения нормы и вместе с тем творится новая норма (см. стр. 6), раскрываются на тщательно

подобранном материале, иллюстрирующем типы колебаний в литературном языке. Но уже самый подбор примеров выдвигает важный вопрос: что понимать под современным литературным языком? Указанием на то, что краткие прилагательные *ради*, *сыти* и т. п. довольно обычны в устной (литературной?) речи со ссылкой на «Горе от ума» Грибоедова (*Вы ради? в добрый час*) и на некоторые подобные примеры из писателей XIX в. для характеристики современных колебаний, границы современного языка раздвигаются, охватывая время почти в 150 лет, от Пушкина до наших дней. Между тем русский литературный язык со времен Пушкина прошел несколько этапов своего развития, и наше время представляет новый этап, качественно отличный от предшествующих этапов. То, что могло быть диалектизмом, просторечием и т. п. на протяжении XIX в., вошло в норму в советское время. И наоборот, многое нормальное для разных периодов и разных стилей XIX — начала XX в. перестало быть нормой в советское время. Интересные соображения Е. Истриной о роли авторитетных источников (писателей, общественных деятелей и т. п.) в определении языковых норм (см. стр. 19—21) не дают оценки этих источников в историческом плане.

С вопросом об исторических границах современного литературного языка тесно связан вопрос о процессе образования и сохранения устойчивости норм. Для всякого ли времени полностью непреложно, как утверждает Е. Истрина, что «все привычное, употребительное в окружающей среде, усваиваемое с детства, воспринимается как норма, хотя не всегда является ею, не всегда подчиняется общей системе»? (стр. 6). Действительно, передача традиций литературного языка семейным путем или в процессе школьного обучения в условиях значительной социальной замкнутости интеллигенции в буржуазном обществе была важным фактором сохранения устойчивости норм литературного языка. Советская интеллигенция несла в литературный язык те общие для многих диалектов черты языка народа, которые укрепляли в литературном языке многие прогрессивные тенденции его развития, не получившие значения признанной нормы. Другими словами, это был глубокий процесс становления новых норм, на основе сочетания всех прогрессивных тенденций литературного языка с животворными потоками народной речи. Без учета качественно

новых исторических условий образования норм литературного русского языка советской эпохи легко, при наличии массовости колебаний, вариантов, дублетов и прямых неправильностей, переоценить значение тех или иных отживающих, падающих норм как идеальных. К вопросу образования норм относится и проблематика взаимоотношений литературного языка и диалектов, которые решительно изменились в наше время. Вряд ли можно теперь говорить, что «народная же лексика вливается в литературный язык главным образом через посредство художественной литературы» (Е. Истрина, стр. 16). Это справедливо, скажем, для XIX в., когда системы литературного языка и народных говоров были по сравнению с нашим временем значительно разобщены. Теперь система литературного языка, не отграниченная специально от народных говоров, не испытывает такого, как прежде, влияния, как бы извне, через художественную литературу. Сейчас, когда носителем литературного языка являются люди народа, элементы народной речи вносятся самой народной интеллигенцией, не могшей не сохранить общенародных (не узко диалектных) языковых черт. При оценке устанавливающихся норм современного языка эта сторона образования норм не может быть не учтена. В этой связи нельзя принять выдвигаемое Е. Истриной противопоставление книжно-литературного языка разговорному (см. стр. 13), тем более, что автор признает, что книжно-литературный и разговорный языки обладают общей литературной нормой. Да и все приводимые автором примеры говорят не о различии языков, а о многообразии типов речи и стилей в пределах единого литературного языка, многообразии, принявшем теперь новые формы в условиях нового общества.

Вытекающий из всего предыдущего вопрос ставится всеми авторами: на каких конкретных исторических языковых основах строится современная литературная норма? Обыкновенно в первую очередь выдвигается произносительный материал, так как нормы произношения выявляются наиболее универсально и систематично, а колебания могут быть массово наблюдаемы. Но до сих пор в отношении конкретного состава современных произносительных норм у нас продолжают господствовать взгляды, не вытекающие из анализа современного состояния языка, а основанные на представлениях

о нормах, сложившихся в предреволюционный период. Тогда эти нормы получили освещение в трудах акад. А. А. Шахматова и ряда других ученых, а в 1928 г., в период особенно резких колебаний и острых исканий нормы, были наиболее подробно сформулированы проф. Д. Н. Ушаковым, и с тех пор в представлении многих они получили значение идеальных, но недостижимых норм. Это известные московские нормы произношения. В рецензируемой книге С. Обнорского в суммарном виде показано, как в итоге сложной и длительной борьбы с церковно-славянской стихией в основание литературного произношения с известными ограничениями ложится московское наречие. Поздние судьбы истории литературного произношения в послепушкинское время в XIX в., еще не исследованы. Намечая некоторые черты истории сценического произношения, Г. Винокур справедливо подчеркивает выдающуюся роль московского Малого театра в деле канонизации и укрепления, как образцовых, московских произносительных норм XIX в. Дальнейшие судьбы литературного произношения, их состояние в советскую эпоху не имеют единодушной оценки. Е. Истрина, не останавливаясь на анализе произношения и лишь упоминая о нем, замечает, что «даже московский народный говор не вполне совпадает с нормами общенационального разговорного, а тем более книжно-литературного языка» (стр. 15). Неясно, что такое «московский народный говор» применительно к языку современной Москвы. Если понимать под ним старые московские нормы, то тогда здесь можно видеть признание со стороны автора расхождения норм новых и старых. В противоположность этому А. Ефимов прямо и безоговорочно признает старую московскую произносительную норму как образцовую (см. стр. 69), считая, что и сейчас ее полностью культивируют театры и радио как типичную русскую и что отклонения от нее вызваны воздействием пережиточных (?) местных говоров и книжного буквенного произношения (см. стр. 71—72).

Так, он расширительно толкует возможность произношения предударного *о* в заимствованных словах на иностранный лад, приводя примеры: *форпост, фонетика, поэзия* (см. стр. 33). В современном языке решительно возобладали русский тип произношения таких слов с единичными исключениями. В аналогичной категории (произношение твердого или мягкого согласного перед *е*

в заимствованных словах) он правильно указывает на необходимость их произношения, за отдельными исключениями, с мягким согласным (см. стр. 72). В остальном все его конкретные рекомендации содержат перечень устаревших «московских» норм (произношение прилагательных с твердым *г, к, х* в основе, твердые *с* в частях возвратных глаголов и т. д.).

Г. Винокур стоит на более правильном пути. Он отмечает, что «теперешнее» бытовое произношение в известных категориях уже не всегда отвечает старым нормам XIX в. даже в тех слоях нашего общества, где можно было бы ожидать наибольшей его устойчивости, в среде образованного слоя коренных москвичей, в среде театральных работников» (стр. 26). Связывая эти изменения с переменами в составе населения Москвы с 1914 г. и видя носителей норм в категории «коренных москвичей», Г. Винокур явно суживает вопрос. Сила социалистической культуры такова, что теперь «коренными» новые жители Москвы становятся в сравнительно короткие промежутки времени. Социальная структура крупных промышленных центров, старых и новых, как Магнитогорск, Комсомольск и другие, не отличается от социальной структуры Москвы, и потому сила влияния Москвы в области произносительных норм не в том, что в ней сохранились «коренные» москвичи, а в том, что Москва — главнейший культурно-политический центр, закрепляющий в практике печати, радио, театра новые нормы. Несмотря на ряд существенных оговорок, Г. Винокур остается сторонником сохранения старых московских произносительных норм.

Только С. Обнорский, стоя на последовательно исторической точке зрения (а не потому только, что он всегда придерживался так называемых ленинградских вариантов старых произносительных норм), подчеркивает громадные сдвиги, происшедшие со времени Великой Октябрьской революции во всем составе современного русского литературного языка (см. стр. 19—20). Со всей решительностью и, в сущности, впервые он говорит об изменении произносительных норм в сторону систематического разрежения прежней «московской» нормы. Однако следовало бы сказать не только о процессе сближения разговорного языка с некоторыми ленинградскими нормами, но и о том, что изменения вызываются произносительными навыками новой интеллигенции,

отразившими в себе черты, общие многим влиятельным русским диалектам, а также приближением, где это возможно, произношения к орфографии в связи с необычайно возросшей ролью книги, печатного слова при овладении нормами литературной речи вообще. Именно совокупным действием всех этих сложных причин объясняются новые явления, становящиеся или ставшие нормой литературного произношения: смягчение «аканья» в отношении первого предударного слога; отсутствие «йканья» в первом предударном слоге после шипящих (*шары*, а не *шыры*); мягкость частицы *ся, съ* в возвратных глаголах; отказ от смягчённого произношения губных согласных, задненёбных и плавного *р*, стоящих перед мягкими согласными (например, *лямки*, а не *лямыки*, *сердитый*, а не *серьдитый* и т. п.); резкое ограничение произношения на иностранный лад заимствованных слов лишь отдельными определенными случаями; например, с твердыми согласными перед *е* могут произноситься слова *тэррор*, *кашнэ*, *антэнна*, *кодэкс* и некоторые другие в небольшом числе слова, тогда как подавляющее количество других подобных слов теперь как норма должно произноситься с мягким согласным (см. стр. 21—22). Но С. Обнорский лишь наметил общие черты новых общерусских литературных норм произношения. Очередная задача советских языковедов — обосновать и уточнить эти нормы, определить границы возможных колебаний в пределах различных стилей литературного языка.

Если в области установления закономерных для нашей эпохи произносительных норм существует известная принципиальная ясность, то этого нельзя сказать о не менее важном элементе культуры речи — о нормах ударения для слов и форм с колеблющимся ударением. Ограниченный рамками своего изложения, С. Обнорский лишь кратко касается этого вопроса (см. стр. 23—24), главным образом в плане указания на некоторые общие линии развития ударения в современном языке. Так, он указывает на нормализующую тенденцию переноса ударения на конец в винительном падеже единственного числа в некоторых словах женского рода на *а*: *полосу*, *весну*; на необходимость сохранения ударения на основе у отдельных прилагательных, образованных от заимствованных существительных: *плановый*, *километровый*; на необходимость сохранения ударения на основе у не-

которых заимствованных существительных с окончанием *ия*: *индустрия*, *металлургия*; на необходимость сохранения ударения на корне у существительных женского рода, оканчивающихся на мягкий гласный (например, *летопись*, *рукопись* и т. п.), не только в единственном, но и во множественном числе и некоторые другие отдельные случаи. А. Ефимов ограничивается небольшим рекомендательным списком слов с колеблющимся в речевой практике ударением. Составленный без учета современных изменений список во многих случаях не отражает установившихся новых тенденций не только в ударении, но и в произношении. Так, он дает *индустрия*, *буржуазия*, *металлургия* и т. д., дает только *заслуженный*, хотя есть и *заслуженный* и *заслужённый* в разных значениях; переносит из Толкового словаря родительный падеж *блиндажа* (там это неотмеченная опечатка) вместо правильного и единственно употребительного *блиндажя*; имеются у автора неточности и рекомендация отживших уже ударений в области глагольных форм и др.

Состояние популярных пособий в части изложения вопросов ударения полностью отражает неудовлетворительное положение науки о современном русском ударении. Необходимо не только составление справочников в форме словарей, но исследование закономерностей различных грамматических категорий и лексических групп, изучение основных путей и тенденций развития ударения в советскую эпоху для установления основ его нормализации.

Проблемам грамматической нормализации посвящено несколько этюдов в книге Е. Истриной. Процесс вытеснения непродуктивных форм глагола продуктивными иллюстрируется судьбой глаголов типа *капать* — *каплет*, *рыскать* — *рыщет*, в которых непродуктивная форма настоящего времени под влиянием глаголов типа *делать* — *делает* преобразуется в *капает*, *рыскает*. На удачно подобранных примерах показывается неравномерность этого процесса для различных форм под действием семантических и стилистических причин или традиционного употребления в определённых фразовых контекстах (см. стр. 8—11). Также наглядны по материалу очерки о морфологических изменениях в глаголах с суффиксом *-ну* и других (см. стр. 11—12), о некоторых словообразовательных нормах в глаголе (см. стр. 18—22). Материал подсказывает уже и некоторые выводы о норматив-

ности или ненормативности тех или иных форм именно для нашего времени, для русского языка советской эпохи. С. Обнорский, который свои взгляды на принципы нормализации грамматических явлений раскрывает анализом сложной исторической судьбы существительных мужского рода, приобретающих в именительном падеже множественного числа окончание *а* (*учителья, докторя, автора* и т. п.), указывает на сложность грамматической нормализации. Грамматические явления, пишет он, «представляют собою нечто, покрывающееся понятием современной системы языка, а вместе с тем содержат придаток различных иных явлений и фактов, которые, с одной стороны, пережиточно сохранились от предшествующих эпох, а с другой — служат началом чего-то нового, зарождающегося в языке» (стр. 25). Но это суждение равным образом характеризует и другие языковые явления, а трудность нормативных грамматических рекомендаций кроется в отсутствии до сих пор нормативной грамматики современного языка.

Вопросы лексической нормализации очень мало затрагиваются в рецензируемых книгах. Их касается Е. Истрина, говоря о влиянии говоров на литературный язык (см. стр. 16—17) или об изменении значений слов вследствие неправильного, с точки зрения нормы, употребления, в частности о вытеснении наречия *непрерывно* наречием *обязательно* и об утверждении в старинном глаголе *довлеть* нового значения с изменением грамматического управления (см. стр. 23—25). В книге А. Ефимова есть специальная глава — «Работа над словарным запасом и фразеологией», — очень полезная обилием сведений для начинающего и рядового оратора о значениях слов, о синонимике, о существующих словарях и т. д. К вопросам лексической нормализации в современном языке относятся полезные рекомендации об отборе и пользовании областными и просторечными словами, о необходимости в нужных случаях избегать употребления излишних иностранных слов. Наша популярная литература в области нормализации словоупотребления, к сожалению, до сих пор принуждена руководствоваться результатами случайных, необобщенных наблюдений и более или менее общими положениями: ведь до сих пор нет обобщающих исследований, посвященных лексико-стилистическому составу русского

языка советской эпохи, проблемам изменения стилистических норм в связи с развитием лексики за годы революции.

Неразработанностью норм современного литературного языка и самого понятия нормы объясняется и противопоставление норм культуре речи, как некоей высшей форме владения языком. «Как ни существенны вопросы нормы литературного языка, — пишет Е. Истрина, — всё же ими не ограничивается дело; за вопросами нормы следуют другие, более широкие и важные вопросы, — это вопросы культуры языка» (стр. 29). Вряд ли нужно такое противопоставление. Под культурой языка понимают степень умения владеть и пользоваться нормами языка. Но норма есть категория социально-стилистическая. А так как литературный язык представляет собою единство, раскрывающееся в многообразии устных и письменных стилей, направленных к наилучшему (выразительному и точному) выражению мыслей, то в составе литературного языка могут сосуществовать стилистически оправданные варианты норм (в области произношения, морфологии, лексики, синтаксических конструкций). Выбор из возможных вариантов существующих в литературном языке норм зависит от потребности выразить мысль наиболее точно, в нужном направлении. Нормы могут быть не определены, не найдены, варианты не нормализованы за недостатком изученности, но они объективно существуют, поскольку мы ими пользуемся в речи (исключая явные искажения и т. п.).

Выход нескольких книг видных специалистов симптоматичен. Он отражает всё возрастающую потребность в пособиях по культуре языка. Вместе с тем, своим появлением они напоминают о неотложной задаче, стоящей перед советскими языковедами, — о необходимости пересмотра ряда основных вопросов нормализации современного русского литературного языка как языка советской эпохи.

О НОРМАХ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ

(ПРЕДИСЛОВИЕ К КН.: ПРАВИЛЬНОСТЬ РУССКОЙ РЕЧИ.
СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК. М., «НАУКА», 1965)

В социалистическом обществе, когда широкие массы овладевают всеми сокровищами национальной культуры, в том числе и литературным языком, вопросы

культуры речи приобретают первостепенное значение. Новый строй общественной жизни содействует развитию новых форм речевого общения, невиданному прежде развитию публичной, общественной речи. Общественная деятельность, пресса, литература, радио, телевидение, звуковое кино стали достоянием широких масс, вошли в быт советского человека. Вполне понятно поэтому стремление к тому, чтобы речь как средство общения была образцовой, правильной, точной и выразительной, чтобы не было в ней всего того, что мешает общению и обедняет язык. А таких недостатков в современной русской устной и письменной речи немало.

Первое место среди ревнителей русского слова всегда занимали писатели. Достаточно вспомнить многочисленные выступления М. Горького о культуре художественной и разговорной речи или страстные призывы Ф. Гладкова в борьбе за культуру речи. За последнее время появились книги Л. Успенского («Слово о словах. Ты и твое имя». Л., 1962), Б. Тимофеева («Правильно ли мы говорим?» Изд. 2. Л., 1963), А. Югова («Судьба родного слова». М., 1962), статьи в газетах, которые с разных позиций оценивают состояние современной устной и письменной речи. Особенный интерес читателей вызвала книга К. И. Чуковского «Живой как жизнь» (изд. 2. М., 1963). И это понятно: страстность писателя-публициста сочетается в этой книге с мудрой объективностью в оценке развития современного языка.

В наших газетах и журналах, в радиопередачах, особенно в последние годы, широко обсуждаются вопросы культуры речи, подвергаются осуждению отклонения от норм литературного языка, неправильности устной и письменной речи, неряшливое отношение к родному языку. Выступления печати полезны тем, что привлекают внимание общественности к языку. Но не всегда обсуждение бывает плодотворным. Очень часто в оценку тех или иных явлений языка привносятся личные вкусы, личные языковые привычки. Одно и то же языковое явление может получать прямо противоположные оценки. Так обстоит, например, дело с оценкой иностранных заимствованных слов в русском языке. Одни, борясь за чистоту русского языка, требуют изгнать все новые заимствования. Другие, наоборот, стоят за внедрение иностранных слов, так как это, по их мнению, облегчает интернациональные связи. Обычно люди старшего поко-

ления крепко держатся за языковые привычки своего времени, видят идеал правильности языка в прошлом, а современный язык представляется им обедненным, насыщенным всякого рода ошибками, неправильностями. Это порождает так называемый пуризм — стремление из консервативных побуждений оградить язык от всяких новшеств, сохранить его в полной «чистоте» и неизменном виде. И наоборот, люди молодых поколений готовы иногда с легкостью отказаться от выразительных средств прошлого.

Вопросы культуры речи нельзя решать на почве личных, субъективных оценок явлений языка. Язык всегда движется, развивается вместе с развитием общества. Поэтому правильная, объективная оценка современного состояния русского языка и его норм должна опираться не на сумму субъективных мнений, а на анализ исторических закономерностей и современных тенденций развития языка. В советском обществе русский литературный язык стал языком новой, народной, советской интеллигенции. Нормами литературного языка новая интеллигенция овладевала не пассивно, а активно, привнося в них народные языковые навыки и создавая новые способы выражения для обозначения новых жизненных явлений для обслуживания новых общественных потребностей. Конечно, этот процесс шел не гладко, возникали трудности и при создании новых средств выражения, и при приспособлении старых средств к новым речевым условиям. Здесь была почва и для возникновения разного рода отрицательных явлений — ошибок, неправильностей, речевых штампов. Только учитывая все современные условия существования русского литературного языка можно прийти к правильной оценке языковых явлений, к решению многих вопросов культуры речи.

Что такое высокая культура речи? Высокая культура речи — это умение правильно, точно и выразительно передавать свои мысли средствами языка. Правильной речью называется та, в которой соблюдаются нормы современного литературного языка. Нормы языка — это общепринятые в общественно-речевой практике (в художественной литературе, в речи образованных людей, в сценической речи, на радио и т. п.) правила произношения, грамматики и словоупотребления. Но высокая культура речи заключается не только в следовании нормам языка. Она заключается еще и в умении найти не только

точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое (т. е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т. е. самое подходящее для данного случая и, следовательно, стилистически оправданное).

В понятие культуры речи, языковой нормы каждая историческая эпоха вносит свое содержание. К современному русскому литературному языку, к оценке его норм и стилистических категорий нельзя подходить с позиций тех оценок, которые существовали в 30-х гг. и которые наиболее полно были отражены в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Дело в том, что к началу 60-х гг. советское общество прошло почти полустолетний путь развития. За это время в новых социальных условиях изменились взаимоотношения между различными формами национального языка. Значительно сократилась сфера действия народных русских говоров — местных крестьянских диалектов. Возросла роль различных форм городской речи, развивавшейся на почве сложных взаимоотношений диалектов и литературного языка. Возникла, таким образом, разговорно-обиходная речь не как социально ограниченное просторечие, а как одна из влиятельных форм национального языка, форма живого общения. Немало элементов разговорно-обиходной речи, лексических и грамматических, слились с нормами литературного языка; иные являются достоянием только живого общения, а в литературно-нормированной речи служат лишь средством стилистического выражения; наконец, многие элементы, широко функционируя в живой речи, остаются за пределами литературно-нормированной речи, вступая иногда в противоречие с ней. Таким образом, разговорно-обиходная речь неоднородна по своим функциям. Неоднородна она и по своему составу, отражая в разной степени и диалектную почву, и профессиональную речь, и жаргонную речь, и традиции старого дореволюционного городского просторечия. В своих рекомендациях словарь стремится характеризовать современное состояние литературной нормы, исходить из анализа современных взаимоотношений, сложившихся в национальном языке.

Настоящий словарь посвящен одному из самых существенных элементов культуры речи — словоупотреблению. Трудности словоупотребления многообразны. Они могут быть и результатом самых простых нарушений

нормы, нарушенный традиционно принятого литературного употребления, и результатом неудачного употребления слова для выражения новых отношений, и результатом несоблюдения тонкостей словоупотребления, обусловленных стилистическим богатством русского литературного языка. В словарь включены наиболее типичные случаи.

Так, например, многообразие словообразовательных средств русского языка очень часто вызывает смешение в употреблении однокоренных слов, близких по значению и по сфере употребления, но разных по образованию: с разными приставками, с разными суффиксами и т. п. Между тем способ образования слова в русском языке обычно определяет и его конкретное значение. Поэтому можно ли не различать *войти* и *взойти*, *прикурить* и *закурить*, *невинный* и *неповинный*, *нетерпимый* и *нестерпимый*, *бережный* и *бережливый*, *горделивый* и *гордый*, *вздых* и *вдох*, *застройка* и *постройка* и т. п.?

Наряду с этим происходит смешение близких по сфере употребления, но разных по значению слов: *педагог* — *учитель*, *профессия* — *специальность*, *положение* — *состояние* и т. п. Особенно распространено смешение в употреблении слов, обозначающих смежные явления: *отдыхать* вместо *спать*, *брать* вместо *покупать*, *давать* вместо *продавать*, *с желанием* вместо *с охотой*, *охотно* и т. п.

В русском языке богатая синонимика. Но сплошь и рядом вместо конкретных и точных для определенного случая слов, подходящих именно для данного случая синонимов употребляются одни и те же излюбленные слова, создающие речевой стандарт (см. употребление таких слов и выражений, как *организовать*, *поначалу*, *к примеру*, *внедрить*, *звучание*, *по вопросу*, *в деле*, *по линии*, *в части*, *иметься*, *совершать* и т. п.). Иногда это приводит к совершенно неуместному употреблению слов, лишенных в данных речевых условиях определенного конкретного значения (см. такие слова, как *абсолютно*, *автоматически* и т. п.).

Слова имеют обычно определенные границы сочетаемости с другими словами. Расширение этих границ нарушает точность и правильность речи, принятые нормы словоупотребления (см. в словаре такие слова, как *завсегдатай*, *повадка*, *обморозить*, *обсуждать*, *размещаться*).

Особенно важно стилистически правильное употребление слов. Из нарушений стилистических норм бросаются в глаза главным образом случаи неуместного употреб-

ления стилистически окрашенных слов в нейтральных контекстах: книжно-канцелярское *проживать* (вместо *жить*), книжно-канцелярское *произрастать* (вместо *расти*), книжно-поэтическое *поведать* (вместо *рассказать*), официальное *супруг* (вместо *муж*), официальное *вручить* (вместо *дать, преподнести*), книжное *трудиться* (вместо *работать*) и т. п.

Многочисленны и многообразны ошибки в использовании так называемых просторечных слов, слов обиходной речи. Одни из них противоречат литературной норме (например, *вперед* вместо *сначала*, *обратно* вместо *опять*, *подать* вместо *дать*, *заиметь* вместо *получить* и т. п.). Другие являются синонимами к литературным словам, не оправдываемыми стилистической необходимостью (ср., например, *пошив* вместо *шитье*, *заслушать* вместо *выслушать*, *прослушать*; *подослать* вместо *прислать*, *заполучить* вместо *получить* и т. п.).

Многие случаи погрешностей речи связаны с забвением значения слов (ср. *деверь, шурин, именины*), неправильным употреблением заимствованных слов (ср. *титул, кавалькада, приоритет, инцидент, будировать*), употреблением иностранных слов без надобности в тех случаях, когда уместнее употребить русские синонимы (ср. *корректив, дефект, гидрофобный* и т. п.).

Возможности сочетаемости слов связаны с развитием языка, с изменениями значения слов. Поэтому здесь больше всего обнаруживаются трудности употребления. Особенно обращают на себя внимание всякого рода тавтологические сочетания слов (т. е. сочетания слов, значения которых в основном совпадают), не соответствующие нормам литературного словоупотребления (ср. *житница зерна, дезорганизатор порядка, своя автобиография, прейскурант цен, хронометраж времени, вздернутый кверху, промышленная индустрия, очень громадный* и т. п.).

К числу особенных трудностей относится употребление устойчивых словосочетаний, фразеологических единиц. Происходят разнообразные случаи видоизменения, разрушения фразеологизмов (ср. *пока суть да дело* вместо *пока суд да дело*, *играть главную скрипку* вместо *играть первую скрипку*, *тратить нервы* вместо *портить нервы*, *в большинстве* вместо *в большинстве случаев* или *в большинстве своем* и мн. др.), их контаминации, то есть неправомерного совмещения в одном сочетании

двух близких по значению сочетаний (например, *играть значение* — из *играть роль* и *иметь значение*, *тратить нервы* — из *тратить силы* и *трепать нервы* и т. п.).

В словарь включены многие случаи нарушений нормы в управлении слов (см., например, *касаться*, *оплатить* и т. п.), а также некоторые предлоги, ошибочное употребление которых может быть связано или с явлениями лексико-стилистического характера (см. *через*, *для*, *из*) или с неправильным управлением (см. *благодаря*, *согласно*).

Кроме того, в словаре комментируются и мнимые не-правильности — неверные, но весьма распространенные оценки различных слов и оборотов (см., например, *бое-витый*, *волнительный*, *котиться*, *одинарный*, *учеба* и др.).

Эта книга — справочное пособие по употреблению отдельных слов и выражений. Весь материал расположен в алфавитном порядке отдельных слов, а фразеологические единицы помещаются по алфавиту опорных слов выражения. Для удобства пользования на все слова, входящие в устойчивые сочетания, а также на слова, рассматриваемые внутри статей, в книге даны отсылки (например: *большая половина* — см. *половина*, *риск* — см. *смелый риск*; *вовнутрь* — см. *внутри* и т. п.).

Помочь правильно и точно пользоваться словарными средствами русской речи — основная задача книги. В ней содержится около 600 словарных статей, посвященных наиболее типичным случаям трудностей современного словоупотребления. Основным материалом этой книги явились наблюдения над словоупотреблением в центральных и периферийных газетах, журналах и альманахах, в художественной литературе, в научно-популярных изданиях (всего около 200 названий) и в живой разговорной речи последних лет.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

Р. И. АВАНЕСОВ. РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ
ПРОИЗНОШЕНИЕ. УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ
УЧИТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ. МОСКОВСКИЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА. М., 1950

Современная наука выдвигает перед советскими языковедами важные задачи изучения структуры современного русского языка, в том числе и его звуковой, произносительной стороны. Выработка единого литературного

произношения сделалась особенно необходимой именно в советское время, когда русский язык стал орудием социалистической культуры, средством межнационального общения народов Советского Союза.

Книга Р. И. Аванесова и посвящена насущным вопросам нормализации русского литературного произношения. Она является важным шагом в развитии русской орфоэпической науки.

Интерес к вопросам литературного произношения, к поддержанию его норм существовал в русской науке и в дореволюционное время. Попытка систематизировать спорные вопросы произношения была сделана в предреволюционное время В. И. Чернышевым в ряде популярных пособий, а главным образом в его книге о правилах русского произношения*. Обстоятельные высказывания о нормах произношения в связи с описанием звуковой системы русского языка содержались в литографированном университетском курсе акад. А. А. Шахматова (1913). Такие же высказывания в связи с вопросами русской орфографии можно найти и в книге Д. Н. Ушакова о русском правописании**. В этих трудах была намечена основная орфоэпическая проблематика, получившая обоснование в последующее время.

Развитие русского литературного языка в советскую эпоху внесло некоторые изменения и в произносительную норму. Исторически возникшие и часто прогрессивные для развития языка колебания, вызванные новыми социальными и культурно-историческими условиями развития русского языка, еще в дореволюционное время начали постепенно колебать московскую норму. Прогрессивные явления в произношении и диалектные влияния вступили в борьбу с некоторыми отжившими старыми нормами. Чистота старомосковского произношения нарушалась; усиливался произносительный разнобой. Получившая необычайное значение в нашей общественной жизни публичная речь в разных ее формах — радио, звуковое кино, театр, широкая сеть школ и курсов — настойчиво требовала единообразного произношения для наиболее успешного выполнения общенародным языком его общественных функций. Установление твердых произносительных норм стало общественным делом.

* Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения. Изд. 3. Пг., 1915.

** Ушаков Д. Н. Русское правописание. М., 1911.

Как это часто бывает в периоды колебаний норм, только старые нормы представляются нерушимыми, таящими в себе исцеляющую силу. Именно в такой период Д. Н. Ушаков в своей статье «Задачи русской орфоэпии» * впервые с систематической полнотой сформулировал нормы старого московского произношения, объявленные им образцовыми и для нашего времени. С некоторыми оговорками эти нормы были изложены и в первом томе «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935). Авторитет отживающей московской произносительной нормы был поддержан, и везде, где учили правильному произношению, — в театре, на радио, в школе, — именно эти нормы, несмотря на постоянные срывы в их реальном осуществлении, признавались правильными и образцовыми.

С середины 30-х гг. делаются попытки анализировать и регламентировать возникшие изменения в области произношения. Сюда относятся работы Л. В. Щербы, С. И. Бериштейна, а впоследствии и Р. И. Аванесова, отказавшегося от безусловной поддержки старых норм. В 1949 г. в одностомном «Словаре русского языка» была сделана попытка пересмотра произносительных норм в сторону регламентации новых произносительных явлений.

Такова история, предшествующая появлению рецензируемой книги.

Книга начинается кратким, но обстоятельным введением, излагающим теоретические взгляды автора и методические ценные рекомендации по исправлению неправильного произношения. Основная часть книги — детальное описание произношения гласных и согласных звуков русского языка в их разных положениях, а также произношения отдельных грамматических форм и слов иноязычного происхождения. В приложении дан интересный этюд о произношении имен и отчеств, образцы транскрибированных текстов и краткий орфоэпический словарь.

В лингвистической литературе термин «орфоэпия» не отличается достаточной определенностью. В орфоэпию часто включаются вопросы интонации, дикции, ударения, вопросы употребления грамматических форм и

* Русская речь. Сб. Под редакцией Л. В. Щербы. Вып. 3. Л., 1928.

вообще вопросы культуры речи в широком смысле. Р. Аванесов придает этому термину точный смысл. Орфоэпия — это учение о произношении в собственном смысле слова, учение о правильном литературном произношении звуков в определенных фонетических положениях, в определенных сочетаниях с другими звуками, а также в определенных грамматических формах и группах слов и в отдельных словах, если эти формы и слова имеют свои произносительные особенности (см. стр. 6, 8). Это определение, в общих чертах сформулированное еще Д. Н. Ушаковым, правильно намечает круг вопросов, подлежащих ведению орфоэпии как науки.

Однако, правильно определив объект науки и ее содержание, Р. Аванесов не освободился от противоречий в понимании ее сущности. Как всякая языковедная дисциплина, изучающая строй современного языка, орфоэпия должна органически включать в описательную часть самые принципы нормализации, вытекающие из исторического анализа развития изучаемого явления. Таким образом, нормализация явлений языка с исторической точки зрения может быть таким же объективным делом, как и описание. Между тем характерной чертой книги Р. Аванесова является детальное, всестороннее и действительно объективное описание произносительных явлений со всеми колебаниями и в то же время, во многих случаях, отказ от нормализации во избежание, как думает автор, субъективной оценки.

Такая точка зрения целиком вытекает из традиционной концепции истории русского литературного произношения, изложенной автором на стр. 10—11. Согласно этой концепции, сложившееся московское произношение начинается с XVIII в. подвергаться влиянию складывавшегося в Петербурге книжного, «буквенного» произношения. Борьба между «живым» московским произношением и «книжно-буквенным» петербургским вместе с некоторым влиянием северных диалектов признается по этой концепции основным двигателем развития литературного произношения в XIX—XX вв., а всякое отклонение от «живого» произношения — его искажением в угоду букве. Полная неизученность конкретных исторических путей развития литературного произношения и подмена их генетическими соображениями содействовала укреплению традиционной концепции.

Однако несомненно, что буквенного произношения как закономерного явления, конкурирующего в пределах литературного языка с другими нормами, не существует. Произношение *его* вместо *ево* (типический случай буквенного произношения) не есть факт колебаний литературной нормы, так как он отражает не живую речь, а неполное усвоение приемов чтения. Никакое «буквенное», т. е. совпадающее с написанием, произношение не может быть фактом литературного произношения (хотя и ненормализованного), если оно не имеет почвы в широко распространенном народно-диалектном произношении или в произносительной традиции прошлого.

В органическом сочетании с указанной концепцией стоит и мысль Р. Аванесова о том, что «полное единообразие литературного произношения вообще едва ли может быть достигнуто, так как живая речь многообразна и неоднородна в разных своих стилях» (стр. 3). На самом же деле исторически обусловленное наличие колебаний и сосуществование вариантов произношения не связано, как определенная закономерность, со стилистическим значением вариантов. Действительно, тот, кто произносит мягкие заднеязычные в прилагательных (*тихий, краткий*), будет произносить их и в своей публичной речи и в бытовом разговоре. Это же относится и к произнесению *чи* или *ши* в прилагательных, *ся* или *са* в возвратных глаголах или нарочитому произнесению на иноязычный манер твердого согласного перед *е* в некоторых заимствованных словах.

В литературном языке нет стилистической произносительной системы как автономного явления. В различных жанрово-стилистических разновидностях литературной речи могут равно использоваться любые произносительные варианты, не придавая речи добавочной стилистической окраски. Только отдельные произносительные явления можно считать специфически связанными с определенными стилями литературной речи. Эти случаи обычно восходят к некоторым особенностям диалектного или старых жаргонно-дворянского и жаргонно-мещанского произношений.

Отсутствие теоретической базы и оторванность стилистической схемы (книжный, разговорный и просторечный стиль произношения) от конкретно-исторических условий развития русского литературного произношения ведет к тому, что стилистическая квалификация

частных случаев нередко становится расплывчатой и неопределенной. Нам кажется, что Р. Аванесов напрасно рассматривает наличие в современном языке произносительных вариантов разного происхождения как доказательство прикрепленности разных произносительных дублетов к тем или иным стилям литературной речи. Ближе к истине был Л. В. Щерба, который реализацию возможных вариантов произношения связывал с темпом и манерой речи, употребляя соответственно термины «полный» и «неполный» стили произношения.

Большую ценность представляет основная часть работы. Автор детально, с большой тонкостью, приводя сведения из физиологии звуков речи, описывает гласные и согласные русского литературного языка, а также все те звуко сочетания, произношение которых связано с теми или иными фонетическими условиями произнесения и историческими условиями развития произношения. Впервые с такой исчерпывающей полнотой и подробностью дается характеристика отклонений от правильного литературного произношения каждого звука и звуко сочетания, указываются источники ошибочного, или ненормализованного, произношения. Представляют большой интерес наблюдения над отклонениями, вызванными диалектным произношением, влиянием иноязычной фонетической системы, влиянием темпа речи или индивидуальными особенностями произнесения. Рекомендации автора к исправлению отклонений, будучи основаны на их тщательном анализе, принесут несомненную пользу.

Для понимания внутренних процессов развития произношения, становления и падения тех или иных произносительных норм большое значение имеет вопрос о том, как конкретно осуществляются произносительные закономерности в словарном составе языка. Эти закономерности двойки. Одни универсальны (например, закономерности произношения звонких и глухих согласных, безударных гласных т. п.). Осуществление других закономерностей может быть связано только с определенными группами слов или грамматических форм (таковы, например, закономерности произношения твердого или мягкого согласного перед *е* в словах иноязычного происхождения). Закономерности этого рода всегда в движении. Именно в этой области возможно больше всего колебаний, стремление то к большему охвату под-

ходящих случаев, то к ограничению представляет собой непрерывно развивающийся живой процесс.

Наблюдения над произносительными закономерностями второго рода составляют несомненное достоинство книги Р. Аванесова. Лексический и грамматический материал, привлеченный здесь автором, обширен, а в иных случаях исчерпывающ. Некоторые разделы разработаны особенно подробно и интересно. Так, например, одним из трудных случаев русской орфоэпии является произношение согласных перед мягкими согласными. В старом московском произношении с большой последовательностью происходило смягчение согласного перед мягким согласным. С течением времени эта закономерность все более и более нарушалась, теперь она осуществляется все менее полно, и случаи колебания возросли. Р. Аванесов подробно устанавливает определенные условия реализации этой закономерности, связанные с качеством и позицией согласного и с его положением в морфемах. Тщательно разработаны условия твердого или мягкого произношения возвратной частицы и многие другие разделы. Все эти наблюдения с несомненностью показывают прогрессивные тенденции нашей произносительной системы к все большей универсальности произносительных закономерностей, к охвату ими всей подлежащей лексики и грамматических форм, к изживанию исключений и тем самым к сокращению колебаний. Применяемый автором метод анализа произносительных закономерностей с учетом лексико-грамматической стороны следует признать весьма плодотворным.

Всякие ли отклонения и колебания являются вариантами произносительной системы русского литературного языка? С исторической точки зрения, как показывает и сам материал книги, соответствующие колебания неодинаково влияют на единообразие литературного произношения. Одни отклонения от единства — внешние, другие вызваны внутренними закономерностями развития литературного языка. Например, колебания в произношении ударяемых гласных, глухих согласных в исходе слова, согласных *в, л, ч, ш, ж* и т. п. представляют собою простые отклонения от единой общенародной нормы произношения. Эти отклонения вызваны тем, что лица, говорящие на местном диалекте, или лица, для которых русский язык не является родным, не полностью знакомы с этой нормой. Часто это — следствие небрежности бег-

лой речи. Дело педагогической орфоэпии отучить говорящих от подобных неправильностей. Другие колебания и варианты являются результатом внутреннего развития литературного языка и могут в те или иные исторические эпохи претендовать на международное значение.

Качественное различие отклонений от нормы в книге Р. Аванесова не подчеркнуто, и поэтому исторически оправдываемые колебания тонут в общей массе отклонений. А между тем именно из этих последних должен быть сделан отбор вариантов, прогрессивных с точки зрения исторического развития произношения и заложенного в языке стремления к унификации. Исходя из своей общей концепции, автор проявляет здесь излишнюю осторожность, отчасти оправдываемую его прежними симпатиями к старому московскому произношению. Приведем некоторые примеры.

По старой московской норме предударное *а* после шипящих произносилось как звук близкий к *ы*: *жыра*, *шыгать*. В настоящее время, как правильно говорит Р. Аванесов, вполне литературным стало здесь произношение *а* как всякого предударного *а*: *жара*, *шагать*. Однако он не говорит, что стало с прежней нормой. Устарела ли она или осталась как равноправная? По-видимому, последнее, так как Р. Аванесов утверждает, что в ряде слов правильным следует признать произношение не с *а*, а со звуком, близким к *ы*, по старой норме. К таким или колеблющимся по произношению словам он причисляет: *жалеть* и производные от него, *бешамель*, *шашлык*, *шалаш*, *нашатырь*, *шаблон*, *шагрень*, *жакет*. Нам кажется, что новая закономерность стала универсальной, и тот, кто к ней перешел, все подходящие слова произносит единообразно.

В произношении окончаний именительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода автор признает равноправными два варианта: старомосковское произношение, которое соответствует заударному произношению *ой*, т. е. такому, как в формах косвенных падежей (*к новой*, *к старой* и т. п.) и произношение *ый*. Только напрасно автор считает последнее произношение новым, распространившимся под влиянием правописания. В недрах литературного языка такое произношение существовало давно и параллельно с так называемым старомосковским. Так же без оснований автор признает распространившимся в настоящее время под влиянием

правописания произношение мягких заднеязычных *к, г, х* в прилагательных (*тонкий, строгий, безухий*). Мягкое произношение здесь существовало давно в литературном языке наряду с твердым произношением заднеязычных, и потому автор совершенно напрасно отвергает мягкое произношение, квалифицируя его как нелитературное. Мягкое произношение — закономерный вариант, выходящий на путь литературной нормы.

Излишне сложной представляет себе автор картину перехода от старого, твердого произношения возвратной частицы *ся, съ* (*са, с*) к мягкому. Вряд ли можно согласиться с утверждением о неперменной и последовательной привязанности того или иного произношения к определенным глагольным формам. Нам кажется, что тот, кто осуществляет мягкую норму произношения, одинаково осуществляет ее и в форме первого лица множественного числа (*видимся, а не видимса*), и в форме прошедшего времени мужского рода после *л, с* и *з* (*брался, а не бралса*) и т. д. Правда, акустико-физиологически существуют различные степени смягчения согласного (мягкое, полумягкое произношение *с*), но орфоэпически они укладываются в два противопоставленных типа произношения — или твердое или мягкое. Кстати, и здесь Р. Аванесов без достаточных оснований считает мягкое произношение возникшим теперь под влиянием правописания и диалектного произношения. На самом деле мягкое произношение — давний вариант литературной нормы.

Серьезные возражения вызывают предлагаемые автором нормы произношения иноязычных по происхождению слов. Лексическая дифференциация здесь, несомненно, существует, но Р. Аванесов явно преувеличивает ее роль. Дело идет главным образом о произношении *о* в безударном положении и согласного перед *е*. В период широких заимствований иностранных слов в жаргонной дворянской речи XVIII—XIX вв. было принято произносить такие слова на иноязычный лад, в соответствии с произношением данного слова на его родной почве. С течением времени это правило проникло и в общую норму литературного произношения. Но, по мере распространения многих заимствованных слов и проникновения их в общенародное употребление, эта норма стала разрушаться, прогрессировало русифицированное произношение подобных слов. Иноязычное произношение еще до революции в кругах демократической интеллигенции пе-

рестало быть господствующим и закрепилось лишь в отдельных словах или группах слов, количество которых постепенно убывало. Однако за иноязычным произношением держалась репутация «образованного», «правильного» произношения, что сдерживало поступательный ход русификации. Сейчас, следовательно, речь идет о том, какие из остатков прошлого имеют право на существование и с какими живучими предрассудками следует бороться.

Нам кажется, что теперь в области произношения безударного *о* и в иноязычных словах должна быть признана правильной русская норма его произношения. Автор справедливо указывает, что иноязычная манера произношения выглядит теперь искусственно, манерно-претенциозно. Только для ограниченного круга слов он допускает иноязычное произношение. Мы согласны с ним, что безударное *о* сохраняется в словах *бонмо*, *бонтон*, *бомонд*, тем более, что таких слов теперь нет в русском языке. Но мы возражаем против разрешения произносить по-иностранным дипломатические термины (*досье*, *коммунике*), термины искусств (*поэт*, *сонет*), термины науки (*каолин*, *баобаб*). Все эти слова вполне естественно звучат по-русски, если нарочито не подчеркивать сильно акающего произнесения. С нарочитым подчеркиванием аканья и слово *вода* будет звучать неестественно. Более сложен вопрос с произнесением согласного перед *е*, потому что здесь нормализатор должен иметь дело со сложившейся традицией употребления отдельных слов. Автор так и делает: он приводит списки слов и указывает на некоторые словообразовательные ряды с канонизованным иноязычным произношением. Однако, так как он не выдвигает принципа, нормализующего ту или иную закономерность, то его списки слов с твердым, иноязычным произношением согласных перед *е* слишком расширились и захватывают такие слова, которые давно уже проявили тенденцию к русскому их произношению. Так, совершенно нельзя рекомендовать произношения *интэрвенция*, *интэрнационал*, *дэмобилизация*, *энэргия*, *аннэксия*, *тоннэль*, *эссэнция*, *рэнтген* и многие другие. Словообразовательный момент тут не играет существенной роли. Только в зависимости от слова, в которое они входят, приставки *интер*, *де* или *ре* могут произноситься и твердо и мягко.

В части описательной книга Р. Аванесова по богат-

ству наблюдений, по систематичности подбора фактов значительно превосходит все то, что было известно в литературе. И это понятно: ведь автор — лучший специалист в области русской фонетики и орфоэпии. Он правильно наметил и некоторые тенденции в развитии закономерностей современного произношения. Однако концепция исторического развития литературного русского произношения, восходящая к представлениям так называемой московской фонетической школы, помешала автору более широко разрешить вопросы борьбы старых и новых закономерностей и установить действительные исторические причины изменений старомосковской произносительной нормы.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ XVIII — начала XIX в.

Преобразование фонетических норм XVIII в. в общенациональную произносительную систему литературного языка совершалось в общем ходе развития лексико-семантических и грамматических отношений конца XVIII и начала XIX в. Эпоха подведения итогов и переоценки культурного наследия XVIII в., сопровождавшаяся ломкой литературных канонов классицизма и лингвистических вкусов и непосредственно связанная с новыми социальными и идеологическими явлениями в жизни русского общества, не могла не отразиться и на произносительной стороне языка. Вопрос о норме произношения не был только техническим вопросом в условиях многообразия и принципиальной замкнутости стилистически разобобщенных речевых систем в пределах одного языка. Языковые явления, присущие такой системе или сопутствующие ей, наполнялись, как и сама система в целом, тем или иным социальным или эстетическим содержанием, вызывающим, в зависимости от сложности явления и социальных интересов говорящих, прямо противоположные или противоречивые оценки. Действительно, высокий произносительный стиль, освященный ломоносовской теорией, длительной стиховой практикой, сценическим трагедийным произношением и опиравшийся на живые навыки произношения книжно-образованной части общества, да и на живые традиции церковного чте-

ния, во многих своих элементах перекликался не только с нормами северновеликорусского произношения, воздействовавшего и через петербургское просторечие, но и с навыками украинского произношения, пропикавшего через многочисленных украинцев, которые пополняли собой ряды городского дворянства, русских ученых и служилого населения центров России. Этому в достаточной мере строго регламентированному стилю произношения противостояла широко дифференцированная стихия бытового дворянского произношения. Эта стихия, опираясь на старомосковские традиции устной речи и подвергаясь постоянному и живительному воздействию средне- и южновеликорусских произносительных навыков не без посредства московского просторечия, перекликалась рядом своих черт с высоким произносительным стилем. Общность элементов и возможность практического владения разными стилями произношения, наряду с напряженным процессом развития и перегруппировки лексико-семантических и грамматических элементов, не могли не привести к важным последствиям. Разрушение старого поэтического канона с его иерархией жанров и произношения, внедрение в театр через бытовую комедию разговорного произношения, демократизация жанров публичной речи одновременно с расширением книжного образования и длительным воздействием стихового произношения, как образцового, приводили практически к сочетанию элементов противопоставленных стилей в новых речевых структурах. Вместо противопоставления стилей в языковом сознании говорящих складывалось представление об отдельных элементах, той или иной стилистической окраской нарушающих нормальное, «правильное» произношение образованного общества. Борьба за включение в язык образованного общества или изгнание из него этих элементов, опирающаяся на социальную, а отсюда и эстетическую оценку произносительных явлений, составляет содержание сложного процесса становления произносительных норм общенационального русского литературного языка начала XIX в.

Одним из путей раскрытия исторической действительности во всем ее динамическом своеобразии, а не только конечных результатов процесса по разрозненным показателям, является изучение произносительной стороны стиховой речи с учетом особенностей ее как поэтического жанра, и с уяснением личности поэта как по-

сителя языка своей эпохи. Значительный интерес для истории русского литературного языка в этом отношении представляет творчество И. А. Крылова.

1. «Творец и законодатель языка», по признанию современников*, широко раздвинувший границы литературного русского языка и вместе со своим гениальным современником Пушкиным положивший начало литературному языку как языку общенациональному, Крылов в области установления норм литературного произношения являлся, как и его современники, лишь одним из участников, вложивших свою долю в общий созидательный процесс. Фоническая сторона речи, в отличие от лексико-семантической, наиболее инертна, наиболее консервативна; нарушения традиции и норм эстетического вкуса в области произношения обычно не входят в непосредственное художественное задание поэта: нарушения эти вызываются общим ходом, идеологическими в широком смысле тенденциями развития языка и лишь постепенным расширением употребления образуют новые произносительные нормы. Поэтому вклад большого поэта, разгадавшего исторические перспективы и смело нарушившего традицию, представляется всегда более значительным.

Еще современники обратили внимание на звуковую сторону крыловского языка, на полную гармонию ее с другими сторонами речи. «Он в такой симпатии сходится с идеями, что для обозначения их выбирает с удивительною разборчивостью и меткостью только им свойственные выражения, обороты речи, расстановку слов, даже звуки их»**. И настолько осторожно и постепенно переходил Крылов к изменению произносительного облика своих стихов, что современники, пораженные стилистической яркостью крыловской басни, обнаруживали контраст всех сторон его творчества разных периодов. «Мелкие стихотворения Крылова, напечатанные в «Зрителе», еще не сбросили с себя чопорного убранства прошлого века», — замечает Плетнев***, хотя этого чопорного убранства не лишены и басни. Лишь позднее путь

* Плетнев П. А. Отчеты Академии наук по отд. русского языка и словесности. — «Журнал Мин. нар. просв.», 1844, ч. 45, отд. 3, с. 25.

** Плетнев П. А. Праздник в честь Крылова. — «Современник», 1838, т. 9, с. 57.

*** Плетнев П. А. Жизнь и сочинения Крылова. Соч., т. 2. СПб., 1855, с. 53.

Крылова представился уже более сложным, отразившим языковые противоречия эпохи. «У него, как и у других наших поэтов прошлого и нынешнего века, — говорит академик И. И. Срезневский, — с такими стихами, где ничто не колет слуха русского человека, сходились и переплетались стихи, в которых нанизаны слова и выражения нерусские, или же и русские, но испорченные нерусским выговором» *.

Вопреки преданиям, сложившимся после смерти поэта на почве анекдотических рассказов о неподвижности и апатичности его, о пренебрежении к обработке басен, Крылов, по свидетельству современников, чрезвычайно требователен к своему творчеству, взыскателен к форме басен и даже в переписке их необычайно тщателен. «Замечательно, — говорит Плетнев, — что Крылов отделкою языка в лучших баснях своих несколько не напоминает блестящей школы Жуковского. Есть что-то, так сказать, увесистое в стихах его, как в нем самом. Однако же тут нет и того, что называется недоконченностью обработки. Напротив, ни на одном слове не задумываешься и не пожелаешь перемены его или перестановки. Эти стихи не доставались Крылову так легко, как думают. Он иногда десять раз совершенно по-новому переделывал одну и ту же басню... Совершенно выправленные басни Крылов любил начисто переписывать сам, на особом листке каждую. Только старинный почерк его был так неразборчив, что иные из своих рукописей под конец никак не мог разобрать и сам» **. Близко знавший поэта академик М. Лобанов так описывает процесс творчества словами самого Крылова: «Я до тех пор читал мои новые стихи, говорил мне И. А., пока некоторые из них мне не причитаются. Тогда их поправляю или вовсе переменяю» ***. Об этом свидетельствуют многочисленные варианты его басен, сохранившие следы особенного внимания и к произносительной стороне языка. Материалом для наблюдений служили показания рифм и отчасти орфографии ****. Канон точной рифмы, которому

* Чтение о языке Крылова. Сб. ОРЯС, 1869, т. 6, с. 74.

** Плетнев П. А. Жизнь и сочинения Крылова. Соч., т. 2. СПб., 1885, с. 105.

*** Там же, с. 48—49.

**** По изданию: Крылов И. А. Басни в 9 книгах. СПб., 1843; Басни. СПб., 1815; ранние стихи и драматические произведения в стихах по изданию соч. И. А. Крылова под ред. В. В. Каллаша. СПб., 1905, т. 1—4.

обычно строго следовал и Крылов наравне с современниками*, не доставляя равноценного материала**, позволяет вскрыть многие явления из истории русского литературного произношения, из взаимоотношений произношения стихового и разговорного, обиходного произношения образованного русского общества конца XVIII — начала XIX в.

2. Вопрос о характере аканья у Крылова вряд ли может быть разрешен полностью удовлетворительно. Это касается и его личного произношения и произношения стихового. Его колебания в орфографии не выходят за пределы того, что было или могло быть неустойчивым для всех литературно образованных людей его времени, и все его отклонения отражают не столько его личные вкусы или произносительные привычки, сколько колебания орфографических норм его времени. Причем эти отклонения чаще всего связаны с написанием слов разговорных в широком смысле, не подвергшихся грамматической регламентации на письме. Так, в издании басен 1815 г. встречается написание, по акающей норме, предударных: *крехтя* («Крестьянин и смерть»), *встрехнулся* («Два голубя»), *окарнали* («Вороненок»), *снаровку* («Мирская сходка»), *потрашат* («Волк и пастух», по изд. 1843 г.), *вить это вам не здорово* (Письмо к Б. Олениной, сб. ОРЯС, VI, стр. 277) и под. С другой стороны, по окающей норме: *за колеку* («Разборчивая невеста», по изд. 1815 г.), *Ховронья* («Свинья», по изд. 1815 г.), *россаду* («Крестьянин и Собака», по изд. 1843 г.) и под. Если первая группа примеров нейтральна для суждения о характере аканья, то вторая до известной степени свидетельствует об ассоциациях, свойственных представлениям окающего человека о фонетической природе сочетания ударного и безударного гласного в группе слогов. Так же мало о столкновении акающего и окающего начал говорит и колебание, например, в написании частицы

* Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория. Пг., 1923, гл. 3. «Из истории русской рифмы».

** Отчасти вследствие ограниченности и традиционной установленности репертуара рифмующих слов и грамматических категорий. Один из приемов выхода за пределы традиционного стихового произношения — отказ от неудобных рифмующих пар и обновление лексического репертуара рифм. В баснях Крылов начинает этим пользоваться широко.

ко — ка при глаголах, которая в издании 1815 г. встречается 4 раза в виде -ко и 4 раза в виде -ка. Необходим большой лексически подобранный сравнительный материал о правописании его современников, чтобы судить о доле типичного и индивидуального в правописании Крылова. И его индивидуальное не связано, конечно, с плохим знанием орфографии, как думает В. Каллаш*. О возможных индивидуальных произносительных привычках говорят данные биографии Крылова. Детство и отрочество, проведенные в Твери**, в низших слоях несомненно окающей среды, могли оставить неизгладимый след на его позднейших произносительных привычках, не противоречивших петербургской норме умеренного аканья.

Последнее до известной степени определяет и его отношение к стиховому произношению, для которого рифмы являются почти единственно объективным показателем. Он стоит на почве канона точной рифмы, освященной поэтической традицией. Отступления от точной рифмы в области заударных гласных ограничены. Так сочетание безударных *е* — *и* в подавляющем числе случаев (23 из 26) падает на окончания *ешь* — *ишь*, *ет* — *ит* в глаголах и *ен* — *ин* в прилагательных, в которых сближение произношения оправдано принадлежностью к одной морфологической категории. Это — на всем протяжении творчества. *Тронет* : *уронит* («Американцы», 1788), *хочешь* : *волочишь*, *грезит* : *лезет* («К счастью», 1793), *хо-*

* «Одряхлевший Крылов, внесший последние поправки в текст (изд. 1843 г.), не мог уже уследить за корректурами, да и раньше он, плохо зная русскую орфографию, предоставлял их приятелям или наемным лицам» (Предисловие к 4-му т. соч. Крылова, изд. 1905 г., стр. VI). Напротив, Крылов очень бережно относился к тексту своих басен, к правке их, и был последователен в целом ряде орфографических написаний, как показывает рецензент В. Каллаша, Л. К. Ильинский, изучивший рукописи и прижизненные издания поэта («Известия ОРЯС», 1905, т. 10, кн. 2, с. 445).

** «Знаменитый наш баснописец Крылов принадлежит особенно нашей Твери: здесь он воспитался и провел первые годы своей юности... И. А. посещал с особенным удовольствием народные собрания, торговые площади, качели и кулачные бои, где толкался между пестрою толпою, прислушиваясь с жадностью к речам простолюдинов. Нередко сживал он по целым часам на берегу Волги, против плотомоек, и, когда возвращался к своим товарищам, передавал им забавные анекдоты и поговорки, которые уловил из уст словоохотливых прачек, сходявшихся на реку с разных концов города» («Из воспоминаний школьного товарища». — «Северная пчела», 1846, № 292).

чет: точит («Мое оправдание», 1793), слышим: пишем («Волк и ягненок», 1808), захочет: вскочит («Лягушки, просящие царя», 1809), судит: будет, подсядет: погладит («Мешок», 1809), дышет: слышит («Волк и волчонок», 1811), поладим: сядем («Квартет», 1811), будем: судим («Совет мышей», 1811), точит: хочет («Червонец», 1811), рассудит: будет («Лев и барс», 1815), будешь: шутишь («Мальчик и змея», 1819), заманишь: достанешь («Пастух и море», 1819), может: тревожит («Свинья под дубом», 1823), настанет: переманит («Паук и пчела», 1823), тиранить: станешь («Бритвы», 1828), захочешь: перескочишь («Лев, серна и лиса», 1830), забуянит: станет («Волки и овцы», 1833), спокоен: достоин (дважды в «Филомеле», 1786 и в «Стих. Бенкендорф», 1795)*. Распространению таких рифм могла содействовать и неустойчивость в написании многих слов этой категории, что создавало иллюзию орфографически точной рифмы. Так, например, у Н. М. Карамзина встречаем написания *лезит из кожи, доказывая* (Письма к И. И. Дмитриеву, стр. 184) или в рифмах — *спокоин: достоин* («К бедному поэту», 1796). В других категориях сочетание заударных *е—и* единично. В *разлуке: муки* («Мой отъезд», 1793), *из-за печки: на свечке* («Напраслина», 1816), *пригоршни трои: двое: такое* («Червонец», 1811), *нужен: ужин* («Муха и дорожные», 1808)**. Подобно своим современникам, Крылов избегает сочетаний *ье:ья:ьи* в рифмах: их 4 в стихах XVIII в. и 4 в баснях разных периодов.

Точная рифма XVIII — начала XIX в., опирающаяся на полное орфографическое подобие рифмующих окончаний, не допускала сочетания заударных *о—а*. Единичны примеры у Державина. Пушкин отступает от традиции преимущественно в комических жанрах и поэзии,

* На единичные примеры подобных рифм в XVIII в. у Сумарокова, Хераскова, Радищева, Николева указывает Б. В. Томашевский (К истории рифмы. — «Труды отдела новой русской литературы Института литературы АН СССР», т. I. М. — Л., 1948, с. 261). По наблюдениям В. М. Жирмунского (Рифма, ее история и теория. Пг., 1923), такие рифмы впервые отчетливо отмечаются у Державина и постоянно у Пушкина (с. 159—160). Таким образом, Крылов немного раньше Пушкина уже узаконивает рифмование заударных *е—и* в этой категории.

** Встречается у Николева (см.: Томашевский Б. В. К истории рифмы, с. 261), а позже у Пушкина, но как комическая рифма (см.: Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория, с. 160).

отклоняющейся от канона*. А Крылов даже в басне, уже при наметившейся в его время практике, редко прибегает к такому рифмованию. Из шести случаев четыре падают на рифмование морфологически изолированной категорией — наречиями *надо*, *немножко*: *Мне в-е-дать надо: пастух у стада* («Волк и волчонок», 1811), *не надо: я рада* («Подagra и паук», 1811), *отрада: не надо* («Лжец», 1811)**, *кошка: немножко* («Кошка и соловей», 1823). В рифме — *вещать мирянам: болван-болваном* («Оракул», 1807), рифмующие слова сближаются принадлежностью к одной грамматической категории, а рифма — *пела: это дело* («Стрекоза и муравей», 1808), оправдана разговорным колоритом фразеологического выражения. Впрочем, вообще лексический состав этих рифм тяготеет к разговорной сфере употребления.

Рифмы с родительным падежом единственного числа прилагательных мужского и среднего рода, типа — *услужить готова: хотелось бы мяснова* («Волк и лисица», 1816), *ни слова: нет святова* («Филомела», 1786), были канонизированы орфографической практикой еще в XVIII в., отражая разговорное произношение.

Таким образом, Крылов в своем отношении к ударным гласным в рифмах твердо остается только в пределах традиционно допускаемых отступлений. И это понятно. В чтении стихов еще незыблема была традиция окающего произношения, опиравшаяся на манеру церковного чтения, канонизованная Ломоносовым для чтения книг, как произносительная норма высокого слога***, и подтверждаемая позднейшими грамматиками. Современники воспринимали такое чтение, не совпадавшее с обиходным, разговорным произношением, как вполне естественное****. Чтение стихов — не обычная речь, а декламационное искусство с мерным отчетли-

* Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория, с. 156—158.

** Это отступление в издании басен 1815 г. скрыто написанием *нада*, которое еще в XVIII в. было узаконенным орфографическим дублетом (см., например, Томашевский Б. В. К истории рифмы, с. 253) и потому в представлении Крылова могло входить в разряд точных рифм. *Надо* встречается в подобных рифмах и у Пушкина.

*** Грамматика, § 104.

**** М. Макаров в записках пишет: «NN прочел детский катрен поэта (Пушкина) ...по образцу высокой речи на о». Тургенев: «Пушкин произнес эти стихи размеренным певучим голосом, и на о,

вым произнесением звуков — и произнесением по норме чтения книг. П. А. Плетнев так характеризует чтение Гнедича: «У Гнедича экзаметры его текли из уст медленно, глухо, размеренно и принимали в самых патетических местах выражение заученное. Но вообще эта метода, созданная Гнедичем, не была ни смешна, ни противоестественна. Она обличала в нем страстного художника, который возвел свое искусство на высокую степень обработанности»*. Противопоставляя чтению Гнедича чтение Крылова, Плетнев очерчивает совершенно иную манеру: «Крылов же басни свои как бы не читал, а пересказывал со всею грациею простодушия и безыскусственности. В голосе его слышались все переливы самых предметов, так что чтение его можно было принять за продолжение разговора, которым он занимал до тех пор общество»**. Драматическое развитие басенного сюжета, диалоги и речи рассказчика, построенные на стилистическом и синтаксическом материале живой речи, содействовали выработке новой манеры чтения, подмеченной Плетневым, с разговорными интонацией и ритмом («с грацией безыскусственности»), когда Крылов «не читал», а как бы пересказывал. Но при всем том он не выходил за пределы норм произношения, читал «внятно» и «музыкально». «Он читал столь же превосходно, сколь превосходны его басни: непринужденно, внятно, естественно, но притом весьма музыкально, легко опираясь голосом на ударения смысла, и наивно произнося сатирические свои заключения»***. Характеристика Лобанова имеет существенное значение для понимания произношения Крылова, если вспомнить, что музыкальным называлось произношение «к точному выговору букв склоняющееся», т. е. книжное, противопоставленное разговорному стилю произношения безударных гласных****.

как и следует читать стихи». Цитирую по кн.: Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2, с. 102.

* Плетнев П. А. Жизнь и сочинения Крылова, т. 2. СПб., 1885, с. 77.

** Там же, с. 77—78.

*** Лобанов М. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. СПб., 1847, с. 55.

**** Ср. суждение С. П. Шевырева о «музыкальной школе» Батюшкова и Жуковского с ее отточенностью рифм до последнего зву-

Создавая новую интонационную манеру чтения стиха, идя по пути разрушения противопоставления книжного и разговорного произношения, Крылов осторожно вводил в рифмы (для заударных слогов) лишь немногие, сравнительно нейтральные черты разговорного произношения (например, рифмы *ешь — ишь*, *ет — ит*), что было понятно и естественно для него с его общей манерой петербургско-северного умеренного аканья*.

3. Два варианта стихового произношения безударных окончаний именительного падежа единственного числа мужского рода прилагательных *-ый* или *-ой* с редуцированным *о* закреплены поэтической традицией XVIII в. Точная рифма, как неперемutable требование поэтического канона, прочно утвердила, как равноценные, эти два варианта, допускаемые и грамматикой Ломоносова (§ 161). Это распространилось и на причастия, — уже вопреки Ломоносову (Грамматика, § 446). Крылов не отступает от традиции, тем более, что заударное *-ой* с редукцией соответствовало и обиходному разговорному произношению его времени. Многочисленные примеры относятся ко всем годам его творчества, например, *восток чудится изумленной: вселенной* («Ода на случай фейерверка», 1793), *час целой: ягодки нет зрелой* («Лисица и виноград», 1808), *кум милой: с силой* («Стрекоза и муравей», 1815), *силы непомерной: историк верной* («Муравей», 1819), *пол нежной: шейке белоснежной* («Муха и пчела», 1823), *за серной: обед верной* («Лев, серна и лиса», 1830) и мн. под. Для характеристики живого произношения показательнее, пожалуй, правописание этих прилагательных внутри стиха, если оно проведено последовательно.

Такое последовательное правописание наблюдается, например, в издании басен 1815 г. Окончание *-ой* здесь в подавляющем числе прилагательных. Отступление от ка: «Она не пользуется даже счастливым свойством нашего языка, который по сходству звука позволяет рифмовать буквы *о* и *а* в словах женского окончания. Но музыкальная школа считала это за ошибку против верности звука» («Москвитянин», 1841, ч. 5, № 9).

* О прогрессивности для литературного языка этого крыловского типа произношения свидетельствует и произношение Пушкина. Исследовав показания пушкинских рифм, академик С. П. Обнорский в статье «Пушкин и нормы русского литературного языка» («Труды юбилейной научной сессии ЛГУ», Л., 1946) пришел к выводу «о принадлежности Пушкину аканья не сильного, московского типа, а аканья более мягкого типа, ослабленного, т. е. отвечавшего северной (ленинградской) литературной норме» (с. 87).

этого правописания в немногих редких случаях, и эти редкие случаи падают на определенные слои лексики, на лексику книжную, письменно-литературного круга или на контексты, содержащие элементы высокого слога, например: *Феб лучезарный из морей поднялся* («Чиж и еж»), *Погибельный ваш приближают час* («Безбожники»), *по поднебесью царь пернатых птиц летал* («Орел и куры»), *Вельможа в праздный час, толкуя с мудрецом* («Вельможа и философ») и некоторые другие. Правописание *-ый* в подобных словах и *-ой* в словах стилистически нейтральных или свойственных преимущественно не «высокой» речи позволяют сделать допущение о возможности двух вариантов стихового (и обиходного) произношения именительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода, в зависимости от принадлежности их к тому или иному лексическому кругу или употребления в том или ином стилистическом контексте. К такому предположению, говоря о произношении поэтов XVIII в., пришел и В. М. Жирмунский*, а академик С. П. Обнорский на исчерпывающем материале пушкинских стихов (до 1827 г.) показал, что и языку Пушкина свойственно это явление**. Нельзя сомневаться в реальности этого явления. Но, по-видимому оно не вышло из зачаточного состояния. Намечавшаяся тенденция произносительного различения лексико-стилистических категорий прилагательных подтачивалась тенденцией грамматической (и орфографической) унификации всей соответствующей лексики идущего к единству форм литературного языка при возможном сохранении уже лексически не обусловленных вариантов произношения — книжного (*-ый*) и обиходного (*-ой*). Так, например, Н. М. Карамзин, который в употреблении рифм с прилагательными муж. рода им. падежа на *-ой* не отличается от своих современников, внутри стиха и в письмах не всегда безразлично пользуется прилагательными на *-ой*. Намечается избранный круг лексики, который на письме изображается преимущественно с окончанием *-ый*. Но в издании стихов 1820 г. у него решительный поворот: написания этих прилагательных систематически переделываются на грамматически узаконенные.

* Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория, с. 127—128.

** Обнорский С. П. Пушкин и нормы русского литературного языка. — Труды юбилейной научной сессии ЛГУ, с. 91.

Вопрос о твердом или мягком произношении конечного заднеязычного согласного основы прилагательных муж. рода в им. падеже ед. числа на материале рифм решается очень отчетливо. Для Крылова типично произношение только с твердым согласным, например, *работы секретарской: ум царской* («Водолазы»), *со стороны ... далекой: дуб высокой* («Орел и крот»), *скотиной превеликой: голос дикой* («Осел») и мн. под. Не менее показательно для наличия твердого произношения согласных и правописание *-кой, -гой, -хой*, последовательно проведенное в уже цитированном издании басен 1815 г.*. Твердые заднеязычные в прилагательных, по-видимому, свойственны произношению Крылова настолько, что он не прибегает совсем к книжному варианту с мягкими**.

В эпоху Крылова известно несколько прилагательных, с колебанием в произношении твердого или мягкого *н* в исходе основы, типа *дальний — дальный*. Общеизвестны примеры из Пушкина (например, «для берегов отчизны дальней») и многих поэтов XVIII и начала XIX в. В правописании Крылова есть оба варианта этого слова. В рифмах встречаются такие случаи. *Порой холодной, зимной: к своей лачужке дынной* («Крестьянин и смерть», 1807), *равнолетным: приметным* («Уединение», XVIII в.), *многолетны: несчетны* («Водолазы», 1813). В твердом *н* в этих случаях справедливо усматривать проявление у Крылова северновеликорусской произносительной стихии***.

4. Произношение ударенного этимологического *е* как *ѣ — о* (с предшествующим мягким и перед твердым согласным) в сравнении с другими произносительными явлениями обнаруживается в рифмах наиболее объективно. Четкость произносительных границ решительно характеризует звуковой облик стиха. Недаром поэтому

* Любопытно в этом же издании написание глагола «протягивает» (с. 42). Никак не узаконенное в орфографии такое случайное написание несомненно указывает на свойственное разговорной речи произношение твердых заднеязычных в глаголах с этим суффиксом.

** Крылов и здесь обнаруживает полное совпадение с Пушкиным, у которого также встречаем только твердые заднеязычные в прилагательных (см.: Обнорский С. П. Пушкин и нормы русского литературного языка, с. 90).

*** Ср.: Будде Е. Ф. Очерк истории современного литературного русского языка. СПб., 1908, с. 35; Кошутич Р. Грамматика русского языка, Пг., 1919, с. 297.

в критический период, каким была первая треть XIX в. для решения всех вопросов, связанных с произношением *е—о* в составе литературного языка, современники при оценке звуковой стороны стиха останавливались в первую очередь именно на произношении *е—о*, полагая то или иное произношение *е* существенным пунктом, обнаруживающим литературные вкусы и стилистические нормы литературного языка*.

Рифмы Крылова знаменательны. Они отражают сложность этого процесса, происходившего в литературном языке его времени, эволюцию в произношении и осторожный, но последовательный отход от старых поэтических традиций, совершаемый тонким знатоком и крупнейшим реформатором литературного языка и целого литературного жанра, выведшим басню в круг большой литературы. Эволюция шла непрямолинейно и неравномерно в разных языковых категориях. Она тесно связана с лексико-семантической характеристикой слова, степенью связанности его с поэтической сферой употребления или с обиходно-разговорной, с стилистическим значением той или иной грамматической категории в составе литературного языка и отношением к этим вопросам самого Крылова на разных этапах его творчества.

а) Существительные. *Не устремляя полет: меры нет* («Подражание псалму», 1795), *на полете: на свете, свой полет: на обед* («Два голубя», 1809), *светом: полетом* («Орел и паук», 1811), *столь полет: нет* («Бумажный змей», 1814), *орел: воскипел* («Филомела», 1786), *орел: посидел* («Орел и куры», 1808), *орел: на кедре ... сел* («Орел и паук», 1811), *орел: налетел: смотрел* («Вороненок», 1811), *реки: упреки, навеки: упреки* («Филомела», 1786), *упрека: человека* («Медведь в сетях», 1819)**, *презрев: рев* («Блаженство», XVIII в.), *лев: поднял рев* («Лев и комар», 1809), *след: преобразилась в лед* («Пис. о пользе желаний», XVIII в.),

* Ср.: «Во многих словах сия двоегласная буква *ѣ* для произношения неприятна; слух наш чувствует в ней какую-то простоту выговора, очень грубую. Все сие можно ощутить из выписанных здесь рифм, которые, так сказать, дерут уши, особливо ежели они часты» — пишет Рассматривательный комитет Академии Российской 26 авг. 1820 г. в отзыве об идиллиях Панаева (Сухомлинов М. И. История Российской Академии, т. 8, с. 246).

** Ср. в басне «Ворона» (1823) — слово этого же корня, но принадлежащее к разговорному обиходу, имеет, по изд. 1843 г., написание *попрёком*.

нет: лед («Вечер», 1796), вред: ядом растворенный мед («Подражание псалму», XVIII в.), в лес: верный пес («Собака, человек, кошка и сокол», 1816) *, меж дерев: свирепый лев («Лев в сетях», 1811).

Если к этим примерам прибавить 8 случаев употребления род. мн. слез в рифме с небес, исчез в стихах XVIII в. и 1 случай из басни — сквозь слез: проклятый бес («Напраслина», 1816), то общее число их составит 28, из которых 15 относятся к XVIII в., а последний басенный пример — к 1819 г. **. Все слова эти, встречающиеся только в такой огласовке, прочно принадлежат произносительной поэтической традиции, которой следует в эти годы Крылов. Они входят в число тех «многих слов» (см. в Отзыве Российской Академии об идиллиях Панаева), в которых звук *е* неприятен на слух ***. К этому же разряду относится ряд слов в твор. падеже ед. числа ж. рода — умею: зарею («К другу моему»,

* Но в 1823 г. уже в такой рифме — пёс: барбос: нёс («Две собаки»).

** Род мн. слез в басне «Прихожанин» (1823) стилистически мотивировано всем тоном повествования, риторически приподнятым и торжественным:

Душ пастырь кончил поученье:
Но всяк ему еще внимал и, до небес
Восхищенный, в сердечном умиленье
Не чувствовал своих текущих слез.

В том же году и позднее, при отсутствии подобных стилистических условий, рифмуется — диких коз: сквозь слёз («Дикие козы», 1823), орехов целый воз: сквозь слёз («Белка», 1830). Любопытно, что им. мн. слезы встречается только в рифмах слёзы: розы: угрозы: обозы (7 раз). Ср. у Батюшкова, последовательно держащегося традиционного поэтического произношения род. мн. обычно слез (6 раз) и только 2 раза слёз; тогда как им. мн. тоже всегда слёзы (5 раз). Так же у Карамзина род. мн. в рифме слез: небес (7 раз) и только один раз слёз: роз; но им. мн. только слёзы: розы (3 раза).

*** Ср., например, полет: сколько лет: полет: нет (Хемницер. Орлы), полета: цвета (Дмитриев И. И. Петух, кот и мышонок), полет: блистательных сует (Батюшков. Соч., т. I, с. 138), полет: лет: бед (Пушкин. Лицейские стихотворения), на век: упрек (Батюшков. Соч., т. I, с. 241), нет: лед (Майков В. Лестные друзья), приспирев: рев (Пушкин. Полтава), гневом: ревом, зевом: ревом (Карамзин. Соч., т. I, с. 76, 207), мед: нет (Карамзин. Соч., т. I, с. 268), с медом: бредом (Дмитриев И. И. Пчела и муха), небес: пес (Измайлов А. Е. Волк и овца), дерев: зев (Дмитриев И. И. Воспитание льва). Словарь русского языка Академии наук, изд. 1895 г., т. I, А — Д, стр. 1010, предпочитая еще это произношение, пишет: «произносится иногда и *дерёв*». Реестр этих существительных можно еще увеличить (ср., например: Томашевский и Б. В. К истории рифмы, с. 245).

1793), *зарю: своею* («Утешение Аннот», 1793), *Борей: зарей* («Мое оправдание», 1793), *зарей: соловей* («Листы и корни», 1811), *зарей: своей* («Орел и крот», 1814) *, при одном случае — *зарёй: рекой* («К счастью», 1793); *судиею: своею* («Филомела», 1786), *судьею: моею* («Стихи Бенкендорф», 1795), но в баснях *судьёй: покой* («Лисица и сурок», 1813), *судьёю: весною* («Кукушка и горлянка», 1816), *судьёю: с сумою* («Фортуна в гостях», 1816), *змией: твоей: своей* («Филомела», 1786), в баснях же — *змей: одной* («Крестьянин и змея», 1813), *землей: верней* («Орел и крот», 1814) **, *душей: ушей* («Гребень», 1818) ***, *чешуей: огней* («Уединение», XVIII в.) ****. Наблюдающиеся в этой морфологической категории колебания обнаруживаются главным образом в словах, менее специфических для поэтического лексикона, а последний случай употребления ударенного *е* и здесь не идет дальше 1818 г. В словах же иных стилистических пластов, связанных с фразеологией обиходной речи и до 1818 г. — русская огласовка, например: *домой: свинья свиньёй* («Свинья», 1811), *пошли у бедняков дела другой статьёй: торгаш плохой* («Фортуна в гостях», 1816). Последним, по-видимому, объясняется и полное отсутствие поэтической огласовки в аналогичной морфологической категории — в твор. падеже ед. числа муж. рода с окончанием *-ем*, — в которой произношение *е* под ударением также освящено поэтической традицией. *Пустырём, плетнём, дождём, житьём, грабежом* и под., встречающиеся в рифмах у Крылова, не характерны для традиционного поэтического словаря. Понятно, что русской огласовке подчиняются многочисленные слова, связанные с бытовым обиходом или терминологией, например, *лён: вон* («К другу моему», 1793), *лён: он* («Гребень», 1818), *счёт: в год* («Бешеная семья», 1786), *год: недочёт* («Лягушки, просящие царя»,

* Ср. *Пирюю: зарюю* (Батюшков. Соч., т. I, с. 210), *зарей: своей*, *зарей: в ней* (Карамзин. Соч., т. I, с. 76, 164), но в басне у него же — *весною: зарёю* (Соч., т. I, с. 91). В упоминавшемся отзыве Российской Академии об идиаллах Панаева рифма *Хлою: зарёю* считается недопустимой.

** Ср. *землей: частей* (Батюшков. Соч., т. I, с. 221), *землею: своею* (Карамзин. Соч., т. I, с. 210).

*** Ср. *шею: душею* (Дмитриев И. И. Модная жена), *душею: моею* (Карамзин. Соч., т. I, с. 96 и мн. др.).

**** Ср. *чешую: над нею* (Пушкин. Гавриилнада),

1809), *расчёт*: *тот* («Осел и мужик», 1819) *, что ж: *ёж* («Чиж и еж», 1814) **, *зол*: *котёл* («Сочинитель и разбойник», 1816), *сестёр*: *хор* («Парнас», 1808) и др. *** Уменьшительные существительные в рифмах только в русской огласовке — в согласии с традицией ****. У Крылова неоднократны в рифмах: *денёк*, *огонёк*, *куманёк*, *раёк*, а также *василёк*, *мотылёк*, *ягнёнок* и под.

б) Еще более четко распределяется произношение прилагательных в зависимости от принадлежности их к тому или другому лексическому пласту. *Слезный* в рифме с *любезный* встречается у Крылова 7 раз, но только в стихах XVIII в. Излюбленное и в рифмах его современников *****; это прилагательное, характерное для рифм лирической, высокой поэзии, не нашло себе места в басне. *Мертвы* в рифме с *жертвы*, кроме трех случаев в стихах XVIII в., встречается один раз в басне («Мор зверей», 1809) *****. Только в стихах XVIII в. встречается 4 раза *звездны* в рифме с *небесны*, *бездны* и *безнадежно* в рифме с *прилежно*, употреблявшиеся с таким произношением в стихах и значительно позднее, вплоть до наших дней *****. Многие прилагательные с ударенным *е*, не характерные для поэтической традиции рифмования, вызваны, по-видимому, инерцией поэтического произношения в баснях, не выходящей, впро-

* Также и у его современников, например, *расчёт*: *ворот* (Дмитриев И. И. Мудрец и поселянин), *наперечёт*: *крот* (Дмитриев И. И. Лиса проповедница).

** Еще у Хемницера, вообще почти не знавшего русской огласовки — что ж: *ёж* («Зайцы и еж»).

*** Отметим еще правописание *жолчь* в «Американцах» (1788). Не совсем ясным остается произношение слова *тенета*, которое дважды у Крылова встречается в огласовке — *тенета*: *хитра эта* («Мое оправдание», 1793), *гордость эта*: *в тенета* («Лев и мышь», 1834); ср.: впрочем, в словаре Даля: *тенёта*, но *тенетчик*.

**** «В умалительных на -ек: *куль*, *кулек*; *якорь*, *якорек*; говори: *куліок*, *якоріок*» (Ломоносов. Грамматика, § 97). Так и у большинства поэтов, предшественников и современников Крылова. Только Российская Академия, в полном противоречии с защищаемой ею же традицией (в упоминавшемся уже отзыве об идиллиях Панаева), осуждает рифмовку с *о* в уменьшительных.

***** Ср., например, у Батюшкова — *слезны*: *бесполезны*, *любезны*: *слезны* (Соч., т. I, с. 81, 140).

***** Ср. эти же рифмы у Батюшкова (Соч., т. I, с. 76, 190, 217), у Дмитриева («Быль», «Человек и конь»), у Карамзина (Соч., т. I, с. 312) и др.

***** См.: Кошутнич Р. Грамматика руског језика. Пг., 1919, с. 496—97.

чем, за пределы 1816 г. — *подземны: темны* («Ода на заключение мира», 1790), *жестокосердой: твердой* («Филомела», 1786)*, *не далек: человек* («Блаженство», XVIII в.)**, *несчетны: многолетны, несчетных: самоцветных* («Водолазы», 1813), *шею: большею* («Волк и журавль», 1816)***. Наряду с этим отмечаются 2 случая — *упорны: чёрны* («На новый год», XVIII в.), *огромный: луга тебе поемны* («Рыцарь», 1816). Краткие прилагательные известны только в русской огласовке — *силён: смирён: он* («Волк и ягненок», 1808), *умён: сторон* («Волк и волчонок», 1811), *умён: он* («Ягненок», 1819)****; грамматически и лексико-стилистически они тесно связаны с кругом разговорной обиходной речи.

в) Глагольные рифмы чрезвычайно характерны для стихотворной техники XVIII и начала XIX в. При рифмовании глаголов одного и того же лица, инфинитивов, третьего лица и инфинитива возвратного глагола и под. достигался идеал — точная и богатая рифма. Репертуар глагольных рифм значительно возрастал при рифмовании глаголов со словами иных грамматических категорий. Естественно поэтому, что глагольные рифмы оказывались численно преобладающими, к ним обращались поэты в поисках точной рифмы, требуемой поэтическим каноном XVIII в., они оказывались носителями и выражителями поэтических произносительных норм. Понятно поэтому, что не лексико-семантическая характеристика глагола, а самый факт принадлежности слова к глагольной категории был достаточен для его произносительной интерпретации в духе поэтической традиции, с ударенным *е*. Этому содействовал и накопившийся в стихотворной практике богатый ассортимент рифмующих слов других категорий, например, для 3-го лица глаголов: *свет, совет, клевет, побед, бед, нет, след, лет* и многие подобные. На первых шагах своей поэтической деятельности Крылов был целиком во власти этой традиции. После отказа его от жанров высокой поэзии, при обращении к басне, он постепенно отходит от поэтической

* Впрочем, ср. у Карамзина — *темных: подземных* (1795 и 1798); *нет: тверд* (1798).

** Ср. написание «я и далёк от этого» («Сонный порошок»), 1798 и в басне 1830 г. рифма — *звонок: далёк* («Осел»).

*** В басне 1819 г. — *большею: тою* («Пастух и море»).

**** Также, например, в стихах и баснях А. Е. Измайлова — *Семён: умён* (Соч., т. 1, с. 131), *Семён: силён* (т. 1, с. 208), *смирён: он* (т. 1, с. 33) и под.

традиции произнесения здесь ударенного *е*, расширяет репертуар рифм за счет сокращения глагольных и, наконец, в пору расцвета своего басенного творчества окончательно отдает предпочтение русской огласовке *е*, оправданной в глазах современников традицией отнесения басен к низкому жанру. Русская огласовка оправдана именно этой традицией, а не практикой в этом отношении его предшественников-баснописцев (например, Сумарокова или, особенно, Хемницера) и современников (например, Дмитриева*). Переход Крылова к русской огласовке в этой, лексически нейтральной, области тесно связан с общим развитием его басенного творчества, с внедрением в басню широкого языкового материала из различных пластов национальной, народной русской речи**.

По годам употребление глагольных рифм с ударенным *е* или *о* распределяется так. В стихах XVIII и XIX вв., до 1808 г. — 40 случаев с *е* и 11 случаев с *о*. В баснях 1807—1818 гг. — 12 случаев с *е* и 17 случаев с *о*. В баснях же периода 1819—1834 гг. — только *о*, всего 15 случаев (если же иметь в виду, что к последнему периоду относится приблизительно треть общего числа написанных им басен, то картина станет еще более выразительной). Любопытно, что уже в 1816 г. он мог рифмовать такое книжно-литературное слово, как *облек с порок* («Сочинитель и разбойник»). Интересна и перекличка одинаковых глагольных форм в разные периоды творчества, например, в 1814 г. — *невежа: лежа* («Камень и червяк»), в 1830 г. — *лѣжа: похожа* («Булат»). В ряде случаев, когда и рифмующее слово может произноситься двояко, определение того, как должно произносить, зависит как от самого характера рифмующего слова, так и, главным образом, от того, к какому времени относится создание стихов, например, в рифмах — *лед: пропадет* («Мое оправдание», 1793) или *най-дѣм: огнѣм* («Лягушка и Юпитер», 1814) первые несомненно читаются с ударенным *е*, вторые с ударенным *о*.

* В этом смысле А. Е. Измайлов, который применяет почти исключительно русскую огласовку ударенного *е*, не может быть привлечен для сравнения. Он — поэт, замкнувший басню в узкий круг дворянского просторечия; и недаром современники отнесли его басни к «площадной» поэзии.

** См.: Виноградов В. В. Язык и стиль басен Крылова. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. 4, вып. 1, 1945.

Единственный случай произношения ударенного *е*, а не *о* в глаголах, выходящий за пределы 1818 г., встречается в басне «Пестрые овцы», относящейся к 1821—1823 гг. (по В. В. Каллашу) или к 1825 г. (по В. Кеневичу). По не вполне выясненным причинам, в сущности не вскрытым малоубедительными догадками общего характера В. Кеневича и В. Каллаша, Крылов не поместил этой басни ни в издание 1825 г., ни в издание 1830 г., ни в последнее, ставшее каноническим, издание 1843 г. В чистовой рукописи басни, напечатанной в IV т. Собрания сочинений Крылова, Каллашем это место читается так:

А видеть пеструю овцу терпенья нет!
Как сбить их и сбечь свою на свете славу?
И вот к себе зовет
Медведя он с лисою на совет

Как показывают сохранившиеся пять черновиков (всей басни и набросков ее), Крылов тщательно отделял ее, главным образом стилистически: менял стихи, дробил их на стихи с меньшим количеством стоп, подбирал лексические варианты. К последним двум стихам с рифмами *зовет: совет* пришел он после длительной обработки этой фразы, включавшейся в черновиках в один стих. Каллаш (т. IV, с. 347—349) приводит четыре варианта:

- 1) Медведя и лису он призвал на совет.
- 2) Придумал и зверей сзывает на совет.
- 3) Придумал и зовет зверей он на совет.
- 4) Медведя и лису зовет он на совет.

По-видимому, лексические комбинации, приведшие к варианту чистового экземпляра, не вполне удовлетворили Крылова, как, видимо, и вся басня, судя по судьбе ее. О внимании Крылова к произносительной стороне стиха свидетельствует вариант басни «Волк и кот» (1830), сохранившийся в черновой рукописи*, но не включенный Крыловым в основную редакцию:

...тебя наперно он спасет.
Его добрей во всей деревне нет.

Эволюция произношения глагольных форм в рифмах басен приводила к сближению поэтического и живого, обиходного произношения. А о живом произношении

* Кеневич В. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. СПб., 1878, с. 240.

самого Крылова свидетельствует, например, правописание рукописи «Сонного порошка» (1798): *идіот, повезіот, приніос, ушол* и под. *.

г) Страдательные причастия прошедшего времени — членные и нечленные — по контрасту их произношения в стихах Крылова представляют значительный интерес. Членные причастия встречаются в рифмах только в традиционной поэтической огласовке с ударенным *е*, всего 14 раз: *ослепленный, восхищенный, разоренный, изощренна, стесненных, удаленный, угнетенна, пораженна, смятенный, вознесенна, потрясенна, разъяренны, съединенны, изумленной* в рифмах с *вселенная* (9 раз), *геенна* (2 раза), *бесценный, презренный, надменный* (2 раза), *покровенный, военный*. Но все они — в стихах XVIII в., лирических и эпических. Эта грамматическая категория и лексико-семантически и по произношению для Крылова и его современников связана с поэзией «высокого» слога **. В баснях он избегает ею пользоваться даже в русской огласовке; усвоение этих причастий общей литературной речью в русской огласовке совершается значительно позднее. Единственный случай членного страдательного причастия прошедшего времени в более позднее время — в басне «Лань и Держиш» (1818):

Младая Лань, своих лилась любезных чад,
Еще сосцы, млеко имея отягченны,
Нашла в лесу двух малых волченят,
И стала выполнять долг матери священный,
Своим питая их млеко.
В лесу живущий с ней одним
Держиш, ее поступком изумленный,
«О безрассудная!» сказал.

Но это причастие здесь не случайно. Вместе с другими элементами, лексико-фразеологическими, оно образует повествование высокого, торжественного стиля ***.

* Каллаш В. Из неизданных сочинений Крылова. — «Известия ОРЯС», 1906, т. 10, кн. 2, с. 246 и сл.

** Ср. выводы С. И. Бернштейна из анализа употребления этих причастий в рифмах Пушкиным: «Эта форма, в силу последовательной церк.-слав. огласовки, в отличие от нечленной формы того же причастия, ощущалась как принадлежность повышенного стиля» (О методологическом значении фонетического изучения рифм. — «Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова», т. 2. М., 1923, с. 334).

*** Ср. Виноградов В. В. «Басня «Лань и Держиш» почти целиком складывается из форм высокого славянского слога» (Язык и стиль басен Крылова. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. 4, вып. 1, 1945, с. 32).

Иное с причастиями нечленными. Только в трагедии «Филомела» (1786) есть два случая рифм с ударенным *е* (влечен:стен, воспален:стен) и в волшебной опере «Илья богатырь» (1806) — один случай (пленен:плен), что вполне естественно для традиционных жанров высокого рода поэзии. В комической же опере «Кофейница» и баснях последовательно рифмуются со словами в русской огласовке ударенного *е* — оговорён:двух дён («Кофейница», 1782), слон:почтён («Воспитание льва», 1811), нерешён:он («Водолазы», 1813), лишён:он («Пчела и мухи», 1817), пленён:он («Мальчик и червяк», 1819), смешон:рождён:сотворён («Ворона», 1823), увезён:он:стон («Лев и мышь», 1834). Такое произношение в стихах нечленного причастия господствует и у многих старших и особенно младших современников Крылова*.

д) Немногочисленные случаи с произношением *е* — *о* в других грамматических категориях аналогичны с рассмотренными. Так, в «Филомеле» (1786) еще встречается рифма — во след:наперед, что обычно в поэтической традиции произношения**. Вообще же наречия *наперед* и *вперед*, как общие с обиходной разговорной речью, встречаются у Крылова только в русской огласовке — наперёд:год («На новый год», XVIII в.), на род:вперёд («Троеженец», 1814), вперёд:плод («Ягненок», 1819), сумасброд:вперёд («Филин и осел», 1830) наперёд:огород («Осел, 1830). Единичный случай произношения еще в «Филомеле» (вотще:еще) типичен для поэтической нормы. Косвенные падежи личного местоимения мужского рода встречаются только в русской огласовке — об нём:с умом («Мешок», 1809), по нём:том («Вороненок», 1811) и т. п.

Пути Крылова к сближению поэтической речи с обиходной речью образованного общества в отношении произношения *е* — *о* — не прямые. Он не ломает традицию, а чаще обходит ее. Так, он, предпочитая нейтральные, исключает из своего обихода традиционные рифмующие

* Например, у Пушкина, по наблюдениям С. И. Бернштейна («О методологическом значении фонетического изучения рифм», с. 333). У Карамзина обычна книжная огласовка за исключением — трон:прощён («Ода, 1796), усыплён:он («Протей», 1798), он:удалён («Гимн глупцам», 1802).

** Например, у Хемницера — наперед:свет («Два богача»), наперед:лет («Тень мужика и Харон»), у Карамзина — вперед:побед («Песнь воинов», 1806) и под.

слова, иное, нетрадиционное произношение которых еще «дерет уши» современникам, исключает из рифмования целые категории (например, членные причастия), в которых еще слишком жива старая произносительная традиция, уменьшает глагольные рифмы, вводя в них последовательно русскую огласовку. Обогащая репертуар русских рифм, он, в соответствии со своими общими стилистическими заданиями, расширяет лексический круг рифмующих слов, узаконивая русскую огласовку басенного стиха, одновременно с подобной же работой в других родах поэзии его великого современника — Пушкина. У Крылова традиционное поэтическое произношение ударенного *е* по всем категориям случаев ограничивается 1819 г. У Пушкина, при всем отличие жанров его поэзии от стилистических условий басенного стиха, переломный момент в отношении произношения *е — о* в сущности связан с концом 10-х и началом 20-х годов*.

5. На всем протяжении своего творчества, от ранних стихов XVIII в. до последних басен, Крылов последовательно рифмует *г : к*. Отступления немногочисленны и мотивированы устойчивым традиционным произношением фриктивного звука в некоторых рифмуемых словах. Сюда относятся рифмы со словом *бог* — *бог : вздох* («Подражание псалму», 1795), *бог : трех* («Троеженец», 1814). Поэтому о фриктивном произношении свидетельствуют и такие точные крыловские рифмы: *бог : мог* («Филомела», 1786), *бог : перевозмог* («Подражание псалму», 1795), *бог : чертог*, *бог : строг* («Вольное подражание псалму», 1796), *бог : берёг* («Добрая лисица», 1814), *бог : ног* («Два мужика», 1823), *бог : мог* («Кукушка и орел», 1830), а также — *бога : убога*, *бога : чертога* («Подражание псалму», XVIII в.), *богу : строгу* («Стихи Бенкендорф», 1795), *боги : строги*, *боги : чертоги* («Филомела», 1786). Рифма — *жемчуг : настух* («Свинья», 1811) также может быть отнесена к традиционному поэтическому произношению слова *жемчуг*. Таким образом *бог* и *жемчуг* — два слова, свидетельствующие о фриктив-

* Бернштейн С. И. О методологическом значении фонетического изучения рифм, с. 332 и след. Академик С. П. Обнорский в статье «Пушкин и нормы русского литературного языка» (с. 95), принимая начало 20-х гг. как переломный момент в произношении *е — о* у Пушкина, раскрыл сложный поступательный процесс русификации произношения, протекавший, подобно этому процессу у Крылова, весьма неравномерно в различных жанрах и лексико-грамматических категориях.

ном стиховом произношении *г* у Крылова. При этом большая часть случаев с фрикативным *г* падает на ранний период творчества Крылова. В 10-е годы Крылов окончательно отказывается и от стихового произношения *г* как фрикативного. Рифмы — *друг : глух* («Крестьянин в беде», 1811), *вмиг : на них* («Прохожий и собаки», 1814), а в особенности — *плох : ног : поперёг* («Осел и мужик», 1819) свидетельствуют, что Крылов, отдавая дань традиции, что свойственно и многим его современникам, применяет орфографически узаконенную как точную, но для него уже фонетически неточную рифму, в которой орфографические *г : х* звучат, как *к : х*. Приведенные выше рифмы позднейшего периода — *бог : берёг*, *ног : мог* (1814, 1823 и 1830 гг.) с поэтически нетрадиционными словами, с этой точки зрения, не колеблют предположения о возможности произносительной пары *х : к*.

Преобладание рифмы *г : к* (28 случаев), ограниченность случаев фрикативного произношения, наконец, отказ от него в десятилетиях несомненно указывают, что в этой области Крылов, опираясь на свои северновеликорусские произносительные привычки, стремился к сближению произношения стихового с разговорным*.

6. Для суждения о произношении *чи* материал рифм Крылова крайне ограничен. Это два слова: *сердечно* (7 раз) и *конечно* (6 раз). Рифмуются они со словами, в которых по литературно-книжной традиции произношение как *чи* несомненно: *вечно* (8 раз), *бесчеловечный*, *беспечно*, *предчувствие сердечно*, *мученье сердечно*, *чистосердечно*. Все эти рифмы принадлежат к раннему периоду творчества Крылова, к XVIII в., за исключением двух, в баснях, где они, по-видимому, вызваны специфически книжной окраской контекста — *покойника от жизни скоротечной : в дом провожала вечной : на упокой ; тут странник, думая, что в горести сердечной* («Похороны», 1816), *друг другу поклялись однажды в дружбе вечной : нелестной, искренней, чистосердечной* («Собака, человек, кошка и сокол», 1816). Кроме этих двух случаев 1816 г., рифмы с *чи* в XIX в. у Крылова не встречаются.

* Ср. аналогичные выводы о Пушкине у С. П. Обнорского («Пушкин и нормы русского литературного языка», с. 95).

Такое отношение Крылова к рифмам с *чи* представляется вполне закономерным. Круг слов литературно-книжной традиции с совпадающим в орфографии и произношении *чи* был лексико-семантически слишком узок для крыловского басенного языка, а соответствующая лексика бытового круга с произношением *ши* не была освящена поэтической произносительной традицией и резко расходилась с каноном точной рифмы*. По этой причине Крылов решительно избегает неканонической рифмы, хотя в обиходном произношении литературного языка его времени *ши* было широко распространено** и не чуждо орфографии крыловских текстов, например, в *мушном ларе* («Совет мышей», 1811), *кумашину телогрею* («Триумф», 1800), а также неоднократно написания *конешно*, *скушно* (наряду с *сердечной*) в писарском списке «Сонного порошка»***. Конечно, нет оснований сомневаться, что и Крылову было не только знакомо, но и свойственно произношение *ши*. Однако Крылов со своими северновеликорусскими произносительными привычками****, к тому же сдерживаемый традициями стиха, не торопился к канонизации рифм с *ши*, хотя новая манера рифмирования появляется еще в расцвет его деятельности у поэтов, менее в этом отношении связанных с собственными привычками произношения. Так, у Пушкина и Грибоедова *скучный* в рифме с *равнодушный* и *юд******. Крылов только однажды, в 1823 г., отдает дань обиходному произношению в рифме, но с сохране-

* Рифмы с *чи* единичны и у его современников, ориентировавшихся на демократические, разговорные слои языка в басне. Ср. у А. Е. Измайлова — *конечно* : *вечно* («Павлушка книгопродавец»), *сердечно* : *вечно* (Соч., т. 1, с. 311), *сердечным* : *увечным* (Соч., т. 1, с. 353), *скушно* : *благополучно* (Соч., т. 1, с. 335), *кулачный* : *взрачный* (Соч., т. 1, с. 195).

** Ср. показания «Словаря Академии Российской» конца XVIII в., приведенные в статье академика С. П. Обнорского «Сочетание *чи* в русском языке» («Труды Комиссии по русскому языку», т. 1. Л., 1931).

*** К а л л а ш В. Из неизданных сочинений Крылова. — «Известия ОРЯС», 1905, т. 10, кн. 2. Там же написания *што*, *штоб*, наряду с *что*. Ср. в басне «Червонец» по изд. 1815 г.: *Придумал кой-што я такое*.

**** Московскую южновеликорусскую основу произношения *ши* убедительно доказывает академик С. П. Обнорский в статье «Сочетание *чи* в русском языке».

***** См.: Кошутин Р. Грамматика русског језика, т. 1. Пг., 1919, с. 440.

нием при этом орфографической традиции, в басне «Котел и горшок»:

С утра до вечера друг с другом неразлучно
И у огня им порознь скучно

Скучно с неразлучно и подобными однокоренными в рифмах встречаются нередко. Ср. у А. Е. Измайлова — *со мной ты будешь неразлучно: мне сделается скучно* (Сочинения, I, стр. 349). На произношение же здесь именно *ин* ясно указывают рифмы Пушкина — *неотлучный: равнодушный* в «Бахчисарайском фонтане»*.

7. Представляло бы интерес выяснить крыловское произношение *щ*. Однако ввиду малочисленности и малой показательности материала можно только с некоторой долей уверенности предположить о произношении *щ*, как *шч*. Таким доказательством служит рифма *порочен: мощен* («Подражание псалму», XVIII в.) при последовательной для Крылова точности в согласных после ударенного гласного, а также *лечу: хочу: трещу* («Бумажный змей», 1814) и *частью: несчастью* («Скворец», 1816) — при почти всегда соблюдаемой Крыловым точности в отношении наличия или отсутствия затвор: в шипящем перед ударенным гласным. Сюда могло бы быть привлечено, с известными оговорками, и правописание *ропчет* («Волк и кукушка», по изд. 1815 г.).

8. Как видно из рифм, у Крылова в возвратных глаголах вообще обычны канонизированные поэтической практикой окончания с мягким *с*. Окончания *-ся*, известные только в рифмах с глаголом же, для определения произношения не показательны. Мягкость *-сь* подтверждается рядом рифм: *возвратясь: князь* («Лжец»), *вооружась: князь* («Ворона и курица»), *разродясь: связь* («Послание о пользе страстей») и под. Твердое конечное *с* появляется уже в самых ранних его стихотворениях конца XVIII в.** и встречается непрерывно до 1836 г. (всего 11 случаев). В деепричастиях: *в счастливый час: силка страшась* («К соловью», XVIII в.), *махнув*

* См.: Кошутин Р. Грамматика руского језика, с. 442. Многочисленные диалектные материалы типа *разлушник* приводит академик С. П. Обнорский в статье «Сочетание *чн* в русском языке».

** В. М. Жирмунский рифму с твердым *с* впервые отмечает у Жуковского в стихах 1806 г. («Рифма, ее история и теория», с. 47), но известна она и раньше, у В. Майкова и других (см., например, у Б. В. Томашевского. К истории рифмы, с. 252).

рукой, перекрестясь: в добрый час («Стихи Бенкендорф», 1795), всей силой соединясь: чтоб ты скорей погас («Пожар и алмаз», 1814), не видел я родясь: целый час: успею я сто раз («Охотник», 1819), заговорясь: вон из глаз («Плотичка», вариант 1821); в прошедшем времени: с тобой у нас: такая дружба завелась («Собачья дружба», 1815), лишь берег вон из глаз: как буря поднялась («Пастух и море», 1819), родня ей колет глаз: мешчанкой родилась («Ворона», 1823); в настоящем времени: я, кравчий твой, берусь: а будешь царь-арбуз («Маскарадное стихотворение», 1836); в повелительном наклонении: отколе ни возьмись: опять на самый низ («Орел и паук», 1811), попадали к лисе наниз: читатель, не дивись! («Добрая лисица», 1814). Относительное обилие случаев с твердым с и наличием его в разных глагольных формах, в разных стиховых жанрах и последовательно на всем протяжении творчества показывают, что Крылов, нимало не отвергая традиционного рифмования с мягким с, широко пользовался обиходным литературным произношением твердого с в возвратных глаголах, произношением, свойственным, по-видимому, и ему самому.

9. Из северных черт Крылова следует отметить случай с отвердевшим губным в конце слова: *друзьямъ: въ прямъ* («Крестьянин в беде», 1811, по изд. 1815 г.), *упрямъ: впрямъ* («Филин и осел», 1830, по изд. 1843 г.) *. Характерно, что такое отступление в пользу своего произношения Крылов сделал в слове разговорном, не закрепленном прочно письменной традицией. Во всех других случаях, с обычными для стиха рифмующими словами, вроде *кровь, любовь, прославь* и т. п. Крылов остается на почве произносительной литературной традиции.

10. Непоследовательность орфографии и отсутствие уверенности, кому принадлежит написание — поэту или писцу, корректору, — уменьшают, конечно, ценность орфографических показаний. Все же с известной степенью вероятности можно думать об отражении обиходного произношения — отвердения мягких, по ассимиляции, согласных, на что указывают нарочитые написания *ь*, не *ъ*: *въ подъемъ* («Вороненок», по изд. 1815 г.), *съесть*

* Ср. у Хемницера, петербуржца по произношению, — и *впрямъ: будет там* («Дворовая собака»).

(«Волк и волчонок», по изд. 1815 г.) и, с другой стороны, написания *ѣ* вместо *ѡ*, например *обезъяна* («Обезьяны», по изд. 1815 г.) или с пропуском *ѡ*: *возмика* («Крестянин в беде», по изд. 1815 г.). Также отражают разноречивость произношения — твердое или мягкое *р* — написания слова *верх**: *верьхи сребриста ручейка* («Ода утро», 1789), *на верхѣ и въ верхѣ* («Орел и паук», по изд. 1815 г.), *сверхѣ того* («Откупщик и сапожник», по изд. 1815 г., в изд. 1843 г. — *сверхѣ*).

11. Произношение *ры* представлено у Крылова только производными от *скрип*. *На верях своих скрипят* («Ода утро», 1789), *По снегу хрупкому скрипят обозы* («Мот и ласточка», 1818) и *Он будет с скрипками и волынками* («Сонный порошок», там же). Это общее в обиходной литературной речи начала XIX в. произношение, по-видимому, не противоречило и произносительным навыкам самого Крылова. Имеющаяся у него в «Квартете» рифма *скрипки; липки* (еще по изд. 1815 г.) дана в угоду точной, орфографической рифме при наличии в языке такого книжного варианта.

12. В произношении орфографических групп согласных *стн* — *здн*, как *сн* — *зн*, Крылов естественно следует норме в обиходном литературном и в стиховом произношении еще в XVIII в., когда рифмы типа *прелестный: небесный*, *поздно: грозно*, *любезна: бездна* считались произносительно точными**. К отражениям живого обиходного произношения, свойственного дворянскому просторечию (а не к применению неточной рифмовки), относится нетрадиционное для стиха упрощение некоторых других групп согласных; например: *по лесье: поместье* («Дикие козы», 1823), *верных: усердных* («Ода на заключение мира со Швецией», 1790), а также такие написания, как *обман обману розь* («Кофейница», 1782).

К числу произносительно точных рифм, применяемых широко Крыловым, относится и традиционное рифмование возвратных глаголов 3-го лица ед. числа и инфинитивов.

13. Медленно и осторожно шел Крылов по пути сближения стихового произношения с литературно-разговорным. Не создавая резких диссонансов с традицией, он последовательно утверждал то, что подсказывалось

* Написание *верьх* — обычное для орфографии начала XIX в.

** Ср.: Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория, с. 120.

общим ходом развития литературного языка, что согласовывалось с его, Крылова, художественными заданиями и что не находилось в явном противоречии с его произносительными привычками, но не отдавая никогда им предпочтения в ущерб общим интересам литературного языка. Так, случайный характер носит у него обнаружение таких явлений, как произношение отвердевших губных в конце слов, *ин* вместо *чи* и некоторых других; они, будучи свойственны произношению образованного общества, противоречили грамматическому облику литературной речи и были нейтральны, как художественное средство, в кругу стилистических заданий поэта. Но на общем фоне окающего чтения стихов он применяет новую манеру чтения, насыщенного, в соответствии с его художественными заданиями в басне, разговорными интонациями, и попутно допускает аканье в умеренной петербургской манере. Он, согласно с тенденциями разговорного произношения, из поэтической традиции предпочитает и укрепляет взрывное произношение *г* и окончание *-ой* прилагательных муж. рода. Наконец, он порывает с традицией произношения ударенного *е* по-славянски, решительно предпочитая русскую огласовку в стихе, в соответствии с общими тенденциями. Мудрость творца и законодателя языка открывала ему исторические перспективы развития и литературного произношения.

ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Задача письма — изображение звучащей речи. Следовательно, каждому звуку речи должен соответствовать один определенный письменный знак. К этому соответствию и стремились при создании славянской азбуки. С развитием звуковой системы русского языка образовывалось все больше и больше несоответствий правописания произношению. Однако оказалось целесообразным, когда грамотность получила все более широкое распространение, сохранить единообразное написание корневых и словообразовательных частей слова. Так постепенно сложилась морфологическая система русского правописания, которая с успехом обслуживает культурные нужды русского народа в течение многих

веков. Однако русская орфография, выработав твердую морфологическую систему письма, не могла остаться безразличной к тем изменениям в звуковом строе русского языка, которые в значительной степени преобразовали этот строй.

Провозглашение морфологического принципа письма основным законом русской орфографии создало прочную базу для борьбы за упорядочение орфографической практики. «Российская грамматика», изданная Академией Российской в 1802 г., уточнила и детализировала ломоносовские орфографические правила и подвела тем самым итог всей работе XVIII в. по упорядочению орфографии. Но и в дальнейшем колебания возрастают, к старым прибавляются новые. Труд акад. Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне», вышедший в 1873 г., очень полно выявил причины и случаи разнобоя в правописании. Его руководство «Русское правописание» значительно содействовало упорядочению орфографии и в течение полувека обслуживало орфографическую практику. Но руководство Я. К. Грота, по условиям того времени, не могло решить многих насущных вопросов орфографической практики. Только реформа 1917—1918 гг., произведенная Советским правительством, ликвидировала все пережиточные, устаревшие правила, и русская орфография стала значительно стройнее и лучше. Но оставалось еще немало нерешенных вопросов, многие колебания в написаниях продолжали существовать, а выходявшие в начальные годы революции орфографические пособия часто противоречили друг другу, что усложняло орфографическую практику.

Чем объясняется наличие и возникновение колебаний? Возможно ли избежать их в дальнейшем? Как показывает история орфографии, большее или меньшее количество разнонаписаний всегда оставалось и после каждого очередного урегулирования. Все дело в том, что орфография не поспевает за развитием языка. В период образования и дальнейшего развития русского национального литературного языка сложились орфоэпические нормы, под влиянием которых узаконивались такие написания, которые противоречили этимологическому составу слова и, следовательно, нарушали морфологический принцип написаний. Это были, с одной стороны, написания заимствованных слов (например, *чепрак*

вместо более правильного *чапрак*, *чехол* вместо *чахол*, как рекомендовал Н. И. Греч в своей брошюре «Справочное место русского слова» [СПб., 1839]). С другой стороны, это были написания слов, неясных по своим этимологическим связям (например, *калач* вместо *колач*, *крапива* вместо *кропива*, *сниток* вместо *снеток* и т. п.).

Влияние орфоэпии сказывается на написаниях отдельных слов. Источником же появления массовых колебаний является развитие словарного состава языка, особенно в XIX и XX вв.

Развитие лексики за счет внутренних средств литературного языка вносило особенно много противоречий в литературную практику. Так, например, одно из самых бедственных явлений в современной орфографии — слитное или раздельное написание наречий, образовавшихся из сочетаний предлога с существительным. Этот тип образования наречий живет в современном языке. Отражая потребности общения, наречия возникают постоянно. До революции сочетание *в ничью* писалось раздельно, но после революции, с развитием спорта, шахматного искусства, оно терминологизировалось, и теперь всем понятно его слитное написание *вничью*. Во время Великой Отечественной войны появилось на страницах нашей печати военное выражение *с ходу* (*атаковать, штурмовать* и т. п.). Не зная, как отнестись к нему, одни и те же газеты писали его и раздельно (*с ходу*), и слитно (*сходу*). Однако в последнее время стали писать раздельно — *с ходу*, учитывая наличие параллельных образований с существительным *ход* (например, *перестроение на ходу* и т. п.).

Или, например, категория сложных прилагательных в современном языке — живая и продуктивная категория. Они возникают постоянно, и с таким же постоянством обнаруживаются колебания в слитном написании или через черточку. Не подводятся под существующие правила написания *военно-учебный*, *военно-полевой*, *хлебо-булочный*, с одной стороны, и *военнообязанный*, *хлебопекарный* — с другой.

Колебания написаний наречий, сложных прилагательных и других целых категорий слов особенно заметны в нашей орфографической практике. Здесь требуется создание таких четких, объективно доступных правил, которые могли бы до известной степени указывать пути для написания вновь образуемых слов.

Статьи акад. В. В. Виноградова и проф. А. Б. Шапиро¹ своевременно ставят вопрос о необходимости быстрее упорядочения орфографической практики. История орфографии показывает, что правописание никогда не развивается путем ломки существующей системы. Исторически целесообразным и общественно оправданным является внутреннее усовершенствование орфографии с учетом закономерностей развития языка с ликвидацией пережиточных элементов, как это было, например, в 1917 г.

Пережиточные элементы, противоречащие фонетической и морфологической системе современного русского языка, изжиты. Основная задача повышения культуры письменной речи не реформа, а упорядочение орфографии. Необходимо установить написание отдельных слов, до сих пор твердо не регламентированное (*идти*, а не *итти*, *прийти*, а не *придти*, *эксплуатация*, а не *эксплоатация* и т. п.). Необходимо уточнить правила написания отдельных звуков, сочетаний, отдельных грамматических категорий.

В настоящее время эта работа проделана. Правительственная орфографическая комиссия в послевоенные годы исчерпывающим образом обследовала все орфографические колебания и наметила принципы нормализации написаний живых, развивающихся категорий языка. Созданный ею свод правил русской орфографии и пунктуации по своей полноте и четкости превосходит все предшествующие работы по унификации орфографии². Лишь в отдельных случаях могли бы быть детализированы некоторые правила. Ни в коренной, ни в существенной доработке эти правила не нуждаются. И это понятно: эти правила — результат всестороннего рассмотрения всех сторон нашей орфографии, результат научной и методической оценки этих правил.

По сути дела, правила уже вошли в жизнь. Этим правилам следуют «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крюкова, утвержденный для школы Министерством просвещения РСФСР, одностомный «Словарь русского языка», стабильный учебник по русской грамматике чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударова и проф. С. Е. Крюкова. Переключаются на принятые сводом правила центральные органы печати. Для завершения дела упорядочения орфографии требуется скорейший выпуск в свет большого академического

орфографического словаря, который мог бы служить образцом написаний для всевозможных орфографических справочников, учебных пособий и практическим руководством для нашей печати и школы³.

Выход в свет академических правил и академического орфографического словаря и должен явиться актом, утверждающим упорядоченное правописание.

О ФОРМАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

1. Языковая политика в области русского языка, т. е. сознательное воздействие на развитие языка, описание существующих норм, установление объективных принципов нормализации языка (в том числе принципов стилистической нормализации), не может осуществляться, если она не опирается на надежную теоретическую базу. Это относится и ко всему комплексу вопросов, объединяемых общим названием «культура речи».

2. Изучение исторических закономерностей развития языка и на этой основе изучение исторических и современных тенденций развития русского языка является главным условием для создания теоретической базы языковой политики.

3. Без уяснения вопроса о хронологических границах современного русского языка такой базы не может быть создано, как не могут быть поняты и тенденции развития современного языка. Должно быть подвергнуто критике традиционное представление о современном русском языке как о языке от Пушкина до наших дней. Русский язык нового времени (XIX—XX вв.) не может рассматриваться как целостная синхронная система. В своем развитии русский язык прошел несколько этапов, тесно связанных с особенностями общественного развития. Каждая общественно-историческая эпоха обладает своей системой живого общения, устного и письменного, жанрово многообразного. Такой системой обладает и наша эпоха.

4. Необходимо уяснение терминологии, подчас неопределенной и расплывчатой. Какие реальные языковые комплексы понимаются под тем или иным названием? В каком отношении к термину «национальный язык»

находятся названия «общий язык», «общенародный язык», «литературный язык», «народный язык», «народно-разговорный язык», «народные говоры (диалекты)» и т. д.? Достоинством термина обладают только «литературный язык» (если его не смешивают с «языком художественной литературы») да «народные говоры (диалекты)». Название «общий язык» содержит только указание на то, что речь идет об общепонятном языке общения. Не больше этого содержится в названии «общенародный язык». Название «народный язык» очень удобно, но только как выражение описательное. Современный русский язык как целое, включающее в себя и диалекты, по близости и общности структур может быть назван, в интересах точности терминологии, «языком русской нации». В «язык русской нации» входит и та система, которая является как бы представителем «языка нации».

5. Русский литературный язык — форма русского национального языка, как письменный и устный язык образованных людей, — приобрел к исходу XIX — началу XX вв. все качества достаточно нормализованного, многожанрового и стилистически многообразного, т. е. стилистически свободного языка. Вместе с тем в тех социальных условиях внутри самого литературного языка наблюдалась большая дробность социально-речевых разновидностей. С другой стороны, литературному языку того времени в условиях резко классового, социально подчеркнутого расчленения общества аморфно противостояли многочисленные народные диалекты и социально ограниченная — мещанская, купеческая и т. п. — городская речь (традиционное просторечие), арго и жаргоны так называемых непривилегированных классов. К сожалению, упрямо нежелание понять, что современный русский литературный язык не есть синхронно стабильный язык начала XIX—XX вв., приводит к тому, что оценки языкового состояния XIX в. антиисторично переносятся на языковое состояние нашей современности.

6. В советскую эпоху русский национальный язык в его литературной форме вступил в новую фазу своего существования. Социалистическая революция и создание новой интеллигенции рабочих и крестьян были исключительным по значению внешним фактором, обусловившим многочисленные изменения, появившиеся в разной степени на всех уровнях литературного языка.

Антиисторическое движение пуризма, оценка современного литературного языка со старых позиций постоянно извращает соотношение «языковых сил» и под видом борьбы с неправильностями и искажениями литературной нормы порочит все новое в развитии литературного языка.

7. Литературная форма стала не единственной формой современного русского национального языка. Разрушены границы социальной, и в том числе речевой, изоляции. Возникают новые формы общения: не диалектные, не литературные, но и не «просторечные». Возникает новая, назовем ее обиходная, форма русского национального языка, соответствующая духу его развития, но не всегда освященная нормами литературности.

8. Литературная и обиходная формы национального языка могут быть сопоставлены и противопоставлены только в устных формах речи. Литературная форма обладает разветвленными разновидностями жанрово разнообразной и стилистически многообразной организации речи, стилистически использующей все, в том числе и средства обиходной формы национального языка, а нередко и средства (лексические) диалектов. Обиходная форма национального языка — устная речь и ее жанры. Если литературная форма национального языка организована стилистически (даже в устном виде), то обиходная форма национального языка (а она только устная) организована экспрессивно (но это касается только одного уровня — лексического). На письме, литературно не организованном, многие элементы обиходной формы национального языка обычно оцениваются как ошибки. Обиходная форма национального русского языка обладает рядом признаков, характеризующих действие внутренних и внешних факторов развития национального языка. В обиходной форме не замечаются как чужеродное явление оканье и аканье (как многие другие «диалектно» не маркированные явления). Обиходной форме присуща широкая свобода пользования моделями в области словообразовательно-морфологических аналогий. Особенно характерна для обиходной формы свобода использования (в том числе и экспрессивного) лексико-фразеологических богатств языка нации.

Исторически правильное определение литературной и обиходной форм русского национального языка нашего

времени является теоретической базой языковой политики и особенно стилистической нормализации современного русского национального языка в его литературной форме.

ЗАМЕТКИ О СЛОВАХ

СКЛОНЯЕТСЯ ЛИ МОСКВА-РЕКА?

Среди москвичей происходит немало споров по поводу этого словосочетания. Настолько ли оно слилось, что первая часть его может не склоняться, как это считает, например, О. Орлов в заметке о культуре речи (журн. «Новый мир», 1954, № 4, стр. 234)?

Собственное имя при родовом названии в географических наименованиях обычно бывает приложением, т. е. согласуемым определением. Мы говорим: *на реке Москве, на реке Днепре, по реке Свири, в городе Ленинграде, на озере Байкале, на горе Арарате, на острове Валааме* и т. п. Такое словосочетание с определяемым на первом месте и с согласуемым определением-существительным на втором является обычным, нормальным словосочетанием данного типа в русском языке, всегда свободно образующимся для создания географических наименований*.

Другой способ образования подобных географических наименований с постановкой собственного имени-определения на первом месте для русского языка менее обычен. Такие словосочетания обладают большей степенью слитности. Однако не во всех случаях они сливаются настолько, что становятся цельным словом с утратой склонения первой частью.

На севере Советского Союза, особенно в Карельской АССР и прилегающих к ней обширных районах, в географической номенклатуре распространены названия со второй частью *-гора, -озеро, -остров, -наволок*. Первой

* Правда, в последние десятилетия распространился обычай не согласовывать в этих случаях некоторые собственные имена, например, *на горе Казбек, на острове Вайгач* и т. п., но это является не нормой литературного языка, а фактом словоупотребления в профессионально-терминологической речи географов, военных и т. п.

частью является собственное имя иноязычного происхождения или перевод иноязычного слова, например, *Гамар-гора*, *Медведь-гора*, *Чильм-озеро*, *Ильмень-озеро* и т. п. Первая часть, как не мотивированная на почве русского языка, утрачивает склонение, сливаясь в одно слово со второй частью, что часто отражается и в письме слитным написанием, например, *Сямозеро*, *Сегозеро*, *Ковдозеро* и т. п. Подобные названия с иноязычной или не мотивированной как собственное имя на почве русского языка первой частью, образованные по аналогии, встречаются и в других местностях, например, *Салун-гора* в Крыму.

Ср. у Лермонтова в стихотворении «Спор»: «У Казбека с Шат-горою был великий спор».

Устойчивые сочетания этого типа со словом *-город* единичны, ср. *Иван-город* или *Ивангород* (на берегу р. Наровы против г. Нарвы), *Китай-город*.

Сочетания же со словом *-река* во второй части следуют в отношении склонения общему правилу; и первая и вторая части склоняются. Причину этого следует искать в том, что эти сочетания, в отличие от сочетаний первого типа, возникли как свободные сочетания самостоятельных слов, употребляющихся и вне сочетания. Ср., например, *вниз по Волге-реке*, *за Камой-рекой*, *над Амуром-рекой*, *за Уралом-рекой* и т. п. Подобные сочетания несут в себе обычно оттенок поэтической инверсии, фольклорности, что особенно подчеркивает самостоятельность собственного названия. Эта последняя подчеркивается также и тогда, когда данное собственное название принадлежит и реке и городу, стоящему на этой реке. Под Ленинградом есть город Луга, стоящий на одноименной реке. Для обозначения города в речи местных жителей употребляется только собственное название; при назывании реки они говорят *Луга-река*, *за Лугой-рекой*, *за Лугу-реку́*. Этому же правилу подчиняется и сочетание *Москва-река*. Художественная литература XIX—XX вв. дает немало образцов этого:

...Или с ног тебя сбил на кулачном бою
На Москве-реке сын купеческий?

М. Ю. Лермонтов. Песня про ...купца
Калашиникова, I.

Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой.
Там же, III.

Зачем, кажется, было будочнику находиться на берегу Москвы-реки! (И. С. Тургенев. Первая любовь, XXI).

...Озера нив, колеблясь, стлались без конца; разные усадьбы и села с белеющими церквями видны были там-сям; леса разных цветов делали полукруглую раму, и через все — голубая тесьма Москвы-реки (А. И. Герцен. Былое и думы, ч. I, III).

Мы гуляли по берегу Москвы-реки в Лужниках (там же, IV).

Берега Москвы-реки, Яузы и Неглинной покрыты были множеством домов с тесовыми или соломенными крышами (А. К. Толстой. Князь Серебряный, IV).

Дом Григорьевых с постоянно запертыми воротами и калиткою на задвижке находился за Москвой-рекой, на Малой Полянке... (А. А. Фет. Ранние годы моей жизни).

Страна эта, по официальным известиям, лежит прямо против Кремля, по ту сторону Москвы-реки, отчего, вероятно, и называется Замоскворечье (А. Н. Островский. Записки замоскворецкого жителя).

Перед устьем Москвы-реки на Оке каменистый остров (Н. Гиляров-Платонов. Из пережитого, XIV. Уединение и однообразие).

Так сочетание Москва-река употреблялось всегда и теперь употребляется в устной речи литературно говорящих людей. Отсутствие же склонения в сочетании Москва-река — явление типичное для старого московского просторечия. Помню, как коренной москвич, покойный профессор Д. Н. Ушаков всегда подчеркивал, когда к нему обращались с этим вопросом, что правильно, по-московски и литературно, следует говорить на Москве-реке, а без склонения слова Москва, на Москва-реке, есть просторечие, не соответствующее литературной норме. Поборник чистоты русской речи, писатель Ф. В. Гладков в статье «О правильном и точном словоупотреблении в литературной речи» (журн. «Октябрь», 1954, кн. 9) совершенно прав, говоря, что литературная норма, обязывающая склонять обе части сочетания Москва-река, совпадает и с традициями народно-поэтической речи.

Кстати отметим, что основное ударение в сочетании находится на второй части (река), а сохранение сильного побочного ударения на первой части (Москва),

свидетельствующего о грамматическо-смысловой значимости этой части, еще более подчеркивает обязательность склонения.

ЯЗЫКОВОЙ И ЯЗЫКОВЫЙ

Оба прилагательных сравнительно новые. Их не отмечает «Словарь церковнославянского и русского языка» Академии наук 1847 г. Словарь В. И. Даля знает только прилагательное *язы́чный* и приводит, между прочим, пример *язы́чные науки* — «науки, к языкам и письменности относящиеся». И. А. Бодуэн де Куртене, редактировавший последнее издание Словаря В. И. Даля, вышедшее в 1912 г., к гнезду «язык» прибавил только одно новое слово — *языкознание*.

Оба прилагательных имели разную судьбу, определившую их различие и по значению и по ударению.

В дореволюционное время в силу многих социальных причин отдельные профессии сплошь и рядом обслуживались людьми из одной местности, из одной социальной группы. Так, например, выходцы из ярославских крестьян пополняли ряды официантов Москвы и Петербурга. Рабочие некоторых пивоваренных заводов Петербурга набирались из крестьян-псковичей. Рабочие-землекопы из крестьян белорусских губерний составляли огромный процент на постройках железных дорог северо-запада России. Во второй половине XIX в. в Петербурге и Москве расширяется торговая деятельность немецких и польских колбасных магазинов с усовершенствованными способами производства разнообразных изделий. С того времени входит в общий язык производственный термин *языко́вая колбаса*, с польским по происхождению прилагательным. Отсюда и ударение на суффиксе (*языко́вый*), что не противоречило русским нормам при образовании прилагательных на *-овый* от существительных с подвижным ударением. Между прочим, та же польская стихия была, уже в другое время, источником появления в живом произношении таких ударений, как *местечко́вый*, *мальчи́ко́вый*, *участко́вый*.

Прилагательное *языко́вой* в составе лингвистической терминологии появилось значительно позднее. Как мы говорили, его не отметил И. А. Бодуэн де Куртене в переиздании Даля в 1912 г. Не встречаем мы его и в обширном реестре слов с двойным ударением в книге В. И. Чернышева «Русское ударение» (СПб., 1912). Ши-

рокое распространение среди языковедов оно получило только после революции и при этом в форме, наиболее свойственной прилагательным, произведенным при помощи суффикса *-ов* от двухсложных существительных с подвижным ударением: *языковóй*. Это тем более естественно, что вариант с ударением на флексии в наши дни в ряде случаев вытесняет в подобных прилагательных ударение на суффиксе в соответствии с тенденциями народной речи.

Из сказанного вытекает необходимость различения по ударению прилагательных *языкóвый* и *языковóй*, не совпадающих в значениях.

БОМБОНЬЕРКА ИЛИ БОМБОНЬЕРКА?

Слово это пишут то через *н*, то через *м*. Оно является русифицированным по форме французским словом *bombonnière* — коробка для конфет. В соответствии с этимологией этого слова следует предпочесть написание с *н*. Так поступают «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Словарь русского языка Академии наук» под редакцией Я. Грота (т. I, СПб., 1895), «Словарь иностранных слов» под редакцией А. Н. Чудинова (СПб., 1908), «Словарь иностранных слов» под редакцией Ф. Н. Петрова и И. В. Лехина (М., 1949), «Словарь современного русского литературного языка АН СССР» (т. I, М. — Л., 1950), «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (изд. 2, М., 1952) и др.

Чем же объяснить, что некоторые словари, например, «Энциклопедический словарь» Толля (СПб., 1863), «Полный русско-французский словарь» Н. П. Макарова (изд. 10, 1904), «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (т. I, 1935) рекомендуют написание через *м* — *бомбоньерка*?

Дело в том, что ряд заимствованных слов, имеющих сочетание носового согласного с губными *б* (*н*) или *в* (*ф*), например, *бомба*, *имбирь*, *пломба*, *компания*, *тумба*, *трамвай* и др., в просторечном произношении звучат как *бонба*, *инбирь*, *плонба*, *конпания*, *тунба*, *транвай**. Правильное *бомбоньерка* в таком окружении воспринималось как просторечие и заменялось якобы «литературно правильным» — *бомбоньерка*.

* Ср.: Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2, М., 1938, с. 344.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБ ОДНОЙ ФОРМЕ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В русском языке есть форма долженствования, которая по своей редкости и, по-видимому, древности представляет интерес для славянской диалектологии и исторической грамматики. Она выражается инфинитивом *быть* и инфинитивом другого глагола.

Эту форму, как особенность народного языка, приводит, из былин и пословиц, Ф. И. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка» (§ 196, прим. 2):

Но не каждый человек завет справляя:
Так же и мне быть своя заповедь нарушать,
Быть натянуть свой тугий лук,
Класть своя калена стрела.

(Песни, собр. П. Н. Рыбниковым, II, стр. 330. Былина о ссоре Ильи Муромца с Владимиром, записанная в Пудожском у. Олонецкой губ.).

Сколько ни плакать, а быть перестать (Даль, Пословицы, 136).

Сколько ни браниться, а быть помириться (Даль, Пословицы, 272).

А. Потебня («Из записок по русской грамматике», I—II, стр. 412) дополняет этот материал еще одной пословицей из Даля: *Сколько цвету ни цвести, а быть опадать* (542), песней из собрания П. В. Шейна:

Быть склонить.
Сердце девичье:
Быть назвать
Свекры матушкой!

(«Рус. нар. песни», ч. I — «Чтения в о-ве Истории и Древностей России». 1869 г., кн. 4, стр. 413; записана в Новосильском у. Тульской губ.). И, наконец, из древнерусского языка: *а гости коли лучится или самой где быти за столом сести лучше платье переменить* (Домострой, гл. 34, по Коншинскому списку).

Диалектологически материал мало показателен. В пословицах Даля, оставляя в стороне интересующую нас форму, нет ничего диалектно приурочиваемого. Ед. ч. *цвет* в значении «цветок», хорошо известное северным русским говорам, не противоречит и южному употребле-

нию. Народные песни и былины, за многовековое существование в различных областях русской территории впитавшие разноречивые наслоения, могут иметь лишь силу косвенного доказательства. Но долгое бытование былины на севере, естественно, не могло не отражаться на их речевой структуре, в них могли удерживаться формы, знакомые или понятные диалекту*. Поэтому былинная запись в Олонецкой губернии позволяет допустить принадлежность нашей формы северным русским говорам. Не слишком противоречит такому допущению и запись свадебной песни, сделанная в области южных говоров, в Тульской губернии: этнографический комментарий, сопровождающий запись, указывает на северно-русские бытовые черты свадебного обряда, что свидетельствует не о миграции песни, а скорее о следах переселений с севера в южные московские районы**. Домострой ближе подводит к решению вопроса. Составленный, как справедливо показывают историко-литературные разыскания акад. А. С. Орлова, в литературной новгородской среде, Домострой позволяет высказать предположение о наличии нашей формы в языке новгородских книжников и, следовательно, в живой новгородской речи. Однако не только фольклорные материалы, но и данные Домостроя становятся действительно показательными лишь в свете более поздних данных. Так, в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, крестьянская девушка в диалоге с автором говорит: *Грусно мне будет; но быть терпеть. Ванюха мой хочет ити на барках в Питер в работу, и неворотится, покуда невыработает ста рублей для своего выкупа* (глава «Едрово», изд. 1790, стр. 222). Синтаксически речь девушки вообще сглажена. Но в репликах, в коротких рассуждениях, не уклоняющихся от диалогической почвы, синтаксические построения не противоречат представлениям о живой крестьянской речи. В подобном месте находится и наша форма, что позволяет думать, что А. Н. Радищев, не пользовавшийся диалектной экзотикой в своем «Путешествии», записал ее в этой

* Ср. наблюдения в статье А. П. Евгеньевой «Язык былины в записях XVII века» («Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. 3, вып. 4, 1944).

** См., например, Ю. Готье «Замосковский край в XVII веке», М., 1937, гл. 2. «Обмен населения между Замосковным краем и соседними областями Московского государства».

новгородской деревне (с. Ям-Едрово расположено в 25 км к юго-востоку от г. Валдая, следовательно в пределах старых новгородских земель) или, вернее, был знаком с ней, как с обычной, не выделяющейся своей экзотичностью особенностью речи северных говоров. Можно даже думать, что эта форма, как и многие другие северные формы, была принята в разговорной дворянской речи XVIII века. Так, А. С. Шишков приводит ее (*быть писать*) в числе других русских оборотов, непередаваемых на французский язык*. Далее, в 1926—1929 гг. мне пришлось в г. Старой Руссе и в с.с. Ефремове и Выставе, в 30—35 км к югу и юго-востоку от Старой Руссы, познакомиться с этой формой как обычным элементом живой разговорной речи крестьян и местного духовенства из числа коренных обитателей этих мест: *Бегом бежишь, а быть опоздать, быть иссохнуть с тоски, быть к весне помереть, быть ему век служить, быть пропасть ни за что. Ну, быть...* — обычная реплика согласия с собеседником, рассказывающим о возможности чего-нибудь, что может быть выражено в глагольной форме.

Несмотря на свою отрывочность, материалы, по совокупности своей, позволяют сделать некоторые выводы. Наша форма старая, традиция употребления ее свидетельствуется указаниями XVI—XVII, XVIII и XX вв., а учитывая фольклорные данные можно думать и о более старой традиции. Она, несомненно, принадлежит живой русской народной речи, а наличные материалы показывают, что распространение ее ограничивается старой новгородской метрополней (Новгород, Старая Русса, Валдай) и новгородским Прионежьем**.

* «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка». СПб., 1818, с. 44. Ср. еще «быть, неопределенное, с приложением другого значит принуждение: *быть писать, быть платить*. Такую же силу и причастия имеют: *быть обвинену, обмануту*» — в «Грамматике, руководствующей к познанию славяно-русского языка», 1794 г. Аполлоса Байбакова, вообще насыщенной примерами из разговорной и областной речи. Как известно (Сухомятинов М. И. История Российской Академии (вып. I. СПб., 1874), Аполлос в своей грамматике использовал грамматические материалы одного из составителей «Словаря Российской Академии», свящ. Сидоровского, северного уроженца.

** Здесь не лишне вспомнить, что покойный акад. Б. М. Ляпунов, обладавший удивительной памятью, в частности на мелкие факты славяно-русской диалектологии, не знал, кроме материалов Ф. И. Буслаева и А. А. Потебни, иных указаний на эту форму.

По значению все примеры, за исключением, может быть, примера из Домостроя, входящего в повествовательный контекст, совершенно однородны. Они обнаруживают отчетливое значение неизбежности совершения чего-нибудь, долженствования. Обнаружение этого значения принудительно связано с определенным формальным выражением: инфинитив *быть* с утраченным вещественным значением и инфинитив другого глагола, включающего представление о субъекте действия. Наличествующее здесь словосочетание синтаксически не мотивировано. Это — глагольная конструкция, форма, выражающая категорию долженствования, подобно тому, как сложные формы глагола могут выражать категорию времени, наклонения и т. п. Именно такой формой она представляется в современном живом новгородском употреблении и в аналогичных случаях в старой разговорной речи, в пословицах, былинне, песне.

В свете такого грамматического определения нашей формы определения, вытекающего из живого ее употребления, представляется необоснованным предположение А. А. Потебни о ее происхождении. Рассматривая эту форму как сказуемое предложения, — а сказуемое вообще не мыслится им без оформления спрягаемой формой глагола, хотя бы для настоящего вр. и опущенной, — он говорит: «в *быть перестать* главная предикативная сила и оттенок настоятельности, необходимости зависит от опущенного *есть* (приходится, предстонт, следует и т. п.), при котором *быть* (1-е из двух второстепенных сказуемых) представляет вещественное значение бытия. Разница между (*есть*) *перестать* и *быть* (*есть*) *перестать* ... сходна с разницею между оборотами как *твориться прав, мнать и мьртва* с одной стороны и *твориться прав сы (прав быти), мнать и мьртва суща (мьртва быти)* с другой»*. Аналогия не правомерна. Во-первых, нет исторического материала, подтверждающего опущение в нашей форме спрягаемого глагола. Во-вторых, значение настоящего времени при опущении спрягаемого глагола познается относительно, при наличии или возможности параллельных оборотов со спрягаемыми формами прошедшего или будущего времени. Таких соотносительных оборотов наша форма не знает

* Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 1—2, с. 413.

и значения времени вообще не имеет. В-третьих, доказывая вещественное значение бытия в инфинитиве *быть*, Потебня объединяет сходные только по одному наличию *быть*, но различные по значению обороты из *быть* с инфинитивами и именами, причем именно в нашем обороте меньше всего можно видеть вещественное значение бытия.

Категория долженствования многообразно выражается в языке — от свободного синтаксического контекста с соответственным лексическим наполнением до тесных словосочетаний*. Именно подобные словосочетания с инфинитивом глагола бытия, впоследствии формализовавшимся, лежат в основе сложения нашей формы. Выражения долженствования, морфологически оформленные, — явление далеко не широко распространенное в русском языке. Рядом с нашей формой можно поставить словосочетания с четко выраженным значением долженствования, типа *быть убиту* и *быть грому*. Словосочетание с причастием в дат. падеже по значению близко нашей форме, в нем также потенциально и дополнение в дат. падеже, вытекающее из наличия представления о субъекте действия, в нашей форме активного, здесь — пассивного. Словосочетание с существительным в дательном падеже также может быть признано близким по значению нашей форме. Ассортимент существительных, входящих в это словосочетание, ограничен: это слова, обозначающие явления-действия, обнаруживающиеся как акция некоей, по древним представлениям персонифицированной силы. В новейшем языке репертуар таких существительных расширяется лишь тематически, сохраняя общую идею значения.

Без привлечения широких сравнительно-исторических материалов других славянских языков вопрос о происхождении нашей формы может быть только намечен. Наша форма несомненно пережиточна в русском языке. Близки ей в этом отношении и словосочетания долженствования с причастием и существительным в дат. па-

* Ср.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 1—2, с. 408—409. На с. 402 и след. приводятся материалы на сочетания спрягаемых форм глагола *быть* с инфинитивами, весьма интересные, как многообразные промежуточные и переходные случаи, выражающие долженствование при ослаблении или утрате конкретности глаголом *быть*. Такие примеры, как *как ни крыться, а будет пови- ниться* по значению вполне совпадают с нашей формой.

деже. Сходная функция инфинитива *быть* в образовании нашей формы и этих словосочетаний позволяет высказать предположение о грамматической тождественности в сложении их. Тогда, по семантической и грамматической близости их, не будет невероятным считать, что возникновение нашей формы следует отнести ко времени, когда инфинитив сохранял форму имени дат. падежа, т. е. «в то доисторическое время, когда в славянском неопределенном еще чувствовался дательный падеж» *.

ПРИМЕЧАНИЯ

Лексикология

Основные черты развития русского языка в Советскую эпоху.

Статья опубликована в кн.: Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, т. 10, вып. 1, 1951, с. 22—37.

Печатается с небольшими сокращениями.

¹ С 1959 г. восьмилетнее образование.

² Термин *общенародный* принадлежит С. И. Ожегову, оставлен редакцией в целях сохранения канонического текста.

Из истории слов социалистического общества.

Опубликовано впервые в кн.: Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, т. 1, 1952, с. 67—76. Перепечатано в отрывках под названием «Советы, советский» в журнале «Русская речь», 1967, № 6, с. 27—32.

В настоящем издании печатается с незначительными сокращениями.

Лексика.

Опубликовано в виде раздела в кн.: Русский язык и советское общество. Проспект (Материалы Всесоюзной конференции, посвященной закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху). Алма-Ата, 1962, с. 5—22.

Печатается с незначительными сокращениями.

Существительные на *-аж* в русском языке.

Опубликовано в кн.: Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, 1947, № 3, с. 31—43.

Печатается с незначительными сокращениями.

О языке купеческой комедии П. А. Плавильщикова.

Напечатана в кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 2. М. — Л., 1951, с. 55—93.

Перепечатывается с незначительными сокращениями.

Заметки о словах

Подойти, подъехать, подослать.

Опубликовано в сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 2. М., 1959, с. 213—215.

* Потехина А. А. Из записок по русской грамматике, с. 375. Ср. также Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941, с. 354, третья сноска.

С оника.

Опубликовано в сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955, с. 238—239.

Наломать дров.

Опубликовано в сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 2. М., 1959, с. 215—217.

Еще о выражении *наломать дров.*

Опубликовано в сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 3. М., 1961, с. 233—234.

Лексикография

О трех типах толковых словарей современного русского языка.

Опубликовано в журнале: «Вопросы языкознания», 1952, № 2, с. 85—104. Печатается с незначительными сокращениями и исправлениями.

¹ Имеется в виду незаконченный академический «Словарь русского языка», выходявший в 1895—1907 гг. под редакцией А. А. Шахматова (буквы Е, Ж, З). См. об этом: Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958; Коготкова Т. С. Словарь Я. К. Грота — А. А. Шахматова. — «Русская речь», 1970, № 5.

² Имеется в виду «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти т. См. ссылку 5 к работе «Вопросы лексикологии и лексикографии».

О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка).

Опубликовано в кн.: Лексикографический сборник. М., 1957, вып. 2, с. 31—53. Печатается с незначительными сокращениями.

¹ Имеется в виду «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти т. См. ссылку 5 к работе «Вопросы лексикологии и лексикографии».

² Этот словарь в настоящее время издан в 4-х томах: «Словарь русского языка». Ред. коллегия: А. П. Евгеньев и др. Издание закончено в 1961 г.

³ Имеются в виду книги: Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка, т. 1. Киев, 1952; Его же. Введение в языкознание, ч. 2. М., 1953.

⁴ Речь идет о книге: Реформатский А. А. Введение в языкознание, изд. 2. М., 1955.

О крылатых словах (По поводу книги Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова»)

Опубликовано в журнале: «Вопросы языкознания», 1957, № 2, с. 125—129. Печатается с незначительными сокращениями.

¹ В последние годы по русской фразеологии появились следующие работы:

Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. Сб. статей под ред. А. М. Бабкина. М. — Л., 1964;

Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов, 1964;

Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967;

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1963 (изд. 2, испр. и доп. М., 1969);

Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.

² Вторым дополненным изданием книга Н. С. и М. Г. Ашукиных вышла в 1960 г.

Вопросы лексикологии и лексикографии.

Опубликовано в кн.: Труды Института языка и литературы Латвийской ССР, т. 2, 1953, с. 107—122.

Печатается с несущественными исправлениями.

¹ См. об этом в книгах: Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957; Лежковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962; Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1965.

² В последнее время этот вопрос разрабатывается советскими учеными. См.: Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. Под редакцией А. П. Евгеньевой. Л., 1970—1971 гг.

³ В Институте русского языка АН СССР в настоящее время ведется работа над многотомными словарями: «Малый древнерусский словарь» (руководитель С. Г. Бархударов) и «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.» (руководитель Р. Н. Аванесов). См. кн.: Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи. Под ред. чл.-корр. АН СССР Р. Н. Аванесова. М., 1966.

⁴ В Словарном секторе Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР ведется работа над «Словарем русского языка XVIII века» (руководитель Ю. С. Сорокин). См. кн.: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Куткина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

⁵ «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах закончен в 1965 г. Отмечен Ленинской премией за 1970 год.

⁶ В настоящее время Словарный сектор ИРЯ АН СССР создает «Словарь русских народных говоров» (главный редактор Ф. П. Филин). С 1965 по 1972 гг. вышло 9 выпусков (буквы А—З).

Заметки о словах

Есть ли глагол *испещрить* в современном русском языке?

Опубликовано в сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955, с. 234—238.

Слово, которому не повезло в словарях (*боевитость*).

Опубликовано в сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 2. М., 1959, с. 210—212.

Культура речи

Очередные вопросы культуры речи.

Опубликовано в сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 2. М., 1955, с. 5—33.

Печатается с незначительными сокращениями.

¹ Книга переиздана: Сергеев П. Искусство речи на суде. М., 1960.

² Все три работы В. И. Чернышева переизданы. См. кн.: Чернышев В. И. Избранные труды. В 2-х т., т. 1. М., 1970.

³ См. в связи с этим кн.: Актуальные проблемы культуры речи. Под ред. В. Г. Костомарова и Л. И. Скворцова. М., 1970.

⁴ См. в связи с этим кн.: Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. Изд. 4-е. М., 1968.

⁵ В 1960 г. вышел словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова.

⁶ Вопросами русского ударения в последнее время занимаются наши ученые. В частности, вышли работы: Аванесов Р. И. Ударение в современном русском литературном языке. Изд. 2-е. М., 1958. Редькин В. А. Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971.

⁷ Имеется в виду «Грамматика русского языка», т. 1. М., 1952; т. 2 (ч. 1 и 2). М., 1954. В 1970 г. в издательстве «Наука» вышла в свет «Грамматика современного русского литературного языка». Отв. редактор Н. Ю. Шведова.

⁸ См. в связи с этим «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)». Отв. ред. акад. В. В. Виноградов. М., 1965.

⁹ Вопросам правильности словоупотребления посвящены книги: Правильность русской речи. Словарь-справочник. Сост. Крысин Л. П. и Скворцов Л. И. Под ред. С. И. Ожегова. Изд. 2-е. М., 1965. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. Словарь-справочник. Сост. Бельчиков Ю. А. и Панюшева М. С. М., 1968. Нормы современного русского литературного словоупотребления. Отв. ред. Г. А. Качевская и К. С. Горбачевич. М. — Л., 1966.

Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. Под ред. К. С. Горбачевича. Л., 1973.

¹⁰ См. в связи с этим: Денисов П. Н., Морковкин В. В., Новиков Л. А. Проспект учебного словаря сочетаемости слов русского языка. М., 1971.

¹¹ См. в связи с этим кн.: Исследования по русской терминологии. Отв. ред. В. П. Даниленко. М., 1971.

Работы по культуре речи.

Опубликовано в журнале «Советская книга», 1949, № 3, с. 112—116. Печатается с незначительными сокращениями.

О нормах словоупотребления.

Опубликовано в виде предисловия от редактора к словарю-справочнику «Правильность русской речи». Изд. 2-е. М., 1965, с. 3—11.

Рецензия на книгу Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение».

Опубликовано в журнале: «Советская книга», 1951, № 5, с. 107—112.

Печатается с незначительными сокращениями.

Материалы для истории русского литературного произношения XVIII — начала XIX в.

Опубликовано в кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 1. М., 1949, с. 51—68.

Об упорядочении русской орфографии.

Опубликовано в журнале: «Русский язык в школе», 1954, № 5, с. 41—43.

¹ Имеются в виду статьи:

Виноградов В. В. К вопросу об упорядочении современного русского правописания. — «Русский язык в школе», 1954, № 4, с. 33—37 и Шапиро А. Б. О проекте правил русской орфографии и пунктуации. — «Русский язык в школе», 1954, № 4, с. 38—48.

² Имеются в виду действующие ныне «Правила русской орфографии и пунктуации», утвержденные Академией наук СССР, Министерством высшего и среднего специального образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. М., 1956.

³ «Орфографический словарь русского языка» АН СССР вышел в свет первым изданием в 1956 г. В настоящее время подготовлено 13-е издание (под редакцией С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. Н. Скворцова) М., 1974.

О формах существования современного русского национального языка.

Статья представляет собой тезисы доклада, подготовленные автором для Всесоюзной конференции, посвященной закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху (Алма-Ата, 1962).

Опубликована в сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 7. М., 1966, с. 5—8.

Печатается с незначительными сокращениями.

Заметки о словах.

Склонится ли Москва-река?

Опубликовано в сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955, с. 221—224.

Языковой и языковой.

Опубликовано в сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955, с. 226—227.

Бомбоньерка или бомбоньерка?

Опубликовано в сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955, с. 225—226.

Приложение

Об одной форме долженствования в русском языке.

Опубликовано в кн.: Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, 1947, № 3, с. 31—43.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Аванесов Р. И. 159, 257, 291—300
 Архангельский В. А. 192
 Ахманова О. С. 54, 199
 Ашукин Н. С. 184, 219, 220, 221, 225—227
 Ашуккина М. Г. 184, 219, 220, 221, 225—227

Б

- Барсов А. А. 99, 108, 182
 Бархударов С. Г. 331
 Белинский В. Г. 21
 Берков П. Н. 45, 116, 118, 141
 Бериштейн С. И. 266, 293, 320—322
 Благой Д. Д. 111
 Бодуэн де Куртене Н. А. 38, 83, 89, 90, 171, 338
 Будде Е. Ф. 312
 Булаховский Л. А. 164, 189, 193
 Бурдон 74, 80, 83, 175, 177
 Буслаев Ф. И. 340, 343
 Бюхман Г. 183, 220

В

- Вахтин В. В. 75, 80
 Виноградов В. В. 47, 78, 86, 87, 93, 139, 160, 162, 164, 186, 187, 190—193, 198, 200, 201, 203, 208, 214, 215, 219, 228, 237, 239, 257, 272, 273, 318, 320, 331, 339
 Винокур Г. О. 64, 276—285
 Востоков А. Х. 89, 254, 267

Г

- Геллергоф Ф. 77
 Глаголевский П. 195
 Гладков Ф. В. 257, 265, 273, 286, 337
 Горнфельд А. Г. 257
 Горький М. 26, 27, 257, 286
 Готье Ю. 341
 Греч Н. И. 303
 Грот Я. К. 74, 82, 88, 89, 162, 249, 255, 261, 270, 329, 339

Д

- Даль В. И. 37, 38, 82, 83, 89, 145, 148, 151, 153, 160, 163, 182, 245, 247, 249, 338, 339

Долопчев В. 253

Дубровский Н. 76, 77, 80, 83

Е

- Евгеньева А. П. 341
 Ефимов А. И. 188, 276—285

Ж

- Жирмунский В. М. 48, 305, 307, 308, 311, 325, 327

З

- Займовский С. 184, 220

И

- Иллюстров Н. И. 183
 Ильинский Л. К. 306
 Иордан И. 159
 Исаковский М. 26
 Истрина Е. С. 165, 167, 254, 255, 276—285

К

- Каллаш В. 304, 306, 319, 324
 Карамзин Н. М. 201
 Карская Т. 111
 Кеневич В. 319
 Кошутин Р. 254, 312, 316, 324, 325
 Крылов А. Н. 243
 Крылов Н. А. 303—328
 Крючков С. Е. 331
 Кунин А. В. 189
 Кусиньян Н. 159

Л

- Ларин Б. А. 64, 191, 192
 Лафарг П. 23
 Ленин В. И. 20, 35, 37, 39, 40—42, 94, 96, 160, 161, 274, 275
 Лехин И. В. 339
 Лобанов М. 304, 309
 Ломоносов М. В. 92, 106, 108, 254, 269
 Луначарский А. В. 160
 Ляпунов Б. М. 343

М

- Мазон А. 71
 Макарьев Н. П. 339
 Максимов С. В. 170, 183, 220
 Малхасянц С. 159

Маркс К. 95—97

Михельсон М. И. 74, 78, 80, 83,
89, 174—177, 183, 184, 189, 220

Н

Нордстет Н. 75, 77

О

Обнорский С. П. 244, 276—285,
310—312, 323, 325

Овсянников В. З. 184, 220

Ожегов С. И. 54, 154, 245, 339

Орлов А. С. 341

П

Пахман И. Х. 255

Петр I 20, 74, 106

Петров Ф. Н. 339

Плетнев П. А. 303, 304, 309

Пороховицков П. С. (П. Сер-
геев) 253

Потебня А. А. 195, 343—345

Пушкин А. С. 166—168, 201, 258,
310, 322, 323, 332

Р

Реформатский А. А. 190, 191, 193

С

Самойлов К. И. 75, 76, 80

Селищев А. М. 56, 57, 71

Симони П. 182

Сиротинин А. Н. 104, 119

Смирницкий А. И. 219

Смирнов Н. А. 73—77, 81, 148, 150

Смирнов П. П. 95

Снегирев И. М. 182

Соколов П. 74, 75, 78, 81

Соловьев С. М. 148

Срезневский И. И. 120

Степанов Н. Л. 105

Стоян П. Е. 56

Сухолиннов М. И. 99, 172, 313,
342

Сухотин В. П. 198

Сырейщикова А. А. 189

Т

Твардовский А. Т. 26

Тимофеев Б. 286

Тихомиров М. Н. 95

Толль 339

Томашевский Б. В. 307, 308, 314,
325

У

Успенский Л. В. 286

Ушаков Д. Н. 33, 38, 54, 159, 162,
166, 167, 171, 185—187, 244, 245,
248, 257, 258, 262, 280, 288, 292—
294, 331, 337, 339

Ф

Фомин А. А. 119

Ч

Чернышев В. И. 165, 254, 261,
292, 338

Чернышевский Н. Г. 21, 171, 176,
242

Чудинов А. Н. 74, 79, 80, 339

Чуковский К. И. 273, 286

Ш

Шапиро А. Б. 331

Шахматов А. А. 164, 165, 215,
239, 254, 255, 280, 292, 345

Шведова Н. Ю. 165

Шевырев С. П. 309

Шелгунов Н. В. 168

Шинков А. С. 342

Щ

Щерба Л. В. 47, 55, 163, 166, 232,
257, 262, 271, 293, 296

Э

Энгельс Ф. 95—97

Ю

Югов А. К. 286

Я

Яновский Н. 74—78, 80, 81, 148,
150

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Л. И. Скворцов, С. И. Ожегов (1900—1964)	4

Лексикология

Основные черты развития русского языка в Советскую эпоху	20
Из истории слов социалистического общества	36
Лексика	46
Существительные на -аж в русском языке	72
О языке купеческой комедии П. А. Плавильщикова	92
Заметки о словах	152
<i>Подойти, подъехать, подослать</i>	152
<i>С оника</i>	153
<i>Наломать дров</i>	154
Еще о выражении <i>наломать дров</i>	156

Лексикография

О трех типах толковых словарей современного русского языка	158
О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка)	182
О крылатых словах (По поводу книги Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова»)	219
Вопросы лексикологии и лексикографии	228
Заметки о словах	244
Есть ли глагол <i>иснецирить</i> в современном русском языке?	244
Слово, которому не повезло в словарях	248

Культура речи. Стилистика

Очередные вопросы культуры речи	251
Работы по культуре речи	276
О нормах словоупотребления (Предисловие к кн.: Правильность русской речи. Словарь-справочник. М., «Наука», 1965)	285
Рецензия на книгу (Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. Учебное пособие для учительских институтов. Московский ордена Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова. М., 1950)	291
Материалы для истории русского литературного произношения XVIII — начала XIX в.	301
Об упорядочении русской орфографии	328
О формах существования современного русского национального языка	332
Заметки о словах	335
Склоняется ли <i>Москва-река</i> ?	335
<i>Языковой</i> и <i>языковый</i>	338
<i>Бонбоньерка</i> или <i>бомбоньерка</i> ?	339
Приложение	340
Об одной форме должествования в русском языке	345
Примечания	345
Указатель имен	350